

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **1** *2024*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Учредитель: Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия

О.Ю. Малинова – д-р филос. наук, *главный редактор*, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, главный научный сотрудник, заместитель директора ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **С.Т. Золян** – д-р филол. наук, профессор Российско-Армянского университета (Армения), профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ю.Г. Коргунок** – д-р полит. наук, и.о. зав. отделом политической науки ИНИОН РАН; **А.В. Кузнецов** – д-р эконом. наук, член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН; **Е.Ю. Мелешкина** – д-р полит. наук, *заместитель главного редактора*, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (Int. Pol.), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р филос. наук **О.Ю. Малинова**

Заместитель главного редактора: д-р полит. наук **Е.Ю. Мелешкина**

Ответственный секретарь: канд. полит. наук **И.А. Помигуев**

Научный редактор: д-р полит. наук **Р.Ф. Туровский**

Литературный редактор: **Д.О. Расстегаев**

Технические редакторы: канд. филос. наук **В.Л. Силаева**, **П.С. Копылова**

Ответственный за номер: канд. полит. наук **И.А. Помигуев**

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ НФС77–36084 от 28.04.2009.

ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2024.01.00

© ИНИОН РАН, 2024

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), chief researcher, INION, Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Deputy Editor-in-Chief – Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), chief researcher, INION (Moscow, Russia); **Executive secretary – Ilya POMIGUEV**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Suren ZOLYAN**, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Russian-Armenian University (Armenia), Professor of the Baltic Federal Immanuel Kant University; **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Yuriy KORGUNYUK**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), acting head of Political Science Department, INION (Moscow, Russia); **Alexey KUZNETSOV**, Dr. Sci. (Economics), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, INION (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD (Pol. Sci.), Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD (Int. Pol.), Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD (Pol. Sci.), Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ТРЕНДЫ**

СОДЕРЖАНИЕ

Туровский Р.Ф. Представляем номер 9

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Туровский Р.Ф., Сухова М.С.</i> Вызовы региональной социально-экономической поляризации в России: успешна ли государственная политика?	14
<i>Гаман-Голутвина О.В., Уткина М.Ф.</i> Центр-региональные отношения в Великобритании через призму взаимодействия общенациональной и шотландской политической элиты	51
<i>Панов П.В.</i> Специфика столичных городов в электоральном ландшафте регионов России: вариативность с точки зрения диспозиции «центр – периферия»	76

КОНТЕКСТ

<i>Захарова Е.А.</i> Размежевания в электоральном пространстве Германии после выборов 2021 г.: пространственный анализ	98
<i>Борщевский Г.А.</i> Федеральные и региональные институты развития преференциальных режимов Дальнего Востока	127
<i>Чернышов Ю.Г., Дерендяева А.Д.</i> Формирование имиджей «реорганизованных регионов» в Российской Федерации (по материалам опросов экспертов в Алтайском крае и Республике Алтай)	155

РАКУРСЫ

<i>Харитонов О.Г.</i> Центр-периферийный раскол современной Турции.....	178
<i>Митрофанова А.В., Скорина И.А., Тарунтаева В.В.</i> Отказ от политики мобилизованного лингвицизма и белорусское национальное самосознание	210

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Калашникова С.К., Погодина М.Я.</i> Методологические проблемы современных исследований территориальной идентичности: город, агломерация, регион.....	233
<i>Кошкин А.В., Щеглов М.Ю.</i> Сравнительный анализ экономического дискурса, коммуникационных стратегий и имиджей губернаторов Санкт-Петербурга (на примере Г.С. Полтавченко и А.Д. Беглова).....	259
<i>Зуева П.Е.</i> Формирование локальных партийных систем во внутригородских районах Лондона.....	284

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Любарев А.Е.</i> Электоральная география в широком и узком понимании (Рецензия)	309
<i>Ефремова В.Н.</i> Когда этничность имеет значение: исследование политики идентичности республик РФ (Рецензия)	316

**THEME OF THE ISSUE:
SPATIAL CHANGE AND REGIONAL POLICY:
MODERN CHALLENGES AND TRENDS**

CONTENTS

<i>Turovsky R.F.</i> Introducing the issue.....	9
---	---

IDEAS AND PRACTICE

<i>Turovsky R.F., Sukhova M.S.</i> Challenges of regional socio-economic polarization in Russia: is the state policy successful?.....	14
<i>Gaman-Golutvina O.V., Utkina M.F.</i> Center-regional relations in the UK through the prism of interaction between the National and Scottish political elites.....	51
<i>Panov P.V.</i> The specificity of capital cities in the electoral landscape of Russian regions: variability in the framework of the “center-periphery” disposition	76

CONTEXT

<i>Zakharova E.A.</i> Electoral cleavages in Germany after 2021 Bundestag elections: spatial analysis	98
<i>Borshchevskiy G.A.</i> Federal and regional institutions for the Russian Far East preferential regimes development.....	127
<i>Chernyshov Yu.G., Derendyaeva A.D.</i> Formation of images of “reorganized regions” in the Russian Federation (based on expert surveys in the Altai Krai and the Altai Republic)	155

PROSPECTS

<i>Kharitonova O.G.</i> Center-periphery cleavage in Modern Turkey	178
<i>Mitrofanova A.V., Skorina I.A., Taruntaeva V.V.</i> Rejection of the mobilized linguistic policy and the Belarusian national identity	210

FIRST DEGREE

<i>Kalashnikova S.K., Pogodina M.Y.</i> Methodological problems of territorial identity studies: city, agglomeration, region.....	233
<i>Koshkin A.V., Shcheglov M.Y.</i> Comparative analysis of economic discourse, communication strategies and positioning models of the Governors of Saint Petersburg (for example G. Poltavchenko and A. Beglov)	259
<i>Zueva P.E.</i> The formation of local party systems in London boroughs	284

FROM THE BOOKSHELF

<i>Lyubarev A.E.</i> Electoral geography in a broad and narrow sense (Review).....	309
<i>Efremova V.N.</i> When ethnicity matters: A study of the identity politics of the Russians republics (Review).....	316

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Очередной номер журнала «Политическая наука» посвящен актуальным вопросам политической регионалистики и смежных научных направлений. Наряду с более традиционным вопросом региональной политики, центр-региональных отношений и электро-анализа, в представленных статьях затронут широкий спектр научных проблем. Среди них можно отметить проблематику территориальной идентичности и языковой политики, изучение суб-национальных партийных систем, имиджей регионов и региональных политических деятелей. В представленных работах используется множество различных методов – как количественных, так и качественных. Многие работы опираются на регрессионный анализ, применяются также методики пространственного анализа. Тем самым выпуск журнала позволяет познакомиться с множеством современных направлений региональных и страновых политических исследований.

Открывающая номер статья Ростислава Туровского и Марины Суховой посвящена теме региональной поляризации в пост-советской России, к которой периодически возвращаются политологи, экономисты и географы. Статья ставит вопрос об эффективности государственной политики, направленной на выравнивание межрегиональных различий в стране. Однако исследование выявило, что государственная политика в России практически не влияет на сглаживание экономических различий, тогда как сглаживание социальных различий оказывается результативным лишь на отдельных и немногочисленных направлениях. В целом анализ показывает, что у государства отсутствует целенаправленная политика, ведущая к

снижению уровня региональной социально-экономической поляризации, а ряд процессов способствует ее росту.

В статье Оксаны Гаман-Голутвиной и Марии Уткиной представлен оригинальный взгляд на центр-региональные отношения. Они рассматриваются на примере Великобритании с точки зрения взаимоотношений центральной и шотландской региональной элиты. Как показывают авторы, противоречия между Лондоном и Эдинбургом во многом определяются различиями в социальном бэкграунде элиты. При этом шотландская элита за счет своих особых качеств сумела обрести рычаги влияния в общенациональной политике, а также начала более последовательно реализовывать свои политические установки относительно статуса Шотландии.

Статья Петра Панова сфокусирована на изучении центр-периферийного размежевания в современном электоральном ландшафте России. Статья опирается на классические подходы электоральных исследований, но предлагает особенный ракурс. Автор стремится показать причины центр-периферийных расколов и степени их глубины в различных субъектах федерации, выявив, в частности, усиление расколов на выборах парламента в сравнении с выборами президента. Как показывает исследование, характеристики субъектов федерации, такие как рурализация периферии и региональный политический режим, приводят к существенным различиям между центр-периферийными размежеваниями в разных регионах России.

В рубрике «Контекст» статья Евгении Захаровой также обращается к классической проблематике центр-периферийных размежеваний в их пространственном измерении. На примере Германии автор развивает и углубляет традиционные исследования электоральных центров и периферий посредством методик пространственного эконометрического анализа. Исследование позволило уточнить структуру электорального пространства Германии с выявлением исторических, демографических и социально-экономических расколов. Для случаев ряда партий и избирательных кампаний методика исследования выявила кластеры поддержки и их динамику, уточнив таким способом возможные соседские взаимосвязи земель Германии при принятии ими определенного электорального решения.

Статья Георгия Борщевского фокусирует внимание на одном из самых интересных и активно продвигаемых федеральными властями направлений региональной экономической политики —

преференциальных экономических режимах Дальнего Востока. Статья опирается на теорию полюсов роста, рассматривая их формирование на российском примере. При этом отмечаются неоднозначные эффекты поляризующей политики в связи с тем, что преференциальные экономические режимы часто опираются на уже сложившиеся отрасли специализации регионов и имеют рентоориентированный характер. Свой поляризующий эффект создает успешная работа институтов развития в более развитых регионах и в субъектах, губернаторы которых пользуются более высоким политическим влиянием. Тем самым инновационное, самостоятельное и относительно равномерное развитие территорий Дальнего Востока так и не стало результатом внедрения преференциальных режимов.

Статья Юрия Чернышова и Анны Дерендяевой обращается к еще одному актуальному вопросу российской региональной политики – изменению политической карты страны посредством реорганизации субъектов федерации. Статья рассматривает данный процесс через призму формирования имиджей субъектов федерации, прошедших через реорганизацию. Примерами стали Алтайский край и Республика Алтай, которые в советский период были одним регионом, где Горный Алтай представлял собой «внутреннюю» автономию. На основе экспертного опроса авторы демонстрируют процесс формирования различных региональных имиджей со своими доминантами, способствующих автономному друг от друга развитию двух субъектов федерации, но не исключающих их взаимодополнение и схожие черты.

В разделе «Ракурсы» статья Оксаны Харитоновой, как и ряд других статей номера, тоже посвящена центр-периферийному расколу в электоральных исследованиях, в данном случае – на примере Турции. Автор рассматривает кейс Турции в контексте длительной эволюции партийной системы этого государства в XX – начале XXI в., объясняя таким способом складывание ее современных характеристик и феномен успешности Эрдогана и его партии. При этом Турция оказывается интересным примером не только довольно устойчивого проявления классических электоральных размежеваний, но и сочетания территориальных и идеологических расколов. Успешность действующих властей Турции с этой точки зрения становится результатом использования разумной политической стратегии опоры на запросы периферии, но при наличии центростремительного тренда.

Статья Анастасии Митрофановой, Ивана Скорины и Варвары Тарунтаевой рассматривает проблематику конструирования национальной идентичности на примере Беларуси. В центре внимания авторов находится феномен мобилизованного лингвицизма как потенциально возможной основы для формирования идентичности в новом независимом государстве. Однако специфический пример Белоруссии свидетельствует о неудаче и последующем отказе властей от использования такой политики по причине ее не востребоваемости в обществе. Таким образом, Белоруссия оказывается необычным примером того, как в процессе национально-государственного строительства правящие элиты отказались от распространенных методов конструирования идентичности.

В рубрике «Первая степень» статья Софьи Калашниковой и Марии Погодиной также обращается к проблематике идентичности, но на примере территориальной идентичности различного пространственного уровня. Статья имеет главным образом теоретический характер, обращая внимание на современные работы, посвященные терминологии исследований территориальной идентичности и их методам. Тем самым работа позволяет читателям познакомиться с наиболее релевантными подходами к изучению уровней территориальной идентичности и результатами их апробации на различных примерах.

Андрей Кошкин и Максим Щеглов в своей работе обращаются к конструированию имиджей региональных политических деятелей, рассматривая и сравнивая с этой точки зрения губернаторов Санкт-Петербурга. Статья построена на основе анализа выступлений двух губернаторов по определенному набору переменных. Работа позволила установить сходства и различия политических имиджей с учетом социального бэкграунда губернаторов, общественного и социально-экономического контекста их правления.

В статье Полины Зуевой рассматривается крупный западный мегаполис – Лондон – с точки зрения формирования локальных партийных систем во внутригородских муниципалитетах. Исследование опирается на теории электоральных расколов, выборов второго порядка и субнациональных партийных систем, стремясь объяснить различия в голосовании и партийном составе лондонских муниципалитетов при сравнении с общенациональными выборами и с применением экологического подхода и кластерного анализа. Работа доказала вновь растущую релевантность этно-

социальных размежеваний, стимулированных миграционными процессами и существенно влияющих на формирование локальных советов. Эти размежевания отражаются в различиях между более благополучными районами, где, в частности, возникают и сугубо локальные общественные движения, и районами с высокой долей мигрантов. При этом становится возможным и феномен формирования сильных локальных партий, опирающихся на мигрантов и их потомков. В целом работа показала, что в силу сочетания различных факторов локальные партийные системы формируются в значительной части лондонских районов, не повторяя типичную двухпартийную конфигурацию национального уровня.

В рубрике «С книжной полки» представлены рецензии на две недавно вышедшие книги. Аркадий Любарев представляет книгу Игоря Окунева «Электоральная география», посвященную широкому спектру вопросов и исследовательских направлений этой науки. Рецензия Валентины Ефремовой посвящена книге Марии Назукиной «Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации», где рассматривается политика конструирования идентичности в субъектах РФ.

Таким образом, выпуск журнала получился разносторонним и многоплановым. В нем представлены исследования России и ряда зарубежных стран и городов. В наибольшей степени и под разными углами зрения, на основе разных методов в журнале рассмотрены вопросы центр-региональных отношений, структуры и эволюции электорального пространства, политики конструирования национальной и территориальной идентичности. Номер журнала в результате получился мультидисциплинарным, что, на наш взгляд, лишь подчеркивает богатство и разнообразие его содержания.

*Р. Ф. Туровский**

* **Туровский Ростислав Феликсович**, доктор политических наук, профессор Факультета социальных наук, заведующий Лабораторией региональных политических исследований, Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), email: rturovsky@hse.ru

Turovsky Rostislav, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: rturovsky@hse.ru

ИДЕИ И ПРАКТИКА

Р.Ф. ТУРОВСКИЙ, М.С. СУХОВА*

ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ В РОССИИ: УСПЕШНА ЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА?¹

Аннотация. Статья фокусируется на теме регионального неравенства в России. Рассматриваются два вида неравенства – экономическое и социальное – и анализируется влияние государственной политики на их динамику. Результаты исследования показывают, что в соответствии с теоретическими предположениями, характерными для развивающихся стран, экономический рост в российских условиях не ведет к снижению регионального экономического неравенства, а государственная политика в этой сфере имеет ограниченную эффективность. Можно говорить о региональной поляризации как следствии отдельных видов государственной политики (инвестиционной политики, распределения недисcretionных трансфертов), в то время как выравнивающая политика (дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности) слабо влияет на снижение неравенства. Таким обра-

* **Туровский Ростислав Феликсович**, доктор политических наук, профессор Факультета социальных наук, заведующий Лабораторией региональных политических исследований, Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: rturovsky@hse.ru; **Сухова Марина Сергеевна**, старший преподаватель Факультета социальных наук, научный сотрудник Лаборатории региональных политических исследований, Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: mssukhova@gmail.com

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социальная поляризация и региональная дифференциация в государстве: есть ли вызов для стабильности?» Лаборатории региональных политических исследований Факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

зом, в экономической сфере достижением государственной политики можно признать сдерживание роста регионального неравенства, которое, однако, проявляется не постоянно. С точки зрения социальной политики в последние годы фиксируются противоречивые тренды. С одной стороны, в отдельных сферах государственная политика действительно более явным образом влияет на снижение регионального неравенства, однако во многих случаях это выравнивание происходит на фоне стагнации или ухудшения самих показателей. В частности, снижение неравенства между регионами свойственно для инфраструктурных и кадровых показателей в сферах образования и здравоохранения. В ряде примеров, напротив, зафиксирован рост неравенства, что свойственно для зарплатной политики. Причем в некоторых случаях рост неравенства становится обратной стороной улучшения общего уровня показателей, что демонстрирует показатель заработных плат врачей.

Ключевые слова: региональное неравенство; экономическая поляризация; государственная политика; региональная политика; межбюджетные трансферты; инвестиции; социальная политика.

Для цитирования: Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Вызовы региональной социально-экономической поляризации в России: успешна ли государственная политика? // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 14–50. – DOI: -<http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.01>

Введение

Для постсоветской России характерен высокий уровень регионального социально-экономического неравенства, что влечет за собой риски политической нестабильности. В этой связи изучение регионального неравенства, его динамики и факторов имеет высокую значимость. В предыдущей работе одного из авторов в фокусе исследования находилось влияние постсоветских институциональных реформ и региональной политики федерального центра на региональное неравенство в России [Туровский, Джаватова, 2017]. Региональное неравенство измерялось с помощью индекса Джини по ряду показателей: ВРП, налоговые и неналоговые доходы региональных бюджетов, среднедушевые доходы населения. Результаты исследования тогда продемонстрировали, что региональная экономическая политика в России в начале XXI в. оказалась эффективной с точки зрения ее сглаживающего влияния на социальное неравенство регионов, в то время как с точки зрения экономического и финансового неравенства государству удалось скорее только предотвратить дальнейший рост территориальных различий и зафиксировать их на определенном уровне.

В соответствии с выводами предыдущей работы о наиболее успешном влиянии государственной политики на социальное неравенство, в этой статье мы фокусируемся на наиболее важных социальных сферах: образовании и здравоохранении. Для изучения динамики неравенства в этих сферах будут использованы такие показатели, как заработные платы врачей, учителей и воспитателей в детских садах, а также обеспеченность регионов врачами, учителями, местами в детских садах и койками в больницах. Вместе с тем мы развиваем исследование экономического регионального неравенства, уделяя основное внимание эффектам инвестиционной и бюджетной политики.

Теории регионального неравенства

Теоретические предположения относительно проблемы регионального социально-экономического неравенства претерпели немало изменений за годы развития политической и экономической науки. В 1950–1960-е годы в науке доминировали взгляды неоклассической экономики, приведшие к представлениям о том, что различия между регионами в долгосрочной перспективе выравниваются под влиянием экономической мобильности [Borts, Stein, 1964]. Такой подход получил название теории конвергенции, согласно которой «региональное неравенство возникает из-за временного нарушения равновесия между спросом и предложением; эффективные рынки и мобильность факторов, как правило, в долгосрочной перспективе выравнивают региональные различия» [Wei, 2015, p. 2]. Таким образом, теория конвергенции рассматривала региональное неравенство как преходящее явление.

Другие подходы склонялись к теории дивергенции: например, модель кумулятивной причинности Мюрдаля [Myrdal, 1957] утверждает, что отрицательный эффект «обратного влияния» (backwash effect – неблагоприятные последствия для экономики развивающихся стран, связанные с экспортом сырья и сдерживанием индустриализации) имеет тенденцию усиливать региональное неравенство, хотя в долгосрочной перспективе может вызвать и развитие отсталых регионов. Также он указывал, что процесс регионального развития является самоусиливающимся, и различия в темпах роста имеют тенденцию сохраняться и даже увеличиваться с

течением времени. Поскольку капитал и рабочая сила перемещаются в одном направлении (от периферии к центру) и тем самым стимулируют дивергенцию регионов, по мнению Мюрдаля и его сторонников, необходимо политическое вмешательство для противодействия процессам свободного рынка.

В 1960-е годы стали развиваться представления о динамике регионального неравенства как перевернутой U. Этот подход утверждает, что региональное неравенство имеет тенденцию увеличиваться на ранней стадии развития (экономического роста) и снижаться по мере «взросления» экономики [Williamson, 1965]. Таким образом, в этой модели сочетались теории дивергенции и конвергенции, которые были поставлены в зависимость от экономических трендов. Эмпирические проверки этой модели впоследствии показали, что в развитых странах (например, в США и Японии) региональное неравенство действительно со временем снижается, а в развивающихся и тогдашних социалистических странах выводы были не так однозначны [Wei, 2015]. Фридман и Блок указывали на то, что модель перевернутой U, сработавшая для США, может быть исключительно применима для американского контекста [Friedmann, Block, 1990]. Другие ученые указывают на то, что в отношении неравенства доходов кривая неравенства в США больше походит на обычную, а не перевернутую букву U [Piketty, 2014]. С другой стороны, появляются новые исследования, в которых паттерны регионального неравенства в развивающихся странах по-прежнему соотносятся с моделью перевернутой U [Singhal et al., 2020].

Споры по поводу связи экономического развития и регионального неравенства сделали актуальным вопрос о каузальных связях между этими явлениями. Наиболее важным в контексте нашего исследования видится институциональный подход [North, 1990], подчеркивающий ключевую роль институтов, в том числе государственных, в региональном развитии. Но эта роль не всегда ведет к снижению регионального неравенства: зачастую государственная политика, направленная на индустриализацию, развитие торговли и приток иностранных инвестиций, способствует, напротив, его усилению [Gilbert, Gugler, 1992]. Как отмечает П. Мартин, «максимизация роста на уровне страны может потребовать пространственной концентрации экономической деятельности, что само по себе ведет к региональной дивергенции» [Martin, 1998,

р. 25], а это приводит к необходимости поиска компромиссов между ростом национальной экономики и снижением неравенства между регионами внутри страны. При этом прямые попытки государства с помощью региональной политики снизить неравенство зачастую оказываются бесплодными, так как другие экономические факторы очень часто благоприятствуют развитию ключевых, самых богатых регионов и перевешивают достижения выравнивающей региональной политики.

Таким образом, многие ученые склонны предполагать, что государственная политика, по крайней мере в развивающихся странах, либо мало влияет на региональное неравенство, либо способствует его усилению [Wei, 2015]. Разнообразные результаты демонстрируют и современные эмпирические исследования, посвященные изучению неравенства в развивающихся странах. В одной из работ авторы пришли к выводам о том, что в Бразилии активная социальная политика оказала влияние на снижение неравенства доходов, что в свою очередь повлияло и на снижение регионального социального неравенства [Silveira – Neto, Azzoni, 2012]. Противоположный пример наблюдался в Колумбии, где государственная политика не способствовала снижению неравенства, так как правительство предпочитало направлять больше трансфертов не в бедные, а в богатые регионы (вероятно, с целью стимулирования общего экономического роста страны) [Galvis, Meisel, 2013]. В Индии государственная политика оказала значительное положительное влияние на рост производства в более бедных штатах, но не смогла изменить тенденцию к росту регионального неравенства [Barua, Sawhney, 2015]. Что касается Китая, то недавние исследования пришли к выводам о том, что значительный экономический разрыв между прибрежными и «внутренними» территориями сформировался в период первых экономических реформ (1980-е годы), то есть стал побочным эффектом государственной политики. Тем временем результаты более поздних государственных программ по снижению регионального неравенства¹ пока неоднозначны.

¹ В Китае действуют три программы, направленные на ускоренное развитие «отстающих» регионов: «Развитие Западного Китая» (запущена в 2000 г.), «Восстановление Северо-Востока Китая» (запущена в 2003 г.) и «Возрождение Центрального Китая» (запущена в 2004 г.).

Отметим также, что важным водоразделом при изучении регионального неравенства и влияния на него государственной политики является различие между экономическим неравенством (измеряемым, например, с помощью ВРП на душу населения) и социальным неравенством (измеряемым, например, через доходы населения). Исследования демонстрируют, что государственная политика может быть эффективной при снижении социального регионального неравенства, особенно в развитых странах [Martin, 2009]. В то же время государственная политика скорее неэффективна при решении проблем экономического регионального неравенства [Zubarevich, Safronov, 2011]. Предыдущие исследования, посвященные региональному неравенству в России, подтверждают эти выводы, подчеркивая, что в 2000-е годы происходит снижение социального (измеряемого через доходы населения, зарплаты, уровень бедности), но не экономического неравенства регионов [Zubarevich, Safronov, 2011]. Н. Зубаревич и С. Сафронов связывают снижение социального регионального неравенства с социальной политикой, опирающейся на перераспределение нефтяных доходов, подчеркивая, что «тенденция аналогична динамике регионального неравенства доходов в развитых странах с сильной социальной политикой» [Zubarevich, Safronov, 2011, p. 24]. При этом Россия в большинстве подобных исследований рассматривается как страна догоняющего развития в связи с ее периодическими кризисами и сравнительно недавним переходом к рыночной экономике [Зубаревич, 2014].

Экономическая региональная политика в России

Различное влияние на региональное неравенство могут оказывать разные виды экономической региональной политики. Экономическая региональная политика государства, как правило, делится на общерегиональную (общесистемную) и селективную [Швецов, 2009]. Общерегиональная политика направлена на создание общих предпосылок регионального развития: к ней относятся разграничение полномочий между центром и регионами, установление общенациональных правил и различных норм.

Нам наиболее интересна селективная политика, которая избирательно воздействует на развитие регионов. Селективная политика

может быть выравнивающей, т.е. направленной на выравнивание уровней экономического развития регионов с помощью как стимулирования отсталых регионов (стимулирующая), так и сдерживания перегруженных агломераций (сдерживающая). При этом она может являться и поляризующей (направленной на поддержку регионов, имеющих наибольший потенциал развития) [Леонов, Сидоренко, 2013]. Государства в различные периоды своей истории применяли разные виды селективной региональной политики (ЕС в настоящее время считается примером выравнивающей стимулирующей политики, а Южная Корея, Япония, Китай (в 1970–1990-е годы) проводили поляризующую политику).

В странах догоняющего развития часто проводится поляризующая политика. В то же время в России политическим приоритетом обычно считалась выравнивающая политика: «...она унаследована из прошлого и, кроме того, нацелена на снижение рисков социально-политической нестабильности в условиях поляризации пространства» [Зубаревич, 2014]. По мнению исследователей, «со второй половины 2000-х гг. выравнивающая политика уже не декларировалась как основная, но фактически оставалась главным приоритетом – у государства были на это средства благодаря резко возросшей нефтяной ренте <...> Таким образом, масштабное перераспределение сырьевой ренты, проводимое в условиях сверхцентрализованной системы управления, обеспечило выравнивающий эффект на относительно коротком временном отрезке» [Зубаревич, 2017, р. 50]. В этой связи ставятся под сомнение и перспективы выравнивающей политики в условиях кризисных процессов, начавшихся после финансового кризиса 2008–2009 гг.: «выравнивающая политика, призванная обеспечить смягчение межрегиональных различий по доходам населения, не имеет перспектив, поскольку экономическая ситуация в России ухудшилась, а значит, сократились финансовые ресурсы для перераспределения» [Зубаревич, 2017, с. 50].

На практике в России наблюдается противоречивое сочетание выравнивающей и поляризующей политики, направленной на создание полюсов роста и преференциальных экономических режимов в регионах. Так, ключевым инструментом выравнивающей политики выступают дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, в то время как в качестве примера поляризующей политики можно привести создание многочисленных особых

экономических зон, территорий опережающего развития и проч. Таким образом, спецификой российской региональной политики можно назвать стремление сочетать все подходы сразу, что вызывает критику экспертов: «...российские власти не могут определиться с главным – балансом приоритетов пространственного развития» [Зубаревич, 2014, с. 24]. Серьезной проблемой стали также непрозрачность значительной части межбюджетных отношений и принятие огромного количества индивидуальных решений по регионам. Как отмечает Н. Зубаревич, «к концу 2000-х гг. в России сформировалась непрозрачная система “ручного управления”. Доля дотаций на выравнивание, рассчитываемых по формуле, снизилась за 2005–2012 гг. с 50% до 27% от всех трансфертов. Другие федеральные трансферты чаще всего выделяются на непрозрачной основе и непонятным образом различаются по регионам» [Зубаревич, 2014, с. 20].

Как отмечалось ранее, ключевым инструментом выравнивающей политики в России являются дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. Динамика этого вида дотаций, рассчитанных нами с поправками на инфляцию в ценах 2008 г. (как последнего докризисного года), демонстрирует, что их объемы после интенсивной антикризисной поддержки субъектов РФ постепенно снижались в 2009–2016 гг., после чего последовал рост, достигший нового пика в пандемийном 2020 г. (который, впрочем, был ниже показателей 2008–2011 гг.), а затем вновь произошло снижение (см. рис. 1).

Примером выравнивающей политики в социальной сфере можно считать повышение заработных плат бюджетников (врачей, учителей, воспитателей и др.), сформулированное в рамках Майских указов президента 2012 г., исполняющихся и поныне. Хотя в рамках указов целевые значения зарплат установлены в отношении к средним зарплатам в регионе (а потому не направлены напрямую на выравнивание), они все равно могут способствовать снижению социального неравенства, так как наиболее низкие зарплаты бюджетников свойственны отсталым регионам.

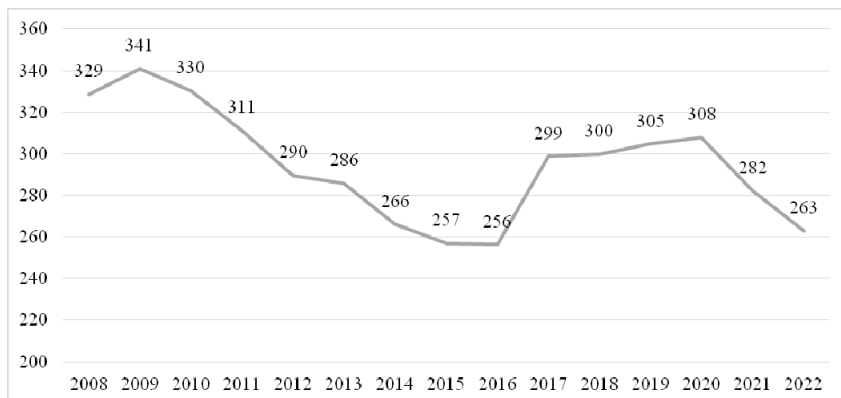

Рис. 1.

**Динамика дотаций на выравнивание бюджетной
обеспеченности (в млрд рублей)
в 2008–2022 гг. в ценах 2008 г.**

Вместе с тем можно проследить динамику и селективной политики в России. В 2005 г. в России на фоне общего экономического роста была запущена программа создания особых экономических зон (по закону № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»). В настоящее время на территории страны действует 50 ОЭЗ (среди них 31 промышленно-производственная, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 2 портовые), однако динамика их запуска была неравномерной. Пиками создания ОЭЗ были 2005 и 2010 гг. (по 6 ОЭЗ), а затем 2020 и 2021 гг. (8 и 7 ОЭЗ соответственно). При этом стоит отметить, что особые экономические зоны создаются и в регионах с низким уровнем социально-экономического развития, поэтому политику по созданию ОЭЗ в некоторых случаях можно посчитать не поляризующей, а выравнивающей.

Следующим инструментом поляризующей политики стало создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР, или ТОСЭР), запущенное в 2014 г. (№ 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»). Первыми стали ТОР на Дальнем Востоке – сейчас их 21 (число ТОР немного сократилось из-за объединения некоторых из них между собой в рамках одного субъекта

РФ в целях оптимизации управления). Кроме того, создано 86 ТОР в моногородах¹ (из них 5 моногородов являются ЗАТО) и 3 ТОР в ЗАТО, не являющихся моногородами. Пики создания ТОР пришлись на 2017 и 2018 гг. (30 и 29 соответственно), когда в свою очередь не создавались ОЭЗ. Интересно, что в 2020–2023 гг., напротив, не создавалось новых ТОР, зато активизировалась политика по созданию ОЭЗ. Впоследствии отдельным преференциальным режимом на Дальнем Востоке стал еще и Свободный порт Владивосток (запущен в 2015 г.), режим которого был распространен на большинство регионов Дальневосточного федерального округа. Отдельное внимание в рамках государственной политики по созданию преференциальных экономических режимов с недавних пор уделяется арктическим территориям (№ 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», 2020 г.). В целом можно сделать вывод о том, что пик создания преференциальных экономических режимов в регионах пришелся на 2015–2021 гг., когда в экономике периодически наблюдались кризисные процессы. Тем самым селективная политика этого периода могла преследовать целью преодоление кризисных явлений и стимулирование точек роста в интересах как соответствующих регионов, так и страны в целом.

Таким образом, в России нет единой стратегии относительно решения проблемы регионального неравенства. Среди документов стратегического планирования наиболее явно эта тема подчеркивается в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., указывающей, что «высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства» является одной из основных проблем пространственного развития РФ. При этом среди целей пространственного развития указывается как сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, так и ускорение темпов экономического роста и технологического развития, что на практике может противоречить друг другу. Некоторый фокус на региональном развитии есть также в «Основах государственной политики регионального развития РФ

¹ Список ТОР в моногородах // Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/spisok_tor_v_monogorodah/ (дата посещения: 23.11.2023).

на период до 2025 года», утвержденных указом президента в 2017 г. В числе принципов регионального развития в этом документе указаны «реализация стимулирующих мер государственной поддержки регионов...», «дифференцированный подход к реализации мер государственной поддержки регионов... в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей», «обеспечение устойчивого экономического роста... регионов». Несмотря на то что региональное неравенство выделяется в России в качестве важной проблемы пространственного развития, в государственных документах не используются какие-либо подсчеты регионального неравенства и, соответственно, не устанавливаются конкретные целевые показатели для его снижения.

Дизайн исследования

В связи с выводами предыдущих исследований о снижении социального регионального неравенства в России (основанными на анализе общих показателей – среднедушевых доходов, уровня бедности и пр.) в данной работе мы решили более подробно рассмотреть различные социальные сферы с точки зрения влияния государственной политики на динамику неравенства. В центре нашего внимания находятся здравоохранение и образование, имеющие принципиальное значение в распределении социальных благ. Также мы рассмотрим влияние государственной политики на региональное неравенство экономических показателей, где предыдущие исследования демонстрировали противоречивые результаты.

На основе рассмотренных выше теоретических работ, а также эмпирических данных об особенностях региональной экономической политики в России мы ставим в работе ряд исследовательских вопросов. Как показывают предыдущие исследования, в странах догоняющего развития экономический рост, как правило, ведет к усилению регионального неравенства; в то же время с наступлением экономической зрелости, то есть стабилизации на высоком уровне показателей региональное неравенство имеет свойство снижаться. В этой связи мы задаемся вопросом о том, как эта взаимосвязь будет работать в российском случае, т.е. ведет ли рост экономических и социальных показателей к усилению их регионального неравенства. Второй интересующий нас вопрос связан с

влиянием государственной политики на динамику регионального неравенства в сферах, связанных с проведением активной госполитики, учитывая ее эклектичный характер, сочетающий в себе и выравнивающий, и поляризующий подходы. Наконец, еще более частный вопрос связан с различиями между влиянием государственной политики на снижение разных видов регионального неравенства: действительно ли социальное измерение регионального неравенства в большей степени поддается влиянию госполитики, чем экономическое?

В этой связи в работе мы сформулировали следующие гипотезы.

H1: Экономический рост и государственная региональная политика не приводят к сокращению экономического неравенства в России. Мы предполагаем, что в экономической сфере преобладают факторы, создающие приоритет богатым регионам – как в рамках естественных рыночных процессов, так и в рамках отдельных направлений государственной политики (ее поляризующего компонента), делающей ставки на точки роста и подверженной влиянию элит сильных регионов. Такая специфика актуальна для стран догоняющего экономического развития.

H2: Государственная региональная политика приводит к сокращению социального неравенства в отдельных сферах. Мы предполагаем, что политическое вмешательство в большей степени связано с решением социальных задач (что помогает укрепить политическую базу режима), и в этой связи госполитика имеет больший эффект именно в социальной сфере. Разрыв между экономическим и социальным региональным неравенством, таким образом, будет расти.

В качестве эмпирических данных будут использоваться показатели государственных статистических данных (Росстат, ЕМИСС и др.): в частности, ВРП на душу населения и объем инвестиций в основной капитал как индикаторы экономического неравенства регионов; среднедушевые доходы населения, заработные платы врачей, учителей и воспитателей, нагрузка на врачей, учителей, а также обеспеченность местами в детсадах и обеспеченность больниц койками как индикаторы социального неравенства регионов. Также будут использоваться бюджетные данные, отражающие объемы межбюджетных трансфертов разного типа. Для расчетов уровня регионального неравенства будет использоваться индекс Джини, широко применяющийся в исследованиях различных

видов неравенства. В качестве основного метода анализа будет использоваться дескриптивная статистика.

Экономическое региональное неравенство в России

Сравнивая уровень экономического регионального неравенства в России с другими крупными странами, можно отметить, что он весьма высок. Так, в развитых странах индекс Джини, рассчитанный нами для значений ВРП на душу населения в разрезе регионов, как правило, составляет от 0,1 до 0,2 (США – 0,14 (2022), Германия – 0,13 (2022), Франция – 0,12 (2018 г.), Италия – 0,16 (2018))¹. В то же время в развивающихся странах этот уровень значительно выше (Бразилия – 0,25 (2016), Индия – 0,28 (2019), Нигерия – 0,32 (2021), Китай – 0,34 (2021))². Рассчитанный по аналогичной методике уровень регионального экономического неравенства в России в 2021 г. составил 0,35, что позволяет отнести ее в категорию развивающихся стран по уровню регионального неравенства. Отметим также, что уровень в 0,35 был рассчитан без отдельного учета трех нефтегазовых автономных округов, входящих в области (Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ненецкий автономный округ)³, которые с их малым количеством населения и крайне высокими экономическими показателями на душу населения оказывают высокое влияние на показатели экономического неравенства в России. Так, если учитывать и эти три субъекта, то индекс Джини для ВРП на душу населения в России в 2021 г. вырастает до 0,47.

В экономике России после 2008 г. были актуальны восстановительный рост, колебательные процессы и регулярные кризисы (2015, 2020, 2022). Рассмотрим общую динамику российского ВВП (рис. 2) и затем сопоставим динамику ВРП на душу населения и регионального неравенства по этому показателю (рис. 3).

¹ Расчеты выполнены авторами на основе данных из открытых источников (U.S. Bureau of Economic Analysis, Gemeinsames Statistikportal, Eurostat).

² Расчеты выполнены авторами на основе данных из открытых источников (Brazilian Institute of Geography and Statistics, Reserve Bank of India, BudgIT, National Bureau of Statistics of China).

³ Здесь и далее в наших расчетах ВРП данных автономных округов учитывается в составе ВРП их «материнских» областей – Архангельской и Тюменской.

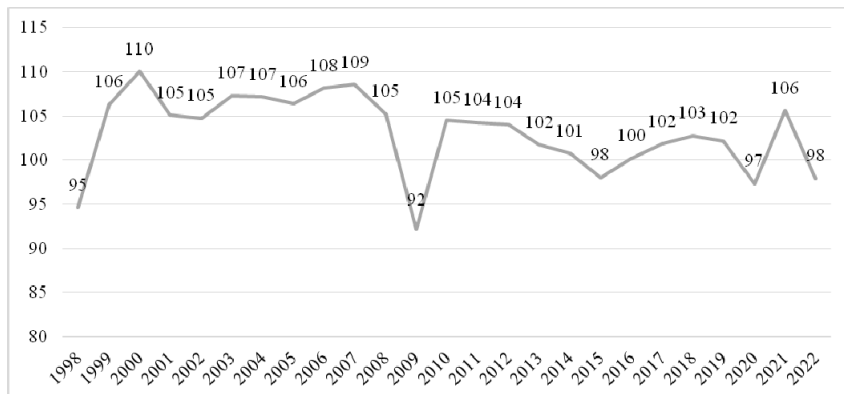

Рис. 2.
Индекс физического объема ВВП в процентах
к предыдущему году в 1998–2022 гг.

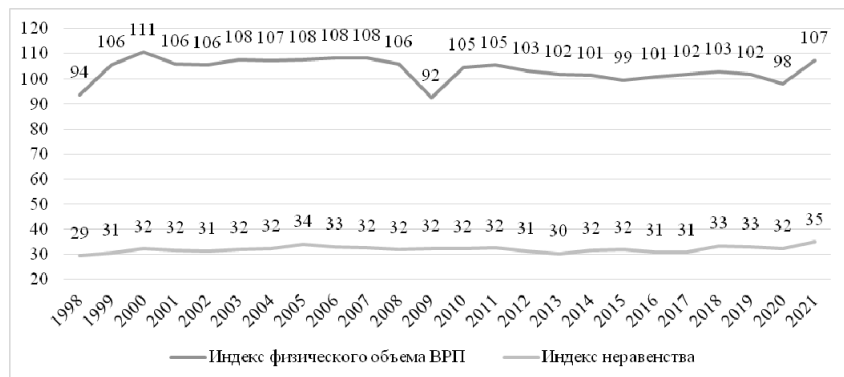

Рис. 3.
Индекс физического объема ВВП в процентах к предыдущему
году в 1998–2021 гг.; индекс Джини для ВВП на душу населения
(умноженный на 100) в 1998–2021 гг. без отдельного учета
автономных округов, входящих в «матрешки»

Динамика суммарного ВВП ожидаемо соответствует динамике физического объема ВВП с кризисными точками в посткри-

зисном 2009 г., постсанкционном 2015 г. и пандемийном 2020 г. Наиболее продолжительный рост ВРП соотносится с экономическим ростом 2000-х годов, после чего для показателей свойственны постоянные колебательные процессы. Важно отметить, что активный экономический рост в 2000-х годах ожидаемо не привел к сокращению регионального экономического неравенства – напротив, за этот период неравенство увеличилось с 0,29 в 1998 г. до пиковой точки в 0,34 в 2005 г., с последующим снижением и стабилизацией на уровне 0,32–0,33. Как указывает Н. Зубаревич, «со второй половины 2000-х годов региональные различия душевого ВРП начали снижаться из-за масштабного перераспределения нефтяных сверхдоходов в виде резко возросших трансфертов из федерального бюджета менее развитым регионам. В 2008–2009 гг. дополнительным выравнивающим фактором стал более сильный кризисный спад в относительно развитых регионах» [Зубаревич 2014, р. 14].

Схожие тенденции актуальны и для более поздних периодов. В «колебательный» период 2012–2017 гг. динамика регионального экономического неравенства демонстрирует некоторое сглаживание на фоне кризисов и более активной региональной экономической политики государства. Однако в постпандемийный 2021 г. вместе с ростом экономики опять фиксируется и рост экономического неравенства, показатель которого даже стал пиковым за весь рассматриваемый период (0,35). Это соответствует выдвинутой нами ранее гипотезе о том, что экономический рост в России не способствует сокращению экономического неравенства, что характерно для стран догоняющего развития.

Соотнося динамику регионального экономического неравенства с эволюцией государственной политики, можно выделить ряд трендов. Пик неравенства в 2000-е годы (2005 г. – 0,34) совпадает с годом запуска программы ОЭЗ (не являясь, разумеется, ее немедленным следствием). Относительно стабильный с точки зрения регионального неравенства период 2012–2017 гг. соотносится со снижением активности госполитики по запуску ОЭЗ, но именно в этот период стартует программа ТОР, количество которых достигает пика в 2017 г. 2021 год, ставший пиковым с точки зрения экономического регионального неравенства, характеризуется вновь возросшей активностью по запуску ОЭЗ, тогда как запуск новых ТОР к этому моменту уже свернут. Тем самым нельзя сделать однозначный вывод, способствовала ли селективная политика росту либо

сокращению регионального неравенства, да и ее эффекты обычно являются сильно отложенными во времени. Что касается выравнивающей политики, то период 2010–2016 гг. характеризуется постепенным спадом объемов дотаций, что примерно совпадает со «стабильным» периодом с точки зрения экономического неравенства. В пиковом по неравенству 2021 г. объем дотаций на выравнивание вновь снижается после периода роста в 2017–2020 гг. Тем самым и здесь мы не видим явного влияния политики распределения дотаций – ее свертывание не обернулось новой поляризацией экономического пространства, что позволяет говорить о слабом выравнивающем эффекте. А в 2021 гг. сокращение дотаций лишь усугубило поляризующий эффект восстановительного роста экономики.

Сравним теперь общий тренд динамики ВРП с трендами пятерок самых «богатых» и самых «бедных» регионов (по показателю ВРП за 2021 г.). В список богатых регионов вошли Москва, Тюменская область, Санкт-Петербург, Московская область и Татарстан; в список бедных – Калмыкия, Тува, Еврейская автономная область, Ингушетия и Республика Алтай. График демонстрирует, что, во-первых, тренд динамики богатых регионов в большей степени соответствует общему тренду (в том числе в связи с тем, что они вносят в него наибольший вклад). Во-вторых, заметно, что рост ВРП в богатых регионах в некоторых случаях явно превышает рост общероссийского ВРП. Наиболее ярко это видно в период 2000–2008 гг., характеризовавшийся экономическим ростом и соответственно ростом экономического неравенства. В этот же период средние значения роста ВРП в бедных регионах характеризовались значительными колебаниями, во многих случаях оказываясь ниже, чем общероссийский показатель.

Таким образом, динамика неравенства в разрезе субъектов РФ не продемонстрировала позитивных эффектов выравнивающей политики государства – богатые регионы задавали общероссийские тенденции экономического роста, а бедные регионы часто демонстрировали низкие темпы. Следующая пиковая точка неравенства – 2021 г. – демонстрирует, что рост ВРП в богатых регионах был выше общероссийского, а рост ВРП бедных регионов – ниже общероссийского. Таким образом, и в этот период на усиление неравенства оказали влияние и богатые, и бедные регионы, что опять-таки соответствует особенностям развивающихся стран с их растущими диспропорциями между центрами и перифериями.

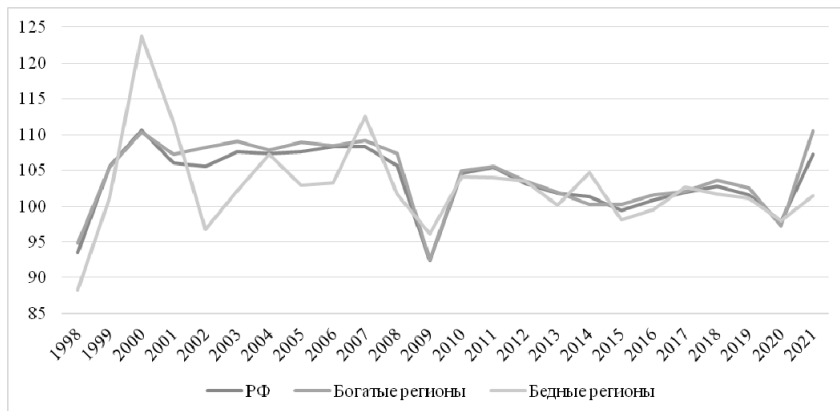

Рис. 4.

Динамика физического объема ВРП в процентах к предыдущему году в 1998–2021 гг. для РФ, и среднего для пятёрки богатых и пятёрки бедных регионов

Рассмотрим теперь динамику инвестиций в основной капитал на душу населения с точки зрения политики государства и бизнеса, способной как выравнять, так и поляризовать региональное развитие, и сравним ее с показателями регионального неравенства, рассчитанного для ВРП на душу населения. Этот показатель аналогично предыдущему мы рассчитываем без отдельного учета трех автономных округов, входящих в области.

Отметим, что государственная политика в отношении инвестиций стала наиболее активной в последнее десятилетие. В 2014 г. на фоне спада инвестиций была запущена пилотная апробация ежегодного Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ (от Агентства стратегических инициатив – АСИ), в которой тогда принял участие 21 субъект, а с 2017 г. участвуют все регионы РФ. В 2012 г. АСИ разработало региональный инвестиционный стандарт, внедренный в 11 пилотных регионах, а в настоящее время ведется активная работа по внедрению обновленного регионального инвестиционного стандарта 2.0 во всех субъектах РФ. Государство создает стимулы инвесторам через специальные режимы (ОЭЗ, ТОР и пр.), а также различные формы государственно-частного партнерства (например, СПИК, СПИК 2.0). Стимулы изначально были направлены на недопущение инвести-

ционного спада, наблюдавшегося в стране после 2012 г., на фоне снижения темпов экономического роста. В то же время мы видим, что региональное неравенство в распределении инвестиций демонстрирует рост в сравнении с результатами 2013–2014 гг., ставший особенно заметным в 2021–2022 гг.

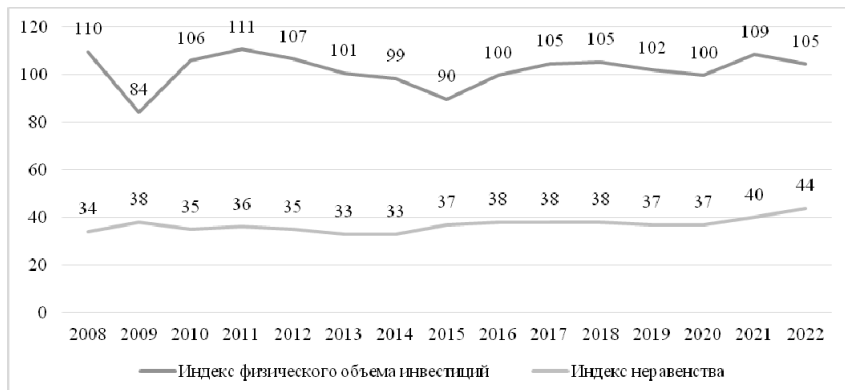

Рис. 5.

Индекс физического объема инвестиций в процентах к предыдущему году в 2008–2022 гг.; индекс Джини для инвестиций на душу населения (умноженный на 100) в 2008–2022 гг.

Динамика показателя физического объема инвестиций в целом повторяет общеэкономическую динамику, характеризующуюся спадами в кризисные 2009, 2014–2015 и 2020 гг., а в остальные периоды демонстрирующую умеренный рост. Однако уровень регионального неравенства в распределении инвестиций на душу населения выше, чем неравенства ВРП на душу населения, что говорит об огромной неравномерности инвестирования (например, в 2022 г. в Чукотский АО было инвестировано 1,6 млн руб. на душу населения, а в Ингушетию – 44 тыс. руб. на душу населения). Не видно и трендов на сокращение неравенства, так что политика государства в данном случае не носит сглаживающего характера, а бизнес, как обычно, устремлен в более успешные регионы.

Если в случае ВРП мы можем говорить о том, что увеличение его объемов, следуя теории для развивающихся стран, скорее ведет к увеличению неравенства, то в случае инвестиций связь не

так очевидна. С одной стороны, можно выделить схожие тенденции – например, в 2021–2022 гг. одновременно с ростом инвестиций происходит и резкий рост неравенства (пиковое значение в 2022 г. – 0,44). С другой стороны, есть периоды с четко прослеживаемой обратной связью – в кризисные 2009 и 2015 гг. резкий спад инвестиций совпадает с ростом неравенства, т.е. в кризисные периоды происходит концентрация инвестиций в наиболее перспективных, «богатых» регионах, опять-таки отражая устойчивую специфику поляризованного пространства России.

В целом период сглаживания регионального экономического неравенства (2012–2017) частично совпадает с периодом слабого роста (а иногда и падения) инвестиций. Хотя пиковые снижения объемов инвестирования (2009, 2015, 2020) не ведут к изменениям в общеэкономическом неравенстве – в эти годы индекс не демонстрировал резких снижений или повышений. В то же время резкое повышение неравенства инвестирования (вместе с ростом их объемов) совпало с ростом общеэкономического неравенства, зафиксированного в 2021 г. Тем самым активная инвестиционная политика в России не имеет однонаправленного влияния на общеэкономическое неравенство.

Обратимся теперь к государственной политике, выражающейся в распределении межбюджетных трансфертов. Разделим анализируемые трансферты на два принципиально разных типа: 1) дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности как ключевой инструмент выравнивающей политики; 2) федеральные трансферты за вычетом субвенций и дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности как инструмент, потенциально создающий возможности для поляризации и в наибольшей степени связанный с политическими решениями. Рассчитаем динамику показателей, а также индекса неравенства для обоих показателей по-прежнему, без учета трех автономных округов, входящих в области.

Динамика объемов распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности достаточно стабильна (рис. 6). Можно отметить фактическое сокращение дотаций в период 2012–2016 гг., которое не помешало сглаживанию общего экономического неравенства. В 2017 г. отмечался небольшой рост дотаций (перед президентскими выборами) с последующей стабилизацией и небольшим снижением в 2021 г.

Рис. 6.

Динамика дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности (на душу населения, в рублях, в ценах 2008 г.) и трансфертов за исключением дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и субвенций (на душу населения, в рублях, в ценах 2008 г.) в 2008–2021 гг.

Динамика объемов распределения остальных трансфертов (за вычетом дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и субвенций) гораздо менее плавная, чем в случае дотаций (рис. 6). Так, например, мы наблюдаем ее достаточно резкий рост в кризисном 2009 г. Однако это повышение не оказало влияния на общий уровень экономического неравенства, как и последующие колебания трансфертов. Затем в 2012–2016 гг., как и в случае дотаций, фиксируется спад объемов трансфертов, перераспределяемых в регионы, что совпадает со сглаживанием экономического неравенства по показателю ВРП на душу населения. Таким образом, можно предположить, что снижению неравенства в этот период поспособствовало уменьшение объемов «непрозрачной» части трансфертов. В 2018–2019 гг. был зафиксирован новый резкий рост объема недискреционных трансфертов, что совпадает с ростом экономического неравенства. Пиковый рост трансфертов был зафиксирован в пандемийном 2020 г., после чего в 2021 г. их объем несколько упал, но все равно остался выше, чем на всем остальном периоде. Неравенство по показателю ВРП на душу населения при этом в 2020 г. немного снизилось, а вот в 2021 г. достигло пикового значения, что

может быть связано в том числе с распределением большого объема «непрозрачных» трансфертов.

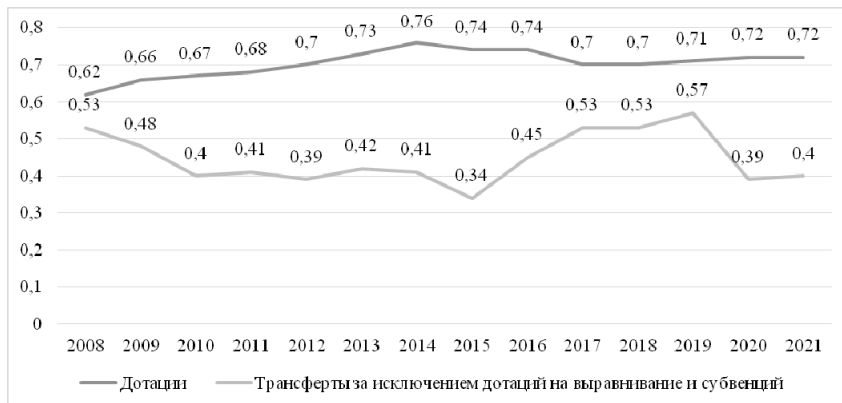

Рис. 7.

Динамика индекса Джини для дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности (на душу населения, в рублях, в ценах 2008 г.) и трансфертов за исключением дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и субвенций (на душу населения, в рублях, в ценах 2008 г.) в 2008–2021 гг.

Отметим, что уровень неравенства при распределении дотаций на выравнивание значительно выше, чем уровень неравенства при распределении остальных трансфертов (рис. 7). Соотношение логично, так как совпадает с целями выравнивающей политики, стремящейся оказать наибольшую поддержку отстающим территориям. Что касается динамики неравенства, то отметим, что в данном случае она начала свой рост после кризисных событий 2008 г., достигнув пикового значения в 0,76 в 2014 г. и затем стабилизировавшись на отметке 0,74 в 2015–2016 гг. Период с наибольшим значением неравенства (2013–2016) совпадает со снижением объемов дотаций (наблюдается скорее обратная связь), т.е. наряду с сокращением трансфертов шла приоритизация определенных регионов, что соответствует корректной логике выравнивающей политики.

Напротив, уровень неравенства при распределении остальных трансфертов имеет прямую (хотя и не всегда четкую) связь с объемами их распределения. Например, наименьшее значение индекса неравенства (0,34) было зафиксировано в 2015 г., когда объемы распределения трансфертов почти достигли максимального спада. С новым ростом объема трансфертов в 2017–2019 гг. был зафиксирован и новый рост неравенства (0,53–0,57). Пандемийный 2020 год выбивается из этой логики, так как в этот год был зафиксирован наибольший объем трансфертов одновременно со спадом неравенства их распределения, однако это объясняется кризисной ситуацией, потребовавшей массовой поддержки множества регионов. Эта же тенденция продолжилась и в 2021 г.

Таким образом, связь объемов трансфертов и их неравенства по-разному выражается для разных типов трансфертов. Если для недискреционных трансфертов при повышении их объемов свойственно повышение неравенства при их распределении (что может вести и к повышению общего экономического неравенства), то для дотаций на выравнивание при повышении их объемов свойственно, напротив, снижение неравенства. При этом именно политика неравенства распределения дотаций, то есть более прицельная приоритизация конкретных регионов, могла оказать влияние на сглаживание экономических различий между регионами в 2012–2016 гг.

Итак, мы установили, что инвестиционная политика государства и бизнеса не влияет на динамику экономического неравенства в ярко выраженной степени. Но можно отметить, что период сглаживания экономического неравенства совпал с ограниченными объемами инвестиций, что может свидетельствовать о слабой обратной связи между ними. На эту связь указывает и период 2021–2022 гг., когда рост инвестиций совпал с ростом общего неравенства. Таким образом, рост инвестиций в России может способствовать скорее росту неравенства, чем его сокращению, что подтверждается также тенденцией к росту регионального неравенства инвестиций на фоне активной инвестиционной политики государства.

Государственная политика по перераспределению «непрозрачной» части бюджетных трансфертов связана с уровнем общеэкономического неравенства похожим образом: мы видим, что при снижении уровня трансфертов в 2012–2016 гг. сглаживается общеэкономическое неравенство регионов, а при их росте в 2020–2021 гг. фиксируются пиковые значения неравенства. Тем самым «непро-

зачные» трансферты тоже как минимум не способствуют сокращению региональных различий в России.

Социальное региональное неравенство в России

Перейдем к рассмотрению уровня социального регионального неравенства и его динамики в регионах России. В связи с отсутствием гигантских различий в уровне социального развития (в отличие от экономического) между регионами, в этих расчетах учитывались отдельно все автономные округа.

Отметим, что в России в последнее десятилетие проводится активная социальная политика, в том числе по повышению заработной плат бюджетников (во многом отраженная в Майских указах 2012 г.). Как отмечает Н. Зубаревич, «регулярные повышения заработной платы бюджетникам не относятся к мерам региональной политики, но они работают на смягчение региональных различий, поскольку доля занятых в бюджетной сфере наиболее высока в слаборазвитых регионах. Вторым фактором выравнивания был более медленный рост заработной платы в крупном и среднем частном бизнесе, который концентрируется в более развитых регионах» [Зубаревич, 2014, р. 14]. В этом разделе мы оценим как общую успешность этой политики, так и ее влияние на неравенство между регионами в этом отношении. Помимо «зарплатной» политики рассмотрим показатели, отражающие кадровую и инфраструктурную политику в сферах образования и здравоохранения.

Базовым индикатором социального неравенства в нашей работе выступают среднедушевые денежные доходы, разделенные на величину прожиточного минимума в регионе (в рублях). Отметим, что в Майских указах 2012 г. одним из целевых показателей было обозначено «увеличение к 2018 г. размера реальной заработной платы в 1,4–1,5 раза»¹.

¹ Указ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/15233> (дата посещения: 23.11.2023).

Рис. 8.

Динамика отношения среднедушевых доходов к прожиточному минимуму в 2011–2022 гг. по России; динамика индекса Джини (умноженного на 100) для отношения среднедушевых доходов к прожиточному минимуму в 2011–2022 гг. по регионам России

Во-первых, отметим, что сам показатель не демонстрировал значительной динамики на протяжении рассматриваемого периода: в целом по России среднедушевые доходы были и остаются в 3,2–3,5 раза выше прожиточного минимума. В качестве успешных можно выделить предкризисные 2012–2013 гг., а также посткризисный 2021 год. Это контрастирует с динамикой 2000-х годов, когда наблюдался значительный рост реальных доходов (рис. 8).

При этом наблюдаются высокие различия между регионами. В 2022 г. максимальный показатель отношения среднедушевых доходов к прожиточному минимуму составил 5,9 – он был зафиксирован в Ямало-Ненецком автономном округе. Минимальный показатель в Республике Тыва – 1,6. В сравнении со стартовым в наших расчетах 2011 г. амплитуда между максимальным и минимальным показателями увеличилась: тогда они составили 5,2 (Москва) и 1,7 (Калмыкия) соответственно. Это отражает и индекс Джини, увеличившийся с 0,115 в 2011 г. до 0,126 в 2022 г. Отметим, что пик относительного равенства уровня жизни россиян в регионах был достигнут в 2017 г., в то время как заметный рост неравенства отмечался в последние 4 года. Именно в этот период активно росли максимальные значения рассматриваемого показателя, что отражает

ускоренное развитие богатых регионов (что мы отмечали и в предыдущей части при анализе роста ВРП богатых регионов), тогда как минимумы остаются примерно на одной и той же отметке. Таким образом, несмотря на декларируемую активную социальную политику государства, неравенство среднедушевых доходов по России растет на фоне стагнации самого показателя.

Перейдем к рассмотрению показателей в ключевых социальных сферах, которыми государство управляет непосредственно, – здравоохранении и образовании. Сперва рассмотрим показатель, отражающий заработную плату врачей, деленную на величину прожиточного минимума. Отметим, что зарплатам врачей в Майских указах тоже уделялось отдельное внимание – их предлагалось увеличить к 2018 г. «до 200 процентов от средней заработной платы в соответствующем регионе».

Рис. 9.

Динамика отношения заработных плат врачей к прожиточному минимуму в 2013–2022 гг. по России; динамика индекса Джини (умноженного на 100) для отношения заработных плат врачей к прожиточному минимуму в 2013–2022 гг. по регионам России

В отличие от среднедушевых доходов, заработные платы врачей действительно увеличились с момента начала реализации Майских указов – в 2013 г. они составляли по России 5,8 прожиточного минимума, а в 2022 г. – 7,3 прожиточного минимума. При этом рост показателя был неравномерным – он просел в

посткризисном 2015 г., затем наблюдался восстановительный рост и значительное повышение в 2018–2020 гг. с пиковой точкой в пандемийном 2020 г. (повышение в 2018 г. на фоне выборов президента связано с требованием Майских указов) и некоторым снижением в 2021–2022 гг., связанным, вероятно, с исчерпанием ресурсов.

График демонстрирует, что обратным эффектом политики повышения зарплат стало усиление регионального неравенства по этому показателю (рис. 9). Неравенство достигло максимума в 2020–2021 гг., что совпадает с максимальным ростом зарплат. При этом в 2013–2016 гг., до начала активного роста зарплат, неравенство было минимальным. Усиление неравенства связано с разными стартовыми возможностями и бюджетным потенциалом регионов, что выражается в гораздо более активном росте максимальных значений этого показателя, чем минимальных (что вновь подчеркивает ускоренное развитие богатых регионов). Так, в 2013 г. максимальное значение показателя составило 7,8 (Ямало-Ненецкий автономный округ), а минимальное – 3,5 (Дагестан). В пиковом 2020 г. максимальное значение увеличилось в 2 раза, составив 15,4 (ЯНАО), а минимальное – лишь в 1,3 раза, составив 4,7 (Кабардино-Балкария). Наконец, в 2022 г. максимальное значение составило 11,7 (ЯНАО), а минимальное приблизилось к стартовому, составив 3,8 (Кабардино-Балкария).

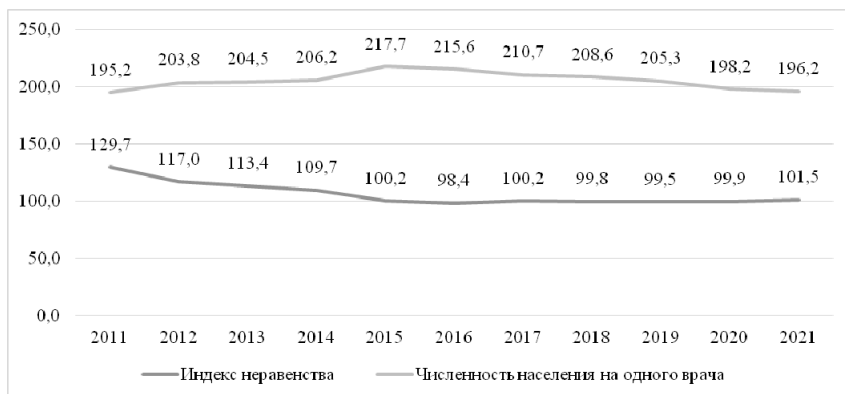

Рис. 10.

Динамика показателя численности населения на одного врача в 2011–2021 гг; динамика индекса Джини (умноженного на 1000) для численности населения на одного врача в 2011–2021 гг.

Политика кадрового обеспечения медицинской сферы (количество жителей на одного врача) не доказывает успех с точки зрения улучшения общего показателя, зато индекс неравенства демонстрирует явное снижение в 2011–2015 гг. и дальнейшую стабилизацию (рис. 10). Этот показатель является примером успешного выравнивания региональных различий. При этом за прошедшие годы максимумы (т.е. худшие показатели) уменьшились с 372 до 349, а регионы с более низкими стартовыми позициями демонстрировали ускоренный рост (например, Чеченская Республика: 2011 г. – 372, 2021 г. – 304). В то же время, несмотря на общее повышение лучших показателей (2011 г. – 114,7, 2021 г. – 109,1), в ряде регионов-лидеров показатели с 2011 г. ухудшились, что, вероятно, объясняется эффектом оптимизации в благополучных субъектах (например, Москва: 2011 г. – 128, 2021 г. – 134). Таким образом, в случае кадровой политики в области здравоохранения при сохранении уровня обеспеченности данной сферы за 10 лет удалось снизить региональное неравенство, сочетая развитие в бедных регионах и сокращение в богатых.

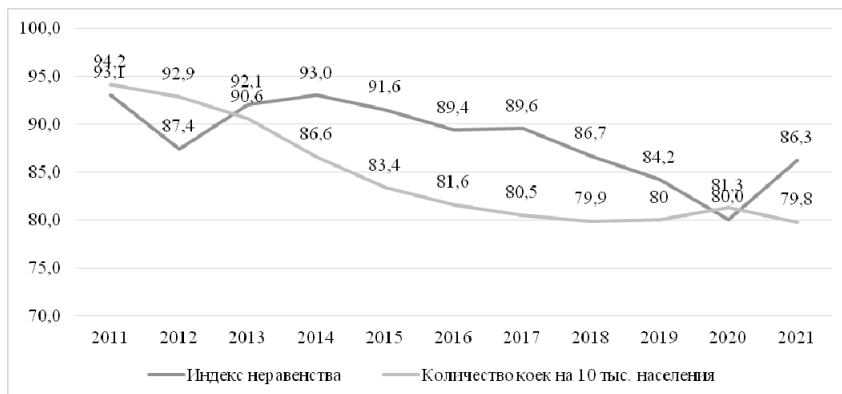

Рис. 11.

Динамика показателя количества коек на 10 тыс. населения в 2011–2021 гг; динамика индекса Джини (умноженного на 1000) для количества коек на 10 тыс. населения в 2011–2021 гг.

Иная ситуация наблюдается в сфере медицинской инфраструктуры. Показатель количества коек на 10 тыс. населения за последние 10 лет заметно снизился, а на фоне снижения произошло

некоторое выравнивание региональных различий (хотя в 2021 г. отмечен новый пик неравенства). В этой сфере вновь произошло снижение максимумов (лучших значений) в результате оптимизации, т.е. богатые регионы не демонстрировали ускоренного развития (максимум в 2011 г. – 147,7, в 2021 г. – 129,1). При этом не выросли и минимумы, составив в 2011 г. 47,8, а в 2021 г. – 45,8 (оба раза аутсайдером стала Ингушетия). Таким образом, снижение регионального неравенства объясняется не развитием данной сферы, а оптимизацией в благополучных регионах, сокращением самого показателя и его приведением к общему знаменателю.

Рис. 12.

Динамика отношения заработных плат учителей к прожиточному минимуму в 2013–2022 гг. по России; динамика индекса Джини (умноженного на 100) для отношения заработных плат учителей к прожиточному минимуму в 2013–2022 гг. по регионам России

Рассмотрим теперь, насколько была успешна «зарплатная», кадровая и инфраструктурная политика в отношении региональных различий в сфере образования. Сперва обратимся к показателям заработных плат учителей и воспитателей детских садов, деленных на прожиточный минимум. Отметим, что Майские указы предполагали «доведение в 2012 г. средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования до средней заработной платы в соответствующем регионе», а также «доведение к 2013 г. средней заработной платы

педагогических работников дошкольных образовательных учреждений до средней заработной платы в сфере общего образования в соответствующем регионе»¹.

Рис. 13.

Динамика отношения заработных плат воспитателей детских садов к прожиточному минимуму в 2013–2022 гг. по России; динамика индекса Джини (умноженного на 100) для отношения заработных плат воспитателей к прожиточному минимуму в 2013–2022 гг. по регионам России

Показатели зарплат учителей и воспитателей в реальном измерении не выросли за прошедшие 10 лет. Зарплата учителей в 2013 г. составляла в среднем 4 прожиточных минимума, а в 2022 г. — только 3,6 (рис. 12). Зарплата воспитателей немного снизилась с 3,2 до 3,1 прожиточного минимума (рис. 13), однако этот показатель скорее можно назвать стагнирующим. Таким образом, политику повышения заработных плат в сфере образования, в отличие от сферы здравоохранения, нельзя назвать успешной.

С точки зрения регионального неравенства в случае учителей и воспитателей наблюдаются два противоположных случая. Неравенство заработных плат учителей, несмотря на снижение самого показателя, повысилось. В 2013–2018 гг. наблюдался рост не-

¹ Указ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/15233> (дата посещения: 23.11.2023).

равенства с последующей стабилизацией (и небольшим спадом в 2020 г.). Кроме того, неравенство в этой сфере выше, чем в сфере здравоохранения. Рост регионального неравенства в данном случае связан с разными стартовыми условиями и бюджетными возможностями регионов. В то время как лучшие показатели остались примерно одинаковыми (5,9 в 2013 и 2022 г.), худшие показатели сильно понизились (2,4 в 2013 и 1,9 в 2022 г.), что вызвало рост неравенства за счет отстающих регионов, не справившихся с установками центра.

В случае воспитателей детских садов динамика неравенства показывает обратный результат. На фоне стагнирующего показателя зарплат неравенство регионов в этой сфере все же удалось снизить. За прошедший период небольшое повышение продемонстрировали и лучшие (2013 – 4,9, 2022 – 5), и худшие показатели (2013 – 1,6, 2022 – 1,8). Индекс неравенства достиг пика в 2016 г., а затем наблюдалось его снижение и стабилизация в 2017–2022 гг. При этом данные позволяют предположить, что в этой сфере более активный рост демонстрировали как раз отстающие регионы. Вероятно, успеха в этой сфере было достичь проще за счет меньшего количества занятых в дошкольном образовании, чем в школьном. В результате с точки зрения регионального неравенства зарплаты учителей и воспитателей демонстрируют противоположные тренды.

Рис. 14.

Динамика отношения числа учеников к числу учителей 2011–2022 гг. по России; динамика индекса Джини (умноженного на 100) для отношения числа учеников к числу учителей в 2011–2022 гг. по регионам России

Кадровая политика в сфере образования тоже демонстрирует спорные результаты. Во-первых, число учеников на одного учителя на протяжении 2011–2021 гг. стабильно росло и увеличилось с 13 в стартовой точке до 16 (рис. 14). Число учителей выросло незначительно (на фоне неуспешной политики с повышением их зарплат в реальных величинах) – с 1034 тыс. до 1083 тыс.; число учеников выросло более заметно – с 13 445 тыс. до 17 314 тыс. Таким образом, с точки зрения обеспечения сферы кадрами ситуация ухудшилась.

В то же время с точки зрения регионального неравенства ситуация улучшилась: на протяжении всего периода наблюдался спад неравенства со стабилизацией на уровне 0,07 в 2018–2021 гг. Выросли (т.е. ухудшились) как лучшие показатели (8,9 учителя на ученика в 2011 г., 10,2 учителя на ученика в 2021 г.), так и худшие показатели (17,7 учителя на ученика в 2011 г., 21,1 учителя на ученика в 2021 г.). Таким образом, в сфере кадрового обеспечения российских школ на фоне общего ухудшения показателя произошло сглаживание региональных различий.

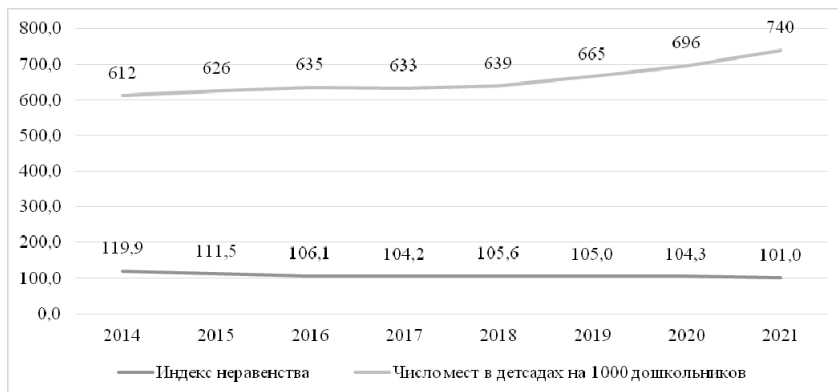

Рис. 15.

Динамика числа мест в детских садах на 1000 дошкольников в 2014–2021 гг.; индекс Джини (умноженный на 1000) для числа мест в детских садах на 1000 дошкольников в 2014–2021 гг. по регионам России

Напротив, инфраструктурную политику в сфере дошкольного образования однозначно можно назвать успешной. В период с

2014 по 2021 г. фиксируется как стабильный рост показателя (с 612 до 740 мест), так и снижение неравенства этого показателя по регионам (рис. 15). Свои показатели улучшили как регионы-лидеры (с 1059 в 2014 г. до 1144 в 2021 г.), так и, в наибольшей степени, отстающие регионы (с 109 в 2014 г. до 305 в 2021 г.). Успех госполитики в этой сфере можно связать в том числе с нацпроектом «Демография», в рамках которого с 2018 по 2023 г. по России было построено 1,6 тыс. детсадов.

Итак, с точки зрения регионального неравенства в социальной сфере в настоящее время наблюдаются едва ли не все возможные тренды (табл.). В некоторых сферах был зафиксирован рост неравенства: при этом для зарплат врачей он произошел на фоне улучшения самого показателя, для среднедушевых доходов населения – на фоне их стагнации, для зарплат учителей – на фоне ухудшения. В большем количестве случаев было зафиксировано снижение неравенства. Однако на фоне улучшения показателя оно произошло только для числа мест в детсадах. Относительно нагрузки на врачей и зарплат воспитателей неравенство снизилось при стагнации показателя, что можно назвать некоторым успехом. В то же время относительно нагрузки на учителей и количества больничных коек неравенство снизилось при ухудшении показателя.

Таблица

Тренды в сферах социальной политики в 2011–2022 гг.

	Снижение неравенства	Рост неравенства
Улучшение показателя	Число мест в детсадах	Зарплаты врачей
Стагнация показателя	Нагрузка на врачей; Зарплаты воспитателей	Среднедушевые доходы населения
Ухудшение показателя	Количество коек; Нагрузка на учителей	Зарплаты учителей

Отметим также, что уровень неравенства по различным социальным показателям значительно ниже, чем по экономическим показателям: в большинстве случаев индекс Джини в 2021–2022 гг. находится в диапазоне 0,09–0,12, отдельно выделяются сферы с еще более низким неравенством: кадровое обеспечение в школах (0,077) и инфраструктурное обеспечение больниц койками (0,086). В то же время наибольшее неравенство в социальной сфере мы зафиксировали в отношении базового показателя среднедушевых доходов (0,126).

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам сделать ряд выводов о региональном неравенстве в России и ответить на поставленные исследовательские вопросы. Во-первых, результаты исследования показывают, что экономический рост в России не ведет к снижению регионального экономического неравенства, а скорее способствует его усилению, что соотносится с теорией и выдвинутой нами первой гипотезой. Таким образом, российские тренды в этом плане аналогичны трендам развивающихся стран догоняющего развития.

Государственная политика демонстрирует ограниченное влияние на региональное экономическое неравенство. Выделенный нами период сглаживания экономических различий между регионами в 2012–2017 г. совпадает с сокращением инвестиций и недискреционных трансфертов, тогда как их рост, напротив, может вести к усилению неравенства (т.е. выступать в качестве инструмента поляризующей политики), что опять же совпадает с нашими предположениями.

Эффективность выравнивающей политики тем временем ограничена. Наблюдения показали, что в период сглаживания общеэкономических различий между регионами дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности не увеличились, т.е. не послужили причиной этого сглаживания. В то же время в этот период изменилась приоритизация дотирования (что характеризуется возросшим индексом неравенства при распределении дотаций), что позволяет предположить некоторое влияние этого, возможно, более эффективного перераспределения на снижение экономического неравенства. В целом можно отметить, что с 2018 г. экономическое региональное неравенство в России демонстрирует скорее тренд на новый рост, что свидетельствует о неэффективности выравнивающей госполитики, не препятствующей ускоренному развитию более богатых регионов и получению ими «непрозрачной» части трансфертов. Иными словами, инвестиционные циклы и федеральные трансферты (помимо выравнивающих) имеют в России поляризующий эффект.

С точки зрения социальной политики в последнее десятилетие наблюдаются противоречивые тренды. Можно отметить, что госполитика, в соответствии с теорией, действительно имеет в России большее влияние на региональное неравенство в области социальной политики, что демонстрирует динамика как самих

показателей, так и индексов их неравенства. Однако госполитика в этих сферах не всегда оказывается успешной. Среди рассмотренных нами показателей чаще всего действительно наблюдались случаи снижения неравенства, однако зачастую они отмечались на фоне стагнации или ухудшения самого показателя, т.е. становились «равенством в бедности». Вопреки целям госполитики, зафиксирован и ряд случаев роста неравенства, в том числе на фоне стагнации или улучшения самого показателя. В данном случае можно говорить о частичном подтверждении второй гипотезы.

Политика государства в отношении зарплат скорее повысила региональное неравенство, как это видно на примерах врачей и учителей. Причем в первом случае повышение неравенства произошло на фоне искомого роста зарплаты, а во втором – фактического снижения, что объясняется разными возможностями регионов по повышению зарплат бюджетников и главными сложностями в сфере школьного образования, где занято больше всего бюджетников. Относительно успешным кейсом оказались зарплаты воспитателей детских садов, где региональное неравенство снизилось на фоне стагнации общего показателя. При этом и худшие, и лучшие показатели регионов в этой сфере выросли, что позволяет говорить скорее об успехе госполитики в этой сфере.

Политика кадрового обеспечения социальной сферы (нагрузка на врачей и учителей) демонстрирует относительный успех в виде снижения регионального неравенства, однако это происходит на фоне стагнации показателя в случае врачей и ухудшения показателя в случае учителей (что может быть связано и с неуспехом политики повышения зарплат в этой сфере). Политика в области инфраструктуры в сфере здравоохранения (количество больничных коек) демонстрирует снижение неравенства, но тоже на фоне ухудшения показателя. В то же время политика по увеличению числа мест в детсадах являет собой единственный пример однозначного успеха государства – при увеличении показателя значительно снизилось региональное неравенство.

Таким образом, в экономической сфере государственная региональная политика в России имеет ограниченное влияние на региональное неравенство и не выглядит последовательной. Ее достижением можно признать сдерживание роста регионального неравенства, но даже это проявляется не постоянно. В социальной сфере эффекты госполитики гораздо более заметны, однако они

порождают разнонаправленные и буквально все возможные тренды и за исключением единичных случаев не позволяют говорить об однозначном успехе государства с точки зрения как снижения регионального неравенства, так и роста самих показателей.

R.F. Turovsky, M.S. Sukhova*

**Challenges of regional socio-economic polarization in Russia:
is the state policy successful?¹**

Abstract. The article focuses on the topic of regional inequality in Russia. It considers two types of inequality – economic and social – and analyzes the impact of government policy on their dynamics. The results of the study show that, according to theoretical assumptions characterizing developing countries, economic growth in Russia does not lead to a reduction in regional economic inequality, and governmental policy in this area is of limited effectiveness. One can speak about regional polarization as a consequence of certain types of state policy (investment policy, distribution of non-discretionary transfers), while the equalization policy (equalizing transfers) has low impact on reducing inequality. Thus, in the economic sphere, the achievement of the state policy can be recognized as the containment of the growth of regional inequality, which, however, is not constantly manifested. In terms of social policy, contradictory trends have been recorded in recent years. On the one hand, in some spheres the government policy does have a more obvious impact on the reduction of regional inequality, but on the other in many cases this equalization occurs against the background of stagnation or deterioration of the indicators themselves. In particular, the reduction of inequality between regions is characteristic of infrastructure and human resources indicators in the spheres of education and health care. In several examples, in contrast, there is an increase in inequality, which is characteristic of wages policy. In some cases, the growth of inequality becomes the reverse side of the improvement of the overall level of indicators, as demonstrated by the indicator of doctors' salaries.

Keywords: regional inequality; economic polarization; public policy; regional policy; inter-budget transfers; investment; social policy.

For citation: Turovsky R.F., Sukhova M.S. Challenges of regional socio-economic polarization in Russia: is the state policy successful? *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 14–50. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.01>

* **Turovsky Rostislav**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: rturovsky@hse.ru; **Sukhova Maria**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: mssukhova@gmail.com.

¹ The article was prepared within the framework of the project “Social Polarization and Regional Differentiation in the State: Is there a Challenge for Stability?”, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

References

- Barua A., Sawhney A. Development policy implications for growth and regional inequality in a small open economy: the Indian case. *Review of development economics*. 2015, Vol. 19, N 3, P. 695–709.
- Borts G.H., Stein J.L. *Economic growth in a free market*. New York; London: Columbia university press, 1964, 235 p.
- Friedmann J., Bloch R. American exceptionalism in regional planning, 1933–2000. *International journal of urban and regional research*. 1990, Vol. 14, N 4, P. 576–601.
- Galvis L.A., Meisel A. Regional inequalities and regional policies in Colombia: the experience of the last two decades. *Regional problems and policies in Latin America*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2013, P. 197–223.
- Gilbert A.G., Gugler J. *Cities, poverty, and development*. New York: Oxford university press, 1992, 331 p.
- Leonov S.N., Sidorenko O.V. Region-wide and selective policy of foreign countries: regularities and peculiarities of implementation. *Federalism*. 2013, N 2, P. 63–78. (In Russ.)
- Martin P. et al. Can regional policies affect growth and geography in Europe? *The world economy*. 1998, Vol. 21, N 6, P. 757–774.
- Martin P. The geography of inequalities in Europe. In: *Spatial Disparities and Development Policy*. Washington: World Bank Publications, 2009, P. 239–256.
- Myrdal G., Sitohang P. *Economic theory and under-developed regions*. London: G. Duckworth, 1957, 167 p.
- North D.C. et al. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge university press, 1990, 159 p.
- Piketty T. *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, Massachusetts: Harvard university press, 2014, 685 p.
- Shvecov A.N. System-wide and selective state regional policy. *Problem analysis and public administration projection*. 2009, N 2, P. 38–50. (In Russ.)
- Silveira - Neto R. M., Azzoni C. R. Social policy as regional policy: market and non-market factors determining regional inequality. *Journal of regional science*. 2012, Vol. 52, N 3, P. 433–450.
- Singhal A., Sahu, S., Chattopadhyay, S., Mukherjee, A., & Bhanja, S. N. Using night time lights to find regional inequality in India and its relationship with economic development. *PloS one*. 2020, Vol. 15, N 11. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0241907>
- Turovsky R.F., Dzhavatova K.Yu. Regional inequality in Russia: can centralization be the cure? *Political science (RU)*. 2019, N 2, P. 48–73. (In Russ.)
- Wei Y. D. Spatiality of regional inequality. *Applied geography*. 2015, Vol. 61, P. 1–10.
- Williamson J.G. Regional inequality and the process of national development: a description of the patterns. *Economic development and cultural change*. 1965, Vol. 13, N 4, Part 2, P. 1–84.
- Zubarevich N.V. Development of Russian Space: barriers and opportunities of regional policy. *The world of new economy*. 2017, N 2, P. 46–57. (In Russ.)
- Zubarevich N.V. Regional development and regional policy in Russia. *ECO*. 2014, N 4 (478). (In Russ.)

Zubarevich N.V., Safronov S.G. Regional inequality in large post-Soviet countries. *Regional research of Russia*. 2011, N 1, P. 15–26.

Литература на русском языке

- Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // Все-российский экономический журнал ЭКО. – 2014. – № 4 (478). – С. 7–27.
- Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. – 2017. – № 2. – С. 46–57.
- Леонов С.Н., Сидоренко О.В. Общерегиональная и селективная политика зарубежных стран: закономерности и особенности реализации // Федерализм. – 2013. – № 2. – С. 63–78.
- Туровский Р.Ф., Джаватова К.Ю. Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 48–73.
- Швецов А.Н. Общесистемная и селективная государственная региональная политика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2009. – № 2. – С. 38–50.

О.В. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, М.Ф. УТКИНА*

**ЦЕНТР-РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ
И ШОТЛАНДСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ¹**

Аннотация. Статья посвящена исследованию центр-региональных отношений в Великобритании в контексте взаимодействия общенациональной и шотландской политической элиты. В статье выдвигается гипотеза о том, что причины напряженности между двумя элитными группами не ограничиваются правительственным и экономическим кризисами, разразившимся в 2022 г., а также обусловлены политико-идеологическими факторами и различиями в габитусе. На фоне обострения отношений центра и регионов в Великобритании важно проанализировать, какими рычагами давления на Вестминстер обладает региональная элита Шотландии как для продвижения интересов региона, так и формирования общенациональной политики. Цель работы – выявить особенности габитуса шотландской политической элиты для понимания стремления региона к сепарации, определить механизмы, которые использует шотландская элита в лице Шотланд-

* Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии, научный руководитель исследовательской лаборатории «Политические процессы в системе отношений Центр-регионы», МГИМО МИД России (Москва, Россия); президент, Российская ассоциация политической науки (Москва, Россия), e-mail: ogaman@mail.ru; Уткина Мария Феликсовна, преподаватель кафедры сравнительной политологии, заместитель декана Факультета управления и политики, научный сотрудник исследовательской лаборатории «Политические процессы в системе отношений Центр-регионы», МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: utkina.m.f@my.mgimo.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО МИД России «Приоритет-2030»

© Гаман-Голутвина О.В., Уткина М.Ф., 2024 DOI: 10.31249/poln/2024.01.02

ской национальной партии для реализации собственной повестки дня. Было выявлено, что значительное усиление позиций региональных политических сил в Соединенном Королевстве, обусловленное процессом деволюции, а также институциональное присутствие ШНП в парламенте Великобритании предоставляют шотландской элите возможность эффективно оказывать влияние на Вестминстер.

Ключевые слова: Великобритания; Шотландия; деволюция; политические элиты; Шотландская национальная партия; Вестминстер; габитус; референдум.

Для цитирования: Гаман-Голутвина О.В., Уткина М.Ф. Центр-региональные отношения в Великобритании через призму взаимодействия общенациональной и шотландской политической элиты // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 51–75. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.02>

Необходимость изучения центр-региональных отношений в Великобритании – в частности, отношений между общенациональной политической элитой и политической элитой Шотландии – возникает по нескольким причинам.

Во-первых, на фоне выхода Великобритании из Европейского союза обострились отношения между центром и регионами – в Шотландии большинство жителей проголосовали против Брекзита¹. Такое развитие событий усилило и без того центробежные тенденции в регионах Соединенного Королевства. В январе 2021 г. Шотландская национальная партия (далее – ШНП) заявила о том, что, если партии, выступающие за независимость, получают большинство на выборах в шотландский парламент в 2021 г., правительство Шотландии внесет законопроект о референдуме о независимости². ШНП и Шотландские зеленые, которые также поддерживают независимость, получили большинство мест на выборах и вместе вошли в правительство в рамках Соглашения между Шотландской национальной партией и Шотландскими зелеными³. В июне 2022 г.

¹ Results and turnout at the EU referendum – Mode of access: <https://www.electoralcommission.org.uk/who-we-are-and-what-we-do/elections-and-referendums/our-reports-and-data-past-elections-and-referendums/eu-referendum/results-and-turnout-eu-referendum> (accessed: 15.08.2023).

² Sturgeon: SNP will hold Scottish independence vote if it wins in May // The Guardian. – 24.01.2021. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2021/jan/24/scotland-independence-referendum-nicola-sturgeon-snp-wins-may-> (accessed: 15.08.2023).

³ Соглашение между Шотландской национальной партией и Шотландскими зелеными, также называемое Соглашением Бьют-хаус, – это соглашение о разделении власти между Шотландской национальной партией (ШНП) и Шот-

бывший первый министр Шотландии Никола Стерджен объявила о планах проведения референдума 19 октября 2023 г. Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон отклонил просьбу Стерджен провести референдум. Вопрос о том, может ли референдум состояться без согласия правительства Великобритании, был передан в Верховный суд Великобритании, который в ноябре 2022 г. постановил, что референдум о независимости находится вне компетенции шотландского парламента¹.

Во-вторых, с момента деволюции в конце 1990-х годов в Соединенном Королевстве были учреждены национальные парламенты и ассамблеи, которые с каждым годом получали все больше полномочий. В ходе процесса деволюции власть не только была частично передана из Лондона в Эдинбург, Белфаст и Кардифф, но и стала распределяться внутри регионов, расширив пул политической элиты. Создание региональных парламентов и ассамблей в 1999 г. как профессионального политического института обеспечило пополнение пула политической элиты.

В-третьих, нельзя игнорировать факт институционального присутствия ШНП в палате общин Соединенного Королевства, в рамках которого она активно участвует в национальной политике и отстаивает интересы своего региона.

«Портрет» политической элиты Шотландии

Для более полного понимания межэлитных взаимоотношений важно рассмотреть габитус шотландской политической элиты, в частности, кем она представлена, какие ценности она разделяет, через какие каналы преимущественно рекрутируется.

В 2021 г. профессор Эдинбургского университета Д. Мак-Кроун опубликовал исследование *Changing places: comparing 1986 and 2019 elites in Scotland*, в котором он сравнил образовательные треки шотландской политической элиты до и после деволюции.

ландскими зелеными, которое было согласовано в августе 2021 г. для поддержки третьего правительства Н. Стерджен, а затем было подтверждено для поддержки правительства Х. Юсафа.

¹ Nicolson S. UK government asks Supreme Court to dismiss indyref2 case // BBC News. – 12.06.2022. – Mode of access: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-scotland-politics-62138075> (accessed: 15.08.2023).

Он пришел к выводу, что современные политическая и административная элиты в подавляющем большинстве имеют шотландское образование, как это было и в 1986 г. [McCrone, 2021, p. 17]. Так, 79% представителей политической элиты и 71% представителей административного класса получили образование в шотландских университетах в 2019 г.

Что касается школьного образования, то к 2019 г. почти половина (48%) представителей шотландской политической элиты получили государственное образование. Наблюдается рост доли элиты, получившей образование в школах, расположенных непосредственно в Шотландии [McCrone, 2021, p. 9].

Выводы профессора Д. МакКроуна представляется возможным подтвердить эмпирическим исследованием, проведенным авторами данной статьи. В качестве референтной группы было выбрано региональное правительство Шотландии, которое в соответствии с позиционным и дисизонным методом наиболее полно отражает состав современной политической элиты Шотландии.

Проведенный анализ персонального состава Кабинета министров Шотландии¹ показывает, что 10 из 10 министров Кабинета окончили университеты в Шотландии, при этом 7 из 10 министров окончили так называемые старейшие университеты Шотландии². Из 16 министров Шотландии, не заседающих в Кабинете министров, девять окончили шотландские университеты, один министр окончил университет Конкордия в Квебеке, остальные шесть министров не имеют высшего образования. Анализ реальных образовательных треков членов Кабинета министров Шотландии подтверждает тезис о том, что верхние эшелоны политической элиты региона отдают предпочтение получению высшего образования в шотландских университетах, а не в элитарном Оксбридже. Это свидетельствует о локализме шотландской элиты, ее патриотических настроениях по отношению к своей малой родине в рамках Соединенного Королевства. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что не все министры имеют высшее образование, но при этом занимают высокую должность в исполнительной власти.

¹ По состоянию на июнь 2023 г.

² Старейшими университетами Шотландии называются четыре университета: Университет Глазго, Эдинбургский университет, Сент-Эндрюсский университет, Университет Абердина.

Для более полной характеристики портрета шотландской политической элиты необходимо расширить выборку до членов фракции ШНП в Вестминстере, в частности представителей Шотландской национальной партии в палате общин (25 представителей). Авторы данного исследования провели анализ их инкорпорированного культурного капитала в виде образования, а также общественной и профессиональной деятельности. Анализ выявил, что из 25 официальных представителей (фронтбенчеров) фракции ШНП 18 депутатов имеют высшее образование, полученное в государственных университетах (15 представителей окончили шотландские университеты, один представитель – австралийский, два представителя – английские университеты)¹.

Таким образом, никто из представителей ШНП не окончил элитистский частный Оксбридж, однако пять (20%) представителей окончили университеты достаточно престижной Группы Расселл (Университет Глазго, Университет Лидса). 52% представителей также окончили государственные университеты, которые в целом сложно назвать престижными, если сравнивать их с Оксфордским, Кембриджским университетами и университетами вышеупомянутой Группы Расселл. Эти показатели контрастируют со средними показателями палаты общин, в которой приблизительно 25% окончили Оксбридж, по данным, опубликованным в докладе НКО Sutton Trust *Elitist Britain*².

Следовательно, представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что не престижное образование, а именно членство в ШНП предоставило возможность вхождения в политическую элиту.

Так, при анализе данных из биографий фронтбенчеров были обнаружены интересные факты. Например, семь депутатов начали свой карьерный путь с должности помощника министра шотландского парламента, пять депутатов являлись членами городских советов и начинали свою карьеру в органах местного самоуправления, шесть депутатов сделали карьеру во время референдума по вопросу независимости Шотландии, как минимум шесть депутатов

¹ Scottish National Party spokespersons // UK Parliament. – 2023. – Mode of access: <https://members.parliament.uk/Spokespersons?PartyId=29> (accessed: 26.11.2023).

Всего в Палате общин заседает 43 члена ШНП.

² Elitist Britain 2019. The educational backgrounds of Britain's leading people // Sutton Trust – 2019. – Mode of access: <https://www.suttontrust.com/wp-content/uploads/2019/12/Elitist-Britain-2019.pdf> (accessed: 26.11.2023).

вступили в партию до 20 лет, один депутат являлся самым молодым депутатом Европарламента. Эти данные, а также факт отсутствия высшего образования у шести министров парламента Шотландии подтверждают, что членство в партии является основным каналом рекрутирования шотландской политической элиты. Это отличает ее от британской политической элиты, которая формируется за счет связей, приобретенных в престижных университетах, а также фактора династичности [Уткина, 2022, с. 1253]. В связи с этим важен для рассмотрения иной канал рекрутирования, которым являются политические партии.

В Шотландии региональное правительство формируется партией, одержавшей победу на региональных выборах, то есть ШНП. Процедура выбора лидера партии отличается большей демократичностью, чем выборы лидера Консервативной и Лейбористской партий. Эту тенденцию можно проследить, рассмотрев выборы нового лидера Шотландской национальной партии в феврале-марте 2023 г.

Во-первых, за лидера голосуют все члены партии. Устав партии ШНП гласит, что кандидаты должны быть выдвинуты не менее чем 100 членами партии, по крайней мере от 20 отделений. С 13 по 27 марта проходило голосование за трех кандидатов – Кейт Форбс, Хамзу Юсафа и Эш Риган¹.

Во-вторых, лидера партии выбирают по системе единого передаваемого голоса, что наиболее точно выражает волю избирателей. Даже если по первой преференции голос избирателя не будет использован, то он должен быть использован по второй. Изначально голоса распределились следующим образом: Эш Риган получила 11,1% голосов по первым предпочтениям, Кейт Форбс – 40,7% голосов избирателей, Хамза Юсаф – 48,2% голосов избирателей. Поскольку ни один из кандидатов не набрал более 50% го-

¹ *Humphrey A.* SNP to announce new leader on 27 March BBC News // BBC News. – 15.02. 2023. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/live/uk-scotland-64648879> (accessed: 19.08.2023).

Learmonth A. Leaked document reveals SNP leadership contest rules // The Herald. – 25.02.2023. – Mode of access: <https://www.heraldscotland.com/politics/23346359.leaked-document-reveals-snp-leadership-contest-rules/> (accessed: 19.08.2023).

The Times view on the SNP leadership contest: Fight Fair // The Times. – 18.02.2023. – Mode of access: <https://www.thetimes.co.uk/article/the-times-view-on-the-snp-leadership-contest-fight-fair-6r9tkp396> (accessed: 19.08.2023).

лосов, Эш Риган как кандидат, получивший наименьшее количество голосов, была исключена из дальнейшего голосования, а все оставшиеся голоса были перераспределены в пользу К. Форбс или Х. Юсафа¹.

После перераспределения голосов К. Форбс получила 47,9% от общего числа голосов, Х. Юсаф – 52,1% от общего числа голосов. Набрав 52,1% голосов, Х. Юсаф был избран лидером Шотландской национальной партии.

При этом следует учитывать, что важным фактором успеха кандидата является его социальный капитал и поддержка региональных и национальных парламентариев – по сути, других членов элиты [Cairney, 2014; Cairney, Keating, 2006, p. 44]. Как показали четыре опроса общественного мнения, проведенные в период с 21 февраля по 10 марта 2023 г., какого кандидата избиратели предпочли бы в качестве следующего лидера ШНП и / или первого министра Шотландии, Кейт Форбс поддерживают 30% избирателей, Хамзу Юсафа – 20%, а Эш Риган – 10%². Учитывая расклад голосов избирателей не в пользу избранного кандидата, можно предположить, что именно поддержка парламентариев сыграла положительную роль в избрании Х. Юсафа лидером ШНП. Х. Юсафа поддерживали 56 парламентариев, К. Форбс – 16, Э. Риган – один³.

Анализ образовательного и карьерного пути нынешнего лидера ШНП и по совместительству первого министра Шотландии Х. Юсафа также может пролить свет на то, что собой представляет современная политическая элита Шотландии. Юсаф стал самым молодым первым министром Шотландии и первым представителем этнического меньшинства на этой должности. Он обучался в частной школе в Глазго, затем окончил Университет Глазго, в студенческие годы был президентом Ассоциации мусульманских студентов

¹ Results: SNP Leadership Election 2023 // SNP official website. – 27.03.2023. – Mode of access: <https://www.snp.org/leadershipresults/#:~:text=Following%20Nicola%20Sturgeon%27s%20resignation%2C%20SNP,of%20eligible%20members%20was%2072%2C169> (accessed: 20.08.2023).

² Curtice J. An Uncertain Contest: Polling on the SNP Leadership Election // What Scotland thinks. – 14.03.2023. – Mode of access: <https://www.whatscotlandthinks.org/2023/03/an-uncertain-contest-polling-on-the-snp-leadership-election/> (accessed: 20.08.2023).

³ SNP Leadership Election 2023 // Ballot box Scotland. – 2023. – Mode of access: <https://ballotbox.scot/scottish-parliament/snp-leadership-election-2023/> (accessed: 20.08.2023).

Университета Глазго. Образовательный трек политика напоминает классический трек британской политической элиты: частная школа – Оксбридж – Вестминстер, однако с шотландским уклоном, что вновь свидетельствует о локализме шотландской элиты. Однако было бы ошибочным полагать, что лишь престижное образование стало катализатором карьеры лидера ШНП.

До того, как вступить в партию в 2005 г., Х. Юсаф занимался активной общественной деятельностью и благотворительностью – был представителем благотворительного фонда Islamic Relief, участвовал в кампаниях по обеспечению бездомных и беженцев продовольственными наборами. После работал помощником первого министра-мусульманина в правительстве Шотландии Башира Ахмада. Также являлся помощником бывших первых министров Шотландии Алекса Салмонда и Николы Стерджен. Таким образом, подтверждается тезис о важности социального капитала члена политической элиты, который Х. Юсаф смог накопить к моменту своего избрания в качестве лидера ШНП. Юсаф был не только помощником министров, но и сам являлся министром иностранных дел и международного развития, министром транспорта, министром юстиции, министром здравоохранения Шотландии. Кроме того, он принимал активное участие в кампании за независимость Шотландии в ходе референдума о независимости Шотландии в 2014 г.¹ Скорее, именно ранний старт в профессиональной политике, вступление в партию в возрасте 20 лет, работа помощником министров, выстраивание горизонтальных связей внутри партии, четкая позиция в отношении вопроса о независимости Шотландии и длительная профессиональная карьера позволили ему войти в ядро политической элиты Шотландии, нежели наличие образования.

В рамках данного исследования целесообразно обратить более пристальное внимание на политическую идеологию и ценностные ориентации Шотландской национальной партии для понимания причин конфликта партии с Вестминстером.

Задолго до политического триумфа ШНП, с 1955 по 2007 г. в партийной системе Шотландии Лейбористская партия сохраняла первенство. Уклон в левую сторону свидетельствует об эгалитарных социалистических ценностях политической элиты, которые

¹ About Humza Yousaf // Humza for Scotland. – Mode of access: <https://humzayousaf.scot/about-humza-yousaf/> (accessed: 24.11.2023).

сегодня активно транслирует ШНП. Фактически ШНП, в отсутствие британской левой популистской партии, предприняла успешную попытку заполнить этот вакуум, хотя и как представитель интересов своей собственной «кельтской» периферии. Во вступлении к партийному манифесту ШНП 2022 г. бывший лидер партии Н. Стерджен уделяет большое внимание экономическим проблемам и прямо обвиняет центральное правительство, возглавляемое тори, в провоцировании кризиса стоимости жизни и так называемой «топливной бедности» в Великобритании¹. В своем манифесте партия также обязуется улучшить сферу здравоохранения, сделать ее более доступной для граждан. Важным пунктом является улучшение качества и доступа к дошкольному и школьному образованию, найм большего количества учителей в школах и детских садах.

Партийная программа ШНП 2022 г. в основном является реакцией на экономический и энергетический кризис, начавшийся в 2021 г. и разразившийся в 2022 г. Однако в ней присутствует и уже ставший традиционным для партии вопрос о политической независимости Шотландии от Королевства Великобритании и Северной Ирландии. В манифесте партия вновь призывает к проведению референдума о независимости. Интересными кажутся тезисы о недопущении расизма, исламофобии и антисемитизма на территории Шотландии.

В действительности, все эти пункты в небольшом политическом манифесте партии свидетельствуют об одной из важных черт шотландской идентичности – эгалитаризме, который именуют «Шотландским мифом» [McCrone, 2001, p. 90–103; Hearn, 2000, p. 139–154]. Происхождение этого мифа трудно проследить, хотя Линклейтер и Деннисон утверждают, что именно шотландская церковь с ее особой интерпретацией протестантской веры и горизонтальной организационной структурой закрепила равенство в шотландской психике [Denniston, Linklater, 1992, p. 2–5]. Профессор Д. МакКроун во многом согласен с этим тезисом, считая, что пресвитерианские принципы стояли у истоков шотландского мифа.

Д. МакКроун также утверждает, что с XIX в. этот миф находит свое подтверждение в системе образования Шотландии. В Шотландии считалось, что каждый может получить хорошее образование

¹ Stronger for Scotland // Scottish National Party manifesto. – 2022. – Mode of access: <https://www.snp.org/manifesto2022/> (accessed: 20.08.2023).

при условии, что человек обладает необходимыми интеллектуальными способностями. Уже в XIX в. в шотландских университетах обучалось относительно больше студентов из низших социальных слоев по сравнению с английскими или европейскими континентальными университетами [Anderson, 1985].

Возможно, суждение об эгалитарности шотландского общества окажется сильно преувеличенным, но рождение и культивация мифа о равенстве как высшем благе в Шотландии уже свидетельствует об отличающейся ценностной ориентации этого региона по сравнению с обществом в Англии.

Шотландская политическая элита стремится конструировать национальную идентичность шотландцев, отличную от английской идентичности, и использовать ее как политический инструмент. Вопрос о существовании шотландской идентичности вызывает множество споров в научном сообществе. Существуют две основные позиции в отношении данной проблемы. Первая заключается в том, что шотландцы обладают дуальной идентичностью – британской (имперской) и шотландской. МакКроун считает, что возможно сосуществование британской государственной идентичности и шотландской национальной идентичности [McCrone, 2001, p. 149–174]. В подтверждение своего аргумента она приводит модель семи концентрических колец идентичности А. Смита: начиная от дома и семьи и заканчивая наднациональным уровнем идентичности, что делает возможным существование британско-шотландской идентичности. Другие ученые постулируют, что так называемая автономная шотландская идентичность, по сути, является простым выражением шотландской культуры, и служит лишь дополнением к всеобъемлющей британской идентичности [Beveridge, Turnbull, 1989, p. 14–16; Smith, 1991, p. 24–25].

Несмотря на противоречия в научных кругах относительно вопроса о шотландской идентичности, политические элиты Шотландии, в частности шотландские националисты, придерживаются мнения о своей иной идентичности, отличной от британской и в особенности английской. В своей работе «Политический дискурс и национальная идентичность в Шотландии» М.С. Лит и Д. Соул провели опрос среди представителей шотландской элиты, который показал, что большинство опрошенных представителей элиты определили свою идентичность как только шотландскую (53%), а не

как шотландскую и британскую (31%) или только британскую [Leith, Soule, 2012, p. 114].

Политика ШНП в отношении шотландской идентичности, культуры и языка могла повлиять на общественное мнение относительно вопроса о независимости Шотландии, который традиционно является камнем преткновения между Вестминстером и Эдинбургом. Пик противостояния между региональной и общенациональной элитами пришелся на 2014 г., когда в Шотландии был проведен референдум о независимости, в результате которого регион остался в составе Соединенного Королевства. В 2021 г. чуть более половины жителей Шотландии (52%) выступали за независимость, по сравнению с 23% в 2012 г., когда правительство Великобритании дало согласие на проведение референдума о независимости, который состоялся два года спустя¹. По опросам рейтингового агентства Ipsos MORI, в 2017 г. идею независимости поддержали 45%, в 2019 г. – 46, в 2021 г. – 52, в 2022 г. – 50%.

Таким образом, в плане своей идеологической ориентации шотландская элита вступает в противоречие с убеждениями британской национальной элиты. В частности, локализм шотландцев противостоит имперскому мышлению британской элиты, шотландская эгалитарность – британской элитарности, регионализм – юнионизму, стремление к переменам – британскому консерватизму и прагматизму. В сфере экономики шотландцы предпочитают систему, близкую к скандинавскому социализму и перераспределению доходов, нежели британскому экономическому либерализму². В дискурсе политиков ШНП Шотландия все чаще предстает как социал-демократическая страна, предпочитающая государство всеобщего благосостояния скандинавского типа [Bromley et al., 2003].

Анализ партийной повестки и предложенных партией решений актуальных проблем свидетельствует о ее левоцентристской, социально-демократической идеологии с примесью популизма, ко-

¹ British Social Attitudes 39: Constitutional reform. Controversy or Consensus on how the UK should be governed? Report // National Centre for Social Research. – 2021. – Mode of access: https://bsa.natcen.ac.uk/media/39477/bsa39_constitutional-reform.pdf (accessed: 23.08. 2023).

² British Social Attitudes 38: Social Attitudes in post-Brexit Lockdown Britain. Social Inequality. Report // National Centre for Social Research. – 2021. – Mode of access: <https://bsa.natcen.ac.uk/latest-report/british-social-attitudes-38/social-inequality> (accessed: 23.08. 2023).

торый прежде всего ориентирован на вопрос о шотландской независимости и сохранение Шотландии в институтах и структурах ЕС.

Что касается механизмов рекрутирования шотландской политической элиты, то можно предположить, что большую роль играют политические партии, нежели образовательные институты. Это связано в первую очередь с динамичной внутренней политической региона с высокой степенью конкуренции между региональными партиями. Члены политической элиты Шотландии в основном являются выпускниками шотландских университетов, однако этот тренд непостоянен. Как можно наблюдать, шесть шотландских министров, как и семь представителей ШНП в палате общин, не имеют высшего образования, что разбивает тезис о наличии престижного образования в качестве детерминанты успеха в политическом продвижении. Для вхождения в политическую элиту Шотландии важнее профессиональная карьера, которую шотландская элита начинает с молодого возраста путем вступления в партию. Этот факт вновь подчеркивает эгалитарные установки элиты и общества в Шотландии.

Влияние шотландской политической элиты на политические процессы Великобритании и ее взаимодействие с общенациональной элитой

Как уже было упомянуто, выход Великобритании из ЕС в 2016 г. не только оставил неразрешенными большое количество проблем, но и усилил стремление региона к сецессии.

О.В. Охошин отмечает, что «шотландские националисты использовали различные методы давления на центральные власти – марши своих сторонников, официальные запросы на проведение референдума, публикации программных документов, которые с исторической и экономической точек зрения обосновывали необходимость отделения региона от Соединенного Королевства» [Охошин, 2023]. Брекзит, провальный кризис-менеджмент на фоне пандемии коронавируса и спровоцированный действиями Вестминстера энергетический кризис лишь усиливали позиции шотландских националистов в отношении вопроса о независимости.

Деятельность ШНП является своего рода рычагом давления на британскую политическую элиту по нескольким причинам.

Во-первых, сегодня ШНП составляет ядро шотландской политической элиты, так как из ее членов сформировано региональное правительство Шотландии. Во-вторых, ШНП является четвертой крупнейшей партией Великобритании и третьей крупнейшей партией в парламенте Великобритании¹. В-третьих, ШНП ведет достаточно активную политику в Вестминстере, особенно после выхода Великобритании из ЕС. ШНП является неким политическим тренд-сеттером, задает не только шотландскую политическую и экономическую повестку, но и общенациональную. Не случайно некоторые исследователи делают особый акцент на политической деятельности ШНП, так как именно она формирует повестку в политическом и избирательном процессе Шотландии, превратившись из региональной партии в крупную политическую силу².

Британская парламентская система выстроена вокруг конфликта между двумя противоборствующими политическими партиями – Консервативной партией и Лейбористской партией. Эта бинарная природа парламентской политики сохраняется в палате общин, несмотря на присутствие других партий. Тем не менее две основные партии сталкиваются с вызовами со стороны других партий со всего политического спектра, которые стремятся «заполнить пробел» в представительстве в Вестминстере [Copus et al., 2009, p. 6]. За весь послевоенный период положение третьей по величине партии в палате общин занимала Либерал-демократическая партия. Всеобщие выборы 2015 г. внесли свои коррективы. Пообещав в своем манифесте «сделать так, чтобы голос Шотландии был услышан в Вестминстере»³, ШНП одержала победу во всех шотландских избирательных округах, кроме трех, заняв 56 мест в Палате общин. Это был переломный момент для представительства партии на национальном уровне в парламенте. Таким образом, ШНП стала третьей по величине партией в палате общин и перешла с

¹ Burton M., Tunncliffe R. Membership of political parties in Great Britain // House of Commons Research Briefing. – 2022. – Mode of access: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn05125/> (accessed: 20.08.2023).

² По состоянию на октябрь 2023 г., 44 депутата от ШНП заседают в палате общин парламента Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии.

³ Stronger for Scotland // Scottish National Party manifesto – 2015. – Mode of access: <https://ucrel.lancs.ac.uk/wmatrix/ukmanifestos2015/localpdf/SNP.pdf> (accessed: 24.08.2023).

позиции обыденного присутствия в парламенте Великобритании на позицию значимой партии.

Однозначно статус третьей по величине партии означал, что не только расширился формальный институциональный охват партии, но и к ней стали относиться более серьезно как внутри палаты, так и за ее пределами. Формально ШНП имела право регулярного участия во время вопросов премьер-министру, председательство в двух парламентских комитетах, трехдневные дебаты оппозиции и доступ к финансовой помощи для поддержки деятельности партии [Rogers, Walters, 2015, p. 91]. На первый взгляд, может создаться впечатление, что сама по себе институционализация некогда маргинальной партии в британском парламенте уже является фактором успешной стратегии давления на национальную элиту. Однако фактически ситуация выглядит иначе. Партия столкнулась с рядом ограничений.

Во-первых, депутатам ШНП приходилось быть более активными в парламенте, так как 56 депутатов – это совсем небольшое количество для того, чтобы заниматься всеми областями политики.

Во-вторых, не у всех шотландских депутатов был релевантный профессиональный опыт. Депутат Мэрион Феллоуз в своей первой речи подчеркнула, что некоторые депутаты «потратили всю свою взрослую жизнь на подготовку к тому, чтобы быть здесь; я – нет»¹. Те, у кого все же был предыдущий парламентский опыт, работали не в Вестминстере, а в шотландских или европейских политических институтах в качестве членов парламента, парламентских исследователей, сотрудников пресс-службы или государственных служащих. Таким образом, многие из этих депутатов были лучше знакомы с процедурами в шотландском парламенте, учреждении, которое в организационном плане существенно отличается от Вестминстера [Brown, 2000, p. 545]. От Вестминстера Холируд отличается начиная своим архитектурным дизайном (депутаты сидят на отдельных местах в форме полукруга, а не на скамейках друг напротив друга, состязаясь друг с другом в палате общин)

¹ Fellows M. Speech at the House of Commons Debates. Summer Adjournment // UK Parliament Hansard. – 16.07.2015. – Vol. 598, col. 1176. – Mode of access: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2015-07-16/debates/15071642000001/details> (accessed: 24.08.2023).

и заканчивая правилами, регулирующими поведение депутатов в палате общин.

В рамках таких процедур раскрываются различия в габитусе шотландской и британской политической элит. Более открытая политическая элита Шотландии с эгалитарными установками, а также в большей мере демократическими процедурами выборов своих лидеров вступает в противостояние с закрытой британской политической элитой с элитистскими установками. В ранних исследованиях было продемонстрировано, что партийное рекрутирование в пул политической элиты Великобритании отличается открытостью процедуры, в то время как для процесса продвижения кандидатов в лидеры партии присущи такие характеристики, как патронаж, фаворитизм, наличие у кандидата существенного социального капитала [Уткина, 2023, с. 100].

В-третьих, существовали и процедурные ограничения, например, отсутствие гарантий получения слова во время вопросов премьер-министру или представительства в комитетах. Это сокращало доступные механизмы давления и значительно ограничивало время выступлений в палате общин. Архаичные процедуры дебатов в палате общин предполагают, что представитель партии (фронтбенчер, переднескамеечник) будет вызван в начале дебатов вслед за официальным лидером оппозиции, остальная часть группы подключается к дебатам в самом конце. В то время как у тех, кто выступал в начале дебатов, возможно, не было ограничений на продолжительность их выступлений, депутаты от ШНП часто ограничивались всего тремя минутами. Депутатам ШНП приходилось адаптироваться к строгой иерархии, приверженности традициям и регламенту, которые принято почитать в Вестминстере, а отклонение от правил является вызовом порядку. Действительно, можно сказать, что учеба в элитных школах и университетах готовит британскую политическую элиту к одной цели – постепенному вхождению в государственную систему управления, соответственно пребывание в таких институтах для британской элиты оказывается более комфортным и привычным [Уткина, 2022, с. 1253].

Таким образом, на практике исключительные права третьей по величине партии не предоставили столько возможностей, сколько ожидала партия.

В данных условиях немаловажную роль играл лидер партии в парламенте. Получение права задавать вопросы премьер-

министру было умело использовано бывшими лидерами ШНП в Вестминстере Ангусом Робертсоном и Йеном Блэкфордом. Блэкфорд постоянно присутствовал на заседаниях палаты общин, работая бок о бок с четырьмя премьер-министрами и двумя лидерами оппозиции. Несомненно, его личность приобрела существенное влияние в Вестминстере. Он инициировал процесс по привлечению Бориса Джонсона к ответственности за его правительственные вечеринки во время пандемии коронавируса и национального локдауна. Блэкфорд также использовал стратегию бойкотов и протестов во время дебатов в июне 2018 г. в ответ на то, что обсуждению изменений в процессе деволуции после выхода Великобритании из ЕС не было предоставлено достаточного времени, а также на отказ в предоставлении слова Блэкфорд вывел свою партию из палаты общин. Позже он пообещал «использовать все имеющиеся в распоряжении его партии меры», чтобы продолжать протестовать против последствий Brexit для Шотландии¹. Такое поведение можно назвать тактикой бойкота или даже «скандала».

Когда бывший премьер-министр Тереза Мэй отложила голосование по сделке по Брекситу, о которой она договорилась с ЕС еще в декабре 2018 г., депутаты ШНП призвали вынести вотум недоверия премьер-министру. Джереми Корбин, в то время лидер лейбористов, не смог объявить вотум недоверия, после чего Блэкфорд обвинил его в том, что он позволил правительству сорваться с крючка. Блэкфорд объединил усилия с лидерами других оппозиционных партий, чтобы выдвинуть свою собственную версию вотума. Хотя это предложение не имело такого же влияния, как предложение официальной оппозиции (лейбористов), оно подтолкнуло Корбина выдвинуть свое собственное предложение после рождественских каникул, которое правительство с трудом продавало.

После того, как в ноябре 2022 г. Верховный суд постановил, что Шотландия не может провести второй референдум о независимости, Блэкфорд задал вопрос премьер-министру Риши Сунаку в

¹ Депутаты от ШНП массово покинули зал заседаний в знак протеста против нехватки времени, отведенного на дебаты по вопросам передачи полномочий, связанным с Брекситом. Тори обвинили партию в использовании конституционного кризиса для укрепления поддержки на низовом уровне и реализации ее планов о независимости. Блэкфорд обвинил правительство в попытке отобрать полномочия у Холируда, в том числе в области сельского хозяйства, рыболовства и охраны окружающей среды, после выхода из ЕС, не дав депутатам времени на дебаты.

палате общин. Он воспользовался этим, чтобы призвать премьер-министра сделать заявление о правах шотландского народа и о том, как решение суда соотносится с демократическими принципами.

Возможно, именно такая стратегия ШНП является наиболее эффективной для продвижения собственных интересов. В частности, это постоянный вызов устоявшимся в Вестминстере правилам и порядку, эксцентричное поведение депутатов, намеренное несоблюдение норм этикета (депутаты ШНП делали много фотографий, в частности, селфи, внутри парламента, что нарушает правила поведения)¹, стремление перетянуть на себя одеяло официальной оппозиции. Для эффективной работы в палате общин шотландским националистам постоянно приходится удерживать инициативу в своих руках, быть активными.

Представительство в институтах государственного уровня приносит мало пользы, если партия не обладает парламентским потенциалом для решительных действий в достижении своих политических целей. Для ШНП это означало разработку стратегий обхода ограничительных процедур палаты общин, чтобы максимально повысить свою видимость в зале заседаний палаты общин.

Особенности деятельности ШНП в контексте центр-региональных отношений в XXI в.

Несмотря на то что ключевой задачей деволюции было «противодействие политическому национализму в Шотландии и Уэльсе посредством предоставления им самоуправления, а также сохранение единства союза» [Гаман-Голутвина, Дудаева, 2022, с. 11], произошло обострение отношений между центром и регионом, а устремления шотландских националистов к независимости лишь усилились. В частности, победа ШНП на региональных выборах в мае 2007 г. имела последствия для межправительственных отношений. Отношения между Эдинбургом и Лондоном испортились уже летом 2007 г. Отчасти это произошло потому, что у шотланд-

¹ *Brooks L.* SNP MPs flout Commons etiquette with first-day tweets // *The Guardian*. – 14.05.2015. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2015/may/14/snp-mps-flout-commons-etiquette-with-first-day-tweets> (accessed: 25.08.2023).

ского правительства была своя повестка дня. Например, шотландские националисты считали, что Шотландия должна возглавить делегацию Великобритании, когда Совет ЕС по рыболовству собрался в Брюсселе (на том основании, что Шотландия была доминирующим игроком Великобритании в этом секторе) [Wright, 2009, p. 185]. После победы на выборах 2007 г. ШНП запустила программу «Выбор будущего Шотландии: общенациональный диалог» в попытке стимулировать дебаты о будущем конституционном статусе Шотландии¹. ШНП в основу своей стратегии положила постоянный выпуск программных документов, которые содержат в себе аргументы в пользу проведения референдума о независимости, а также причины, по которым Шотландия должна быть независимым государством. В 2019 г. ШНП вновь обнародовала документ «Право Шотландии на выбор: Будущее Шотландии в руках Шотландии»².

Так, призыв к референдуму о независимости Шотландии стал основным рычагом давления ШНП как ядра политической элиты Шотландии на общенациональную британскую элиту. На протяжении почти десяти лет Никола Стерджен, возглавлявшая шотландское правительство, была бесспорным лидером движения за разрыв многовекового союза Шотландии с Англией. В 2014 г. у Шотландии был исторический шанс отделиться от Соединенного Королевства, однако он был упущен – большинство шотландцев, хоть и с небольшим перевесом, проголосовали против независимости Шотландии.

В 2021 г. ШНП сама вошла в эпоху кризиса – неудачный гендерный законопроект Н. Стерджен, вызвавший недовольство населения Шотландии, финансовые махинации супруга Н. Стерджен и исполнительного директора ШНП П. Мюррела, резкое падение количества рядовых членов партии и попытки сокрытия этого факта привели к отставке Н. Стерджен с поста лидера партии. Эконо-

¹ Choosing Scotland's Future: A National Conversation: Independence and Responsibility in the Modern World. Edinburgh: Scottish Executive, 2007. In Print.

² Scotland's Right to Choose. Putting Scotland's Future in Scotland's Hands // The Scottish Government. – Mode of access: <https://www.gov.scot/binaries/content/documents/govscot/publications/corporate-report/2019/12/scotlands-right-choose-putting-scotlands-future-scotlands-hands/documents/scotlands-right-to-choose-putting-scotlands-future-in-scotlands-hands/scotlands-right-to-choose-putting-scotlands-future-in-scotlands-hands/govscot%3Adocument/scotlands-right-choose-putting-scotlands-future-scotlands-hands.pdf> (accessed: 26.11.2023).

мические проблемы отодвинули на задний план вопрос о независимости Шотландии, что прослеживалось и в повестке кандидатов на пост лидера ШНП во время внеочередных выборов. Например К. Форбс, занявшая второе место на выборах, заявила о необходимости пересмотреть стратегию ШНП в отношении независимости, а также о том, что данный вопрос не должен быть в центре внимания на следующих выборах¹.

Некоторые сторонники жесткой линии выступают за односторонние действия, возможно, проведение голосования вопреки решению Лондона. Однако выход за рамки закона преградил бы независимой Шотландии путь к членству в Европейском союзе, к которому ШНП стремится.

Н. Стерджен предложила использовать всеобщие выборы в Великобритании, которые пройдут во второй половине 2024 г., в качестве де-факто референдума о независимости, сделав конституционное будущее Шотландии центральным вопросом, однако другие политические партии вряд ли бы пошли на такие действия.

Парадоксально, но, в то время как Brexit, возможно, укрепил политические аргументы в пользу независимости Шотландии, он ослабил аргументы практические. Британия покинула гигантский единый рынок Европейского союза и Таможенный союз, а это означает, что между независимой Шотландией и Англией, ее крупнейшим экономическим партнером, будут установлены торговые пошлины. Годы политического хаоса и экономического упадка, последовавшие за референдумом о независимости, возможно, также отпугнули некоторых шотландских избирателей от дальнейших конституционных изменений.

Кроме того, ШНП подверглась критике за свою деятельность в правительстве, и оппозиционная Лейбористская партия чувствует возможность восстановить свои некогда утраченные позиции в Шотландии, где она занимала доминирующее положение до того, как ШНП уничтожила ее в политическом плане.

Учитывая репутационные издержки и внутрипартийный раскол, в 2024 г. на всеобщих выборах ШНП может потерять места в

¹ *Garton-Crosbie A.* Kate Forbes: Scottish independence strategy needs a 'reset' // The National. – 20.02.2023. – Mode of access: <https://www.thenational.scot/news/23334999.kate-forbes-scottish-independence-strategy-needs-reset/> (accessed: 25.08.2023).

Вестминстере. Согласно данным Electoral Calculus, на всеобщих выборах 2024 г. уверенную победу могут одержать лейбористы во главе с Кейром Стармером, обогнав консерваторов, либерал-демократов, а также шотландских националистов¹. По состоянию на сентябрь 2023 г. ШНП прогнозируют получение всего 28 мест в парламенте, что на 20 мест меньше, чем на всеобщих выборах в 2019 г. Возможно, некоторые сторонники независимости Шотландии проголосуют за лейбористов в попытке избавиться от правительства консерваторов во главе с Риши Сунаком, но в таком случае ШНП может потерять места в британском парламенте.

Таким образом, возможная потеря позиций шотландских националистов в Вестминстере отдаляет перспективу проведения референдума на неопределенный срок. Однако нынешний лидер партии Хамза Юсаф продолжает оказывать давление на центральную элиту, задействовав в своей риторике вопрос о необходимости проведения повторного референдума в Шотландии. Кроме того, как прогнозируют некоторые опросы, лейбористы станут крупнейшей партией, но не получат общего большинства голосов. В этом случае ШНП может попытаться обменять свою поддержку лейбористского правительства меньшинства на обещание провести второй референдум. Лидер лейбористов Кейр Стармер пока отвергает любые подобные сделки.

На данном этапе ШНП предпринимает попытки разработать последовательный план преодоления отказа правительства Великобритании предоставить ей полномочия на проведение второго референдума. Лидер ШНП заручился поддержкой партии на ежегодной партийной конференции, предложив претендовать на «мандат» для проведения нового голосования по отделению от Великобритании, если партия получит простое большинство из 57 мест Шотландии в Вестминстере в ходе всеобщих выборов в 2024 г.²

Таким образом, сейчас можно наблюдать более сдержанную стратегию ШНП, намеренный отказ от политического скандала как субверсивной практики. Лидер шотландских националистов Хамза

¹ Tactical Voting Poll September 2023 // Electoral Calculus. – 11.09.2023. – Mode of access: https://www.electoralcalculus.co.uk/blogs/ec_tactical_20230911.html (accessed: 19.09.2023).

² Mnyanda L. SNP backs revised plan for Scottish independence referendum // Financial Times. – 15.10.2023. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/57728890-9555-4bb5-b571-b9253a2d6d55> (accessed: 17.10.2023).

Юзаф плавно отошел от стратегии бойкотов и пытается прибегнуть к стратегии коалиционных фракций, которая наиболее характерна для североирландских партий. Кроме того, он выступает за «институционализированное» противоборство, то есть планирует продвигать повестку о независимости Шотландии в случае существенного присутствия ШНП в британском парламенте.

В качестве заключительного, но немаловажного аккорда хотелось бы добавить, что Шотландия уделяет большое внимание парадипломатии, что также является способом давления на политический центр. Н.В. Еремина отмечает, что «Шотландия является флагманом европейской парадипломатии», что проявляется в наличии большого числа региональных инициатив по международному сотрудничеству [Еремина, 2023]. Например, Шотландия создает международные фонды (Фонд климатической справедливости, Международный фонд развития женщин и девочек), тесно сотрудничает с ООН по ключевым вопросам международного развития, реализует Цели устойчивого развития ООН. Шотландия продолжает поддерживать связи с институтами ЕС, а также состоит в международных организациях, продвигающих права регионов, например в Конгрессе местных и региональных правительств Европы.

* * *

В эпоху постбрексита политическая и экономическая обстановка в Великобритании отличается особой напряженностью, в частности обострением отношений центральной и региональной элиты.

Среди очевидных причин разногласий можно выделить социально-экономические проблемы, нерешенные вопросы деволюции и Брексита, энергетический кризис и кризис уровня жизни. Однако авторы исследования выдвигают гипотезу о том, что разногласия между общенациональной и региональной элитами кроются, прежде всего, в различном габитусе вышеуказанных элит, что в конечном счете влияет на политический ландшафт и стабильность в регионе. В этой связи в данной работе были проанализированы образовательные треки шотландской элиты, ее ценностные ориентации, каналы рекрутирования и, соответственно, механизмы давления на общенациональную британскую политическую элиту.

В плане своей идеологической ориентации шотландская политическая элита вступает в противоречие с убеждениями британской элиты. Ядро политической элиты, которое представлено ШНП, разделяет социал-демократические ценности, ему присущи локализм, эгалитарность.

Что касается механизмов рекрутирования шотландской политической элиты, то можно констатировать, что большую роль в этом процессе играют политические партии и движения, нежели образовательные институты. Это объясняется динамичной внутренней политикой региона с высокой степенью конкуренции между региональными партиями. Эмпирические исследования демонстрируют, что престижное образование не является детерминантой успеха для региональной политической элиты, что существенным образом отличает ее от британской элиты, для которой элитное образование возводится в культ.

Анализ показал, что на фоне обострения отношений центра и регионов в Великобритании региональная элита Шотландии обладает следующими рычагами давления на Вестминстер для продвижения как интересов региона, так и формирования общенациональной политики. Первым и важнейшим рычагом давления является деятельность ШНП, третьей по величине партией в палате общин. Несмотря на ряд ограничений, таких как отсутствие релевантного профессионального опыта у депутатов от ШНП, ряд процедурных ограничений, формальный институциональный охват партии расширился. Различия в габитусе британской и шотландской элит наиболее наглядно проявляются в рамках слушаний, прений в палате общин. Однако шотландская политическая элита сумела адаптироваться к новым для себя порядкам, отличным от порядков в Холируде. Во-вторых, так называемая стратегия бойкота и «скандала» ШНП является наиболее эффективной для продвижения собственных интересов. Консолидированность политической элиты Шотландии, обусловленная процедурой выборов в регионе (победу одерживает партия, набравшая большинство голосов), способствует ее согласованным действиям в Вестминстере. В-третьих, шотландская политическая элита использует такие методы давления на центральные власти, как: официальные запросы на проведение референдума, публикации программных документов, которые с исторической и экономической точек зрения обосновывают необходимость отделения региона от Соединенного Королевства.

Требование проведения второго референдума о независимости Шотландии является постоянным рычагом давления политической элиты Шотландии на Вестминстер. Новый лидер ШНП Х. Юсаф не планирует отступать от этой цели.

В то же время исследователи приходят к интересному наблюдению в области партийной стратегии. В 2024 г. ожидается отход от этой стратегии в пользу стратегии коалиционных фракций, которая была наиболее характерна для североирландских партий, в связи с прогнозируемой потерей депутатских мандатов в парламенте, а также выигрышем Лейбористской партии, по духу более близкой к ШНП, нежели тори. Кроме того, шотландская политическая элита не пренебрегает использованием парадипломатии для продвижения собственной повестки дня.

Различие ценностных ориентаций и установок подготавливает почву для расхождений в подходах политических элит Великобритании и Шотландии к решению социальных проблем и экономических вызовов. Сейчас шотландская элита сама претерпевает кризис и раскол, что снижает ее политическое влияние на британскую национальную элиту и делает ее позиции более уязвимыми. Однако сам факт нахождения шотландских националистов в британском парламенте, их институционализированное положение предоставляет им возможности для продвижения собственной повестки. На фоне других региональных партий, таких как Plaid Cymru, «Шинн Фейн» или ДЮП, ШНП обладает большим парламентским потенциалом.

O.V. Gaman-Golutvina, M.F. Utkina*

**Center-regional relations in the UK through the prism
of interaction between the National and Scottish political elites¹**

Abstract. The article is devoted to center-regional relations in the UK in the context of interaction between the national and Scottish political elite. The author makes the hypothesis that the causes of tension between the two elite groups are not limited to the governmental and economic crises that erupted in 2022 but are also caused by political-ideological factors and differences in habitus. Amid the aggravation

* **Gaman-Golutvina Oksana**, Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia); Russian Association of Political Science (Moscow, Russia), e-mail: ogaman@mail.ru; **Utkina Maria**, Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia), e-mail: utkina.m.f@my.mgimo.ru

¹ This article was supported by the MGIMO University "Priority-2030" program

of relations between the center and regions in the UK, it is important to analyze what leverages the regional elite of Scotland has on Westminster to promote both the region's interests and to form a national policy. The aim of the paper is to identify the features of the Scottish political elite habitus in order to understand the region's aspirations for secession, and to identify the mechanisms that the Scottish elite represented by the Scottish National Party uses to implement its own agenda. It was revealed that the significant strengthening of the positions of regional political forces in the United Kingdom, due to the process of devolution, as well as the institutional presence of the SNP in the UK Parliament, provide the Scottish elite with the opportunity to effectively influence Westminster.

Keywords: Great Britain; Scotland; devolution; political elites; Scottish National Party; Westminster; habitus; referendum.

For citation: Gaman-Golutvina O.V., Utkina M.F. Center-regional relations in the UK through the prism of interaction between the National and Scottish political elites. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 51–75. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.02>

References

- Anderson R. In search of the “lad of parts”: the mythical history of Scottish education. *History workshop*. 1985, N 19, P. 82–104.
- Beveridge C., Turnbull R. *The eclipse of Scottish culture: inferiorism and the intellectuals*. Edinburgh: Polygon, 1989, 121 p.
- Bromley C., Curtice J., Hinds K., Park Al. (ed.). *Devolution – Scottish answers to Scottish questions?* Edinburgh: Edinburgh university press, 2003, 224 p.
- Brown A. Designing the Scottish Parliament. *Parliamentary affairs*. 2000, Vol. 53, N 3, P. 542–556.
- Cairney P. The territorialisation of interest representation in Scotland: did devolution produce a new form of group-government relations? *Territory, politics, governance*. 2014, Vol. 2, N 3, P. 303– 321.
- Cairney P., Keating M. A new elite? Politicians and civil servants in Scotland after devolution. *Parliamentary affairs*. 2006, Vol. 59, N 1, P. 43–59.
- Eremina N. International activities of Scotland: Scottish nationalists' positions. *Vestnik of Saint Petersburg University. International relations*. 2023, Vol. 16, N 1, P. 83–97. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.105> (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O., Dudaeva M. center-regional relations in Italy. *International trends*. 2022, N 20 (1), P. 6–37. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.6>
- Copus C., Clark A., Reynaert H., Steyvers K. Minor party and independent politics beyond the mainstream: fluctuating fortunes but a permanent presence. *Parliamentary affairs*. 2009, Vol. 62, N 1, P. 4–18.
- Denniston R., Linklater M. *Anatomy of Scotland: how Scotland works*. Edinburgh: Chambers, 1992, 352 p.
- Hearn J. *Claiming Scotland: national identity and liberal culture*. Edinburgh: Polygon, 2000, 222 p.

- Leith M., Soule D. *Political discourse and national identity in Scotland*. Edinburgh: Edinburgh university press, 2012, 192 p.
- McCrone D. Changing places: Comparing 1986 and 2019 elites in Scotland. *Scottish affairs*. 2021, Vol. 30, N 1, P. 1–30.
- McCrone D. *Understanding Scotland. The sociology of a nation*. London: Routledge, 2001, 228 p.
- Okhoshin O. The Scottish national party: new leader, old issues. *Scientific and analytical Herald of IE RAS*. 2023, N 2, P. 42–54. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220234254> (In Russ.)
- Rogers R., Walters, R. *How parliament works*. London: Routledge, 2015, 438 p.
- Smith A. *National identity*. London; New York: Penguin Books, 1991, 227 p.
- Utkina M.F. Habitus, cultural and symbolic capital of the British political elite as resources of social reproduction. *Political science issues*. 2022, Vol. 12, N 4 (80), P. 1247–1259. (In Russ.)
- Utkina M.F. Political parties in Great Britain as an institution of electoral recruitment and promotion of the ruling elites. *Social and humanitarian knowledge*, 2023, N 2, P. 97–101. (In Russ.)
- Wright A. The SNP and UK Relations. In: Hassan G. (ed.). *The Modern SNP: From Protest to Power*. Edinburgh: Edinburgh university press, 2009, P. 177–89.

Литература на русском языке

- Гаман-Голутвина О., Дудаева М. Центр-региональные отношения в Италии в свете категориальной рефлексии, исторического опыта и испытания пандемией COVID-19 // Международные процессы. – 2022. – № 20 (1). – С. 6–37. – DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.6>
- Еремина Н.В. Международная деятельность Шотландии: взгляд шотландских националистов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2023. – Т. 16, Вып. 1. – С. 83–97. – DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.105>
- Охошин О.В. Шотландская национальная партия: новый лидер, старые проблемы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2023. – № 2. – С. 42–54. – DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220234254>
- Уткина М.Ф. Габитус, культурный и символический капитал британской политической элиты как ресурсы социального воспроизводства // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 4 (80). – С. 1247–1259.
- Уткина М.Ф. Политические партии Великобритании как институт электорального рекрутирования и продвижения правящих элит // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 2. – С. 97–101.

П.В. ПАНОВ*

СПЕЦИФИКА СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ РЕГИОНОВ РОССИИ: ВАРИАТИВНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИСПОЗИЦИИ «ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ»¹

Аннотация. Особое положение столичных городов в региональном пространстве находит выражение и в электоральной сфере. Как правило, в административных центрах субъектов РФ партия власти и ее кандидаты получают меньшую поддержку, чем на остальной части региона («периферии»). Вместе с тем степень специфики региональных столиц в электоральном ландшафте регионов оказывается очень разной. В данной работе предпринята попытка объяснить эту вариативность с точки зрения концепции «центр – периферия». Эмпирическим материалом для исследования стали федеральные выборы 2016–2018 гг., а именно разница в голосовании за «Единую Россию» и инкумента между столичным центром и периферией в кросс-региональном измерении. Для выявления структуры центров в регионе использованы разнообразные социально-экономические показатели, характеризующие соотношение столицы и периферии. Анализ, выполненный методом линейной регрессии, показал, что ключевое влияние на специфику голосования столиц имеет степень рурализации периферии, тогда как наличие на периферии больших городов и даже крупных экономических центров оказалось несущественным. Весомое воздействие на степень специфики региональных столиц в электоральном ландшафте регионов оказывает региональный

* **Панов Петр Вячеславович**, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН, e-mail: panov.petr@gmail.com

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы «Политические институты и процессы в современном территориальном и социокультурном контексте» АААА-А19-119032590065–5

© Панов П.В., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.01.03

режим. Голосование на президентских выборах в России более равномерное, чем на парламентских, и не только в кросс-региональном измерении, но и в рамках одного региона, в том числе между столицей и периферией. В результате на президентских выборах выявленные тенденции проявляются намного слабее, чем на парламентских.

Ключевые слова: регион; столица; центр; периферия; выборы; сравнительный анализ.

Для цитирования: Панов П.В. Специфика столичных городов в электоральном ландшафте регионов России: вариативность с точки зрения диспозиции «центр – периферия» // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 76–97. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.03>

Введение

Являясь институциональными и символическими центрами, «столицы» субъектов РФ занимают особое положение в региональном пространстве. Помимо того что в них расположены органы государственной власти, в России в подавляющем большинстве случаев региональные столицы являются еще и экономическими, и культурными центрами. Здесь находятся крупные промышленные предприятия, банки, больницы, театры, высшие учебные заведения и т.п. Такая специфика находит отражение и в электоральной сфере. Принято считать, и это подтверждается эмпирически, что в столичных городах «Единая Россия» как партия власти и ее кандидаты получают на выборах меньше поддержки, чем на остальной части региона («периферии»), и именно «центричность» столичных городов представляется вполне резонным тому объяснением.

Тем не менее степень специфики региональных столиц в электоральном ландшафте регионов оказывается очень разной, а в некоторых случаях она и вовсе отсутствует. В данной работе, опираясь на концепцию «центр – периферия», предпринята попытка ответить на вопрос, в какой мере эту вариативность можно объяснить степенью «центричности» региональных столиц, а именно кросс-региональными различиями в структуре отношений между центром и периферией.

Российские выборы под углом зрения концепции «центр – периферия»

Концепция «центр – периферия» используется для анализа «структурирования политического пространства, в ходе которого выделяются центры (ядра), с которыми связаны определенная активность, определенные процессы и, соответственно, периферии» [Туровский, 1999, с. 105]. По определению Э. Шилза, центр «обозначает тот сектор общества, где некоторые обладающие особой значимостью виды деятельности и функции наиболее сконцентрированы или более интенсивно осуществляются, чем в других секторах, и который в большей степени, чем другие сектора, является фокусом внимания, озабоченности, почтения и подражания» [цит. по: Каспэ, 2007, с. 31]. Таким образом, та или иная диспозиция «центр – периферия» складывается в результате пространственной неравномерности распределения различных ресурсов: политико-административных, социально-экономических, социокультурных.

Вместе с тем, поскольку ресурсы «центричности» разнообразны, отношения «центр – периферия» могут рассматриваться под углом зрения разных концепций (инновационная, управленческая, социально-экономическая, историческая), каждая из которых делает акцент на соответствующей разновидности «центричности». Так, управленческий центр предполагает концентрацию политико-административных ресурсов, социально-экономический – экономических, инновационный – это «место, в котором происходит выработка своих собственных инноваций» [Туровский, 1999, с. 108].

В центре внимания данной работы – столицы субъектов РФ, которые по определению являются политико-административными центрами регионов, то есть по степени управленческой «центричности» они примерно одинаковы. Следовательно, вариативность специфики региональных столиц в электоральном ландшафте регионов может объясняться их различиями с точки зрения социально-экономической «центричности» по отношению к региональной периферии. В этом отношении можно выделить как общие черты региональных столиц, так и существенные различия.

Общее состоит прежде всего в том, что все региональные столицы являются городами, а в современном мире именно в городах сосредоточиваются не только материальные, но и человеческие ресурсы, что делает их центрами модернизации экономики и

человеческого капитала [Зубаревич, 2010]. Городская среда более насыщена в социокультурном и информационном отношении, городские жители более образованны и более благополучны в экономическом плане. Люди в городе более мобильны, у них значительно больше социальных контактов и связей. Все это делает городских жителей более самостоятельными и более притязательными, более критически мыслящими, в том числе в отношении власти. Не удивительно, что на протяжении многих лет прослеживается негативная статистически значимая (на уровне 0,01) корреляция между долей городского населения в регионах и голосованием за партию власти / кандидата власти (см табл. 1). Столичные города, разумеется, тоже вносят свой «вклад» в эту взаимосвязь.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции

Корреляция между долей городского населения в регионе и голосованием за партию власти / кандидата власти				
	2007–2008	2011–2012	2016–2018	2021
Дума	-0,557**	-0,565**	-0,515**	-0,455**
Президент	-0,462**	-0,543**	-0,418**	
Корреляция между долей столичного города в населении региона и голосованием за партию власти / кандидата власти				
	2007–2008	2011–2012	2016–2018	2021
Дума	-0,394**	-0,284**	-0,322**	-0,317**
Президент	-0,260**	-0,416**	-0,335**	

Источник: данные автора.

Дополнительное объяснение этого связано с особенностями электоральной мобилизации в условиях электорального авторитаризма, а именно с работой политических машин – организационных структур, которые координируют различные способы непрограммной мобилизации избирателей – от административного давления и покупки голосов до персональных поощрений и использования личных связей [Banfield, Wilson, 1965; Scott, 1969]. Такие организации обнаруживаются в самых разных политических режимах и контекстах, однако в условиях ограниченной конкуренции, характерной для электорального авторитаризма, ресурсы политических машин в значительной мере сконцентрированы в руках партии власти. При этом хорошо известно, что политические машины работают более успешно среди относительно бедных и

менее образованных категорий населения [Jensen, Justesen, 2014; Schaffer, 2007], а также в сельских сообществах, где слабая социальная мобильность сопровождается высокой плотностью социальных связей [Ravanilla et al., 2022; Hicken, Nathan, 2020].

Как представляется, эти два объяснения (условно «модернизационное» и «мобилизационное») не противоречат, а дополняют и, соответственно, усиливают друг друга. На этом фоне выглядит неожиданным, что несмотря на корреляцию между долей городского населения и голосованием за партию власти / кандидатов власти, в большинстве кросс-региональных сравнительных исследований, где тестируются статистические модели голосования с несколькими предикторами, переменная доля городского населения, хотя и имеет негативные значения коэффициентов, редко оказывается статистически значимой [Obydenkova, Libman, 2013; Panov, Ross, 2019]. Частично это можно объяснить тем, что политические машины научились работать и в городской среде, успешно проводя электоральную мобилизацию на рабочих местах в бюджетных организациях, на крупных предприятиях, где их агентами выступают руководители разного уровня [Frye et al., 2014].

Кроме того, если посмотреть на электоральное поведение через призму стандартной модели экономического голосования, более благополучные в экономическом отношении группы населения (а городские жители в целом более благополучны, чем сельские) должны голосовать скорее за партию власти / кандидатов власти, а не против. Иначе говоря, экономический подход к объяснению голосования формирует противоположные по сравнению с «модернизационным» и «мобилизационным» теоретические ожидания. И, как показывают некоторые исследования, частично эти ожидания подтверждаются [Щербак, Сенников, Лисовский, 2013; Туровский, Гайворонский, 2017]. Действительно, электоральное поведение находится под влиянием разных факторов, и нередко они действуют в противоположных направлениях, в частности, одни «благополучные горожане» голосуют за партию власти («экономически»), а другие против («критически»). В результате при включении в статистические модели такого фактора, как благополучие, доли городского и столичного населения в регионе могут терять статистическую значимость. Тем не менее, поскольку эти показатели коррелируют с голосованием за партию власти / кандидатов власти отрицательно, это дает основание полагать, что

в российской практике превалирует все же «критический» вариант, то есть центр-периферийная («модернизационная») версия имеет большую объяснительную силу, нежели экономическая, хотя последнюю нельзя не учитывать.

Имея общие черты, столичные города в то же время существенно различаются по своим социально-экономическим характеристикам, а регионы – по структуре отношений между их столичными центрами и перифериями. Как подчеркивает Н.В. Зубаревич, «Различия по регионам только отчасти объясняют социальную дифференциацию страны. Многое становится более понятным, если сменить ракурс и использовать другой критерий – центр-периферийный. В этом случае рассматривается иерархическая система населенных мест: от крупнейших городов к менее крупным, малым и к сельской периферии. Важнейший критерий разделения – численность населения. “Размер имеет значение”, поскольку эффект концентрации (агломерационный эффект) объективно ускоряет модернизацию» [Зубаревич, 2012, с. 139–140]. Опираясь на этот тезис, автор выдвинула концепцию «четырех России»: «Россия-1» – модернизированные крупные города с населением более 500 тыс. человек; «Россия-2» – жители городов с населением от 50 до 250 тыс. человек (города от 250 до 500 тыс. жителей занимают промежуточное положение между первой и второй группами); «Россия-3» – периферия, которая включает жителей села, многочисленных поселков городского типа и малых городов¹. Особая категория – «Россия-4», это республики Северного Кавказа и юга Сибири (Тыва и Алтай), где по разным причинам центр-периферийный градиент выражен слабее.

Нельзя не заметить, что именно для «России-1» характерны такие признаки, как высокий уровень жизни, образования, массовое использование Интернета, широкий выбор рабочих мест и потребительских возможностей, приток молодежи из периферии и т.д., то есть те характеристики, которые используются для «модернизационного объяснения» специфики электорального поведения в городах. Однако подавляющая часть городов России (более

¹ По стандартной классификации все города делятся на малые (население до 50 тыс. человек), средние (до 100 тыс. человек), большие (до 250 тыс. человек), крупные (до 500 тыс. человек) и крупнейшие (более 500 тыс. человек в том числе «миллионники»). Таким образом, «Россия-1» – это крупнейшие города, «Россия-2» – средние и большие, «Россия-3» – малые и сельская периферия.

70%) – это относительно небольшие населенные пункты (менее 50 тыс. жителей), по характеру жизнедеятельности мало чем отличающиеся от сельских поселений («Россия-3»), то есть сам по себе статус города отнюдь не делает населенный пункт центром модернизации. Более того, из 79 региональных столиц только 34 в 2016–2018 гг. (период данного исследования), то есть менее половины, имели население более 500 тыс. человек, а в 17 столицах население составляло менее 250 тыс. человек, в том числе в 8 из них – менее 100 тыс. человек¹. Следовательно, политико-административная «центричность» региональных столиц далеко не всегда сопровождается высоким модернизационным потенциалом.

Вместе с тем и периферия в регионах России очень разная. Даже в тех случаях, когда столичный город является достаточно крупным, на периферии могут быть и другие большие города, которые (как минимум потенциально) являются центрами модернизации, а порой и «конкурентами» столицы: Тольятти в Самарской области, Магнитогорск в Челябинской и т.д. Череповец в Вологодской области, крупный центр металлургии, имеет население даже несколько больше, чем столица, а Новокузнецк в Кемеровской – почти такое же. Еще более яркие примеры – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, где столицы по населению многократно уступают другим городам (Сургут, Нижневартовск, Новый Уренгой), которые выросли как центры нефтегазодобывающей индустрии.

Подобная ситуация концептуализируется в известной роккановской дихотомии «моноцефальность versus полицефальность»: «Моноцефальное территориальное образование – это такая структура, в которой в соответствии обоим определениям центра и по всем трем измерениям дифференциации (политическому, экономическому, культурному) имеется заметное первенство только одной области, или даже только одного города. Напротив, полицефальность означает более ровное, более однородное распространение признаков центрального положения по всей территории, и, возможно, пространственную сегментацию различных типов обладателей ресурсов, цепь функционально различных центров, каждый из которых обладает своим собственным профилем элитных групп» [Роккан, Урвин, 2003, с. 121].

¹ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2018. Стат. сб. / Росстат. М., 2018.

Таким образом, опираясь на концепцию «центр – периферия» можно выдвинуть гипотезу, что вариативность по степени специфики региональных столиц в электоральном пространстве регионов вызвана различиями в структуре отношений между столичными центрами и периферией:

Чем ближе структура центров к моноцефальной, тем больше будет специфика столицы в электоральном ландшафте региона, и наоборот.

Эмпирическая база исследования, переменные и гипотезы

Эмпирической базой для исследования были итоги голосования за партию власти («Единая Россия») и кандидата власти (В.В. Путина) в электоральном цикле 2016–2018 гг. Этот цикл представляется наиболее уместным для решения поставленной задачи, поскольку выборы проходили в относительно стабильной по сравнению с 2011–2012 гг. политической ситуации, а также в отсутствии какие-то сильных «специфических» для отдельных регионов внешних факторов, способных существенно повлиять на результаты. Исключение – голосование в Крыму и Севастополе, которые только что вошли в состав России. По этой причине данные регионы исключены из анализа, как и четыре других субъекта РФ (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область), в которых диспозиция «центр – периферия» в явном виде отсутствует. Таким образом, общее количество наблюдений составляет 79.

Зависимая переменная – разница в голосовании за ЕР / инкумбента между столичным центром и региональной периферией (*ЕР-разн* и *Инк-разн*). Для того, чтобы вычислить значения зависимой переменной, на основании официальных данных ЦИК¹ были отдельно рассчитаны доли голосов, полученных ЕР / инкумбентом в столичных центрах и на остальной части территории региона (периферии), а затем из второго значения было вычтено первое. Таким образом разница оказывается положительной в тех случаях, когда столица, в соответствии с теоретическими ожиданиями, го-

¹ Официальный сайт ЦИК РФ. – Режим доступа: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата посещения: 14.02.2023).

лосует хуже за ЕР / инкумбента, чем периферия. Действительно, только в трех случаях ЕР-разн принимает отрицательные значения: Ставропольский и Забайкальский края (но здесь разница близка к нулевой: $-0,36\%$ и $-0,43\%$) и Северная Осетия ($-3,83\%$). В 35 регионах значение ЕР-разн, напротив, более 10% , самое высокое в Липецкой области ($28,1\%$).

Президентские выборы в этом отношении заметно отличаются. Отрицательные значения Инк-разн обнаруживаются в 13 регионах (правда, разница более 3% – только в четырех случаях (в том числе максимальная « $-7,26$ » в Ставропольском крае), тогда как положительная разница более 10% – лишь в четырех субъектах РФ, и максимальное значение намного меньше, чем в случае ЕР-разн (12% в Ингушетии). Это говорит о том, что результаты голосования за Путина в пространстве региона значительно более ровные, чем за ЕР.

Независимые переменные. Для того чтобы измерить структуру центров регионального пространства, были взяты несколько показателей¹. Во-первых, была рассчитана доля столицы в населении региона (*Столица-доля*). Это представляется более валидным для данного исследования, чем, например, численность населения столицы, поскольку характеризует не столицу как таковую, а ее размер относительно всего региона. Второй индикатор, наоборот, характеризует структуру центров с точки зрения периферии. Учитывая, что на периферии могут быть города как иные (потенциальные) центры, была рассчитана доля сельского населения на периферии (*Периферия-сел*). Предполагается, что чем выше значения обоих показателей, тем ближе структура центров к моноцефальной.

В-третьих, поскольку на периферии могут быть не просто города, а большие города, которые обладают потенциалом «центричности», был взят такой показатель, как доля населения, проживающего на периферии в городах с населением более 100 тыс. человек (*Периферия-100гор*). Население всех городов в регионе

¹ Значения всех показателей рассчитаны на основании официальных данных Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Стат. сб. / Росстат. М., 2019; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2020. Стат. сб. / Росстат. М., 2020.

численностью более 100 тыс. человек (без столичного города) было суммировано и поделено на численность населения периферии¹.

В-четвертых, в соответствии с концепцией «четырех Рос-сий», модернизационным потенциалом обладают не просто большие, а крупные города, с населением более 250 тыс. человек, которые потенциально относятся к «России-1» или близки к ней (занимают промежуточное положение). Однако, как уже отмечалось выше, не все столицы относятся к крупным городам, и на периферии они есть только в 10 из 79 регионов, так что простая кодировка через долю населения в данном случае не имеет смысла. Вместе с тем в нескольких регионах на периферии есть города, которые по численности населения превосходят или примерно равны региональной столице, и это тоже имеет существенное значение для определения структуры центров, независимо от численности населения городов: Ингушетия, ЯНАО, ХМАО, Вологодская и Кемеровская области. При этом в трех последних случаях другие города (Сургут, Череповец и Новокузнецк) имеют население более, чем 250 тыс. человек, то есть по этому критерию они соответствуют «России-1» и являются явными конкурентами столице с точки зрения «центричности».

Чтобы учесть все эти параметры (категория столичного города, наличие на периферии крупных городов и преобладание периферийных городов над столицей по населению), был создан порядковый композитный индекс *Круп-города* из двух составляющих (см. табл. 2). Максимальное значение Круп-города («6») принимает в 7 случаях (Воронежская, Нижегородская, Новосибирская, Омская и Ростовская области, Красноярский и Пермский края), минимальное («0») – только в ХМАО. Гипотетически, чем выше значение обоих компонентов и суммарное значение Круп-города, тем ближе структура центров к моноцефальной, и тем больше должна быть

¹ В некотором смысле это «обратный» показатель по отношению к Периферия-сел, однако они отнюдь не тождественны, так как городское население на периферии может проживать в малых и средних городах, и это подтверждается тем, что корреляция между ними средняя по силе ($-0,498^{**}$). При этом нельзя не отметить, что Периферия-100гор принимает значения более «0» только в 36 регионах, в остальных субъектах РФ больших городов на периферии нет. Более того, в пяти регионах (Чукотка, Ненецкий АО, Алтай, Еврейская АО и Магаданская обл.) даже у столичного города население менее 100 тыс. человек.

разница между столицей и периферией в голосовании за партию власти / кандидата власти.

Таблица 2

Кодировка композитного индекса «Круп-города»

Столица		Периферия	
0	Менее 250 тыс. человек	0	Есть города с населением более 250 человек, и оно больше или почти такое же, как в столице
1	От 250 тыс. чел. до 500 тыс. человек	1	Есть города с населением больше, чем в столице, но оно меньше 250 тыс. человек
2	От 500 тыс. чел. до 1 млн. человек	2	Есть города с населением более 250 человек, но это меньше, чем в столице
3	Более 1 млн. человек	3	Нет городов с населением более 250 тыс. человек

Наконец, необходимо учесть феномен «России-4». По словам Н.В. Зубаревич, для республик Северного Кавказа и Южной Сибири центр-периферийная диспозиция теряет объяснительную силу, поскольку здесь не завершены ни демографический переход, ни процесс урбанизации. Население городов растет довольно большими темпами за счет перемещения в них сельских жителей, но в них «мало городского образованного среднего класса, и он вымывается, мигрируя в другие регионы, где жить более комфортно» [Зубаревич, 2012, с. 148]. По этой причине в исследование была добавлена дихотомическая переменная *Россия-4*: значение «1» для регионов Северного Кавказа и Южной Сибири, и «0» для остальных субъектов РФ. При такой кодировке ожидается, что «Россия-4» будет негативно влиять на значения ЕР-разн и Инк-разн.

Далее следует подчеркнуть, что показатели, предлагаемые для измерения структуры центров в регионе, далеко не совершенны, поскольку основываются на сугубо демографических данных, тогда как «центричность» городов, очевидно, определяется не только размерами населения, но и иными параметрами. Из разнообразных данных по социально-экономическим характеристикам городов были отобраны два индикатора. Первый – среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций столичного города за 2017 г.¹ Достоинство этого показателя в том, что аналогичный показатель рассчитывается и для субъектов РФ, поэтому

¹ База данных показателей муниципальных образований. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата посещения: 14.02.2023).

значения среднемесячной зарплаты в столице были взвешены и представлены в процентах к региональным значениям (*ЗП-соотн*). В подавляющем большинстве случаев это более 100% (больше всего – Ростовская область, 142,5%), только в трех регионах – Якутия, Ненецкий АО и Ингушетия – среднемесячная зарплата в столице ниже регионального значения. В двух первых случаях это связано с тем, что наиболее крупные и успешные предприятия находятся на периферии, а в Ингушетии столица Магас – новый город, где промышленность практически отсутствует.

Второй показатель (*Столица-уст.развитие*) – комплексный индекс устойчивого развития столичных городов, который ежегодно рассчитывает ООО «Агентство Эс Джи Эм» на основе 42 статистических показателей, характеризующих развитие города по пяти основным блокам: состояние экономики, городская инфраструктура, демография, социальная инфраструктура, экология. Данные взяты за 2017 г.¹

Сочетание этих двух показателей в данном случае представляется оптимальным, так как они характеризуют не только социально-экономический ракурс соотношения столицы и периферии, но имеют смысл и с точки зрения экономической модели голосования, которую необходимо учитывать как альтернативное объяснение: *ЗП-соотн* может быть индикатором оценки столичными избирателями своего собственного экономического положения («эгоцентрическая» версия экономического голосования), а *Столица-уст. развитие* – индикатором оценки развития города в целом («социотропная» версия).

Контрольные переменные. В качестве контрольных переменных использованы показатели, характеризующие политическую специфику субъектов РФ. Прежде всего, следует контролировать региональный политический режим – параметр, по которому регионы России весьма существенно различаются [Гайворонский, 2015; Saikkonen, 2016]. По классификации М. Говарда и Ф. Ресслера [Howard, Roessler, 2006] их можно расположить в континууме от гегемонистского до конкурентного авторитаризма.

¹ Рейтинг устойчивого развития городов. – Режим доступа: <https://www.agencysgm.com/ratings/> (дата посещения: 14.02.2023). По аналогичной методике рассчитывается и рейтинг устойчивого развития регионов, однако он представлен только в форме рейтинга, без значения индексов, что не позволяет взвесить *Столица-уст.развитие* региональными показателями.

В гегемонистском режиме региональная власть практически полностью контролирует политический процесс, однако поскольку полный контроль все же невозможен, можно предположить, что он будет более результативным на периферии, нежели в столице, так что значения *ЕР-разн* и *Инк-разн* в более жестких региональных режимах должны быть выше.

Для измерения степени конкурентности регионального политического режима были использованы результаты выборов региональных парламентов в период 2013–2017 гг., что соответствует периоду, который анализируется в данной работе. Преимущество региональных выборов в том, что они более точно характеризуют специфику регионального политического режима, так как позволяют учесть не только итоги голосования по партийным спискам (эффективные числа партий), но и степень конкурентности в мажоритарных округах (через долю конкурентных округов) [Ross, Panov, 2019]. Для сопоставимости степени конкуренции по двум этим компонентам ЭЧП по партийным спискам были нормированы от 0 до 1, а пропущенные значения по мажоритарным округам (в регионах, где только на выборах парламентов используется пропорциональная система) были заполнены на основе средних значений двух соседних случаев. Затем два показателя были перемножены, а чтобы нивелировать вероятное смещение из-за замены пропущенных значений, полученные результаты были трансформированы в ранговую шкалу от «1» (наиболее жесткий авторитаризм) до «10» (наиболее конкурентный авторитаризм).

Во-вторых, резонно предположить, что на *ЕР-разн* и *Инк-разн* может оказывать влияние степень автономности столицы относительно региона. Измерить ее, однако, весьма проблематично, поскольку стандартные социально-экономические показатели, такие, например, как доля трансфертов в городском бюджете, для данной цели представляются не вполне валидными. Поэтому в качестве аппроксимации был использован такой показатель, как способ рекрутирования мэра столичного города. Можно предположить, что, при прочих равных условиях, избранные на прямых выборах главы будут более самостоятельны относительно региональной власти, и это может усиливать специфику голосования в столице. Несмотря на то что количество муниципалитетов, где глава избирается, в России неуклонно сокращается, в 2016 г. выборность мэров сохранялась в восьми региональных столицах (Калинин-

градская, Кемеровская, Новосибирская, Томская и Сахалинская области, Хабаровский край, Якутия и Хакасия), к 2018 г. – в шести (из этой категории выпали Сахалинская и Калининградская области) [Казанцев, Румянцева, 2020]¹.

Таким образом, гипотетически положительное влияние на специфику голосования за партию власти / кандидатов власти в региональных столицах по сравнению с региональной периферией должны оказывать шесть из девяти независимых и контрольных переменных: Столица-доля, Периферия-сел, Круп-города, ЗП-соотн, Столица-уст.развитие и Столица-выбор-мэр. Остальные три переменные (Периферия-100гор, Россия-4 и Регион-режим), как ожидается, оказывают негативное воздействие. Описательная статистика по всем переменным представлена в табл. 3.

Таблица 3

Описательная статистика

	N	Минимум	Максимум	Диапазон	Среднее	Ст. откл.
ЕР-разн	79	-3,83	28,10	31,93	9,93	7,30
Инк-разн	79	-7,26	12,05	19,31	2,91	4,02
Столица-доля	79	0,84	69,18	68,34	36,52	11,75
Периферия-сел	79	8,19	100,00	91,81	47,46	17,62
Периферия-100гор	79	0,00	50,12	50,12	11,26	14,03
Круп-города	79	0	6	6	4,06	1,21
Россия-4	79	0	1	1	0,10	0,30
ЗП-соотн	79	94,94	142,48	47,54	121,61	9,88
Столица-уст. развитие	72	0,40	0,67	0,27	0,52	0,05
Регион- режим	79	1	10	9	3,92	2,31
Столица-выбор-мэр (2016)	79	0	1	1	0,10	0,30
Столица-выбор-мэр (2018)	79	0	1	1	0,08	0,27

Результаты анализа

Для анализа использован метод множественной линейной регрессии (МНК). Для каждой из двух зависимых переменных были построены три модели. В первую включены только первые пять не-

¹ Кроме прямых выборов, в настоящее время глава столичного города может быть рекрутирован по конкурсу либо избран депутатами из своего состава. Различие между двумя последними моделями для данного исследования несущественно.

зависимых переменных, во вторую добавлены два социально-экономических показателя столичных городов, в третью модель – контрольные переменные. Результаты анализа представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа

	ЕР-разн			Инк-разн		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 1	Модель 2	Модель 3
	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)
Столица-доля	0,031 (0,082)	0,115 (0,091)	0,157* (0,086)	-0,051 (0,049)	0,006 (0,051)	0,005 (0,050)
Периферия-сел	0,220*** (0,055)	0,251*** (0,057)	0,218*** (0,054)	0,099*** (0,033)	0,115*** (0,033)	0,102*** (0,032)
Периферия-100гор	-0,015 (0,067)	-0,028 (0,071)	-0,031 (0,065)	-0,001 (0,040)	0,014 (0,040)	0,008 (0,040)
Круп-города	-0,394 (0,697)	-0,113 (0,941)	-0,479 (0,887)	-0,362 (0,420)	-0,762 (0,533)	-0,747 (0,519)
Россия-4	-11,893*** (2,983)	-11,670*** (3,300)	-13,701*** (3,167)	-1,566 (1,796)	-2,668 (1,870)	-3,913** (1,887)
ЗП-соотношение		-0,031 (0,102)	-0,016 (0,094)		0,018 (0,058)	0,025 (0,056)
Столица-уст.развитие		19,167 (15,998)	18,227 (15,533)		7,800 (9,062)	3,320 (8,996)
Регион-режим			-0,861*** (0,320)			-0,460** (0,190)
Столица-выбор-мэр			-5,071** (2,329)			-0,248 (1,522)
Constant	1,316 (4,061)	-10,578 (13,714)	-6,236 (13,044)	1,752 (2,445)	-5,828 (7,768)	-1,768 (7,737)
Adjusted R-square	0,246	0,392	0,399	0,099	0,102	0,153
N	79	72	72	79	72	72
Significance	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01					

Они показывают, что гипотеза о влиянии структуры центров на специфику голосования в региональных столицах за партию власти и ее кандидатов подтверждается лишь частично. Во всех моделях позитивное и статистически значимое воздействие оказывает Периферия-сел. Увеличение доли сельского населения на периферии на 1% дает прирост ЕР-разн от 0,2 до 0,25 п.п. Вместе с тем коэффициенты других индикаторов структуры центров не вполне соответствуют ожиданиям. Доля столицы в населении

региона имеет положительный знак, но статистическую значимость приобретает только в Модели 3. Периферия-100гор имеет, как и ожидалось, отрицательные коэффициенты, но они статистически незначимы. В принципе, это соответствует идее Н.В. Зубаревич о том, что данная категория городов не обладает существенным модернизационным потенциалом. Вместе с тем и предиктор Круп-города не показал статистической значимости, так что социально-экономические основания структуры центров оказываются не слишком значимыми с точки зрения воздействия на специфику голосования столиц. Действительно, среди регионов, у которых самые низкие значения показателя Круп-города (от 0 до 2) обнаруживают не только ХМАО и Кемеровская область, где значения ЕР-разн, в соответствии ожиданиями, очень низкие (0,27% и 0,51%), но и ЯНАО, Вологодская область, где они выше среднего (17,89% и 11,30%). И, наоборот, в пятерке регионов с наивысшим значением Круп-города («6») не только Воронежская область, где ЕР-разн составляет 25,9%, но и Красноярский край (8,57%), Новосибирская область (всего 7,88%), Пермский край (5,58%).

Социально-экономические индикаторы показали противоположные коэффициенты: отрицательные у ЗП-соотношение и положительные у Столица-уст.развитие. Статистически они не значимы, но следует заметить, что в последнем случае они намного ближе к статистической значимости, чем в первом. Следовательно, высокие показатели устойчивого развития столицы (как центра) имеют слабую тенденцию увеличивать специфику голосования за ЕР, тогда как ЗП-соотношение – снижать, правда, очень слабо и статистически не значимо. Тем не менее это говорит о наличии следов экономической модели голосования в ее эгоцентрической версии, то есть более «благополучные столичные жители» склонны больше поддерживать партию власти.

Примечательно, что устойчивое негативное и статистически значимое влияние на ЕР-разн имеет принадлежность региона к *России-4*, она снижает разницу в голосовании за партию власти в региональных столицах по сравнению с региональной периферией на 11–13 п.п. Учитывая, что в среднем по регионам разница в голосовании за ЕР составляет около 10%, это означает, что в *России-4* ее фактически нет. Если же исключить регионы, принадлежащие к *России-4* из выборки, все остальные оценки модели остаются на прежнем уровне, а в ряде случаев даже улучшаются.

Что касается контрольных переменных, они продемонстрировали статистически значимое воздействие на *ЕР-разн*. Как и ожидалось, конкурентность регионального режима негативно воздействует на специфику голосования за ЕР в столичных городах. Выборность главы региональной столицы, напротив, показала противоположный ожиданиям результат. В столицах с выборными мэрами *ЕР-разн* снижается на 5 п.п. В какой-то мере это объясняется небольшим количеством случаев, где сохранялись выборы глав столичных городов. Тем не менее нельзя не заметить, что выборность мэра отнюдь не значит, что он находится в оппозиции региональной власти, тем более замечено, что в регионах с более жестким авторитаризмом у губернаторов нет особых стимулов менять сложившуюся институциональную структуру МСУ, поскольку они и так держат ситуацию под контролем. Это объясняет, например, почему выборность главы региональной столицы долгое время сохранялась в Кемеровской области (в настоящее время выборы главы Кемерово отменены). Кроме того, если даже избранный мэр столицы более автономен от губернатора, на федеральных выборах у него возникают дополнительные стимулы продемонстрировать лояльность партии власти, а возможностей у главы, имеющего собственный электоральный опыт, в этом плане даже больше, чем у «назначенного».

Модели с президентскими выборами показывают значительно меньшую объяснительную силу. Хотя направления влияния предикторов в этих моделях (за небольшими исключениями) такие же, значения коэффициентов существенно ниже даже в тех случаях, когда они имеют статистическую значимость. Так, увеличение Периферия-сел на 1% добавляет *Инк-разн* всего 0,1 п.п., что в 2 раза меньше, чем у *ЕР-разн*. *Россия-4* приобретает статистическую значимость только в третьей модели, при этом значение коэффициента в 3 раза ниже, чем в *ЕР-разн*. В 2 раза слабее и влияние конкурентности регионального политического режима. Намного ниже и общая оценка модели: значение скорректированного R-square составляет всего лишь 0,1–0,15 по сравнению с 0,25–0,4 в моделях с *ЕР-разн*. Все это еще раз подтверждает выводы предыдущих исследований, что голосование на президентских выборах в России существенно отличается от выборов Думы [Туровский, 2018; Blackburn, 2020]. Президентские выборы характеризуются значительно более персонифицированным голосованием, при этом

атрибуция ответственности за состояние экономики возлагается, как правило, на правительство и на «Единую Россию» как партию власти, но не на президента, которому, напротив, атрибутируются все основные достижения [Семенов, Шевцова, 2019; Sirotkina, Zavadskaya, 2020]. Все это приводит к тому, что различия в голосовании между широкими категориями избирателей, в том числе между жителями региональных столиц и периферии, в существенной мере нивелируются.

Выводы

Анализ специфики голосования за партию власти / кандидатов власти в региональных столицах по сравнению с региональной периферией под углом зрения концепции «центр – периферия» показывает, что структура центров в регионах России оказывает некоторое влияние на электоральный ландшафт субъектов РФ. Ключевое значение из всех параметров, характеризующих структуру центров, имеют степень рурализации периферии: чем больше доля сельского населения на периферии, тем больше различия в поддержке партии власти между столицей и периферией. Наличие на периферии больших городов и даже крупных экономических центров оказалось несущественным. Можно предположить, что это связано с тем, что традиционно в России не столько величина города, сколько столичный статус как таковой предполагает создание и развитие высших учебных заведений, театров, музеев и т.п., то есть явно связан с концентрацией человеческого капитала. Периферийные города России обделены этими благами, и даже развитые крупные социально-экономические центры, за отдельными исключениями, не в состоянии конкурировать со столицами в этом отношении.

Не слишком высокая объяснительная сила фактора структуры центров, впрочем, может быть вызвана тем, что имеющиеся показатели не в полной мере раскрывают такой сложный феномен, как структура отношений между центром и периферией. Кроме того, на различия в голосовании за партию власти / кандидатов власти в региональных столицах по сравнению с региональной периферией влияют и другие факторы. В частности, исследование показало, что существенное воздействие оказывает региональный

политический режим. Не следует недооценивать и влияние «экономического голосования», которое, действуя в противоположном направлении, сглаживает эффекты центр-периферийности. Наконец, очевидно, что на итоги голосования влияет множество ситуационных факторов, специфических для отдельных столиц и регионов, которые выявляются только в качественных исследованиях отдельных случаев.

Протестированные модели объясняют до 40% вариации в разнице голосования за «Единую Россию» между столицей и периферией. Голосование на президентских выборах в России намного более равномерное, чем на парламентских, и не только в кросс-региональном измерении, но и в рамках одного региона, в том числе между столицей и периферией. В результате на президентских выборах выявленные тенденции, в том числе воздействие структуры центров на специфику голосования столиц, сохраняются, но они значительно слабее, чем на парламентских.

P.V. Panov*

**The specificity of capital cities in the electoral landscape
of Russian regions: variability in the framework
of the «center-periphery» disposition¹**

Abstract. The special position of capital cities in the regional space is also reflected in the electoral sphere. As a rule, in the administrative centers of the subjects of the Russian Federation, the ruling party and its candidates receive less support than in the rest of the region («periphery»). At the same time, the degree of specificity of regional capitals in the electoral landscape of the regions turns out to be very different. In this paper, an attempt is made to explain this variability from the view of the concept of «center – periphery». The empirical data for the study was the federal elections of 2016–2018, namely the difference in voting for «United Russia» party and the incumbent between the capital cities and the periphery in the cross-regional dimension. To identify the structure of the centers in the region, the author used various socio-economic indicators characterizing the ratio of the capital and the periphery. The analysis employed the method of linear regression and showed that the degree of

* **Panov Petr**, Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian academy of sciences (Perm, Russia), e-mail: panov.petr@gmail.com

¹ The study was carried out within the framework of the state task; «Political institutions and processes in the modern territorial and socio-cultural context», the state registration № AAAA-A19-119032590065-5.

ruralization of the periphery and the status of the capital city as such exert a key influence on the specifics of voting in the capitals. The presence of large cities on the periphery turned out to be insignificant. The regional regime has a more significant influence on the degree of specificity of regional capitals in the electoral landscape of the regions. Voting in the presidential elections in Russia is much more even than in the parliamentary ones, and not only in the cross-regional dimension, but also within the same region, even between the capital and the periphery. As a result, the trends revealed are much weaker in the presidential elections than in the parliamentary ones.

Keywords: region; capital; center, periphery; elections; comparative analysis.

For citation: Panov P.V. The specificity of capital cities in the electoral landscape of Russian regions: variability in the framework of the «center-periphery» disposition. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 76–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.03>

References

- Banfield E., Wilson J. *City politics*. Cambridge: Harvard university press, 1965, 362 p.
- Blackburn M. Political legitimacy in contemporary Russia ‘from below’: ‘Pro-Putin’ stances, the normative split and imagining two Russias. *Russian politics*. 2020, N 5, P. 52–80.
- Frye T., Reuter O. J., Szakonyi D. Political machines at work voter mobilization and electoral subversion in the workplace. *World politics*. 2014, N 2, P. 195–228.
- Gajvoronskij Y.O. Regional political regimes in Russia: conceptual novelties and applications. *Politiya*. 2015, N 2. P. 21–37. (In Russ.)
- Hicken A., Nathan N. Clientelism’s Red Herrings: dead ends and new directions in the study of nonprogrammatic politics. *Annual review of political science*. 2020, N 1, P. 277–94.
- Howard M., Roessler P. Liberalizing electoral outcomes in competitive authoritarian regimes. *American journal of political science*. 2006, N 2, P. 365–381.
- Jensen P., Justesen M. Poverty and vote buying: Survey-based evidence from Africa. *Electoral studies*. 2014, N 1, P. 220–232.
- Kaspe S.I. *Centers and hierarchies: spatial metaphors of power and the Western political form*. Moscow: MSPS, 2007, 320 p. (In Russ.)
- Kazancev K.I., Rumyantseva A.E. *From elections to appointment: the estimation of the effect of change of the model of management of municipalities in Russia*. Moscow: CPUR, 2020, 67 p. (In Russ.)
- Obydenkova A., Libman A. National autocratization and the survival of sub-national democracy: Evidence from Russia’s parliamentary elections of 2011. *Acta Politica*. 2013, N 4, P. 459–489.
- Panov P., Ross C. Volatility in electoral support for United Russia: cross-regional variations in Putin’s Electoral authoritarian regime. *Europe-Asia studies*. 2019, N 2, P. 268–289.
- Ravanilla N., Haim D., Hicken A. Brokers, Social networks, reciprocity and strategies of clientelism. *American journal of political science*. 2022, N 4, P. 795–812.

- Rokkan S., Urvin D. Territorial identity politics. *Logos*. 2003, N 6, P. 117–132. (In Russ.)
- Ross C., Panov P. The range and limitation of sub-national variations under electoral authoritarianism: the case of Russia. *Regional & federal studies*. 2019, N 3, P. 355–380.
- Saikkonen I. Variation in subnational electoral authoritarianism: evidence from the Russian Federation. *Democratization*. 2016, N 3, P. 437–458.
- Schaffer F.C. How effective is voter education? In: Schaffer F.C. (ed.). *Elections for sale: the causes and consequences of vote buying*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers, 2007, P. 223–252.
- Scott J. Corruption, Machine politics, and political change. *American political science review*. 1969, N 4, P. 1142–1158.
- Semenov A.V., Shevtcova I.K. Presidentialism and responsibility attribution for economic hardships in Russia. *Political science (RU)*. 2019, N 4, P. 195–215. (In Russ.)
- Shcherbak A.N., Sennikov E.V., Lisovskij T.A. Economic voting on 2011-2012 elections. *Bulletin of Perm University. Political science*. 2013, N 4, P. 168–183. (In Russ.)
- Sirotkina E., Zavadsкая M. When the party's over: political blame attribution under an electoral authoritarian regime. *Post-soviet affairs*. 2020, N 1, P. 37–60.
- Turovskij R.F. *Political geography*. Moscow; Smolensk: SSU Publication, 1999, 381 p. (In Russ.)
- Turovskij R.F., Gajvoronskij Y.O. The influence of economy on electoral behavior in Russia. *Politiya*. 2017, N 3, P. 42–61. (In Russ.)
- Turovsky R.F. Presidential elections in Russia: opportunities and limits of electoral consolidation. *Politiya*. 2018, N 2, P. 23–50. (In Russ.)
- Zubarevich N.V. Cities as the centers of modernization. *Social sciences and modernity*. 2010, N 5, P. 5–19 (In Russ.)
- Zubarevich N.V. Social differentiation of regions and cities. *Pro et Contra*. 2012, N 3, P. 135–152 (In Russ.)

Литература на русском языке

- Гайворонский Ю.О. Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // *Полития*. – 2015. – № 2. – С. 21–37.
- Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации // *Общественные науки и современность*. – 2010. – № 5. – С. 5–19.
- Зубаревич Н.В. Социальная дифференциация регионов и городов // *Pro et Contra*. – 2012. – № 3. – С. 135–152.
- Казанцев К.И., Румянцева А.Е. От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России. – М.: ЦПУР, 2020. – 67 с.
- Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 320 с.
- Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности // *Логос*. – 2003. – № 6. – С. 117–132.

- Семенов А.В., Шевцова И.К.* Президентализм и атрибуция ответственности за экономическое неблагополучие в России // *Политическая наука*. – 2019. – № 4. – С. 195–215.
- Туровский Р.Ф.* Политическая география. – М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. – 381 с.
- Туровский Р.Ф.* Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // *Полития*. – 2018. – № 2. – С. 23–50.
- Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.О.* Влияние экономики на электоральное поведение в России // *Полития*. – 2017. – № 3. – С. 42–61.
- Щербак А.Н., Сенников Е.В., Лисовский Т.А.* Экономическое голосование на выборах 2011–2012 гг. // *Вестник Пермского университета. Политология*. – 2013. – № 4. – С. 168–183.

КОНТЕКСТ

Е.А. ЗАХАРОВА*

РАЗМЕЖЕВАНИЯ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 2021 г.: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению размежеваний в роккановской традиции в электоральном пространстве Германии с фокусом на расколах по линиям «центр – периферия», а также «город – село». С помощью учета глубинных структур, существующих на протяжении больших периодов времени, описаны особенности центр-периферийных отношений в Германии, формирования «осси» и «весси», с дальнейшим акцентом на различия между ними. Посредством пространственного эконометрического анализа были выявлены кластеры поддержки партий за последние три электоральных цикла (2013, 2017 и 2021 гг.). С помощью метода многофакторного районирования показана связь голосования за партии с экономическими и демографическими показателями. Кроме того, с помощью непространственной модели были показаны кластеры поддержки партий в динамике, что позволило сравнить три электоральных цикла и продемонстрировать трансформацию кластеров поддержки партий. На основе расчетов индекса Морана была выявлена пространственная корреляция результатов голосования в землях, значения которой оказались значимыми для СДПГ на протяжении трех электоральных циклов, а также для Левых в 2013 и 2017 г., для АдГ в

* **Захарова Евгения Александровна**, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, старший научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ, научный сотрудник исследовательской лаборатории «Политические процессы в системе отношений Центр – регионы», МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: e.zakharova@inno.mgimo.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО МИД России «Приоритет-2030».

© Захарова Е.А., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.01.04

2017 г. Наконец, определен «эффект соседства» и рассчитаны локальные индикаторы пространственной ассоциации, которые выявили кластеры поддержки для СДПГ, Левых и АдГ. В результате можно говорить об исторических, экономических и демографических факторах, которые указывают на наличие размежеваний на электоральной карте Германии, в том числе на сохранение разделения на «осси» и «весси». Что касается трансформации электоральных предпочтений, то успешность СДПГ в 2021 г. связана, среди прочего, с пандемией коронавируса, энергетическим кризисом, а также ухудшением экономических показателей в Германии.

Ключевые слова: выборы в бундестаг; Триас; «осси»; «весси»; электоральные процессы; пространственный анализ; размежевания.

Для цитирования: Захарова Е.А. Размежевания в электоральном пространстве Германии после выборов 2021 г.: пространственный анализ // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 98–126. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.04>

В 2021 г. прошли выборы в немецкий бундестаг, в результате которых канцлером стал представитель СДПГ Олаф Шольц. В результате впервые была создана трехпартийная коалиция, в которую вошли СДПГ, Союз 90 / Зеленые и СвДП. Кроме того, эти выборы закончили шестнадцатилетний срок полномочий Ангелы Меркель и сместили ХДС / ХСС с лидирующих позиций в парламенте. При этом за полгода до выборов рейтинги ХДС падали¹ ввиду затянувшегося локдауна, провала вакцинации от коронавируса и коррупционного скандала². Отметим также и то, что коалиция Олафа Шольца потерпела поражение на выборах в ландтаги Баварии³ и Гессена⁴ в октябре 2023 г., где был зафиксирован рост популярности Альтернативы для Германии и недовольства правящей коали-

¹ Sartorius O. Germany ahead of the 2021 federal elections. Kantar Public. – Mode of access: https://kantarpublish.com/download/inspiration/38/CKFE_OS_EN.pdf (accessed: 12.11.2023).

² Oltermann P. Corruption claims threaten to damage Germany's CDU party // The Guardian. – 9.03.2021. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2021/mar/09/corruption-claims-threaten-to-damage-germanys-cdu-party> (accessed: 12.11.2023).

³ Landtagswahl Bayern 2023: Ergebnis // Tagesschau. – Mode of access: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2023-10-08-LT-DE-BY/index.shtml> (accessed: 12.11.2023).

⁴ Alle Ergebnisse der Landtagswahl 2023 in Hessen im Überblick. Hessenschau. – 09.10.2023. – Mode of access: <https://www.hessenschau.de/politik/landtagswahl/ergebnisse/ergebnisse-der-landtagswahl-2023-in-hessen-v14,landtagswahl-ergebnisse-100.html> (accessed: 12.11.2023).

цией¹. Такие результаты в очередной раз напоминают о выдвинутом П. Норрис [Norris, 2005] тезисе о том, что уровень экономического развития влияет на выбор той или иной партии, а также чем ниже экономический уровень гражданина, тем он больше склонен голосовать за правых популистов. Когда экономическое положение ухудшается, граждане склонны «наказывать» за это правящие силы, что выражается в голосовании против них и выборе альтернативного кандидата [Norpoth, Lewis-Beck, Lafay, 1991].

Принимая во внимание эффект пандемии, оказавшей влияние на электоральные процессы в Германии, а также ухудшение экономического положения, связанного сначала с пандемией, а затем и с СВО России на Украине и энергетическим кризисом, встает вопрос о том, как изменились электоральные предпочтения в Германии и какие размежевания можно наблюдать на электоральной карте Германии. В этой связи при отборе переменных автор операционализировал экономический фактор через уровень безработицы, поскольку при его высоком уровне граждане видят угрозу в инокультурных мигрантах, которые занимают рабочие места, оставляя граждан без работы. Это является еще одним поводом к негативному отношению к инокультурным мигрантам, что, в свою очередь, способствует голосованию за правопопулистов, использующих этот нарратив [Norris, 2005]. По этой же причине автор в рамках проведения многофакторного районирования операционализирует экономическое положение в том числе и через уровень бедности.

В целом размежевания изначально явились результатом двух революций: национальной и индустриальной. Партии играют важную роль при проявлении размежеваний, ведь они выносят противоречащие друг другу интересы в политическую систему и формируют требования на их основе, а также выражают потребности той части населения, которую они представляют. В этой связи С. Липсет и С. Роккан [Липсет, Роккан, 2004] писали о следующих размежеваниях: центр против периферии (между доминирующей национальной культурой и субкультурой региональных меньшинств); государство против церкви; город против села; собственники про-

¹ Garbe S., Kormbaki M., Schaible J., Teevs C., Weiland S. Mit der Ampel Richtung Abgrund. Spiegel Politik. – 09.10.2023. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/wahl-desaster-in-bayern-und-hessen-mit-der-ampel-in-den-abgrund-a-14b2f803-b377-40c7-94b3-0aa40bf61188> (accessed: 12.11.2023).

тив рабочих. Среди порогов на пути институционализации размежеваний выделялись «порог легитимности» – признание системой возможности организованного выражения протеста; «порог объединения» – равенство или неравенство политических прав, связанных с представительством интересов; «порог представительства» – наличие или отсутствие у движения возможности самостоятельно добиться представительства; «порог мажоритарного правления» – наличие в системе сдержек и противовесов численному правлению большинства. Соответственно, высокие пороги ведут к низким шансам на политическую институционализацию социальных конфликтов, а низкие пороги – к значительной фрагментации партийной системы и политической нестабильности.

Существуют различные уровни анализа расколов. Так, например, на наднациональном уровне размежевания «центр – периферия» и «город – село» трансформируются в раскол по линии «глобализация – суверенизация», а размежевание «государство – церковь» и «собственники-рабочие» превратилось в размежевание «выживание – самовыражение» [Окунев, 2022]. Внутри государств также можно увидеть определенные размежевания, например, по линии «город – село», или воспроизводство центр-периферийных отношений [Komlosy, 2011], которое позволяет рассмотреть региональные диспропорции внутри государства. Напомним, что в классической работе С. Роккана [Роккан, 2006] рассматриваемая в данной статье Германия представляет собой модель максимальной связи, где существовало большое количество перекрестных связей между городами среднего уровня, увеличенных за счет строительства сети железных дорог. Германия относится к странам с сильным экономическим своеобразием / экономической конкуренцией и меньшей культурной дистанцией и является полицефальной структурой [Роккан, Урвин, 2003]. Вообще центральность столиц позволяет осмыслить социально-пространственную динамику, и в частности то, как «городское общество» организуется вокруг дуализма центра / периферии, который, по факту, является проявлением оппозиции богатых и бедных [Lefebvre, 2000].

Касаясь центр-периферийных отношений в Германии, стоит отметить, что в данном случае существует проблема стабильности границ. Германия пережила серию «территориально-земельных» объединений, сложное деление старой империи трансформировалось в более рациональный порядок при резких изменениях внеш-

них границ [Best, 2008]. В этом контексте стоит учитывать особенности земель Германии и развития немецкого государства в целом, в котором говорить о «едином центре» как, например, во Франции, Испании, Великобритании или Бельгии, затруднительно. Это отражается и в федеративном устройстве, и в особенностях принятия политических решений, и в особенностях электоральной системы. Немецкие исследователи при изучении центр-периферийных отношений Германии говорят о том, что в немецкой политике пространственного планирования иногда приравняются друг другу «сельские» и «периферийные» регионы, хотя это не всегда корректно, поскольку важными показателями являются плотность населения и расстояние до большого города [Kühn, Sommer, 2013]. Скорее периферийность в данном случае понимается как вопрос урбанистики и недопуска «периферизации периферии»¹.

В этой связи попробуем рассмотреть особенности центр-периферийных отношений в Германии через призму политических регионов. Влияние на формирование политических регионов в Германии оказали территориальные изменения в деятельности государственных образований на территории Германского Союза. В большинстве своем отдельные государства объединились только после Наполеоновских войн в результате секуляризации духовных территорий и медиатизации небольших имперских владений. Напомним, что духовные территории – государства, существовавшие в Средние века и в Новое время, в которых правитель был и священнослужителем, и светским правителем. Это привело к тому, что большинство владений получили новых хозяев, эти территории стали собственностью более крупных земель, а также, в конечном итоге, к экономическому спаду этих небольших территорий, а соответственно, распространению левых настроений. В свою очередь, региональные центры правого толка сформировались на территориях Старой Баварии, Старой Пруссии, а также германских наследственных земель Габсбургов. В целом изменения границ привели не только к политическому размежеванию, но и к образованию «небенландов», соседних «второстепенных земель». К ним не относились два крупных немецких государства и Бавария [Best, 2008].

¹ Engelen A.-L. Zentrum gegen Peripherie. Driftet Deutschland auseinander? // Akademie für politische Bildung, Tutzing. – 30.09.2020. – Mode of access: <https://www.apb-tutzing.de/news/2020-09-30/zentrum-gegen-peripherie> (accessed: 15.08.2023).

В рамках Германского Союза также была своя иерархия государств-членов, что больше напоминает центр-периферийные отношения в трактовке неомарксистов: так, например, появилась «Третья Германия», или Триас, которая представляла собой ряд так называемых малых держав, которые были менее могущественными, чем «великие державы» – Пруссия и Австрия. Были в рамках Союза и «центральные» государства – Бавария, Ганновер, Саксония и Вюртемберг, которые стали ядром «Третьей Германии» [Grüner, 2012].

Некоторому снижению уровня регионализации политики способствовало создание Веймарской республики, где наметился переход от территориального большинства к пропорциональному представительству. Тем не менее пространственная сегрегация конфликтующих политических групп становится в период Веймарской республики формой выражения социально-экономических и социально-культурных различий между регионами [Best, 2008]. После Второй мировой войны, в сущности, бывшие территории Пруссии вошли в состав ГДР, а территории «Третьей Германии» – в состав ФРГ. Из ключевых событий выделим падение Берлинской стены, объединение Берлина и государства в целом. Забегая вперед, скажем, что несмотря на прошествие более 30 лет с объединения, восток и запад все еще очень разделены экономически, демографически, а также в плане электоральных предпочтений. До сих пор «весси» смотрят свысока на «осси», а они, в свою очередь, подвержены «остальгии»¹. Радости «весси» не нес и тот факт, что предстояло объединяться с более бедными «осси». «Осси», в свою очередь, почувствовали свою ненужность в объединенной Германии как минимум из-за растущей безработицы и социальной незащищенности (отсюда и упомянутая «остальгия»).

В целом для восточных немцев характерно оправдывать свое восточногерманское происхождение. При этом они прибегают к одной из двух стратегий – либо отрицать свое происхождение, либо сразу его обозначать. Происходит это по той причине, что до сих пор существует предубеждение по поводу того, что жители Восточной Германии являются сторонниками социализма и коммунизма [Kowalczyk, Verlag, 2019, p. 89–90]. С точки зрения жителей

¹ Остальгия – ностальгия по временам и культуре ГДР. Образовано от слов Osten (восточный) и Nostalgie (ностальгия).

Восточной Германии, «западники» считаются более напористыми и мнительными, свободолюбивыми, шумными, высокомерными, заботящимися о своей личной выгоде. Тогда как сами «осси» считаются сдержанными, предпочитающими коллектив. Они не имеют собственного мнения и склонны жаловаться. Безусловно, это стереотипное восприятие двумя частями Германии друг друга, которое тем не менее по сей день транслируется через СМИ [Kowalczyk, Verlag, 2019, p. 95]. При этом такое разделение впоследствии способствовало сохранению памяти о временах разделенной Германии.

Также стоит отметить, что для восточных земель более характерен поиск справедливости, которая для них значима. Свобода является ценностью как для западных, так и для восточных земель. Тем не менее, хотя свобода занимает первое место по базовым ценностям, каждый второй на востоке не уверен в том, что это основная ценность [Conradt, 2015]. В чем западные и восточные земли сходятся, так это в том, что равенство и солидарность являются ценностями меньшинства [Winkler, 2018]. Что касается отношения западных и восточных земель к демократическому процессу, то различие между ними связано с разным пониманием того, какую роль должно играть государство в обеспечении социального благосостояния. Для восточных земель решение вопроса неравенства доходов, бедности и безработицы является ответственностью государства [Dalton, Weldon, 2010].

Сделаем небольшое отступление и отметим важность исследования глубинных структур, которые существуют в течение больших временных отрезков, что укладывается в подход изучения истории *longue durée*, который развивался представителями французской школы «Анналов». Этот подход нужен для понимания того, почему земли выбирают те или иные партии, например Л. Хафферт [Haffert, 2022] писал о том, что современное политическое поведение часто детерминировано историческим наследием. С его точки зрения, политические конфликты могут влиять на политическое и электоральное поведение на протяжении не одного поколения, поскольку они способствуют организационной мобилизации. В своем исследовании он анализировал притеснения немецких католиков в XIX в., которые привели к региональной дифференцированной мобилизации политического католицизма, что проявляется на сегодняшний день в голосовании бывших католических земель за Альтернативу для Германии. Ф. Манов и Д. Флюгель [Manow, Flügel, 2023] же вступили в дискуссию и подтвердили в своем

исследовании, что на подобные тенденции голосования влияние оказывает не столько культурный фактор и не столько культурная борьба, сколько программные предложения партий ХДС / ХСС и АдГ на выборах 2017 и 2021 гг.

В этой связи рассмотрим основные положения программ шести партий. Так, представители ХДС / ХСС выступали за отмену налога «солидарность» (налог на индивидуальный и корпоративный доход, который был введен еще в 1991 г. в качестве временной меры для смягчения процесса объединения двух Германий), за снижение налога на прибыль до 10%, введение рыночных цен на авиаперевозки, запрет на дизельное топливо и отмену привязки пенсий к среднему доходу. В миграционной сфере блок выступал за ужесточение ограничительных мер миграции. Их главный оппонент СДПГ выходила с электоральной программой под названием «Из уважения к Вашему будущему». Так, например, партия выступала за ограничение скорости на автобане. В сфере миграционной политики партия выступала против введения дальнейших ограничений на миграцию, а также поддерживала инициативу по воссоединению семей. В экономической сфере партия выступала за фиксирование минимальной заработной платы на уровне 12 евро в час, а также за введение налога на богатство. В сфере демографии партия была против повышения пенсионного возраста.

В своей программе «Зеленые» выступали за развитие инфраструктуры за счет увеличения государственного долга. Учитывая последствия ограничений после пандемии, партия выступала за облегчение иммиграции и натурализации, а также против депортации мигрантов. В сфере налогообложения партия предлагала ввести многоуровневую систему налогов для доходов от инвестиций, а также налог на богатство. СвДП выступала за приватизацию, за введение балльной системы привлечения квалифицированных рабочих (по типу канадской модели). В миграционной сфере СвДП была за привлечение высококвалифицированных кадров за счет выдачи им голубых карт и разрешений на работу, которые действуют на территории ЕС. Партия была готова предоставлять временную защиту беженцам и сокращать бюрократические процедуры для этого, но при условии возвращения беженцев на родину по окончании конфликта. СвДП также выступала за снижение налогового бремени, против налога на богатство. Левые, в свою очередь, в 2021 г. выступали за введение квот для мигрантов в государ-

ственных органах, против их депортации, а также за признание иностранных дипломов. В экономической сфере Левые были за установление минимальной заработной платы на уровне 13 евро в час, введение «солидарной» пенсии, снижение пенсионного возраста, введение налоговых льгот и налога на богатство.

Наконец, Альтернатива для Германии в 2021 г. в программе с названием «Германия – только нормальная» предлагала выйти из Парижских соглашений, сократить иммиграцию и запретить воссоединение семей, призывала поддержать строительную индустрию, списав нехватку жилья на нашествие иммигрантов.

В этом контексте перейдем к рассмотрению электоральных процессов в Германии. Для того чтобы выявить существующие размежевания в Германии и их динамику, была собрана электоральная статистика за последние три электоральных цикла (с 2013 по 2021 г.). Отбор именно трех электоральных циклов связан с появлением 6 февраля 2013 г. партии Альтернатива для Германии, что создало стартовую точку определения хронологических рамок для анализа кластеров поддержки партий. Отметим также, что на выборы 2017 г. оказывал влияние, в числе прочего, миграционный кризис 2015 г., а на выборы 2021 г. – пандемия коронавируса. Это обусловило сбор не только экономической (уровень безработицы по землям¹) и миграционной статистики² для понимания размеже-

¹ Unemployment rate (15-64 years) for Deutschland // Zensus. – 2011. – Mode of access: <https://ergebnisse.zensus2011.de/?locale=en#MapContent:00,E63,m>, (accessed: 18.05.2020); Destatis Statistisches Bundesamt: официальный сайт // Die Datenbank des Statistischen Bundesamtes. – Mode of access: https://www-genesis.destatis.de/genesis/online/link/statistiken/13* (accessed: 20.05.2020); Statistiken nach Regionen, Bund, Länder und Kreise, Deutschland, Arbeitslosenquote in %. Bundesagentur für Arbeit. – Mode of access: <https://statistik.arbeitsagentur.de/DE/Navigation/Statistiken/Statistiken-nach-Regionen/Politische-Gebietsstruktur-Nav.html> (accessed: 12.11.2023).

² Proportion of population group with a migrant background for Deutschland // Zensus. – 2011. – Mode of access: <https://ergebnisse.zensus2011.de/?locale=en#MapContent:00,M30,m>, (accessed: 17.05.2020); Bevölkerung und Erwerbstätigkeit: Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2017. Statistisches Bundesamt (Destatis). 2018. Fachserie 1 Reihe 2.2.; Total migration across the borders of the Länder: Germany, years, nationality, sex. Genesis-online. Destatis Statistisches Bundesamt. – Mode of access: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=table&code=12711-0001&bypass=true&levelindex=0&levelid=1699807158834#abreadcrumb> (accessed: 12.11.2023).

ваний по линиям «село – город» и «центр – периферия», но и, учитывая упомянутые проблемы с вакцинацией в Германии, статистики по количеству заболевших ковидом на протяжении 2020 г.¹

Кластеры поддержки той или иной партии, а также размежевания электорального пространства были выявлены с применением метода пространственного эконометрического анализа. Так, были построены пространственные и непространственные модели голосования за партии. Для того чтобы выявить тенденции голосования в землях Германии, было использовано многофакторное районирование на основе диаграммы параллельных координат. Данный метод является дескриптивным, его суть заключается в нанесении на график количественных данных с множественными переменными, что позволяет сравнивать большое количество переменных и анализировать их взаимосвязи. При этом эти переменные распределены в пространстве, что позволяет визуально выделить кластеры территориальных единиц, которые повторяют одну и ту же траекторию, т.е. у которых совпадает определенный набор характеристик и которые следуют одному и тому же паттерну [Wegman, Dorfman, 2003]. Метод многофакторного районирования состоит в пространственной дифференциации территории по какому-либо признаку, выявлении степени его выраженности или сочетаемости с другими признаками².

В части построения пространственных моделей рассмотрены показатели индекса пространственной автокорреляции Морана [Cliff, Ord, 1993], основанного одновременно на расположении объектов и их значениях и описывающего «эффект соседства» (см., например: [Шестакова, Груздева, Ковбас, 2023]) (то есть, как голосование в одной территориальной единице связано с голосованием в соседней). Кроме того, проведена кластеризация регионов для оценки пространственных кластеров с применением метода локальных индикаторов пространственной автокорреляции (LISA) (см., например: [Anselin, 1995; Жирнова, 2022]). В рамках данной работы автор

¹ Sterbefälle-Fallzahlen nach Tagen, Monaten, Altersgruppen und Bundesländern für Deutschland 2016-2020. DeStatis, Statistisches Bundesamt. – Mode of access: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Sterbefaelle-Lebenserwartung/Tabellen/sonderauswertung-sterbefaelle.html?nn=23768> (accessed: 15.09.2021).

² GeoDa: An Introduction to Spatial Data Analysis. – Mode of access: <https://geodacenter.github.io> (accessed: 15.08.2020).

пользовался «правилом ферзя» для определения пространственных весов соседства (см. подробнее: [Окунев, Кушнарева, 2023]).

В рамках настоящего исследования автор выдвигает гипотезу, что земли с низким уровнем безработицы и низким уровнем миграции будут отдавать электоральные предпочтения «классическим» партиям, таким как ХДС / ХСС и СДПГ, тогда как высокие показатели этих переменных будут вести к высокому уровню поддержки Левых и АдГ. Пандемия коронавируса же, в свою очередь, внесла коррективы в электоральные предпочтения граждан на выборах 2021 г., а именно: земли с высоким уровнем инфицирования на старте пандемии (в 2020 г.) отдали больше голосов за СДПГ. Автор также выдвигает гипотезу, что пандемия коронавируса снизила влияние эффекта соседства на голосование граждан в землях Германии ввиду локдаунов и политики по сдерживанию распространения инфекции.

Перейдём непосредственно к рассмотрению электоральных циклов в Германии. При голосовании за Левых в 2013 г. важными факторами являются уровень безработицы, а также уровень миграции. В целом земли Германии разделяются на три большие группы земель. Первая группа включает в себя западные земли за исключением Саара. Во вторую группу вошли Берлин, Бремен и Саар, в которых наблюдается схожая тенденция распределения факторов. Третья группа состоит из восточных земель, для которых характерен низкий уровень миграции, высокий уровень безработицы и высокий процент голосования за Левых.

При голосовании за партию Левых в 2017 г. также выделились две группы земель, при наличии трех нетипичных случаев: Берлина, Саара и Северного Рейна-Вестфалии. Первая группа вновь объединила западные и южные земли, в которых отмечается низкое голосование за Левых, при этом наблюдается низкий уровень безработицы и выше среднего уровень миграции. Второй кластер в очередной раз объединил восточные земли, в которых отмечается высокий уровень голосования за рассматриваемую партию, при этом наблюдается высокий уровень безработицы и низкий уровень миграции.

Многофакторное районирование голосования за Левых в 2021 г. показало некоторый сдвиг кластера поддержки с исключительно восточных земель на Нижнюю Саксонию, которая пострадала после пандемии ввиду повышения уровня безработицы и в целом проседания промышленности. При этом в целом можно кон-

статировать сохранение общего деления Германии на две группы земель: восточные земли, поддерживающие Левых, и территории бывшего Триаса (южные и западные земли), где партия получает низкий процент поддержки.

Что касается диаграммы параллельных координат, то земли с высоким процентом голосования за Левых также имели высокий уровень безработицы и низкий процент миграции в 2013 и 2017 гг. В 2021 г. пандемия внесла коррективы в подобные тенденции, а именно: высокая поддержка партии была характерна для земель с высоким процентом инфицированных ковидом, уровень безработицы стал средним относительно других земель Германии, а для миграции перестала прослеживаться определенная тенденция (коэффициент корреляции принял значение 0,032. В 2017 г. – 0,348, в 2013 г. – 0,584).

Голосование за СДПГ в 2013 г. делило земли Федеративной Республики на пять кластеров. Во-первых, кластер восточных земель за исключением Бранденбурга и Берлина, во-вторых, кластер южных («швабских») земель (Баден-Вюртемберг и Бавария), и Бранденбург, и Берлин, в-третьих, кластер западных земель, в-четвертых, Берлин и Бранденбург, в-пятых, северные земли (Нижняя Саксония и Шлезвиг-Гольштейн). Первая группа характеризуется низким голосованием за СДПГ при низком уровне миграции и высоком уровне безработицы. Южные земли отличаются средним уровнем голосования за партию при примерно одинаково высоком уровне миграции и самом низком уровне безработицы среди всех земель. Западные земли отдают большое количество голосов СДПГ, при этом в этих землях высокий уровень миграции и сравнительно низкий уровень безработицы. Берлину и Бранденбургу свойственен средний уровень голосования за СДПГ при низком количестве евангелистов, высоком уровне безработицы. Единственный показатель, который отличает эти земли друг от друга, – уровень миграции: для Бранденбурга значение показателя низкое, а для Берлина – высокое. Наконец, для северных земель характерен высокий уровень голосования за СДПГ, где уровень миграции – ниже среднего и примерно равен уровню безработицы.

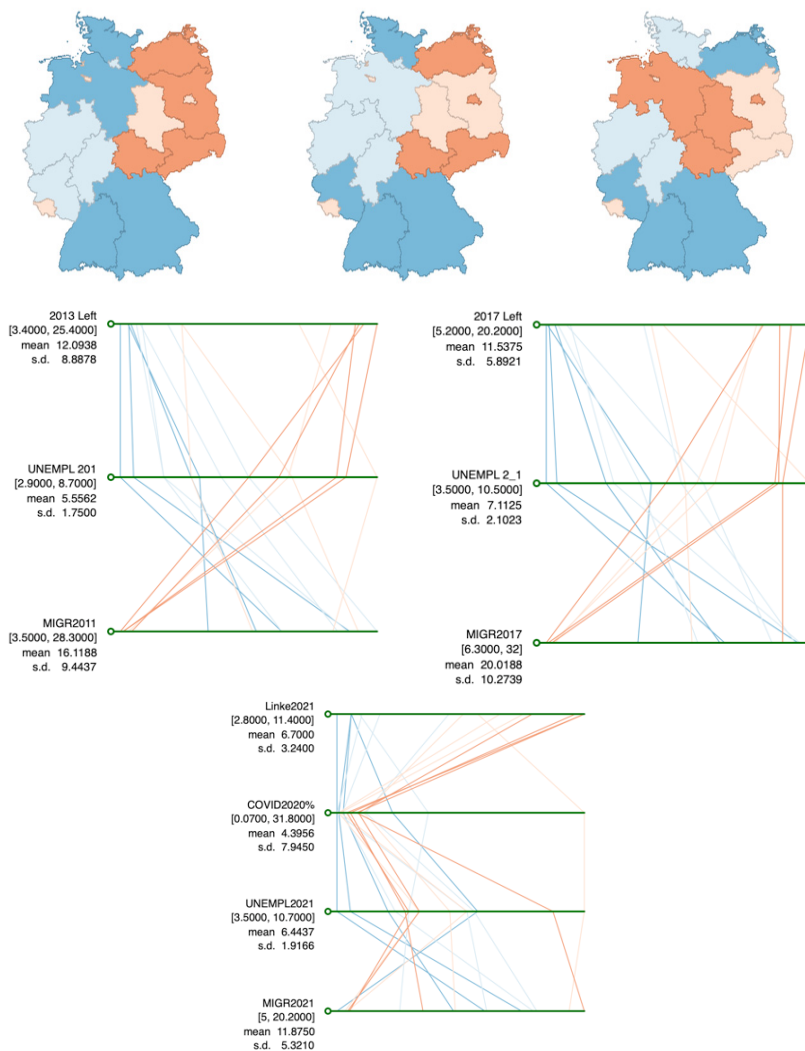

Рис. 1.

Картограммы голосования за партию Левых в 2013, 2017 и 2021 гг. и многофакторное районирование голосования за партию, уровня безработицы, миграции и процента заболевших коронавирусом (для голосования 2021 г.)

Что касается голосования за СДПГ в 2017 г., то при многофакторном районировании выделяются две большие группы земель, которые ожидаемо разделяются на восточные и западные. Восточные земли отдают мало голосов за СДПГ, при этом в них самый низкий уровень миграции и высокий уровень безработицы. Западные земли отдают большое количество голосов за партию, при этом в этих землях высокий уровень миграции и средний уровень безработицы.

В случае голосования за СДПГ в 2021 г. состав земель, поддержавших партию, несколько изменился, что частично связано с постпандемийными эффектами: южные земли (к слову, ядро Триаса) партию не поддерживают (как и на земельных выборах 2023 г., бывший Триас все меньше поддерживает СДПГ), тогда как западные земли, Бремен, Гамбург и Мекленбург – Западные Померания оказывают высокий уровень поддержки партии. Также примечательно, что партию поддерживали земли с высоким уровнем заболеваемости ковидом в 2020 г.

Из составленных картограмм видно, что за последние три электоральных цикла южные и юго-восточные земли стали меньше отдавать голосов партии, при этом уровень поддержки на северо-востоке стал выше. Западные же земли несколько снизили поддержку партии, отдав первенство в 2021 г. Мекленбургу – Передней Померании, которая в предыдущие два электоральных цикла не давала высокой электоральной поддержки партии (поддержка была на уровне 19,1% в 2013 г. и 17,4 % – в 2017 г.) в сравнении с западными землями, а в 2021 г. отдала 33,1% голосов СДПГ.

В целом общим для электоральных циклов 2013 и 2017 гг. является то, что земли с высоким процентом поддержки партии имели средние по Германии значения уровня безработицы и высокий уровень миграции. Мы наблюдаем изменения в 2021 г., когда партию поддерживали земли, чьи значения по заболеваемости ковида были выше, а также где уровень безработицы был выше, чем в среднем по Германии. При этом фактор миграции в 2021 г. не показывал такой корреляции с голосованием (коэффициент корреляции стал 0,006, тогда как в 2017 г. он составлял 0,403, а в 2013 г. – 0,423), как это было в предыдущие два электоральных цикла: паттерн, разделяющий Германию на две части, «разбился» в части миграции, что видно на рис. 2.

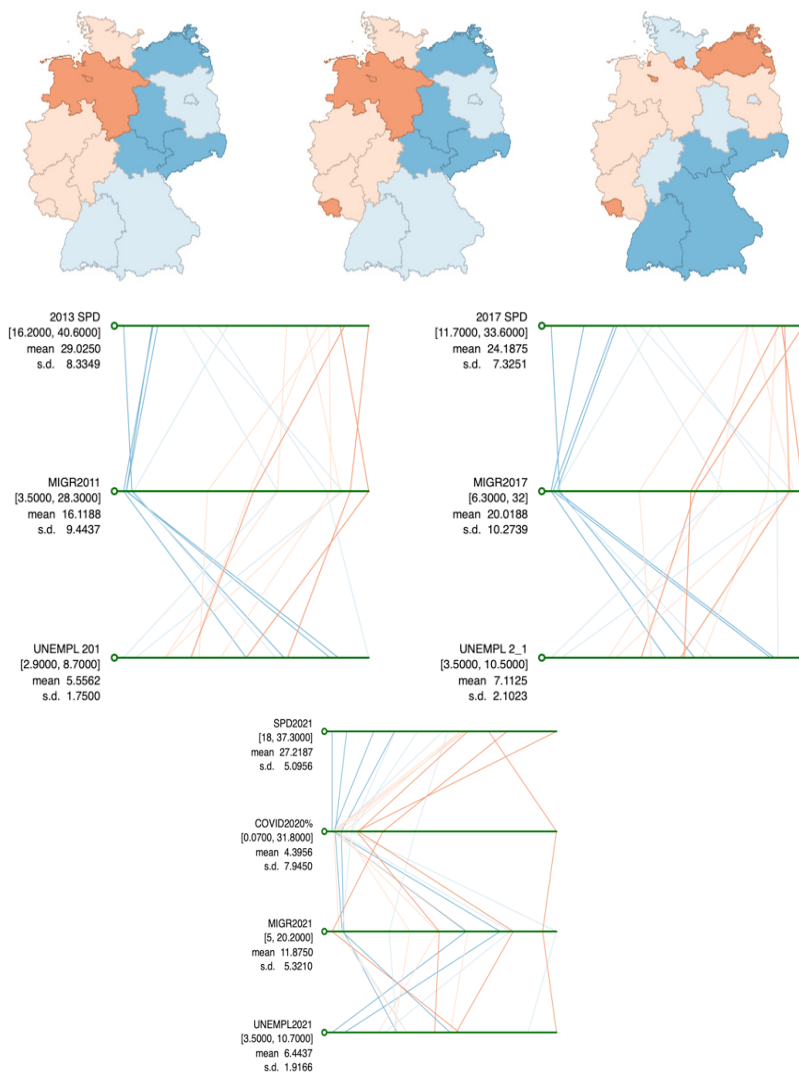

Рис. 2.

Картограммы голосования за партию СДПГ в 2013, 2017 и 2021 гг. и многофакторное районирование голосования за партию, уровня безработицы, миграции и процента заболевших коронавирусом (для голосования 2021 г.)

Для голосования за партию Союз 90 / Зеленые в 2013 и 2017 гг. с помощью многофакторного районирования выделились следующие группы земель: восточные (за исключением Берлина), западные земли (включающие Саар, Северный Рейн-Вестфалия и Рейнланд-Пфальц), северные земли (Гессен, Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн), наконец, не сгруппированные в кластер, но сходные по значениям исследуемых переменных и политической культуре города Бремен, Гамбург, а также Берлин и Баден-Вюртемберг. Для первого кластера характерен низкий уровень голосования за партию Зелёных при таком же низком уровне миграции и высоком уровне безработицы. Для западных земель характерен средний уровень голосования за рассматриваемую партию, высокий уровень миграции и низкий уровень безработицы. Северные земли отдают среднее количество голосов за партию, при этом уровень миграции и безработицы находятся на среднем уровне, хотя отметим, что уровень безработицы ниже, чем количество мигрантов. Что же до последней группы земель, то в них граждане отдают большое количество голосов партии при среднем количестве евангелистов, высоком уровне миграции и низком уровне безработицы.

Тенденции голосования меняются в 2021 г., когда южные земли сокращают уровень поддержки партии, тогда как Шлезвиг-Гольштейн становится еще одной землей с высоким процентом голосования за партию. К слову, в данном случае виден раскол по линии «село – город», поскольку Зеленых поддерживают урбанизированные земли (Берлин, Бремен, Гамбург), тогда как земли с развитой промышленностью (в большей степени это южные земли и Рурская область) сократили поддержку партии после пандемии.

Как видно из представленной картограммы (рис. 3), земли с высоким процентом голосования за партию также имели высокие показатели уровня миграции и преимущественно высокий уровень безработицы во всех трех электоральных циклах. В 2021 г. такие земли также имели высокий процент заражения ковидом.

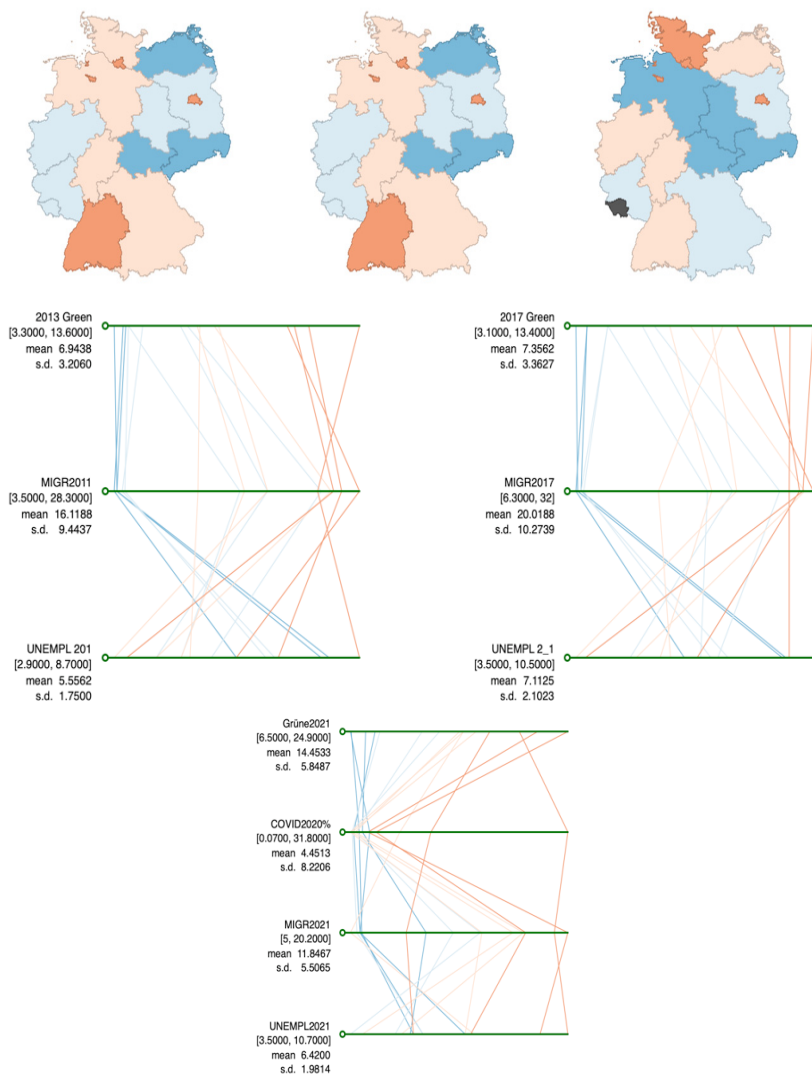

Рис. 3.

Картограммы голосования за партию Союз 90 / Зеленые в 2013, 2017 и 2021 гг. и многофакторное районирование голосования за партию, уровня безработицы, миграции и процента заболевших коронавирусом (для голосования 2021 г.)

Рассмотрим голосование в 2013 г. за блок ХДС / ХСС. Выделяется кластер южных земель с высоким уровнем голосования за партию, низким уровнем безработицы и высоким уровнем миграции. Средний уровень голосования за партию наблюдается в кластере северных земель, где уровень безработицы и миграции находятся на примерно одном среднем уровне.

Перейдем к рассмотрению показателей для голосования в 2017 г. Первая группа земель включает в себя Бремен, Берлин и Гамбург, которые отдали мало голосов за ХДС / ХСС в 2017 г., при этом в них отмечен высокий уровень миграции и высокий уровень безработицы. Вторая группа включает восточные земли, которые характеризуются средним уровнем голосования за партию, низким уровнем миграции и высоким уровнем безработицы. Третья группа объединяет южные земли, которые отдают электоральные предпочтения рассматриваемой партии, и где наблюдался выше среднего уровень миграции и низкий уровень безработицы.

При многофакторном районировании голосования в 2021 г. за ХДС / ХСС выделяется также группа земель с высоким уровнем поддержки партии (традиционно западные земли, бывший Триас) и низким уровнем поддержки на востоке. Примечательно, что территории бывшей Пруссии на выборах 2021 г. образуют единый пояс с низким уровнем поддержки ХДС / ХСС. К слову, отчасти падение поддержки партии в западных землях (например, в той же Нижней Саксонии) связано с распространением ковида.

В целом за последние три электоральных цикла классической группой земель с высоким процентом голосования за партию остаются Бавария, Баден-Вюртемберг, Рейнланд-Пфальц. Среди земель, которые на протяжении всех трех рассматриваемых электоральных циклов отдают малый процент поддержке партии – Берлин, Бранденбург, Саксония, Тюрингия, вольные города Бремен и Гамбург. Основные изменения в поддержке прослеживаются в северных землях.

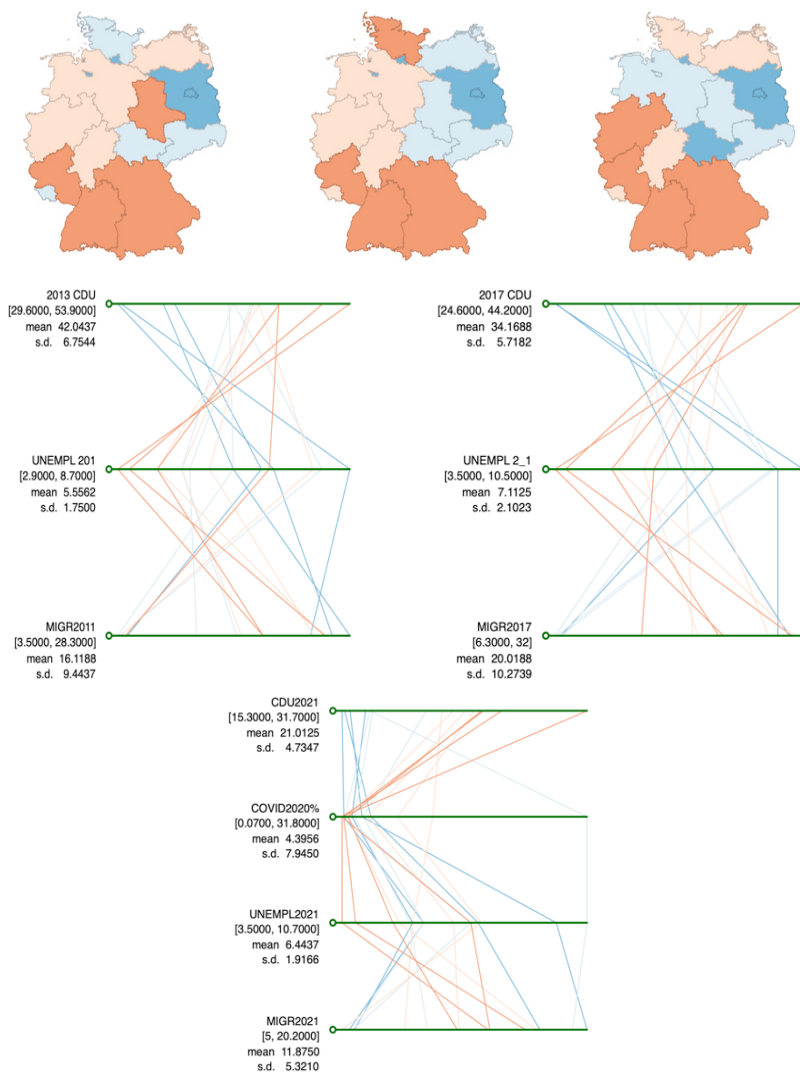

Рис. 4.

Картограммы голосования за ХДС / ХСС в 2013, 2017 и 2021 гг. и многофакторное районирование голосования за партию, уровня безработицы, миграции и процента заболевших коронавирусом (для голосования 2021 г.)

Для земель, традиционно отдающих высокий процент голосов за партию, также характерны низкий уровень безработицы и средний уровень миграции. И такая тенденция сохраняется на протяжении всех трех рассматриваемых электоральных циклов. В 2021 г. это также земли, которые имели низкий процент заражения ковидом.

Наконец, интересным является кейс голосования за АдГ. В 2013 г. восточные земли не поддерживали партию, однако, в 2017 г. тенденции изменились: среди электората партии оказались преимущественно восточные земли, при этом в этих землях наблюдался низкий уровень миграции и высокий уровень безработицы. Также при многофакторном районировании выделяются западные земли, где уровень электоральной поддержки АдГ низкий при среднем уровне безработицы и высоком уровне миграции.

На выборах 2021 г. АдГ продолжает поддерживать восток (в этот раз, правда, за исключением Берлина). И в данном случае особенно прослеживаются размежевания по линиям «центр – периферия» (если условно «центром» считать бывший Триас, или «весси», а также Берлин), разделение на «две с половиной» Германии (восток, юго-запад и северо-запад) по линиям деления на бывшие Пруссию и Триас. Кроме того, можно наблюдать и разделение по линии «город – село», поскольку большая часть крупных промышленных городов расположена как раз на западе и на юге, такие же линии размежеваний мы видим и на электоральных картах.

Земли, в которых по сравнению с остальными землями, процент голосования за партию был выше, также имеют высокий уровень безработицы и низкий уровень миграции во всех трех рассматриваемых электоральных циклах. В электоральном цикле 2021 г. в этих землях также был зарегистрирован низкий процент инфицированных ковидом.

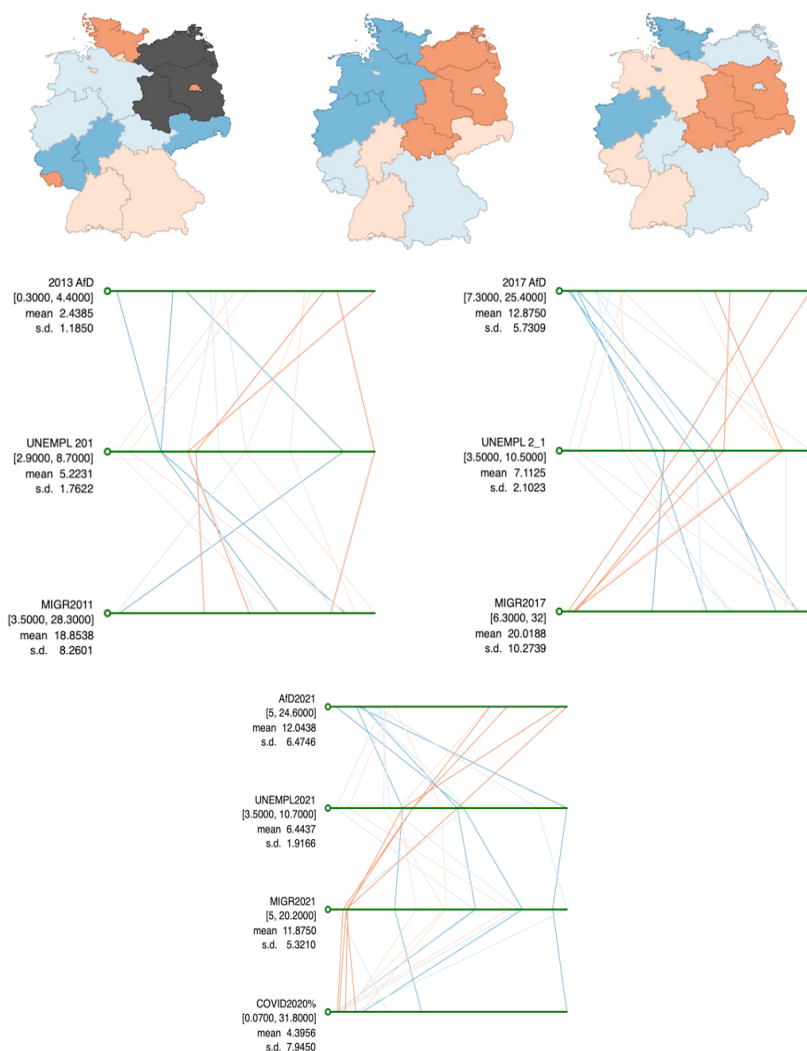

Рис. 5.

Картограммы голосования за партию АдГ в 2013, 2017 и 2021 гг. и многофакторное районирование голосования за партию, уровня безработицы, миграции и процента заболевших коронавирусом (для голосования 2021 г.)

Наконец, рассмотрим индексы Морана, с тем чтобы выяснить, есть ли пространственная корреляция результатов голосования в землях, или нет, а также понять, можно ли проводить расчеты локальных индикаторов пространственной автокорреляции и выделить кластеры поддержки той или иной партии.

Таблица 1

**Показатели индекса пространственной ассоциации
для результатов голосования каждой из партий с 2013 по 2021 г.**

№	Год	Партия	Индекс Морана
1	2013	Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз	0,215
2	2013	Социал-демократическая партия Германии	0,419
3	2013	Левые	0,448
4	2013	Союз 90 / Зелёные	0,020
5	2013	Свободная демократическая партия	0,264
6	2013	Альтернатива для Германии	-0,164
7	2013	Партия пиратов Германии	0,031
8	2013	Национал-демократическая. Партия Германии	0,292
9	2013	Свободные избиратели	-0,089
10	2017	Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз	0,132
11	2017	Социал-демократическая партия Германии	0,462
12	2017	Левые	0,384
13	2017	Союз 90 / Зелёные	0,112
14	2017	Свободная демократическая партия	0,013
15	2017	Альтернатива для Германии	0,361
16	2021	Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз	0,274
17	2021	Социал-демократическая партия Германии	0,348
18	2021	Левые	0,295
19	2021	Союз 90 / Зелёные	0,030
20	2021	Свободная демократическая партия	0,332
21	2021	Альтернатива для Германии	0,247

Из приведенной таблицы видно, что наиболее значимый индекс Морана отмечается для голосования за СДПГ на протяжении всех трех описанных электоральных циклов, а также за Левых в 2013 и 2017 гг. и за АдГ в 2017 г. Таким образом, для них можно провести расчет локальных индикаторов пространственной автокорреляции.

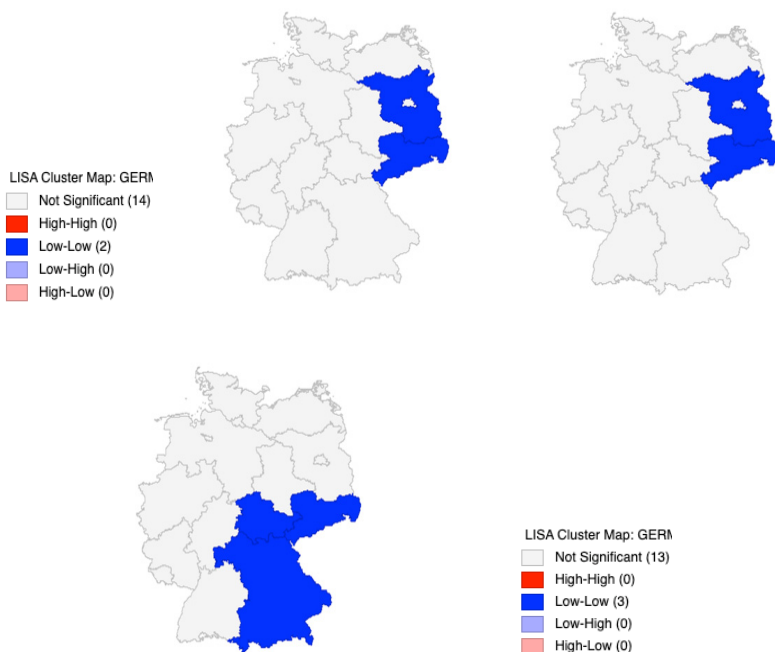

Рис. 6.

Картограммы локальных индикаторов пространственной ассоциации голосования за партию СДПГ в 2013, 2017 и 2021 гг.

Как видно из приведенной картограммы, в 2013 и 2017 г. кластеры земель, которые менее всего поддерживали партию, объединили земли восточной Германии, частично он включил земли бывшей ГДР (Бранденбург и Саксония). В 2021 г. кластер несколько видоизменился, переместился в сторону Баварии и помимо Баварии объединил Саксонию и Тюрингию. Вероятно, это может быть увязано с тем, что премьер-министр Баварии не стал кандидатом в канцлеры, уступив А. Лашету. А затем партия и вовсе уступила СДПГ на выборах и не стала силой, формирующей правящую коалицию.

Что касается локальных индикаторов пространственной ассоциации голосования за Левых, то здесь выделяется два кластера:

кластер восточных земель, поддерживающих партию, и западных земель, которые, наоборот, отдают меньший процент голосов за партию. Отчасти это связано с феноменом упоминавшейся ранее «остальгии». При этом видно, что к 2017 г. кластер поддержки заметно уменьшился и в целом можно говорить о его низкой значимости, поскольку в него вошел лишь один Бранденбург.

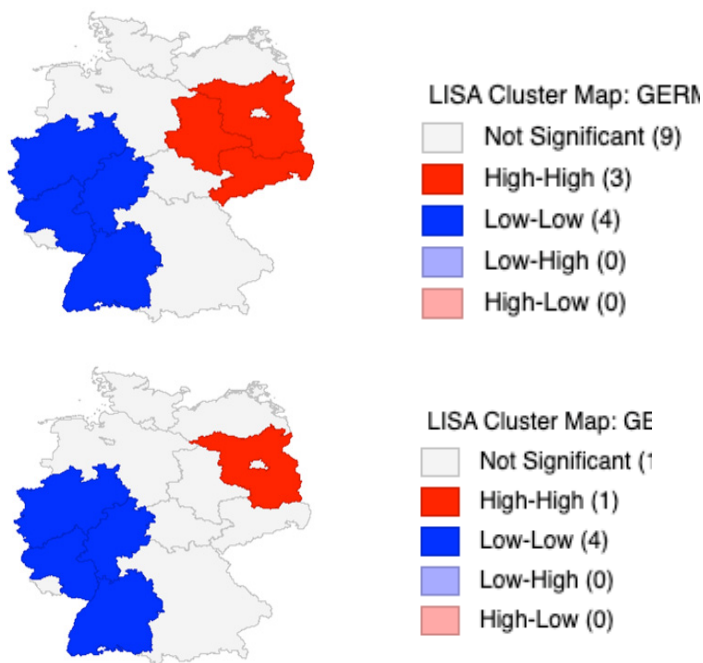

Рис. 7.

Картограммы локальных индикаторов пространственной ассоциации голосования за партию Левых в 2013 и 2017 гг.

Наконец, для Альтернативы для Германии в 2017 г. характерен кластер поддержки, который объединил «осси», те земли, которые в 2013 г. формировали кластер поддержки для партии Левых. Это Саксония-Анхальт, Саксония и Бранденбург.

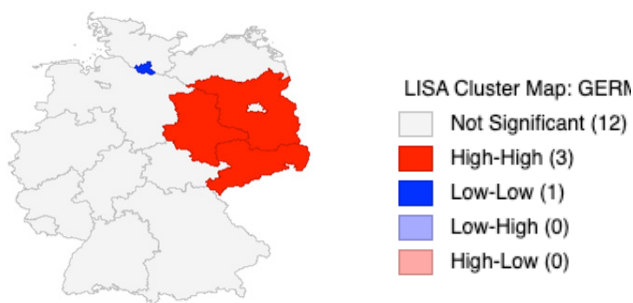

Рис. 8.

Картограмма локальных индикаторов пространственной ассоциации голосования за партию АдГ в 2017 г.

Таким образом, можно говорить о нескольких линиях размежеваний в электоральных процессах современной Германии. Во-первых, отметим историческое разделение на Триас и Пруссию, или на «весси» и «осси». Различия между бывшими землями ГДР, несмотря на объединение Германии, остаются по сей день и выражаются в отличиях не только культурных, ценностных, но, что важнее, в экономических, социально-демографических и, соответственно, в электоральных. Условно можно говорить о размежеваниях между «центром» и «периферией», хотя в случае Германии определение «центра» и «периферии» сложнее ввиду исторических условий их формирования. Кроме того, из проведенного анализа имеет смысл говорить и о размежеваниях между «городом» и «селом», что также отражается в количестве урбанизированных территорий, крупных, промышленных городов в Германии, расположенных преимущественно в западных и южных землях страны.

Гипотеза о том, что земли с низким уровнем безработицы и низким уровнем миграции будут отдавать электоральные предпочтения «классическим» партиям, таким, как ХДС / ХСС и СДПГ, тогда как высокие показатели этих переменных будут вести к высокому уровню поддержки Левых и АдГ, не подтвердилась. Исследование показало, что земли с низким уровнем безработицы и средним уровнем миграции в целом отдают предпочтение «классическим» партиям, тогда как земли с высоким уровнем безработицы и низким уровнем миграции поддерживали популистов (как

правых, так и левых). Гипотеза о том, что земли с высоким уровнем инфицирования на старте пандемии (в 2020 г.) отдали больше голосов за СДПГ, подтвердилась. Соответственно, можно предположить, что среди разнообразия причин победы СДПГ на выборах 2021 г. далеко не последнюю роль сыграла пандемия. Наконец, гипотеза о том, что пандемия коронавируса снизила влияние эффекта соседства на голосование граждан в землях Германии, подтвердилась, что выразилось в снижении значений индекса Морана для голосования в 2021 г.

Что касается изменений в электоральных предпочтениях в Германии, то можно констатировать, что если на выборах в Бундестаг 2013 и 2017 гг. тенденции поддержки партий и кластеры земель были схожими, то в 2021 г. они претерпели, порой, значительные изменения, что связано с целым рядом факторов, среди которых пандемия коронавируса, последовавший энергетический кризис, а также внутрипартийный раскол в ХДС. Если говорить о перспективах, то, вероятно, ХДС / ХСС снова займет утерянные в ходе электоральной кампании 2021 г. позиции, учитывая результаты голосований в ландтаги, вероятное изменение состава правящей коалиции и включение в неё ХДС / ХСС. Помешать ей, вероятно, может реформа избирательного права, которая способна отсечь ХСС и не позволит ей пройти 5%-ый порог представительства. Тем не менее размежевания по обозначенным линиям будут присутствовать в электоральном поле Германии ещё не один электоральный цикл.

Е.А. Zakharova*

**Electoral cleavages in Germany after 2021 Bundestag elections:
spatial analysis¹**

Abstract. The article is dedicated to electoral cleavages in Germany. Following S. Rokkan's tradition, the author focused on center-periphery and urban-rural cleavages. With the use of *longue durée* concept, the center-periphery relations in Germany are described, as well as the *ossi-wessi* formation and the differences between the two. Spatial analysis indicated the cluster of support for the German parties during the last

* **Zakharova Evgenia**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: e.zakharova@inno.mgimo.ru

¹ This article was supported by the MGIMO University "Priority-2030" program.

three electoral cycles (2013, 2017 and 2021). Multivariate explanatory data analysis showed the correlation between voting, economic and demographic indicators. The non-spatial model depicted the clusters of party support in dynamics which was useful for comparison of the three electoral cycles. Based on Moran's index calculations, the spatial autocorrelation of the election results in the German lands was shown. Its values were significant for 2013, 2017 and 2021 SPD voting, as well as for 2013 and 2017 Die Linke voting and 2017 AfD voting. Local indicators of spatial autocorrelation also indicated clusters of support for SPD, Die Linke and AfD. Historical, economic and demographic factors help to indicate the electoral cleavages in Germany which run across the line between *ossi* and *wessi*. As for the transformation of electoral preferences in German lands, SPD 2021 victory can be explained among other with CoVID-19 pandemic, energy crisis and decrease in the economic indicators.

Keywords: Bundestag elections; Trias; «*ossi*»; «*wessi*»; electoral process; spatial analysis; cleavages.

For citation: Zakharova E.A. Electoral cleavages in Germany after 2021 Bundestag elections: spatial analysis. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 98–126. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.04>

References

- Anselin L. Local indicators of spatial association – LISA. *Geographical analysis*. 1995, N 27, P. 93–115.
- Best H. Politischer regionalismus in Deutschland und Frankreich im intertemporal-interkulturellen Vergleich. *Historical social research. Historische sozialforschung, supplement*. Führungsgruppen und Massenbewegungen im historischen Vergleich. Der Beitrag der Historischen Sozialforschung zu einer diachronen Sozialwissenschaft, 2008, N 20, P. 261–283. (In Germ.)
- Cliff A., Ord J.K. *Spatial autocorrelation*. London: Pion, 1973, 178 p.
- Conradt D.P. The Civic culture and unified Germany: an overview. *German politics*. 2015, Vol. 24, N 32, P. 249–270.
- Dalton R.J., Weldon S. Germans divided? Political culture in a United Germany. *German politics*. 2010, Vol. 19, N 1, P. 9–23.
- Grüner W.D. *Der Deutsche Bund 1815-1866*. München: C.H. Beck, 2012, 127 p. (In Germ.)
- Haffert L. The long-term effects of oppression: Prussia, political Catholicism, and the alternative für Deutschland. *American political science review*. 2022, Vol. 116, N 2, P. 595–614.
- Komlosy A. *Globalgeschichte. Methoden und Probleme*. Vienna: Böhlau, 2011, 276 p. (In Germ.)
- Kowalcuk I-S. *Verlag C.H. Die Übernahme: Wie Ostdeutschland Teil der Bundesrepublik wurde*. München: Beck oHG, 2019, 319 p. (In Germ.)
- Kühn M., Sommer H. Periphere Zentren – Städte in peripherisierten Regionen. Theoretische Zugänge, Handlungskonzepte und eigener Forschungsatz. Working Paper,

- Erkner, Leibniz-Institut für Regionalentwicklung und Strukturplanung, 2013, 34 p. (In Germ.)
- Lefebvre H. *Espace et politique. Le droit à la ville II*. 2e éd. Paris: Anthropos, 2000, 174 p. (In Fr.)
- Lipset S., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignment: An introduction. *Political Science (RU)*. 2004, N 4, P. 204–234. (In Russ.)
- Manow P., Flügel D. «Erbe des Kulturkampfes» oder «Folge programmatischer Verschiebung»? Die katholischen Wähler und die AfD – eine Replikationsstudie. *Politische Vierteljahresschrift*. 2023, N 64, P. 585–601. (In Germ.)
- Norpoth H. Lewis-Beck M.S., Lafay J.-D. *Economics and politics: the calculus of support*. Ann Arbor: University of Michigan press, 1991, 293 p.
- Norris P. The “New Cleavage” Thesis: The Social Basis of Right-Wing Support. In: P. Norris (ed.). *Radical right: voters and parties in the electoral market*. Cambridge: Cambridge university press, 2005, P. 129–148.
- Okunev I.Yu. Cyclicity of ideological and political cleavages in the electoral space. *Perm university herald. Political science*. 2022, Vol. 16, N 3, P. 52–62. (In Russ.)
- Okunev I.Yu., Kushnareva A.E. Alternative spatial weights matrices: Methodology and application in calculating LISA. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. 2023, Vol. 68, N 2, P. 390–413. (In Russ.)
- Rokkan S. Center periphery structures. *Political science*. 2006, N 4, P. 73–101. (In Russ.)
- Rokkan S., Urvin D. Politics of territorial identity. European regionalism. *Logos*. 2003, N 6 (40), P. 117–126. (In Russ.)
- Shestakova M.N., Gruzdeva E.E., Kovbas E.S. Spatial Distribution of Human Capital’s Environmental Parameters. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 2023, Vol. 45, P. 75–89. (In Russ.)
- Wegman E.J., Dorfman A. Visualizing cereal world. *Computational statistics and data analysis*. 2003, N 43 (4), P. 633–649.
- Winkler G. *Friedliche Revolution und deutsche Vereinigung 1989 bis 2017: BAND II: Nachhaltige Stabilisierung ungleicher Lebensverhältnisse zwischen Ost und West. Friedliche*. Trafo Wissenschaftsverlag. Auflage: 1. 2018. 20. März. 702 p. (In Germ.)
- Zhirnova L.S. regional trends in electoral support for Latvian parties: the neighbourhood effect. *Baltic region*. 2022, Vol. 14, N 1, P. 138–158. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Жирнова Л.С. Региональные тенденции электоральной поддержки латвийских партий: фактор соседства // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 138–158.
- Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания (перевод) // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 204–234.
- Окунев И.Ю. Цикличность идейно-политических размежеваний в электоральном пространстве: к новому прочтению концепции Липсета-Роккана // Вестник Пермского университета. Политология. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 52–62.

- Окунев И.Ю., Кушнарeva А.Э.* Альтернативные матрицы пространственных весов соседства: методика создания и использования на примере расчета локальных индикаторов пространственной автокорреляции // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. – 2023. – Т. 68, № 2. – С. 390–413.
- Роккан С.* Центр-периферийная полярность (перевод) // Политическая наука. – 2006. – № 4. – С. 73–101.
- Роккан С., Урвин Д.В.* Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 117–126.
- Шестакова М.Н., Груздева Е.Е., Ковбас Е.С.* Пространственное распределение экологических параметров человеческого капитала // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2023. – Т. 45. – С. 75–89.

Г.А. БОРЩЕВСКИЙ*

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. В этой статье мы выявляем особенности реализации региональной политики в условиях существующей вертикали власти на примере Дальнего Востока, выделяя функционал ее федерального и регионального компонентов. Управленческая модель, примерно соответствующая теории полюсов роста Ф. Перру, предполагала создание преференциальных режимов ведения предпринимательской деятельности (территории опережающего развития, свободный порт Владивосток, Арктическая зона РФ) для поддержки технологических инноваций, стимулирования занятости, наращивания экспортного потенциала в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). На практике отмечено смещение вектора преференциальных территорий с инновационно-технологической к рено-ориентированной деятельности. Проекты в преференциальных режимах чаще соответствуют сложившейся специализации экономики регионов («эффект колей»), чем формируют новые отрасли, хотя имеются и обратные примеры. Рассмотрено влияние федерального центра на достижение приоритетов развития дальневосточного макрорегиона через специальный институт – Корпорацию развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ). Инвестиционные проекты более успешно реализуются в регионах ДФО с более высоким уровнем развития и с более влиятельными губернаторами, что подтверждает участие региональных элит в формировании и проведении экстрактивной федеральной политики пространственного развития.

Ключевые слова: региональная политика; пространственное развитие; институт развития; Дальний Восток; преференциальный режим; рейтинг.

* **Борщевский Георгий Александрович**, доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), e-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru

© Борщевский Г.А., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.01.05

Для цитирования: Борщевский Г.А. Федеральные и региональные институты развития преференциальных режимов Дальнего Востока // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 127–154. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.05>

Введение

Политика пространственного развития релевантна для России ввиду присущих ей межрегиональных диспропорций и многоукладности [Зубаревич, 2022]. Несмотря на высокую фундированность теорий регионального роста (см., напр.: [Минакир, 2022; Суворова, 2019]), реализация политики происходит путем экспериментов. Федеральный центр проводит в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) политику, направленную на привлечение инвестиций и населения, что закреплено в ряде программных документов. Президентом поставлен стратегический приоритет обеспечить темпы развития ДФО выше средних по стране.

Указанные обстоятельства сделали дальневосточный макрорегион полигоном для апробации политико-административных инструментов, включая преференциальные режимы предпринимательской деятельности, такие как территории опережающего развития (ТОР)², свободный порт Владивосток (СПВ), Арктическая зона РФ (АЗРФ). Для их администрирования создан институт развития – АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» (КРДВ)³. Его единственным акционером от имени Российской Федерации выступает Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики (Минвостокразвития).

¹ Указ Президента РФ от 26.06.2020 № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока».

² Целью создания ТОР является, в частности, обеспечение ускоренного социально-экономического развития. ТОР действуют не только на Дальнем Востоке, но также в моногородах и закрытых административно-территориальных образованиях. Однако именно ДФО является приоритетной территорией для создания ТОР. Это подтверждается их созданием в 10 из 11 субъектов РФ, входящих в состав ДФО.

³ На Дальнем Востоке существуют и иные преференциальные режимы: специальный административный район на о. Русский (Приморский край), преференциальный режим на Курильских островах, особая экономическая зона в Магаданской области. По различным причинам они не рассмотрены в данном исследовании.

Объемный массив исследований, посвященных дальневосточной политике, демонстрирует широкий спектр мнений от в целом комплементарных [Min, Kang, 2018; Hirofumi, 2019; Fortescue, 2022; Andreev, Arnaut, Sultanova, 2020; Сидя, Кан, 2021; Чичканов, Беляевская-Плотник, 2022] до предельно критических [Antonova, Lomakina, 2020; Савченко, 2022; Минакир, 2022; Гулидов, 2021]. Подобные разночтения в оценках указывают на отсутствие конвенциональной теории и методологического единства.

В этой статье мы выявляем особенности реализации региональной политики на примере Дальнего Востока в условиях существующей вертикали власти, стремясь выделить функциональные звенья ее федерального и регионального компонентов. Для достижения этой цели последовательно решаются следующие задачи: 1) институционализация системы управления развитием Дальнего Востока; 2) оценка вклада преференциальных режимов как ключевого элемента федеральной политики развития регионов ДФО¹; 3) анализ связей регионального властного компонента с результатами политики развития ДФО. Статья призвана внести вклад в совершенствование инструментария для подобных оценок, обогатить литературу новыми эмпирическими данными и интегрировать их в научную дискуссию.

Обзор исследований региональной политики, преференциальных режимов и инстинктов развития

Теоретические аспекты региональной политики описывают кластерная концепция (см., например, «Конкуренция» М. Портера (1998) или «Географический фактор как конкурентное преимущество» М. Энрайта (1993)), теории полюсов роста («Замечания о понятии полюса роста» Ф. Перру (1955)), центральных мест («Центральные места Юга Германии» В. Кристаллера (1933) или

¹ Данное утверждение обосновано тем, что расходы на преференциальные режимы ТОР и СПВ достигают 70% всех бюджетных расходов на развитие ДФО (оценка автора по данным: госпрограмма РФ «Социально-экономическое развитие ДФО» (утв. постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 в ред. от 10.12.2021 № 2256); [Гулидов, 2021]; Дальний Восток. Как пандемия повлияла на вложения в инфраструктуру ДФО? – М.: Infra-One, 2021. – 78 с.; Бюллетень Счетной палаты РФ. – 2022. – № 2).

«Пространственная организация экономики» А. Лёша (1940)), локальных благ («Чистая теория местных расходов» Ч. Тибу (1956)) и иные. Так, согласно теории полюсов роста, в отраслях со значительным ростом производства (пропульсивные отрасли) формируются центры, в которых накапливается инновационный и инвестиционный потенциал и которые способствуют росту прилегающей территории [Суворова, 2019].

Существующая в России вертикаль власти не способна купировать значительные межрегиональные диспропорции [Ross, Turovsky, Sukhova, 2022]. Федеральный центр использует макроэкономические индикаторы для оценки эффективности региональной власти. При этом в кризисные периоды при принятии политических решений повышается значимость показателя уровня бедности, а в периоды роста – инвестиционного климата и управленческой эффективности [Туровский, Луизидис, 2022].

Развитию Дальнего Востока как приоритетной территории посвящен большой массив исследований. В центре внимания традиционно находятся вопросы народонаселения через призму иммиграции из соседних стран [Бляхер, Леонтьева, 2023], а также внутренней миграции. Отмечается, что новые инструменты миграционной политики (государственная программа содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, программа «Дальневосточный гектар» и преференциальные режимы) положительно влияют на уменьшение миграционного оттока населения [Шмидт, Ивашина, 2021]. Также изучается влияние федеральных финансовых вливаний на экономические и социальные процессы. Федеральные трансферты положительно воздействуют на макроэкономические индикаторы (государственные расходы, налоги, занятость), но практически не влияют на благосостояние дальневосточных домохозяйств [Isaev, 2020].

В целом изменения последних десяти лет получили в экспертной среде название «новой» дальневосточной политики. Предпринимаются попытки соотнести ее с теоретическими моделями «развивающего государства» [Савченко, 2022], управления ростом [Минакир, 2022], «точками ускоренного роста» [Andreev, Arnaut, Sultanova, 2020]. Существуют исследования, посвященные деятельности федерального регулятора (Минвостокразвития) и института развития (КРДВ) [Савченко, 2022; Гулидов, 2021].

Большая группа работ связана с функционированием преференциальных режимов. Сущность последних близка к идее полюсов роста, так как они создаются вокруг «якорных» резидентов [Fortescue, 2022; Andreev, Arnaut, Sultanova, 2020]. Создание префрежимов изначально предполагало «стимулирование трансформационного экономического развития» [Fortescue, 2022]. Группа исследователей из Владивостока предположила возникновение «территориальных промышленных комплексов новой производственной специализации, связанных с реализацией крупных инвестиционных проектов в границах территорий опережающего развития и на территориях, отнесенных к свободному порту Владивосток», которое «способствует созданию полицентрических агломерационных структур в зонах, прилегающих к транспортным коридорам» [Andreev, Arnaut, Sultanova, 2020: 337]. Другими авторами предложена модель оценки ТОР через результаты хозяйственной деятельности их резидентов [Сида, Кан, 2022].

Позитивные оценки функционирования префрежимов акцентируют внимание на том, что в среднесрочной перспективе они способны создавать новые цепочки добавленной стоимости [Min, Kang, 2018, с. 51] и эффект, измеряемый сотнями предприятий и десятками тысяч рабочих мест [Чичканов, Беляевская-Плотник, 2022]. В частности, режим ТОР призван обеспечить до 67% экономического роста и 25% инвестиций в ДФО [Савченко, 2022, с. 54]. При этом отмечена неравномерность уровня эффективности и потенциала развития ТОР [Сида, Кан, 2021, с. 30], а согласно А. Хирофуми [Hirofumi, 2019], режим СПВ более популярен. Конкуренция между преференциальными режимами приводит к тому, что ужесточение условий в одном из них способствует росту показателей в другом [Nayakawa, 2023].

Концепт институтов развития в политических исследованиях раскрывается противоречиво: одни авторы относят институты, наряду с кадровым потенциалом и региональной идентичностью, к нематериальным ресурсам территории [Мирошниченко, Морозова, 2022]; другие включают в их число документы планирования, органы власти, международные мероприятия [Ведмецкая, 2019]. Отсутствие легитимного определения порождает неоднозначность экспертных трактовок и многообразие подходов, вариативность

которых объясняется, в частности, фрагментацией регулирования институтов развития в России¹.

Оценивая деятельность КРДВ как федерального института развития Дальнего Востока, эксперты указывают на «противоречие между целями, институциональными инструментами и первыми результатами реализации “новой модели” развития Дальнего Востока» [Antonova, Lomakina, 2020, с. 442], на неверный акцент на институциональное регулирование и провал институциональной парадигмы достижения программной цели [Минакир, 2022]. Существует опыт экспертной оценки КРДВ по количеству резидентов преференциальных режимов и числу заключенных с ними соглашений [Савченко, 2022]. При этом зарубежный опыт показывает, что политика региональной реструктуризации всегда предполагает «сложные сочетания политик, инициированные на разных уровнях управления» [Jakobsen, Uyarra, Njøs, 2022, с. 312], поэтому в развитие ДФО вовлечены множественные акторы.

Основная территория регионов ДФО относится к «периферии власти» [Бляхер, Леонтьева, 2023]. При этом Дальний Восток имеет ценность для федерального центра в геостратегическом смысле как форпост России в АТР и Арктике, а также благодаря богатой ресурсной базе [Зубаревич, 2022]. По этой причине важное направление представлено исследованиями связей российского Дальнего Востока со странами АТР. Предметом анализа в последние годы становились связи пограничных регионов России и Китая [Zhuozhi, 2023], заимствование экономических моделей [Ryzhova, Ivanov, 2022], китайские инвестиции в макрорегион [Киреев, 2022]. Отмечается, что Китай стал «посредником и незаменимым фактором» в торговле России с другими странами АТР [Izotov, Tochkov, 2020, с. 177]. Политолог Андрей Губин [Губин, 2020] исследует возможности дальневосточных регионов для интеграции в «Большое Евразийское пространство», которое Россия

¹ В качестве отраслевого института развития малого и среднего предпринимательства в РФ действует Корпорация МСП. Аналогичные задачи в сфере ЖКХ выполняет АО «ДОМ.РФ». Основным признаком института инновационного развития является распределение бюджетных средств на оказание поддержки лицам, осуществляющим инновационную деятельность. Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» осуществляет финансовую и гарантийную поддержку отдельных институтов развития и выступает агентом Правительства РФ по реализации мер их государственной поддержки.

продвигает в связи с китайской инициативой «Один пояс – один путь».

Наращивание экспортного потенциала было одной из целей создания преференциальных режимов, поэтому исследование результатов «новой» дальневосточной политики представляет особый интерес, учитывая происходящий в экономике и политике России «поворот на Восток».

Данные и методы

Для институционального анализа компонентов системы управления развитием Дальнего Востока мы изучаем нормативные основы деятельности ключевых акторов, отвечающих за развитие ДФО, на всех уровнях системы публичной власти с применением методов сравнительного правового анализа и анализа документов. Построение структурно-функциональной модели политики развития ДФО с применением преференциальных режимов позволяет выделить специфику деятельности института развития – КРДВ, который выступает агентом реализации федеральной политики. Особое внимание уделено взаимодействиям КРДВ и ее дочерних организаций с региональными властями на территориях присутствия.

В рамках оценки вклада преференциальных режимов в развитие ДФО мы определяем динамику развития регионов, ориентируясь на показатели, установленные для оценки эффективности органов власти субъектов РФ¹ в той части, в которой они обеспечены доступными статистическими данными. Хотя показатели не исчерпывают спектр задач регионального развития, их отличает универсальность, доступность данных и комплексный охват направлений социально-экономического развития.

После определения значений показателей в 2008–2021 гг. нормируем их через средние значения в анализируемом диапазоне лет по формуле (1):

¹ Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 (ред. от 09.09.2022).

$$I_t = \begin{cases} \frac{x_{ij}}{\bar{x}_{i,j}} * 100, & \text{если рост значения показателя оценивается позитивно;} \\ \frac{\bar{x}_{i,j}}{x_{i,j}} * 100, & \text{в обратном случае,} \end{cases} \quad (1)$$

где: I_t – набор нормированных значений i -го показателя для за t лет; $x_{i,j}$ – значение i -го показателя для j -го региона; $\bar{x}_{i,j}$ – среднее значение i -го показателя для j -го региона за t лет.

Для оценки информативности каждого показателя в априорно заданном наборе показателей применен метод главных компонент. Расчеты выполнены в программном продукте Stata версии 12.0. Число переменных $var = 14$, количество наблюдений $n = 182$. Так как данные предварительно нормированы, отбор главных компонент для дальнейшего анализа осуществлен по правилу Кайзера, согласно которому наиболее информативны те компоненты, собственные числа которых больше единицы.

По наиболее информативным показателям строим индексы для каждого региона по формуле (2), считая все показатели равнозначными:

$$E_j = \sum_{t=1}^n \frac{I_t}{n}, \quad (2)$$

где: E_j – индекс развития для j -го региона; n – число информативных показателей; t – анализируемые годы.

Оценку динамики развития осуществляем методом «разность разностей» на двух периодах – без префрежимов (2008–2014) и после начала их применения (2015–2021). Метод представляет собой регрессионную модель, характеризующую связи между двумя группами наблюдений – контрольной (в нашем случае – это регионы ДФО) и экспериментальной, или тритмент-группой, которая отражает развитие остальных субъектов РФ по аналогичным показателям. Применению метода предшествует проверка коллинеарности претрендов тритмент-группы для контрольной группы. Модель всех возможных исходов описана формулой (3):

$$Y_j = \beta_0 + \beta_1 dB + \sigma_0 d_2 + \sigma_1 d_2 * dB + U, \quad (3)$$

где: j – индекс региона; β_0 – коэффициент для контрольной группы до введения префрежимов (первый период); β_1 – коэффициент для экспериментальной группы в первый период; dB – фиктивная переменная, которая улавливает возможные различия между экспериментальной и контрольной группами в первый период (1 для экспериментальной группы; 0 для контрольной); σ_0 – коэффициент для контрольной группы после введения префрежимов (второй период); d_2 – фиктивная переменная, которая улавливает факторы, которые бы вызвали изменения y даже при отсутствии воздействия префрежимов (1 для второго периода и 0 для первого периода); σ_1 – коэффициент для экспериментальной группы во второй период; U – ошибка регрессии.

В ходе оценки мы проверяем гипотезу о том, что преференциальные режимы оказывают статистически значимое влияние на социально-экономическое развитие регионов присутствия (третичная группа) в отличие от остальных регионов (контрольная группа). Оценка σ_1 осуществляется методом наименьших квадратов для уравнения (3) на основе случайных выборок по обеим группам и двум периодам. Ее можно записать в виде (4):

$$\sigma_1 = (\bar{Y}^{B,2} - \bar{Y}^{B,1}) - (\bar{Y}^{A,2} - \bar{Y}^{A,1}), \quad (4)$$

где A означает контрольную группу, B – экспериментальную группу, 1, 2 – первый и второй периоды соответственно.

Эффект от преференциальных режимов для регионов, в которых выявлено статистически значимое влияние, оцениваем по ключевым показателям эффективности режимов¹: объем привле-

¹ В методике оценки ТОР (постановление Правительства РФ от 23.09.2019 № 1240) заложены следующие исходные параметры: 1) объем частных инвестиций; 2) размер бюджетных средств на создание инфраструктуры ТОР; 3) количество рабочих мест; 4) объем добавленной стоимости, созданной резидентами ТОР; 5) объем налоговых и таможенных льгот и платежей (кроме страховых взносов). По показателям 2 и 4 открытые данные отсутствуют. Восемь показателей, характеризующих функционирование ТОР, заложены в госпрограмму «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа». В госпрограмме «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ»

ченных частных инвестиций; количество созданных рабочих мест; средняя заработная плата работников организаций, реализующих инвестиционные проекты на территориях с префрежимами, и доля малых предприятий, реализующих указанные инвестпроекты. В ходе оценки значения показателей, содержащиеся в опубликованных отчетах КРДВ, сравниваем с данными статистического наблюдения в целом по региону.

Кроме того, мы сопоставляем отраслевую структуру инвестиционных проектов в рамках преференциальных режимов (по материалам КРДВ) с отраслевой структурой валовой добавленной стоимости анализируемых субъектов РФ (по данным Росстата). Так мы оцениваем вклад проектов, простимулированных префрежимами, в динамику регионального развития.

Для оценки уровня выполнения планов реализации инвестиционных проектов в префрежимах плановые значения перечисленных показателей мы сравниваем с фактически достигнутыми значениями.

Географическая удаленность ДФО от центра и организационная сложность реализации инвестиционных проектов на относительно слабо развитых территориях ставит вопрос о характере распределения влияния различных акторов на достижение приоритетов регионального развития и функционирование преференциальных режимов. Это делает актуальным анализ связи регионального властного компонента с результатами федеральной политики развития ДФО. Для этого нами изучен ряд рейтингов глав субъектов РФ, составленных различными политологическими центрами.

– Национальный рейтинг губернаторов¹. Отсылка к данному рейтингу мотивирована тем, что привлечение инвестиций и создание рабочих мест являются значимыми факторами оценки властей жителями и экспертами.

отражены два показателя: накопленный объем инвестиций резидентов в ТОР и АЗРФ; количество созданных рабочих мест.

¹ Формируется Центром информационных коммуникаций «Рейтинг» раз в несколько месяцев и по итогам года; охватывает все регионы; публикуется с 2014 г.; основан на методах заочного анкетирования, заочных и очных опросов экспертов. – Режим доступа: <https://russia-rating.ru/info/category/gubernators> (дата посещения: 11.12.2023).

– Медиарейтинг глав регионов¹. Использование обусловлено медийным эффектом от запуска инвестпроектов для репутации глав.

– Рейтинг влияния глав субъектов РФ². Данный рейтинг рассматривается нами потому, что влияние глав регионов оказывает положительный эффект на приток инвестиций и, как следствие, на успешность функционирования преференциальных режимов.

Изучены позиции глав регионов ДФО в указанных рейтингах и сопоставлены с динамикой рассмотренных ранее показателей развития регионов и преференциальных режимов, что позволяет оценить характер связей регионального властного компонента с результатами федеральной политики развития ДФО.

Институционализация системы управления развитием Дальнего Востока

Федеральный уровень управления макрорегионом ДФО представлен следующими акторами: Правительство РФ, Минвостокразвития и КРДВ.

Правительство действует через Комиссию по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока (Правкомиссия), созданную в 2013 г. для оценки проектов документов развития ДФО и формирования перечня приоритетных инвестпроектов. Возглавляет Правкомиссию вице-премьер Юрий Трутнев, курирующий Минвостокразвития. Данное министерство создано в 2012 г. для реализации дальневосточной политики посредством исполнения стратегических документов: Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона, государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнево-

¹ Формируется компанией «Медialogия» ежемесячно и по итогам года; охватывает все регионы; публикуется с 2019 г.; основан на контент-анализе публикаций и расчете индекса присутствия глав регионов в СМИ и соцсетях. – Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/> (дата посещения: 11.12.2023).

² Формируется Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК); охватывает все регионы; формируется ежемесячно и по итогам года; публикуется с 2012 г.; основан на экспертном опросе методом закрытого анкетирования. – Режим доступа: http://www.apecom.ru/projects/list.php?SECTION_ID=101 (дата посещения: 11.12.2023).

сточного федерального округа» и национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока¹.

КРДВ организована в 2015 г. для управления преференциальными режимами в ДФО и Арктической зоне². КРДВ осуществляет функции института развития путем направления средств, полученных из федерального бюджета в форме инвестиций, субсидий, взносов в уставный капитал, на проектирование, строительство, реконструкцию, приобретение объектов инфраструктуры для резидентов префрежимов³. КРДВ объединила функции ранее существовавшего Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта (в части привлечения инвесторов в ТОР и СПВ и продвижения экспорта на рынки АТР) и Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке (в части обеспечения ТОР и СПВ трудовыми ресурсами). КРДВ имеет дочерние организации в каждом субъекте ДФО, являющиеся управляющими компаниями преференциальных режимов на данных территориях (рис. 1).

Развитие инфраструктуры в рамках соглашений с инвесторами осуществляет КРДВ за счет федеральных средств. Земельные отношения предполагают предоставление земельных участков резидентам и аренду по льготной ставке, что также входит в функционал управляющей компании. Контрольно-надзорную деятельность в отношении инвестиционных проектов в префрежимах осуществляют в основном федеральные структуры с учетом ограничений, предусмотренных мораторием на проверки бизнеса.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р (ред. от 10.06.2023 № 1521-р) «О Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.»; постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 (ред. от 10.12.2021 № 2256) «Об утверждении государственной программы РФ “Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа”»; распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 № 2464-р (ред. от 23.01.2023 № 99-р) «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2026 г. и на перспективу до 2035 г.».

² Постановление Правительства РФ от 30.04.2015 № 432 (ред. от 25.04.2021 № 640).

³ Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1835 (ред. от 05.12.2022).

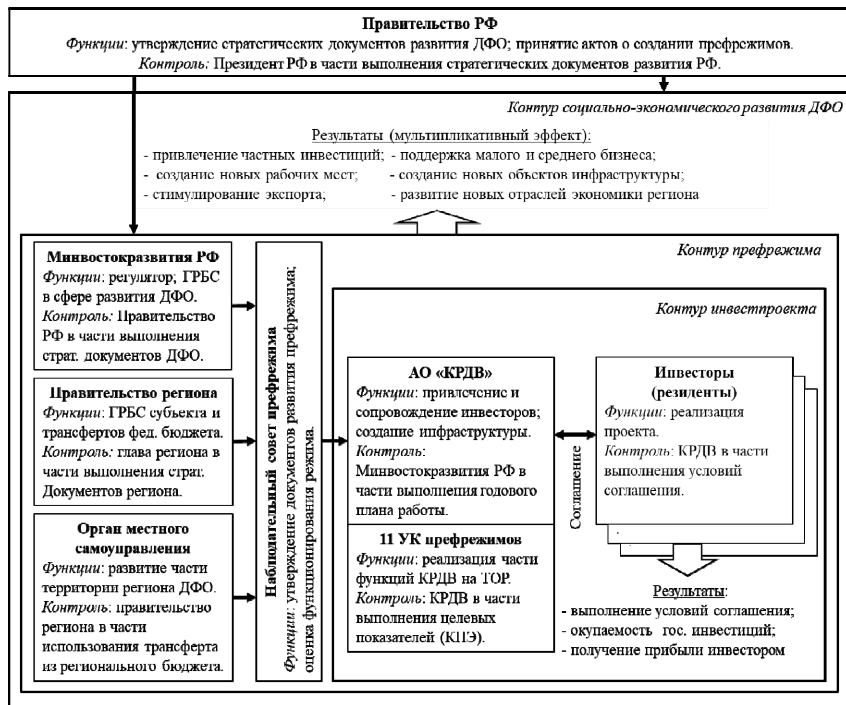

Рис. 1

Структурно-функциональная модель политики развития ДФО с применением преференциальных режимов¹

Региональный контур дальневосточной политики представлен главами субъектов, оценка деятельности которых осуществляется по единым критериям, установленным Президентом, включая темп роста среднемесячной заработной платы и индекс роста инвестиций в основной капитал региона. Очевидно, что функционирование преференциальных режимов воздействует на достижение целевых значений этих показателей. Глава возглавляет правительство региона, которому подведомственны органы исполнительной власти, а им – бюджетные организации и акционерные общества.

¹ Источник: здесь и далее – составлено автором.

К числу последних относятся, в частности, региональные институты развития.

В региональные бюджеты поступает часть доходов от уплаты резидентами налога на прибыль и на имущество организаций, а от земельного налога – в бюджеты муниципалитетов.

Как видно на рис. 1, политические коммуникации между уровнями публичной власти при управлении преференциальными режимами концентрируются в их наблюдательных советах. Региональные власти могут выступить с инициативой о создании преференциального режима на своей территории и о расширении его границ. Наиболее существенным моментом, на который способны повлиять региональные власти в рассматриваемом вопросе, является привлечение резидентов, которые определяют как отраслевую принадлежность проектов, так и их масштаб и, следовательно, количество созданных рабочих мест, объем инвестиций, прибыль и сумму налогов. На уровне региона видятся три канала привлечения инвесторов:

1) региональные институты развития (данный канал релевантен для местного несырьевого бизнеса без политической поддержки; компании обращаются за получением мер поддержки на общих основаниях);

2) региональные чиновники (региональный бизнес, аффилированный с местными властями, официально может войти в преференциальный режим через институт развития, использует политическую поддержку для получения преференций);

3) глава региона (являясь членом Правкомиссии, губернатор может заручиться поддержкой федеральных акторов для привлечения в регион крупнейших инвесторов, используя весь арсенал политического маркетинга).

Оценка вклада преференциальных режимов как ключевого элемента федеральной политики развития регионов ДФО

Оценка влияния показателей развития регионов ДФО методом главных компонент выявила, что из 14 индикаторов, используемых федеральным центром для оценки глав регионов, наиболее

информативны четыре¹. В совокупности они объясняют более 77% всех вариаций набора данных. По указанным показателям построены нормированные индексы (формула 1) для каждого региона, кроме Магаданской области, где нет анализируемых префрежимов, и оценена параллельность претрендов в двух группах (рис. 2).

Принцип параллельности претрендов не выполняется для Чукотского автономного округа. Для остальных регионов коэффициенты корреляции индексов выше 0,75 при $p \leq 0,05$, что свидетельствует о коллинеарности.

Далее методом «разность разностей» (формулы 3 и 4) оценено влияние префрежимов на динамику развития регионов. Для трех из них (Камчатский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область) влияние находится на статистически незначимом уровне, что можно интерпретировать как недостаточность срока действия префрежимов для обоснованной оценки, а также влияние неучтенных факторов или погрешности данных. Для Бурятии выявлено значимое ($p < 0,02$) отрицательное влияние ($-6,48$) политики на развитие. Положительное влияние префрежимов наблюдается в пяти регионах: Сахалинская область (влияние 23,89 при $p = 0,09$), Республика Саха (16,71 и 0,005, соответственно), Забайкальский край (8,85 и 0,1), Приморский край (4,69 и 0,007), Амурская область (3,19 и 0,04).

Доля инвестиций, привлеченных в рамках префрежимов, от общего объема частных инвестиций в основной капитал варьирует от 80–90% в Амурской области и Приморском крае до 4–5% в Якутии и на Сахалине. По доле рабочих мест в префрежимах от общей в регионе лидирует Приморский край (5,3%), а в остальных регионах с позитивным влиянием префрежимов значения ниже 2%, что не позволяет сделать вывод о значимом влиянии префрежимов на занятость. Средняя заработная плата в префрежимах выше средней по региону в Приморском крае на 65%, в Забайкальском – на 63%, в Амурской области – на 42%, в Якутии – на 17%; а в Сахалинской области зарплата там ниже средней региону. Малые предприятия реализуют более половины инвестиционных

¹ Ввод в действие жилых домов, построенных населением за счет собственных и привлеченных средств; численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; охват детей дошкольным образованием; удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации.

проектов в префрежимах; больше всего их в Забайкальском крае (87%), Приморском крае (86%), Сахалинской области (81%) и Якутии (76%). Однако отсутствует статистическая связь между данным показателем и общей долей занятых в МСП на территории региона.

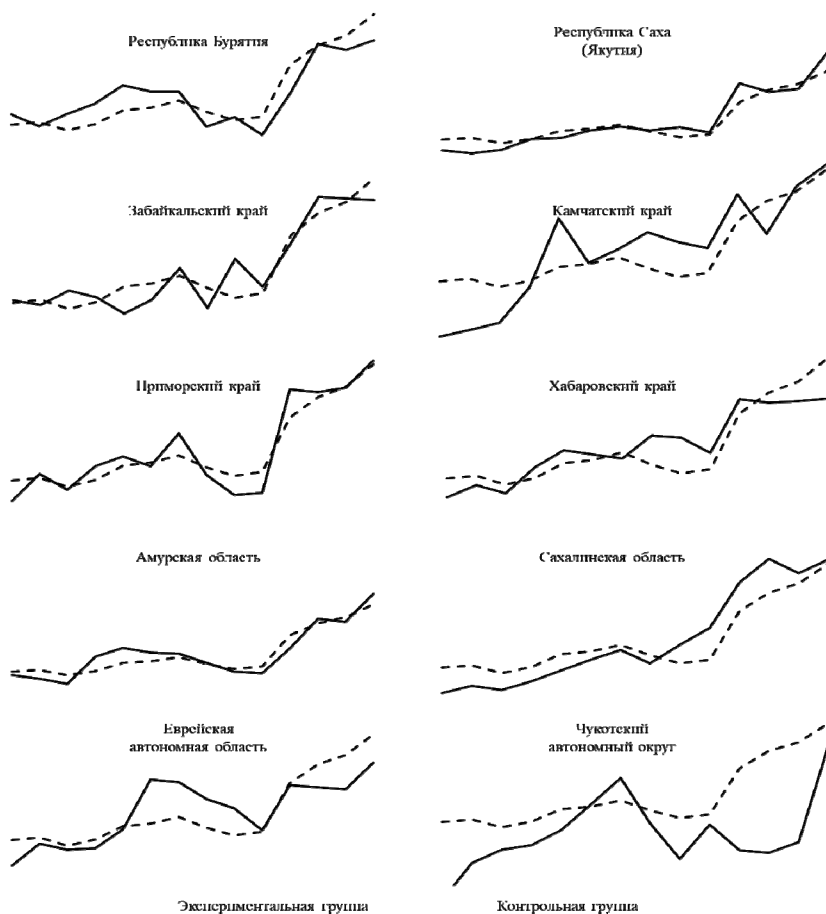

Рис. 2
Динамика индексов развития регионов ДФО

Результаты сопоставления отраслевой принадлежности инвестпроектов в префрежимах со структурой валовой добавленной стоимости субъектов РФ показывают довольно высокую степень соответствия (коэффициент корреляции для всех регионов ДФО равен 0,57 при $p < 0,05$). Это означает, что проекты в префрежимах охватывают более половины отраслевой структуры ВРП, хотя уровень соответствия ВРП отраслевой структуры этих инвестпроектов существенно варьирует. Хорошо это или плохо, зависит от параметров экономики региона (рис. 3).

Рис. 3.
Отраслевая структура ВРП и проектов
в префрежимах (2021), %

Оценка уровня выполнения планов при реализации проектов на преференциальных территориях показывает более своевременное внесение инвестиций и запаздывание при создании рабочих мест.

Анализ связей регионального властного компонента с результатами политики развития ДФО

При сопоставлении места главы региона ДФО во всероссийских рейтингах с параметрами функционирования преференциальных режимов (табл. 1; приведены усредненные данные за все анализируемые годы) выявлены любопытные закономерности.

Таблица 1

Сопоставление мест глав регионов ДФО во всероссийских рейтингах с параметрами функционирования преференциальных режимов

Регионы	Место в рейтингах глав регионов			Вклад префрежимов в развитие регионов					
	Национальный	Влияния	Медиа	Индекс развития, %	Инвестиции, млрд руб.		Рабочие места, тыс.		Ср. зарплата, тыс. руб.
					План	Факт	План	Факт	
Республика Бурятия	67	74	51	103,7	0,9	0,9	0,1	0,03	10,2
Республика Саха (Якутия)	36	29	16	111,1	16,9	16,9	1,7	1,2	68,6
Забайкальский край	60	72	52	107,9	14,2	14,2	1,7	0,6	31,6
Камчатский край	24	46	49	113,5	5,5	5,5	1,9	0,9	78,6
Приморский край	38	28	25	108,0	37,4	37,4	17,2	6,3	70,4
Хабаровский край	41	55	25	108,9	7,2	7,2	2,1	1,1	63,7
Амурская область	57	68	40	107,7	115,5	115,5	0,9	0,7	63,6
Магаданская область	26	47	71	96,5	Нет префрежимов				
Сахалинская область	42	38	31	113,8	4,4	4,4	1,0	0,6	59,9
Еврейская АО	79	77	76	110,5	0,2	0,2	0,1	0,03	15,0
Чукотский АО	50	61	86	86,6	1,3	1,3	1,6	0,4	71,7

Место в национальном рейтинге губернаторов коррелирует со средней зарплатой в преференциальных режимах региона (коэффициент корреляции $k = 0,28$ при уровне значимости $p = 0,008$). Положение главы региона в медиарейтинге связано с динамикой индекса развития субъекта РФ ($k = 0,3$, $p = 0,002$), планом по созданию рабочих мест в префрежимах ($k = 0,25$, $p = 0,02$) и средней зарплатой в них ($k = 0,31$, $p = 0,003$). Позиция главы в рейтинге влияния коррелирует с индексом развития региона ($k = 0,28$, $p = 0,07$) и

созданием рабочих мест в преференциальных режимах ($\kappa=0,42$, $p=0,005$). Выявлено отсутствие значимых связей места в рейтинге с объемом привлеченных инвестиций в префрежимы региона.

Корреляции сами по себе не могут объяснить характера взаимовлияний глав регионов на функционирование преференциальных режимов. Они указывают лишь на масштаб подобных влияний (как показал анализ – не более 25–42%). При этом обращает внимание, что главы Республики Саха, Сахалинской области, Приморского, Камчатского и Хабаровского краев в среднем за весь анализируемый период занимали в рассмотренных рейтингах места выше средних по РФ. Одновременно в указанных регионах уровень развития и показатели функционирования префрежимов находились на более высоком уровне по отношению к остальным регионам ДФО. Напротив, в регионах с самыми низкими местами губернаторов в рейтингах (Республика Бурятия, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область) отмечены более низкие средние показатели развития префрежимов.

Обсуждение

Исследование показало, что КРДВ посредством администрируемых префрежимов оказывает положительное влияние на динамику развития лишь части регионов своего присутствия. Так, в Приморском крае и Амурской области 80% и более объема внебюджетных инвестиций привлечено через проекты в указанных режимах; в остальных регионах картина гораздо скромнее. Лишь в Приморском крае доля рабочих мест в префрежимах превышает 5% от рынка труда. Заработная плата в префрежимах Приморского края превосходит среднюю по региону на 65%, в Забайкальском крае – на 63, в Амурской области – на 42, в Якутии – на 16,7%, но на Сахалине работники в ТОР получают зарплаты ниже средней. Это вновь доказывает необходимость взвешенного подхода к использованию полюсов роста в качестве инструмента развития [Суворова, 2019].

Мы выяснили, что в каждом из регионов ДФО инвестиционные проекты в префрежимах охватывают более половины отраслевой структуры ВРП, но редко содействуют диверсификации экономики. Так, в префрежимах Приморского края преобладают

обрабатывающие отрасли и строительство, доля которых выше их доли в ВРП. В экономике Сахалинской области доминируют добывающие отрасли, но префрежимы стимулируют проекты в транспорте и сельском хозяйстве (рис. 3). Это примеры стимулирования развития отраслей с высокой добавленной стоимостью, что было ключевой идеей при создании преференциальных режимов. Однако в префрежимах Якутии, Забайкальского края и Амурской области преобладает добыча полезных ископаемых, доля которой даже превосходит соответствующую долю в структуре ВРП. Для регионов с сырьевой специализацией высокий уровень соответствия ей проектов в префрежимах означает, что последние не способствуют развитию пропульсивных отраслей (в терминологии теории полюсов роста), провоцируя «эффект колеи». Здесь уместно напомнить результаты предыдущих исследований, согласно которым «наиболее высокоприбыльные ТОП имеют узкоотраслевую специализацию, в основе которой находятся добыча и обработка природных ресурсов» [Сидя, Кан, 2021, с. 35]; в процессе деятельности ТОП «трансформационные ожидания снизились», а «изменение концепции и реализации повлекло за собой сложный и противоречивый политический процесс» [Fortescue, 2022, p. 246]; в дальневосточной политике произошла «трансформация целей» и «рост имитационной составляющей» [Савченко, 2022, с. 54].

Создание и расширение преференциальных режимов происходит в «ручном режиме», без методики обоснования места, границ, типа, набора преференций и других параметров. Рассмотренные типы режимов не имеют отраслевой специализации, планы развития не увязаны с документами стратегического планирования; их произвольное создание порождает несоответствие отраслевой структуры проектов потребностям региона. Предоставление преференций в сырьевых отраслях противоречит теории полюсов роста. Отсутствие санкции для институтов развития и ведомств за оказание поддержки неэффективным проектам и для резидентов – за неисполнение условий соглашения порождает фиктивные проекты ради налоговых льгот. В целом не оценивается влияние префрежимов на развитие соответствующих регионов.

Начать решение данных проблем можно с введения в законодательство критериев отбора территорий для создания префрежимов. Это позволит синхронизировать подходы к установлению префрежимов. Получать преференции должны, по нашему мнению,

проекты в приоритетных (обрабатывающих, а не сырьевых) отраслях. Фиксация префрежимов целесообразна в документах территориального планирования. Эти обстоятельства ставят в повестку дня оценку эффективности расходов на поддержку префрежимов с точки зрения достижения национальных целей развития. Нужен информационный ресурс, содержащий данные обо всех проектах, реализуемых с господдержкой институтами развития. Критерием поддержки проектов должны быть не только объем инвестиций и число рабочих мест, но и объем инновационного производства. Соглашения с резидентами, нарушающими условия, должны расторгаться.

Об эффективности федерального института развития можно судить по ритмичности реализации проектов. Мы выяснили, что в целом в рамках префрежимов ДФО привлечено 2,3 трлн руб. частных инвестиций, что составляет 35,8% от запланированного объема. Тот факт, что в большинстве регионов ДФО реализация проектов в префрежимах идет с отставанием от графика, может объясняться, в частности, нарушением КРДВ сроков создания инфраструктуры для реализации проектов. Умеренное влияние преференциальных режимов на развитие территорий обусловлено неоднозначной эффективностью института развития.

В настоящее время противоречива сама природа институтов развития, которые создаются органами власти для решения государственных задач коммерческими методами. Неопределенный правовой статус приводит к дублированию функций органов власти, непрозрачности и убыточности. Недавняя реформа со слиянием институтов не гарантирует от создания новых неэффективных структур в будущем. Кроме того, институты сами устанавливают и корректируют свои целевые показатели¹. Отсутствие общей методики оценки не позволяет определить результаты деятельности институтов развития. Комплексно оценить вклад в развитие отрасли или территории нелегко по причине относительно слабых и точечных воздействий.

На наш взгляд, законодательное определение понятия и признаков институтов развития в РФ позволит ввести их деятельность

¹ Для КРДВ показатели эффективности установлены на один год, они не согласованы с параметрами соглашений с резидентами и показателями госпрограммы ДФО.

в правовые рамки, в частности, установить порядок и основания для создания и ликвидации институтов развития. Отсутствие влияния института на развитие территории (отрасли) в течение ряда лет следует зафиксировать как юридическое основание для его реорганизации. Целесообразно оценивать институты развития по различным типам показателей и на нескольких уровнях: использование ресурсов, взаимодействие с контрагентами, непосредственные результаты и конечный эффект (табл. 2).

Таблица 2

Рекомендуемая система оценки институтов развития

Тип показателя	Период	Предмет оценки	Субъект / метод оценки	Пример
Использование ресурсов	Ежегодно	Целевое использование бюджетных средств	Счетная палата / контрольно-аналитическое мероприятие	Создание инфраструктуры по соглашениям
Результаты взаимодействия	Один, несколько раз в год	Удовлетворенность контрагентов	Учредитель / анонимный опрос пользователей инвестиционного портала или инвесторов	Резиденты префрежимов
Непосредственные результаты	Ежегодно	Уровень выполнения плана	Учредитель / отчет института развития о выполнении плана работы	Доля созданных рабочих мест от числа заявленных по соглашениям
Конечный эффект	Раз в 3–5 лет	Комплексные результаты для отрасли, территории	Правительство РФ / данные Росстата; отчеты субъектов РФ	Место регионов ДФО по уровню жизни в РФ

Цели и показатели должны устанавливаться независимо от института развития его учредителем на краткосрочную, средне- и долгосрочную перспективу. Считаем целесообразным разграничить целевые показатели регулятора и института развития. Так, госпрограмма развития ДФО содержит целевые показатели по созданию рабочих мест, что относится, на наш взгляд, к сфере деятельности Минвостокразвития. В свою очередь, в стратегии КРДВ следует отразить целевой показатель по созданию рабочих мест в префрежимах. Подобная декомпозиция позволит избежать дублирования показателей и оценить вклад института в достижение национальных целей.

В настоящее время «слабость формальных институтов и преобладание неформальной политики над формальной» порождает ситуации, когда значение приобретают «личные связи региональных губернаторов с политиками в центре и их административная компетенция вкупе с уровнем сплоченности региональной элиты» [Ross, Turovsky, Sukhova, 2022]. В этой связи важен проведенный нами анализ регионального властного компонента применительно к результатам политики развития ДФО.

Кейс Амурской области показывает, что в период руководства ею влиятельного Олега Кожемяко (2008–2015 гг., находился во втором десятке национального рейтинга губернаторов и рейтинга влияния глав регионов) в регион пришли крупнейшие инвесторы, обеспечившие реализацию проектов, связанных с газопроводом «Сила Сибири» и космодромом «Восточный» [Гулидов, 2021, с. 150]. На эти проекты пришлось основная доля инвестиций и рабочих мест в префрежимах, созданных при его преемниках Александре Козлове (2015–2018 гг., шестой-седьмой десяток в указанных рейтингах) и Василии Орлове (с 2018 г., позиции тоже в шестом-восьмом десятке). Здесь уместно вспомнить вывод предыдущего исследования о влиянии «преимущественно сырьевого характера экономики региона на трансформацию институтов, выражающееся через модификацию институциональных инструментов развития региона и формирование множества льготных режимов в интересах крупных сырьевых компаний» [Antonova, Lomakina, 2020, p. 440].

Переход Кожемяко в Приморский край сопровождается сохранением высоких мест в губернаторских рейтингах и лидирующими позициями региона по развитию преференциальных режимов. Одним из факторов этого могут являться большие лоббистские возможности, позволившие, например, в 2022 г. получить почти трехмиллиардный трансферт из федерального бюджета на благоустройство Владивостока и других городов региона.

Другой кейс – Якутия, во главе которой с 2010 по 2018 г. стоял Егор Борисов, занимавший высокие (второй десяток) места в рейтинге влияния; при нем в республике появились первые префрежимы, и в них началась реализация масштабных инвестиционных проектов. В 2018 г. его сменил Айсен Николаев, имеющий лидирующие позиции в рейтингах (6-е место в национальном рейтинге губернаторов РФ в 2022 г.). Якутия является лидером на

Дальнем Востоке по достижению национальных целей; эксперты отмечают, в частности, ТОР «Квартал труда» как первый в стране кластер креативной индустрии. В свою очередь, наш анализ относит Якутию к числу лидеров по реализации преференциальных режимов.

Заключение

Мы выявили особенности реализации федеральной политики на Дальнем Востоке и провели ее институциональный анализ. Ключевым актором дальневосточной политики является КРДВ – государственный институт развития, подведомственный Минвостокразвития. Институциональная слабость регулятора препятствует глубоким изменениям, провоцирует «гипертрофированное развитие ресурсного сектора» [Минакир, 2022] и дрейф целей проводимой политики.

Оценка вклада преференциальных режимов как ключевого элемента федеральной политики развития регионов ДФО показала, что не менее 70% всех бюджетных вливаний в развитие ДФО приходится на поддержку префрежимов ТОР, СПВ, АЗРФ. Однако умеренное влияние преференциальных режимов на развитие территорий обусловлено неоднозначной эффективностью института развития. Инвестиционные проекты в префрежимах редко содействуют диверсификации экономики.

Анализ связей регионального властного компонента с результатами политики развития ДФО позволил выделить такие каналы привлечения резидентов в префрежимы, как региональные институты развития, главы регионов и местные политико-административные элиты. Первый канал привлекает местный несырьевой бизнес без политической поддержки, преимущественно малый и средний. Изучение данных показало, что малый бизнес реализует более половины инвестиционных проектов в префрежимах, но отсутствие взаимосвязи между долей МСП среди резидентов и общим числом занятых в МСП региона подтверждает вывод о том, что префрежимы не способствуют стимулированию предпринимательства. Региональные чиновники служат лоббистами интересов аффилированного с ними бизнеса, но имеющиеся данные не позволяют судить о доле подобных компаний среди резидентов.

дентов в префрежимах. Глава региона способен привлекать крупных инвесторов, задействуя для этого весь спектр политических коммуникаций. Связь между позицией главы региона в рейтингах и развитием преференциальных режимов указывает на то, что инвестиционные проекты более успешно реализуются в регионах с более высоким уровнем развития и с более влиятельными губернаторами, что подтверждает участие региональных элит в формировании и проведении экстрактивной федеральной политики пространственного развития.

Активизация России на рынках АТР требует увеличения выпуска экспортно-ориентированной продукции в рамках преференциальных режимов. Однако в настоящее время экспорт концентрируется в сырьевых отраслях и направляется, главным образом, в КНР. Обратный поток китайского импорта готовой продукции, на фоне ограничения торговли с другими регионами мира, усиливает «эффект колеи» в российской экономике и сокращает пространство для политических маневров в будущем. В этой связи представляются актуальными такие меры, как отказ в господдержке инвестиционным проектам в сырьевых отраслях и оценка эффективности бюджетных расходов на поддержку префрежимов с точки зрения достижения национальных целей. Ближайшее окно возможностей для таких изменений открывается в ходе актуализации национальных проектов в 2024 г.

G.A. Borshchevskiy*

**Federal and regional institutions for the Russian Far East
preferential regimes development**

Abstract. In this article the author identifies the features of the implementation of regional policy on the example of the Russian Far East. The author highlights the functionality of federal and regional components of the ‘vertical of power’ existing in Russia. The managerial model, approximately corresponding to the theory of growth poles by François Perroux, assumed the creation of preferential regimes for doing business (territories of advanced development, the free port of Vladivostok, the Arctic zone of the Russian Federation) to support technological innovation, stimulate employment, and increase export potential. In practice, there has been a shift in the

* **Borshchevskiy Georgiy**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru

vector of preferential territories from innovation-technological to rent-oriented activities. Projects in preferential regimes more often correspond to the existing specialization of the regional economy («rut effect») than form new industries, although there are reverse examples. We also considered the influence of the federal center on the development priorities achievement in the Far East by a special institution called the Corporation for the Far East and Arctic Development (KRDV). Investment projects are more successfully implemented in the Far Eastern regions with a higher growth and with more influential governors, which confirms the participation of regional elites in the extractive federal policy of spatial development formation and implementation.

Keywords: regional policy; spatial development; development institution; Far East; preferential regime; rating.

For citation: Borshchevskiy G.A. Federal and regional institutions for the Russian Far East preferential regimes development. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 127–154. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.05>

References

- Andreev V.A., Arnaut M.N., Sultanova E.V. Spatial development concept of the Far East of Russia. *Smart innovation, systems and technologies*. 2020, Vol. 138, P. 337–347.
- Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional innovations for the development of the East of Russia: effects of implementation in the resource region. *Journal of Siberian federal university. Humanities & Social sciences*. 2020, Vol. 13, N 4, P. 442–52.
- Bliakher L.E., Leontyeva E.O. Finding “Home”: differentiation within migration flow as a factor determining identity formation in the far East of Russia. *Mir Rossii*. 2023, Vol. 32, N 4, P. 71–95 (In Russ.)
- Chichkanov V.P., Belyaevskaya-Plotnik L.A. Evaluation of the multiplicative impact of investment projects of the Far Eastern Federal District on the socio-economic development of territories. *Economy of regions*. 2022, Vol. 18, N 2, P. 369–382. (In Russ.)
- Fortescue S. Territories of accelerated development: another case of policy failure in Russia? *Post-communist economies*. 2022, Vol. 34, N 2, P. 246–266.
- Gubin A.V. Russian Far East in Chinese Belt and road initiative: prospects and problems. *Comparative politics Russia*. 2020, N 4, P. 177–188. (In Russ.)
- Gulidov R.V. On the issue of assessing the state policy for the development of the Russian Far East. *Spatial economics*. 2021, Vol. 17, N 4, P. 143–167. (In Russ.)
- Hayakawa K. Multiple preference regimes and rules of origin. *Review of world economics*. 2023, Vol. 159, N 3, P. 673–696.
- Hirofumi A. New instruments attracting investment into the Russian Far East: preliminary assessment. *Spatial economics*. 2019, Vol. 15, N 1, P. 157–169.
- Isaev A.G. Analyzing distribution effects of the federal budget transfers for the Far East. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020, Vol. 13, N 6, P. 84–100.

- Izotov D.A., Tochkov K.I. Trade relations between the Russian Far East and Northeast Asia: assessment of institutional factors. *Smart innovation, systems and technologies*. 2020, Vol. 172, P. 177–188.
- Jakobsen S.E., Uyarra E., Njøs R., Fløysand A. Policy action for green restructuring in specialized industrial regions. *European urban and regional studies*. 2022, Vol. 29, N 3, P. 312–331.
- Kireev A.A. Russian policy towards Chinese direct investments in the Far East. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 2022, Vol. 66, N 8, P. 43–51. (In Russ.)
- Min J., Kang B. Promoting new growth: ‘Advanced Special Economic Zones’ in the Russian Far East. In: Blakkisrud H., Rowe E.W. (eds). *Russia’s turn to the East: domestic policymaking and regional cooperation*. London: Palgrave Macmillan, 2018, P. 51–74.
- Minakir P.A. The thorny path eastwards: breakthroughs which turn into deadend. *Prostranstvennaya Ekonomika / spatial economics*. 2022, Vol. 18, N 3, P. 7–16. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. Public policy as a space for converting intangible resources into factors for the development of territories. *Polis. Political science*. 2022, N 3, P. 144–163. (In Russ.)
- Ross C., Turovsky R., Sukhova M. Subnational state capacity in Russia: the implementation of the 2012 presidential “May Decrees”. *Demokratizatsiya: The journal of post-soviet democratization*. 2022, Vol. 30, N 3, P. 263–282.
- Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet agrarian transformations in the Russian Far East. Does China matter? *Eurasian geography and economics*. 2022, Vol. 63, N 4, P. 1–27.
- Savchenko A.E. Far Eastern policy as a problem of building a developing state. *World of Russia*. 2022, Vol. 31, N 3, P. 54–74. (In Russ.)
- Shmidt Yu.D., Ivashina N.V. Assessment of migration policy measures implemented in the Russian Far East. *Ekonomika regiona = Economy of region*. 2021, Vol. 17, N 3, P. 902–916. (In Russ.)
- Sida E., Kan V.K. Efficiency of regional development policy in the Russian Far East: financial evaluation based on microdata of ASEZ Residents. *Spatial economics*. 2021, Vol. 17, N 1, P. 35–65. (In Russ.)
- Suvorova A.V. Development of growth poles in the Russian Federation: direct and reverse effects. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019, Vol. 12, N 6, P. 110–128. (In Russ.)
- Turovsky R.F., Luizidis E.M. Factors of gubernatorial resignations in Russia. *Polis. Political studies*. 2022, N 4, P. 161–178. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.13> (In Russ.)
- Vedmet'skaya L.V. Political and administrative regime and development institutions in the Republic of South Africa. *Political expertise*. 2019, Vol. 15, N 4, P. 521–536. (In Russ.)
- Zhuozhi L. Disparate influences of the Sino-Russian political border on socio-cultural and economic borders. *Russia in global affairs*. 2023, Vol. 21, N 2, P. 106–130.
- Zubarevich N.V. Regions of Russia in the new economic conditions. *Journal of the new economic association*. 2022, N 3, P. 226–234. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бляхер Л.Е., Леонтьева Э.О. Обретение «дома»? Дифференциация внутри миграционного потока как фактор, определяющий формирование идентичности мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России // Мир России. Социология. Этнология. – 2023. – Т. 32, № 4. – С. 71–95.
- Ведмецкая Л.В. Политико-административный режим и институты развития в Южно-Африканской республике // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 521–536.
- Губин А.В. Дальний Восток России в китайской инициативе «Пояс и путь»: возможности и проблемы // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 177–188.
- Гулидов Р.В. К вопросу об оценке государственной политики по развитию Дальнего Востока России // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 143–167.
- Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 226–234.
- Киреев А.А. Российская политика в отношении китайских прямых инвестиций на Дальнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 8. – С. 43–51.
- Минакир П.А. Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 7–16.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 144–163.
- Савченко А.Е. Дальневосточная политика как проблема построения развивающегося государства // Мир России. Социология. Этнология. – 2022. – Т. 31, № 3. – С. 54–74.
- Сида Е., Кан В.К. Эффективность политики регионального развития на Дальнем Востоке России: финансовая оценка на базе микроданных резидентов TOP // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 1. – С. 35–65.
- Суворова А.В. Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 110–128.
- Туровский Р.Ф., Луизидис Е.М. Факторы губернаторских отставок в России // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 4. – С. 161–178. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.13>
- Чичканов В.П., Беляевская-Плотник Л.А. Оценка мультипликативного влияния инвестиционных проектов Дальневосточного федерального округа на социально-экономическое развитие территорий // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 369–382.
- Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В. Оценка результативности новых инструментов миграционной политики в Дальневосточном регионе // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 902–916.

Ю.Г. ЧЕРНЫШОВ, А.Д. ДЕРЕНДЯЕВА*

**ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖЕЙ
«РЕОРГАНИЗОВАННЫХ РЕГИОНОВ»
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ОПРОСОВ ЭКСПЕРТОВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ
И РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ)¹**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о формировании имиджей в тех российских регионах, которые были реорганизованы в начале 1990-х годов, когда некоторые «национальные» автономные области получили статус субъектов Федерации. Авторы исследуют данные процессы на примере Алтайского края и Республики Алтай, используя результаты проведенных в мае 2023 г. опросов экспертов из двух регионов. В качестве респондентов были привлечены не только ученые, но и государственные служащие, депутаты, деятели культуры, журналисты, музейные работники, общественники, представители турфирм и т.д. Более

* **Чернышов Юрий Георгиевич**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений (ВИМО), Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: ashpi@yandex.ru; **Дерендяева Анна Дмитриевна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений (ВИМО), Алтайский государственный университет (АлтГУ) (Барнаул, Россия), e-mail: a.derenadyaewa@yandex.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00822.

© Чернышов Ю.Г.,
Дерендяева А.Д., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.01.06

половины экспертов имеют ученые степени. Приведенные материалы позволяют увидеть сходства и различия в имиджевых стратегиях регионов, в использовании ими различных историко-культурных символов. Различия проявляются, например, в отношении к официальной символике, в оценках исторических периодов, в «этнических» акцентах имиджа. Вместе с тем в «культурном коде» населения регионов сохранилось и определенное «родство»: это, например, душевность и искренность, близость к природе, к естественной жизни. Характерно то, что среди знаковых фигур регионов на первые места вышли В.М. Шукшин и Г.И. Чорос-Гуркин. По мнению авторов, оба региона вполне состоялись как субъекты федерации, хотя, конечно, это не снимает сохраняющихся проблем – «дотационности», слабого развития промышленности и сервиса, относительно низкого уровня жизни и т.д. «Два Алтая» могут удачно дополнять друг друга и развивать сотрудничество. Остающийся единым имидж «Алтая» как уникального «хорошего места» на юге Западной Сибири мог бы способствовать успешному развитию этих регионов.

Ключевые слова: региональная политика; политика идентичности; региональный имидж; реорганизованные регионы; историко-культурные символы; знаковые фигуры; Алтайский край; Республика Алтай.

Для цитирования: Чернышов Ю.Г., Дерендяева А.Д., Формирование имиджей «реорганизованных регионов» в Российской Федерации (по материалам опросов экспертов в Алтайском крае и Республике Алтай) // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 155–177. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.06>

Введение

В данной статье рассматривается вопрос о выстраивании имиджей в «реформированных» регионах после их разделения. Стоит отметить, что в научной литературе уже давно используется понятие «разделенные государства». Изучалось, например, то, как во времена холодной войны в результате разделения ряда стран на их территориях утверждались политические режимы, резко различавшиеся по своим идеологическим установкам и политическим практикам (ФРГ и ГДР, КНДР и Республика Корея и т.д.) [Kim, Kim, 1973, p. 479–507]. Возникнув в результате конфликтов и насилия, такие режимы нередко позиционировались как антиподы друг друга, соревнуясь в выстраивании разных «витрин передового образа жизни». Имиджевая политика таких «разделенных государств» довольно хорошо освещена в литературе. Гораздо слабее эта тема разработана в отношении разделенных регионов. В мире есть немало регионов, которые разделены границами государств (Белуджистан, Каталония, Македония, Померания и т.д.), однако необходимо учитывать, что есть также много разделенных регио-

нов, которые продолжают сосуществовать в рамках одного государства, по его законам и правилам, и между ними нет непримиримого антагонизма. Само возникновение таких регионов являлось зачастую лишь результатом административных реформ – это позволяет им развивать тесное сотрудничество друг с другом и не быть в полном смысле «разделенными». Поэтому, например, в отношении ряда российских регионов, которые были административно разделены в начале 1990-х годов, нам представляется более корректным говорить не как о «разделенных», а как о «реформированных» регионах. Что же касается конструирования имиджей таких регионов, то эта тема, несомненно, имеет свою специфику и заслуживает глубокого изучения.

В отечественной литературе региональные исследования нередко носят фрагментарный характер, поскольку отдельные территории рассматриваются в разных измерениях – историческом, географическом, политическом, социально-экономическом, культурном и т.д. Такие практики не всегда дают возможность комплексного исследования имиджа, локальных измерений политики памяти, символического пространства и процессов формирования региональной идентичности. Кроме того, наблюдается дефицит и сравнительных исследований. Тем не менее стоит упомянуть ряд фундаментальных исследований, направленных на изучение регионов сквозь призму вышеупомянутых концептов. Так, Р.Ф. Туровский в своих работах обращает внимание на необходимость развития кросс-региональной сравнительной политологии и повышения научной значимости эмпирических региональных исследований [Туровский, 2011, с. 10–30]. Отдельные кейсы, касающиеся регионального аспекта политики памяти, рассмотрены в недавно вышедшей коллективной монографии известными специалистами: Д.В. Ефременко (раздел по Восточной Сибири и Дальнему Востоку), О.Ю. Малиновой (по Уралу и Западной Сибири), А.И. Миллером (по южным регионам России) и др. Были подробно изучены вопросы взаимодействия различных акторов по проблемам интерпретации исторического прошлого, показана важность некоторых символов памяти и т.д. [Политика памяти в России..., 2023]. Наконец, есть важные работы, посвященные изучению политики идентичности в регионах. Так, Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, И.С. Семененко рассматривают не только теоретические рамки термина «идентичность», но и идентичности отдельных террито-

рий [Морозова, Мирошниченко, Семененко, 2020, с. 56–77]. В целом можно констатировать растущее внимание отечественных исследователей к процессам формирования региональных имиджей.

Среди субъектов Российской Федерации, которые были затронуты «разукрупнением», можно отметить Краснодарский край и Республику Адыгею, Красноярский край и Республику Тува, Ставропольский край и Карачаево-Черкесскую Республику, Алтайский край и Республику Алтай. На фоне «суверенизации» регионов в России актуализировался вопрос о связанности российских территорий, в том числе и в таком крупнейшем макрорегионе, как Сибирь [Seliverstov, 2021, с. 23–34]. Прежние «национальные» автономии, входившие в состав краев, получили статус новых субъектов, что добавило новых сложностей в выстраивании имиджей этих регионов. Изучение данных «реорганизованных» регионов, а именно основных тенденций в их имиджевой политике, становится особенно **актуальным**, поскольку там произошло изменение всего прежнего комплекса стратегий и практик имиджформирующей деятельности. В качестве исходной **гипотезы** можно высказать предположение, что за прошедшие три десятилетия существенно изменились представления о роли регионов и о характере их взаимных отношений, появились новые историко-культурные символы, способствующие процессам конструирования собственных региональных имиджей. Стоит отметить также, что в публичном пространстве периодически поднимаются вопросы о целесообразности произошедшего разделения, о необходимости обратного «укрупнения» регионов. Для ответов на такие вопросы необходимо проведение объективного анализа, в том числе с учетом мнений компетентных экспертов.

Основная **цель данного исследования** заключается в том, чтобы на примере сравнения «двух Алтаев» с использованием материалов опросов проследить, как после разделения регионов изменились тенденции формирования их имиджей, какие общие и различные черты проявились, в частности, в процессах использования ими историко-культурных символов.

Пример этих регионов интересен тем, что, с одной стороны, они оба считаются периферийными («глубинкой»), имеют относительно низкий уровень жизни, для каждого из них важными отраслями являются сельское хозяйство и пищевая промышленность. С другой стороны, различий между ними, пожалуй, больше. Так,

площадь Алтайского края почти в два раза превышает площадь Республики Алтай (167 996 и 92 903 км²), причем если в крае есть и степные, и лесостепные, и предгорные ландшафты, то в республике преобладают горы. Кроме того, существенные различия есть и в численности населения (около 2 130 000 и 210 000 человек), и в доле городского населения (около 59% и 28%). По этническому составу в крае доля русских (около 94%) значительно больше, чем в республике, где примерно 34% населения составляют алтайцы. Это, как показали и предшествующие опросы в июле-августе 2021 г., существенно влияет на имидж данного региона [Дерендяева, Чернышов, 2021, с. 25–26]. Изменилась и геополитическая ситуация, оба региона стали приграничными: Алтайский край граничит с Казахстаном, а Республика Алтай – с Казахстаном, Китаем и Монголией. Новые политические элиты, пришедшие к власти, должны были учитывать все эти реалии.

Говоря о *степени изученности* темы, стоит подчеркнуть, что специальной литературы, посвященной имиджам Алтайского края и Республики Алтай, немного. Большинство трудов, как отмечалось, посвящены отдельным аспектам: историческим [Бородаев, Контев, 2000; Салтымакова, 2022; Скубневский, Старцев, Гончаров, 2001], географическим [Туристский образ..., 2018], политическим [Политика памяти в России..., 2023; Чернышов, 2017], социально-экономическим [Каташев, 2022; Лякишева, Добрынина, 2017], культурным [Сибиркина, 2017; Тадина, Эбель, Ябыштаев, 2022] и т.д.

В качестве одного из *теоретических подходов* использована теория социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана [Berger, Luckmann, 1966], согласно которой имиджевая политика и историко-культурные символы рассматриваются как социально конструируемые «сверху» элементы повседневной жизни. Вместе с тем историко-культурные символы изучались в исследовании не только как искусственно созданные концепты, но и с точки зрения историко-географического подхода, как элементы объективного характера, т.е. уже созданные и фактически почти не изменяемые [Замятин, 2006]. Кроме того, исследование опирается на принципы историзма, объективности и системности.

Эмпирические методы исследования использовались при проведении экспертных опросов (для обработки полученных данных была использована программа SPSS). Данные опросы были

проведены учеными Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета в рамках работы по гранту РНФ в мае 2023 г. (опрошено по 25 респондентов из Алтайского края и из Республики Алтай). Учитывались и результаты опросов, проведенных в 2021 г. Стоит отметить довольно широкий перечень специализаций опрошенных экспертов: это география, история, культурология, политология, право, социология, экономика, филология, философия и т.д. Выборка респондентов включала не только ученых, но и госслужащих, депутатов, деятелей культуры (архитекторов, писателей, художников и т.д.), журналистов, музейных работников, общественников, представителей турфирм и т.д. Более 50% опрошенных имеют ученые степени кандидатов и докторов наук.

Обработка результатов опросов предполагала использование как **количественных, так и качественных методов**. Так, благодаря методу словесных ассоциаций были проанализированы перечисленные респондентами ассоциации (образы), которые у них вызывают Алтайский край или Республика Алтай. На основе полученных данных был сформирован ассоциативный профиль регионов. Кроме того, была использована методика SWOT-анализа при анализе ответов, в которых респонденты называли слабые и сильные стороны изучаемых территорий. Также использовался метод ранжирования, поскольку в ходе опросов экспертам было предложено расставить историко-культурные символы по степени значимости в зависимости от своего восприятия. Полученные данные были обработаны с помощью контент-анализа. В текстовом массиве были выделены ключевые концепты, касающиеся имиджей Алтайского края и Республики Алтай, проведено кодирование материала. В целом была составлена так называемая матрица контент-анализа, проведена квантификация.

Алтайский край и Республика Алтай: общие представления о регионах

Прежде всего, важным для исследования было выявление ассоциаций, связанных с регионами, и факторов, которые оказывают наибольшее влияние на формирование имиджа территорий.

Ассоциативный профиль **Алтайского края** был представлен в концептах как положительной, так и негативной коннотации. Среди положительных экспертами были отмечены история и культура региона – *«перекресток культур»*, *«богатая история»* и даже *«древняя история»*. Кроме того, в памяти респондентов сохраняются ассоциации с тем, что край был *«горным центром»*: *«горнозаводское дело»*, *«серебряная кладовая России»* и т.д. Положительно оценивается природная составляющая региона – *«экологически чистый»*, *«благоприятные природные условия»*, *«богатейшие природные ресурсы»*, *«красивая и уникальная природа»*, *«Жемчужина Сибири»*. Кроме того, в положительном контексте шла речь об аграрной составляющей: *«развитое сельское хозяйство»*, *«алтайское зерно»*, *«хлебный край»*, *«Житница России»*. Ассоциируется край и со сферой здравоохранения: *«минеральные источники и грязи»*, *«качественное лечение»*, *«санатории»*, в целом – *«здравница Сибири»*. Подчеркивается роль туризма: *«туризм на предгорных территориях»*, *«горный туризм»*, *«Бирюзовая Катунь»*. Также положительные ассоциации вызывают и некоторые алтайские продукты: *«алтайский мед»*, *«алтайский сыр»*, *«гречка»* – все это, как отметили респонденты, *«питание для здоровья»*, *«качественные продукты»*. Жители региона ассоциируются с положительными человеческими качествами: *«доброжелательность»*, *«жизнелюбие»*, *«высокий уровень толерантности и терпимости»*, и все это – *«сибирский характер»*. Алтайский край, отмечают эксперты, – *«родина выдающихся людей»*.

Вместе с тем Алтайский край ассоциируется и с негативными концептами. Прежде всего, они связаны с *географическим положением* региона: *«периферия»*, *«провинция»*, *«большие расстояния»*, *«непопулярное место»*. Также негативно было представлено и социально-экономическое положение края: *«бедный»*, *«депрессивный регион по уровню жизни»* *«с низкими заработными платами»*, *«дотационный»*, *«коррупция»*. Кроме того, присутствовали концепты, связанные с политической составляющей имиджа края: *«место ссылки проитрафившихся чиновников»*, *«коррупция в административных органах»*. Не исчезла из общественного сознания ассоциация региона с *«красным поясом»*. Также отмечались *«отсутствие людей, продвигающих проекты»* и *«постоянный отток молодежи»*.

Республика Алтай также вызывает разные ассоциации. Респондентами была положительно отмечена природная составляющая региона: *«красота природных пейзажей», «первозданная природа», «аромат трав», «свежий воздух», «Золотые горы Алтая», «уникальный природный комплекс»* и т.д. Положительные ассоциации у экспертов вызывают история и культура региона: *«богатая история от палеолита до современности», «пазырыкская культура», «духовное наследие», «алтаистика», «самобытная история», «объекты культурного наследия», «прародина тюрков»* и т.д. Отмечаются в качестве важных ассоциаций концепты, связанные с этнической составляющей региона: *«местный национальный колорит», «коренные малочисленные народы»* и в целом: *«Алтай – место обитания древних народов»*. При этом подчеркивается местный образ жизни: *«сохранение самобытности», «традиции коренного населения», «национальный быт», «национальные блюда», «национальные праздники», «горловое пение», «сказительское искусство»* и *«национальные виды спорта»*. Кроме того, выделяется туристическая составляющая: *«хорошо развитый туризм», «популярное туристическое место», «туризм стал брендом», «экстремальный туризм»* и *«Алтай – центр туризма»*.

Вместе с тем, как и в отношении Алтайского края, были отмечены и негативные ассоциации: *«периферийность», «удаленность от центра», «неизвестный регион»*. Аналогичным образом была оценена социально-экономическая обстановка: *«недостаточный уровень развития инфраструктуры», «дотационный характер», «невысокие доходы», «слабые экономические возможности у населения»* и т.д. Есть и оценки, связанные с экологической обстановкой: *«радиационное заражение территорий», «бытовые отходы», «тревога за экологию из-за туристов»* и т.д.

В целом отмеченные экспертами ассоциации позволяют заметить, что природная составляющая и история обоих регионов выделены в качестве ключевых положительных имиджевых концептов. Есть и сходство в том, что социально-экономические проблемы, «дотационный характер» существенно мешают развивать эти территории. При этом если в Республике Алтай весьма заметно подчеркивание «национального колорита», то в Алтайском крае такие особенности экспертами не отмечаются.

Исторические события как основа процесса конструирования регионального имиджа

Важную роль при формировании различных стратегий и практик, касающихся улучшения регионального имиджа, играют исторические события, связанные с данной территорией. С помощью памяти о данных событиях сохраняется культура почитания предков, которая переходит на практике в «политику памяти» и «политику идентичности». С другой стороны, с помощью «правильно» обозначенных политической властью событий конструируется «древность» региона, что не только положительно позиционирует регион, но и играет роль при решении некоторых (например, территориальных) вопросов. Кроме того важные исторические процессы, особенно известные всем и вызывающие чувства гордости, становятся частью ассоциативных представлений (нарративов), которые в дальнейшем используются и при формировании регионального имиджа. Стоит отметить, что полученные результаты опросов показывают определенные противоречия, касающиеся исторической памяти. Несмотря на то что «два Алтая» имели совместную историю, экспертами были перечислены совершенно разные явления в качестве ключевых исторических событий.

Так, для респондентов **Алтайского края** наиболее важными оказались процессы, связанные с деятельностью основателя горно-заводской промышленности на Алтае А.Н. Демидова (85,6%). Кроме того, были подчеркнуты события, связанные с освоением целинных земель в 1954–1960-х гг. (81,6%), а также с аграрными преобразованиями П.А. Столыпина и политикой переселения крестьян из европейской части России в Сибирь (77,2%). Благодаря А.Н. Демидову территория ассоциировалась с такими концептами, как «*горный округ*», «*горная страна*» и даже «*центр серебра*», что подчеркивало ее значимость для всей Российской империи [Чернышов, Дерендяева, 2023]. Выбор исторических событий, связанных с преобразованиями П.А. Столыпина и процессами освоения целинных земель, также не случаен. Благодаря этим процессам регион ассоциировался с «*аграрной территорией*», «*хлебной житницей Сибири*» и «*краем хлеборобов*» [Богумил, 2017, с. 27]. По мнению респондентов, именно процессы XIX–XX вв. оказали положительное воздействие на формирование имиджа края («*пользуемся заслугами прошлого*»). Вместе с тем лишь 38,8% опрошен-

ных подчеркнули, что период с 2000-х годов по настоящее время также повлиял на конструирование регионального имиджа.

Для респондентов **Республики Алтай** ключевым историческим процессом выступило провозглашение и утверждение суверенитета региона в 1990-е годы (72,4%). Отметим эксперты и то, что процессы, связанные с периодом с 2000-х годов, также оказали (и продолжают оказывать) важное влияние на формирование имиджа территории (71,2%). Кроме того, в качестве значимого исторического события было названо добровольное вхождение алтайского народа в Российскую империю в 1756 г. (70,4%). Значимость процесса реорганизации региона не случайна: независимый статус территории стал новой страницей в истории Республики Алтай, побудил писать собственную историю (включая и древние периоды). За последние 30 лет регион пытался фактически отойти от прошлого имиджа (об этом говорят и совершенно иные стратегии и практики имиджевой политики). Однако продолжает сохраняться проблема, связанная со смешением имиджей «двух Алтайев», недостаточным пониманием различий данных регионов «внешней» аудиторией [Беликова, 2011, с. 111–112].

Таким образом, именно события последних трех столетий, по мнению респондентов Алтайского края, оказали положительное влияние на конструирование имиджа региона. Вместе с тем для опрошенных из Республики Алтай совместная история регионов зачастую остается на втором плане, значимыми являются события, связанные с периодами «древности» и после момента обретения независимости региона, его пути к «собственной истории». Степень присутствия политической власти при конструировании историко-культурных символов, пожалуй, выше в Республике Алтай (в Алтайском крае весьма символичной остается, например, судьба Барнаульского сереброплавильного завода, который мог бы стать ключевым объектом для сохранения исторической памяти).

Официальные символы регионов: есть ли корреляция с процессами формирования имиджа?

Официальные символы, будучи исторически сложившимися и установленными социальными нормами, являются «визитной карточкой» регионов и маркерами идентичности. Однако в неко-

торых субъектах Российской Федерации сохраняются проблемы, связанные с геральдикой, вексиллологией и гимнологией. Так, многие регионы не имеют официально утвержденных гимнов, а гербы территорий порой не соответствуют геральдическим стандартам и в конечном итоге не утверждаются на федеральном уровне.

На гербе **Алтайского края** изображены такие элементы, как дымящаяся доменная печь XVIII в. и колыванская Царица ваз. Кроме того, щит обрамлён венком из золотых колосьев пшеницы (отсылка к имиджу аграрного региона). Герб отображает историческое прошлое региона, однако он не является официально утвержденным общероссийской геральдической комиссией. Причиной этого считаются различные нарушения, в том числе связанные с тинктурой символики. Если же говорить о флаге Алтайского края, то в основе его символики находится все тот же неутвержденный герб. Официального утвержденного гимна в регионе тоже нет. Многие жители края считают, что песня М.С. Евдокимова «Мой край» («Алтай») – это и есть гимн региона, пусть и неофициальный. В целом говорить о том, что символика Алтайского края представляют собой завершенную композицию, не приходится. Полученные результаты опросов также показали, что не слишком многие эксперты региона уверены в том, что герб и флаг региона в нынешнем виде хорошо выполняют имиджевую функцию (52% по гербу и 24% по флагу). Кроме того, лишь 20% экспертов посчитали, что нет необходимости в принятии официального гимна.

В отличие от Алтайского края, все символы **Республики Алтай** являются официально утвержденными. В центре герба изображен белый грифон Кан-Кереде¹, в верхней и нижней частях герба – природные символы: трехглавая вершина горы Белухи, а также две самые большие реки – Бия и Катунь. Кроме того, треножник выступает как символ Телецкого озера, а орнамент у основания щита обозначает реки бирюзово-изумрудного цвета. Безусловно, герб Республики Алтай отсылает к историческому и даже мифологическому прошлому. Флаг региона, на котором присутствуют два ключевых цвета – белый и голубой, также способствует формированию определенных ассоциаций о регионе. Белая тинктура показывает вечность, согласие народов республики, а голубой

¹ Мифическая птица-зверь с головой и золотистыми крыльями птицы и туловищем льва.

цвет олицетворяет чистоту неба, гор, рек и озер Алтая. Интерес представляет и третий символ региона – официально принятый гимн. Первые три куплета музыкальной композиции исполняются на алтайском языке, а еще два куплета – на русском, что отражает многонациональный характер территории.

Стоит отметить, что респонденты Республики Алтай, в отличие от экспертов Алтайского края, подчеркивают значимость своих символов при формировании имиджа региона. Так, 80% опрошенных посчитали, что герб хорошо выполняет имиджевую функцию, аналогичным образом (80%) был оценен экспертами и флаг республики. Более того, 88% экспертов из Республики Алтай посчитали, что действующий гимн хорошо способствует формированию положительного имиджа.

В целом можно увидеть, что официальные символы в Республике Алтай воспринимаются в более положительной коннотации, нежели в Алтайском крае. Это дает повод задуматься о необходимости выработки в крае таких решений, которые позволили бы превратить герб, флаг и гимн в единый комплекс официально утвержденных символов, положительно влияющих на имидж региона.

Знаковые фигуры и их роль в формировании историко-культурного пространства регионов

Знаковые фигуры довольно часто используются при конструировании имиджа регионов. Среди таких фигур можно выделить как общественно-политических деятелей, так и ученых, архитекторов, художников, литераторов, актеров и т.д.

По мнению респондентов **Алтайского края**, наиболее значимой общественно-политической фигурой выступает «народный губернатор» М.С. Евдокимов (81,2%). Имидж «честного мужика», надежда на трансформацию края из «застойного» региона в «устойчиво развивающийся» – именно с такими ассоциациями связывалась эта фигура. В настоящее время увековечение памяти погибшего политика и артиста выражается в различных символических формах: от вечеров памяти в его честь до присвоения имени М.С. Евдокимова школе, улице и т.д. Кроме того, с 2006 г. ежегодно в с. Верх-Обское проводится фестиваль народного творчества и

спорта «Земляки». С существенным отрывом, но также входят в тройку лидеров такие личности, как общественно-политический деятель В.А. Рыжков (54,4%), в 1993–2007 гг. четырежды являвшийся депутатом Государственной думы, а также глава администрации Барнаула в 1991–2003 гг. В.Н. Баварин (48,8%), оставшийся в памяти многих барнаульцев как один из лучших мэров города.

К лидерам в области науки и техники респонденты Алтайского края отнесли советского космонавта Г.С. Титова (90,4%). Кроме того, в «тройку лидеров» вошли конструктор стрелкового оружия М.Т. Калашников (82,4%), а также создатель первой в России паровой машины И.И. Ползунов (78,8%). Интерес представляют и полученные результаты по знаковым фигурам в области искусства. Так, среди архитекторов, художников и скульпторов важными, по мнению экспертов, оказались художники В.Э. Октябрь (54,4%), М.Я. Будкеев (47,2%) и архитектор И.Ф. Носович (45,6%). К ключевым литературным деятелям были отнесены писатель и кинорежиссер В.М. Шукшин (95,2%), поэт Р.И. Рождественский (83,6%), а также писатель В.Я. Шишков (72,8%). В числе знаковых актеров и режиссеров названы В.С. Золотухин (88,4%), М.С. Евдокимов (87,6%), а также А.В. Панкратов-Черный (71,6%).

Ключевым общественно-политическим деятелем в **Республике Алтай** выступил, хотя это может показаться странным, художник Г.И. Чорос-Гуркин (78%). Несмотря на то что основной его деятельностью было написание картин, он в 1917–1920-е гг. оказался лидером национального движения и председателем Алтайской Горной думы. Притом что художник в 1937 г. был репрессирован, его образ как политика с конца 1980-х годов постепенно возрождался. Г.И. Чорос-Гуркин стал восприниматься не просто как *национальный герой*, но и как «*основатель алтайской государственности*» [Чернышов, Дерендяева, 2023, с. 82]. Кроме того, к знаковым фигурам экспертами также были отнесены первый глава Республики Алтай (1990–1997) В.И. Чаптынов (73,2%), а также глава региона с 2002 по 2006 г. М.И. Лапшин (63,2%).

Знаковыми фигурами в области науки и техники для экспертов Республики Алтай оказались фольклорист и писатель С.С. Суразаков (80%). Кроме того, в качестве ключевых фигур были выделены ученый-этнограф А.В. Анохин (76,8%), а также этнограф, исследователь истории и культуры алтайцев Л.П. Потапов (68,8%). Среди архитекторов, скульпторов и художников были отмечены

художник Г.И. Чорос-Гуркин (86%), художник Н.К. Рерих (68%), а также искусствовед В.И. Эдоков (66,4%). Значимыми литературными деятелями, по мнению респондентов, оказались поэт Л.В. Кокышев (82,8%), поэт П.В. Кучияк (76%), а также писатель и поэт А.О. Адаров (71,2%). Среди актеров, режиссеров, музыкантов и певцов были выделены актер и театральный режиссер А.В. Мамадаков (76%), исполнитель традиционного алтайского горлового пения и эпоса (кай) Б. Байрышев (74,4%), а также основоположник профессиональной музыки алтайцев А.В. Анохин и композитор В.Ф. Хохолков, набравшие одинаковое количество голосов (66%).

Стоит отметить, что в обоих регионах отмечены и политические деятели, и ученые, и деятели культуры, однако особое место отведено фигурам В.М. Шукшина и Г.И. Чорос-Гуркина. По-видимому, это не случайно: здесь сказалась не только широкая известность этих фигур, но и то, что они рассматриваются как наиболее важные выразители особой «региональной системы ценностей», как своеобразные «гении места».

Практики празднования и отражение региональной идентичности в отдельных произведениях литературы и искусства

Особый интерес вызывает изучение символических событий (праздников, фестивалей, выставок и др.), непосредственно связанных с регионом. Праздничные мероприятия и памятные даты не только отражают специфику событий прошлого, но и достаточно сильно воздействуют на консолидацию общества. Важно изучение особенностей в региональных праздниках (их ритуализированность, карнавальность, мифологичность и т.д.), поскольку это позволяет судить о том, какой имидж формируется, на каких основаниях выстраивается политика идентичности в регионе и т.д. Кроме того, при формировании регионального имиджа важную роль играют различные произведения культуры и искусства – книги, фильмы, музыкальные композиции, картины и др. Это связано с их массовым распространением и с тем, что художественные образы, которые транслируют эти произведения, нередко показывают именно уникальные, неповторимые особенности какого-либо места.

По мнению респондентов **Алтайского края**, к важным практикам празднования, которые могут оказать влияние на становление регионального имиджа, можно отнести Всероссийский фестиваль «Шукшинские дни на Алтае» (94%), Краевой литературный фестиваль Роберта Рождественского (78,8%), а также Всероссийский фестиваль творчества и спорта имени Михаила Евдокимова «Земляки» (69,9%). Кроме того, по мнению экспертов Алтайского края, в наибольшей степени на формирование имиджа региона влияют такие произведения, как х/ф «Печки-лавочки» (реж. В.М. Шукшин, 1972 г.) – 80%, х/ф «Живет такой парень» (реж. В.М. Шукшин, 1964 г.) – 78, а также песня М.С. Евдокимова «Мой край» – 64%.

Иные особенности отражают практики празднования в **Республике Алтай**. Так, среди важных символических событий региона эксперты выделили Межрегиональный праздник алтайского народа «Эл Ойын» (87,6%), Алтайский народный праздник Чага-байрам («Белый праздник») (70,4%), а также Международный курултай сказителей (69,2%). Также для респондентов республики значимыми произведениями литературы и искусства оказались: серия рассказов В.Я. Шишкова «Чуйские были» (64%), книга В.В. Сапожникова «Путешествия по Алтаю» (63,6%) и д/ф «Путешествие к центру земли» (реж. В. Пельш) (61,2%). В этих произведениях также отражены наиболее характерные черты горного региона и его жителей.

В целом можно сделать вывод о том, что основные практики празднования в Алтайском крае выстраиваются именно вокруг конкретных знаковых фигур и связаны с увековечиванием памяти – В.М. Шукшина, Р.И. Рождественского, М.С. Евдокимова и др. Значимость данных людей для региона не случайна, об этом свидетельствуют и выбранные респондентами произведения искусства. Через данные фильмы, песни подчеркиваются особенности идентичности, отождествление себя с героями данных произведений – простыми, добрыми жителями региона с крестьянскими корнями, так называемыми шукшинскими чудиками. Если же говорить о Республике Алтай, то выбранные праздничные события вновь показывают, что имидж региона и идентичность формируются здесь во многом с помощью традиций и культуры алтайского народа. А природная составляющая, отмеченная в произведениях искусства,

дополняет единое символическое пространство, показывает наиболее характерные черты горного региона и его жителей.

Историко-культурное наследие: здания, памятники, учреждения культуры

Различные исторические здания, памятники и композиции имеют важное значение не только для имиджа региона, но и для коллективной идентичности. Представленные в визуальных образах, данные символы напоминают о конкретных периодах истории. Кроме того, вокруг них формируется определенное «пространство», что становится важным как для жителей региона, так и для туристов. Порой такое место «обрастает» различными мифами и легендами, начинает носить не только историко-культурный, но и развлекательный и даже коммерческий смысл. Важными для формирования имиджа территории также выступают и учреждения культуры, которые сами являются символами и выступают как трансляторы достижений региональной культуры.

Среди историко-культурных памятников и зданий **Алтайского края**, непосредственно влияющих на имидж региона, эксперты отметили, в частности, Денисову пещеру, археологические находки в Солонешенском районе (84,4%). Безусловно, Денисова пещера является не просто региональным символом, но и объектом культурного-исторического наследия мирового уровня. Барнаульский сереброплавильный завод, выбранный респондентами (76,8%), является символом прежде всего столицы региона (сейчас сохраняется в почти заброшенном состоянии, несмотря на то что он был объявлен памятником архитектуры федерального значения) [Бородаев, Контев, 2000, с. 58]. Кроме того, в качестве символа края экспертами была названа гора Пикет в с. Сростки с археологическими находками (74%). Данное место связано с именем В.М. Шукшина, там ежегодно проводятся Шукшинские чтения. Кроме того, к значимым памятникам и композициям были отнесены Большая Колыванская ваза («Царица ваз», находящаяся в Государственном Эрмитаже) (88,8%), памятник В.М. Шукшину на горе Пикет в с. Сростки (81,6%), а также Демидовский столп в Барнауле (71,6%).

Среди важных в имиджевом отношении учреждений культуры были выделены Алтайский краевой театр драмы им. В.М. Шукшина (78,4%), Алтайский государственный оркестр русских народных инструментов «Сибирь» им. Евгения Борисова (72,8%), а также Алтайский государственный театр для детей и молодежи им. В.С. Золотухина (66,8%). Кроме того, среди библиотек, галерей и музеев экспертами были названы Алтайский государственный краеведческий музей (79,6%), Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова (64,8%) и Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (64,4%). Также были отмечены мемориальные музеи В.М. Золотухина, М.Т. Калашникова, Е.Ф. Савиновой и т.д. (64%).

Для респондентов **Республики Алтай** наиболее важным символом региона оказалась мумия молодой женщины скифского периода – «принцессы Укока» (из захоронения, найденного в Кош-Агачском районе) (85,6%). Как отмечают исследователи, данные археологические находки стали частью «возрождающейся алтайской культуры, национального самосознания, древней истории» [Белекова, 2018, с. 379]. Кроме того, ранее открытые пазырыкские курганы (79,2%) также выступили в качестве одного из ключевых символов. Важную роль эксперты отводят петроглифам урочища Калбак-Таш (77,2%), а также комплексу петроглифов на горе Бичикту-Бом и Каракольской писанице (76%). Кроме того, к важным памятникам и композициям эксперты отнесли стелу на границе Республики Алтай и Алтайского края (80,4%), обелиск на Семином перевале (73,2%), а также мемориальный комплекс «Парк Победы» в Горно-Алтайске (69,2%).

Среди учреждений культуры были выделены Государственный национальный театр танца и песни «Алтам» – 76%, группа этнической музыки «Новая Азия» (New Asia) – 74,8, а также Национальный театр Республики Алтай им. П.В. Кучияка – 74,4 и Государственный оркестр Республики Алтай – 74,4%. Среди библиотек, галерей и музеев эксперты региона назвали Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина (88,8%), Музей-усадьбу Г.И. Чорос-Гуркина (78%), а также Мемориальный дом-музей Н.К. Рериха (71,6%).

Как видим, в обоих случаях представлен довольно широкий спектр объектов: от археологических памятников до наиболее известных театров и музеев. Основное отличие, как уже отмечалось,

прослеживается в особом «этническом» акценте, который встречается именно в Республике Алтай.

Заключение

Итак, мы можем теперь обобщить наиболее важные из полученных результатов. По «исходной гипотезе» нам кажется обоснованным вывод о том, что после разделения Алтайского края и Республики Алтай, несмотря на соседство этих регионов и их общую историю, они развивали имиджевую политику во многом разными путями, с учетом ряда своих особенностей (географических, демографических, экономических, культурных и т.д.). Как уже отмечалось во введении, объективных различий между этими регионами довольно много. Республика Алтай намного меньше Алтайского края по территории и населению, в ней все больше проявляется «этнический колорит» и стремление полнее использовать уникальные природные объекты гор для развития туризма, что позволило занять свою уникальную нишу среди регионов Сибири. Алтайский край гораздо больше похож на «среднестатистический» российский регион, где, однако, тоже предпринимаются попытки обозначить привлекательность через историко-культурное наследие, природные и другие уникальные ресурсы.

Если сравнивать результаты опросов по разным направлениям, можно отметить существенные различия по некоторым из них. Например, это проявилось в отношении к официальной символике. В республике оно оказалось заметно более позитивным, чем в крае. Наблюдается разница и в отношении к различным историческим периодам. Для жителей республики имеет гораздо более важное значение, чем для жителей края, обращение к глубоким «корням» древней истории: ко временам пазырыкской культуры, ранних тюрков и т.д. В Алтайском крае «началом истории» региона нередко считается освоение этих земель русскими переселенцами (в основном с XVIII в.). И если для Алтайского края важную роль играет «слава прошлого» (дореволюционного и советского периодов), то в Республике Алтай большое значение придают и последним трем десятилетиям, когда регион стал самостоятельным субъектом федерации. Вполне логичным выглядит и акцент

на «этническую специфику» в Республике Алтай, когда речь идет, например, о праздниках, о блюдах местной кухни и т.д.

Разделение регионов открыло для Республики Алтай возможность более полно развернуться с учетом своей специфики, а для Алтайского края уход автономии в какой-то мере стал «бюджетным и управленческим облегчением», а также поводом задуматься о своей собственной идентичности. Вместе с тем сохранение какого-то глубинного «родства» регионов в их «культурном коде» все-таки чувствуется. Жителям республики гораздо легче понять жителей края, чем, например, жителей мегаполисов из европейской части страны. Оценка таких качеств, как искренность, открытость, близость к природе и естественной жизни проявилась, например, даже и в том, что среди знаковых фигур на первые места вышли художник Г.И. Чорос-Гуркин и писатель, актер и режиссер В.М. Шукшин. Оба они посвятили себя искусству, и при этом всегда подчеркивали свою любовь к малой родине как месту, где сохраняется традиционный «должный образ жизни».

В принципе, на наш взгляд, после разделения оба региона вполне состоялись как отдельные субъекты федерации, хотя, конечно, это не снимает остающихся проблем – в частности, «дотационности», слабого развития промышленности и сервиса, относительно низкого уровня жизни и т.д. Хотя в отношениях между регионами иногда наблюдались признаки настороженности и конкуренции (например, при обсуждении темы «обратного» объединения, при продвижении сходных проектов туристско-рекреационных зон и т.д.), это не носит, как уже отмечалось во введении, характер антагонизма. Объективно «два Алтая» вполне могут взаимно дополнять друг друга и развивать взаимовыгодное сотрудничество без какого-либо «нового объединения». Единый имидж «Алтая» как уникального «хорошего места» на юге Западной Сибири мог бы способствовать успешному развитию этих регионов.

Yu.G. Chernyshov, A.D. Derendyaeva*

**Formation of images of «reorganized regions» in the Russian Federation
(based on expert surveys in the Altai Krai and the Altai Republic)¹**

Abstract. The article deals with the question of how the images were formed in Russian regions reorganized in the early 1990s, when some «national» autonomous regions received the status of subjects of the federation. The authors investigate these processes on the example of the Altai Krai and the Republic of Altai, using data from surveys of experts from the two regions conducted in May 2023. Not only scientists, but also civil servants, deputies, cultural figures, journalists, museum workers, public figures, representatives of travel agencies, etc. were involved as respondents. More than a half of the experts have PhD degrees. The materials presented allow us to see the similarities and differences in the image strategies of the regions, in their use of various historical and cultural symbols. Differences are manifested, for example, relating to official symbols, in assessments of historical periods, in the «ethnic» accents of the image. At the same time, a certain «kinship» has been preserved in the «cultural code» of the population of the regions: for example, soulfulness and sincerity, closeness to nature, to natural life. It is characteristic that among the iconic figures of the regions, V.M. Shukshin and G.I. Choros-Gurkin. According to the authors, both regions have fully taken place as subjects of the federation, although, of course, this does not remove the remaining problems of «subsidization», poor development of industry and services, relatively low living standards, etc. «Two Altai» can successfully complement each other and develop cooperation. The remaining unified image of «Altai» as a unique «good place» in the south of Western Siberia could contribute to the successful development of these regions.

Keywords: regional policy; identity politics; regional image; reorganized regions; historical and cultural symbols; iconic figures; Altai Territory; Altai Republic.

For citation: Chernyshov Yu.G., Derendyaeva A.D. Formation of images of «reorganized regions» in the Russian Federation (based on expert surveys in the Altai Krai and the Altai Republic). *Political science* (RU). 2024, N 1, P. 155–177. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.06>

References

- Berger P.L., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. New York: Doubleday & Company, 1966, 240 p.
- Borodaev V.B., Kontev A.V. *At the origins of the history of Barnaul*. Barnaul: Altai printing plant, 2000, 336 p. (In Russ.)

* **Chernyshov Yury**, Altai state university (Barnaul, Russia), e-mail: ashpi@yandex.ru; **Derendyaeva Anna**, Altai state university (Barnaul, Russia), e-mail: a.derendyaewa@yandex.ru

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 23-28-00822

- Belekova E.A. «Ukok Princess» in the National Museum of the Altai Republic named after A.V. Anokhin: return, exposure. *World of Greater Altai*. 2018, P. 376–384. (In Russ.)
- Belikova E.V. The image of the Altai Territory in the foreign press: a linguo-cognitive aspect. *Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences*. 2011, N 3 (19), P. 107–112. (In Russ.)
- Bogumil T.A. *Regional literature: Siberia, Altai, Barnaul*. Barnaul: Altai state university, 2017, 69 p. (In Russ.)
- Chernyshov Yu.G., Derendyaeva A.D. An artist in politics: the evolution of the image of G.I. Choros-Gurkin as a public and political figure. *Bulletin of the Perm university. Politican science*. 2023, Vol. 17, N 2, P. 82–90. (In Russ.)
- Chernyshov Yu.G. Formation of the image of M.S. Evdokimov as a «people's governor» of the Altai Territory. *Public policy*. 2017, N 1, P. 99–114. (In Russ.)
- Derendyaeva A.D., Chernyshov Yu.G. Regional identity in the context of the policy of historical memory: the experience of the Altai Territory and the Altai Republic. *Izvestiya of Altai state university. Historical sciences and archeology*. 2021, N 6 (122), P. 24–31. (In Russ.)
- Katashev M.S. The role of the ecological and economic region «Altai» in the socio-economic development of the Altai Republic in the 1990s. *Ethnocultural heritage of the peoples of Altai*, Gorno-Altaiisk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova, 2022, P. 280–297. (In Russ.)
- Kim J.A., Kim K.K. The divided nations in the international system. *World politics*. 1973, Vol. 25, N 4, P. 479–507.
- Krotov A.V., Khalka P., Mameshina N.S., Meliev D.I. Prospects for the development of small cruise tours in Altai region. *Geography and nature management of Siberia*, 2018, N 25, P. 99–114. (In Russ.)
- Lyakisheva V.G., Dobrynina I.Yu. Image of the Altai Territory: the influence of regional brands on the level of socio-economic development of the territory. *Economics. Profession. Business*. 2017, N 4, P. 42–48. (In Russ.)
- Miller A.I., Malinova O.Yu., Efremenko D.V. (eds). *The politics of memory in Russia – regional dimension: monograph*. Moscow: INION RAN, 2023, 471 p. (In Russ.)
- Morozova E.V., Miroshnichenko I.V., Semenenko I.S. Identity policies in rural local community development in Russia. *Polis. Political studies*. 2020, N 3, P. 56–77. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05> (In Russ.)
- Saltymakova O.P. Historical and cultural resources of the Central Altai – the basis for the development of educational tourism in the region. In: *Guzhinsky readings: heritage and modernit*. Krasnodar: Kuban state university, 2022, P. 149–153. (In Russ.)
- Seliverstov V.E. Connectivity of the Siberian space: problems and solutions. *Regional research of Russia*. 2021, Vol. 11, sup. N 1, P. 23–34.
- Sibirskina T.P. On the formation of the image of Barnaul as a tourist center of the Altai Territory. In: *Linguistic and cultural space of tourist discourse: universal, national and regional priorities and directions*. Barnaul: Altai state Paedagogical university, 2017, P. 142–145. (In Russ.)

- Skubnevsky V.A., Startsev A.V., Goncharov Yu.M. *Merchants of Altai in the second half of the 19th - early 20th centuries*. Barnaul: Altai state university, 2001, 241 p. (In Russ.)
- Tadina N.A., Ebel E.M., Yabyshtaev T.S. El Oiyn holiday as an ethno-cultural symbol in the construction of the image of the Altai Republic. *News of the Irkutsk state university*. 2022, Vol. 40, P. 67–77. (In Russ.)
- Turovsky R.F. On the state and prospects of political regional studies. *Political science (RU)*. 2011, N 4, P. 10–30. (In Russ.)
- Zamyatin D.N. *Culture and space. Modeling of geographical images*. Moscow: Znack, 2006, 488 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. – Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. – 336 с.
- Белекова Э.А. «Укокская принцесса» в Национальном музее Республики Алтай имени А.В. Анохина: возвращение, экспонирование // Мир Большого Алтая. – 2018. – С. 376–384.
- Беликова Е.В. Имидж Алтайского края в зарубежной прессе: лингвокогнитивный аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3 (19). – С. 107–112.
- Богумил Т.А. Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. – 69 с.
- Дерендяева А.Д., Чернышов Ю.Г. Региональная идентичность в контексте политики исторической памяти: опыт Алтайского края и Республики Алтай // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. – 2021. – № 6 (122). – С. 24–31.
- Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
- Каташев М.С. Роль эколого-экономического региона «Алтай» в социально-экономическом развитии Республики Алтай в 1990-е гг. // Этнокультурное наследие народов Алтая. – Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2022. – С. 280–297.
- Лякишева В.Г., Добрынина И.Ю. Имидж Алтайского края: влияние региональных брендов на уровень социально-экономического развития территории // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2017. – № 4. – С. 42–48.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семененко И.В. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политической идентичности // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 56–77. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05>
- Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – 471 с.
- Салтымакова О.П. Историко-культурные ресурсы Центрального Алтая – база для развития познавательного туризма региона // Гужинские чтения: наследие и

- современность. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2022. – С. 149–153.
- Сибиркина Т.П. О формировании имиджа Барнаула как туристского центра Алтайского края // Лингвокультурное пространство туристического дискурса: универсальные, национальные и региональные приоритеты и направления. – Барнаул: Изд-во АГПУ, 2017. – С. 142–145.
- Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. – 241 с.
- Тадина Н.А., Эбель Е.М., Ябыштаев Т.С. Праздник Эл Ойын как этнокультурный символ в конструировании имиджа Республики Алтай // Известия Иркутского государственного университета. – 2022. – Т. 40. – С. 67–77.
- Туристский образ столицы Алтайского края как часть брендинга территории / А.В. Кротов, П. Халька, Н.С. Мамешина, Д.И. Мелиев // География и природопользование Сибири. – 2018. – № 25. – С. 99–114.
- Туровский Р.Ф. О состоянии и перспективах политической регионалистики // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 10–30.
- Чернышов Ю.Г., Дерендяева А.Д. Художник в политике: эволюция образа Г.И. Чорос-Гуркина как общественно-политического деятеля // Вестник Пермского университета. Политология. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 82–90.
- Чернышов Ю.Г. Формирование образа М.С. Евдокимова как «народного губернатора» Алтайского края // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 99–114.

РАКУРСЫ

О.Г. ХАРИТОНОВА*

ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫЙ РАСКОЛ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ¹

Аннотация. Политическое развитие Турции демонстрирует чередование демократизации и автократизации, в основе которого лежат определенные устойчивые тенденции, поиску и интерпретации которых под разными углами зрения посвящено большое число работ. В статье используется теоретическая рамка центр-периферийных расколов Ш. Мардина, Э. Шилза, С.М. Липсета и С. Роккана, которая адаптируется для анализа турецкой партийной системы. Рассмотрена эволюция партийной системы Турции в контексте проявления соответствующих размежеваний на каждом из этапов (город – деревня, центр – периферия, секуляризм – религия), определены периоды доминирования центр-периферийного (территориального) или идеологического (функционального) конфликта. Выявлены факторы сохранения центр-периферийного раскола, в том числе высокий уровень религиозности, социально-экономические диспропорции между регионами, территориализация (в противоположность национализации) партийной системы, этнический раскол. Сделан вывод, что успехи Партии справедливости и развития и лично Р. Эрдогана являются результатом рационального выбора политической элиты центра в ответ на запросы периферии, в том числе через инструментализацию религии, популизм и харизму. Анализ выборов 2023 г. на основе выделения трех географических кластеров (центр, периферия, глубокая периферия по при-

* Харитонова Оксана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, научный сотрудник исследовательской лаборатории «Политические процессы в системе отношений Центр-регионы», МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО МИД России «Приоритет-2030»

знаку социальной и географической дистанции) подтверждает сохранение в Турции центр-периферийного раскола (анализ вариации голосования за основные партии демонстрирует значимость географического фактора). В статье делается вывод, что несмотря на центростремительные ориентации правящей партии и президента, центр-периферийные размежевания продолжают определять конфигурацию партийной системы Турции, а концепция размежеваний сохраняет объяснительный потенциал.

Ключевые слова: центр; периферия; культурный раскол; Турция; выборы 2023; ПСР.

Для цитирования: Харитонов О.Г. Центр-периферийный раскол современной Турции // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 178–209. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.07>

Введение

Политическое развитие Турции демонстрирует чередование демократизации и автократизации, в основе которого лежат определенные устойчивые тенденции [Payaslıoğlu, 1964], поиску и интерпретации которых под разными углами зрения посвящено большое число работ. В области анализа центр-периферийных отношений основополагающим является исследование Ш. Мардина [Mardin, 1973], предложившего в 1973 г. на основе работ Э. Шилза, С.М. Липсета и С. Роккана теоретическое объяснение эволюции и функционирования партийной системы Турции¹.

Классическое сравнительное исследование формирования партийных систем в западноевропейских демократиях С.М. Липсета и С. Роккана выделило расколы, порожденные национальной и промышленной революциями, которые располагались по двум осям – территориальной и функциональной. Территориальная ось представляет собой центр-периферийный раскол, конфликт между национальными элитами, находящимися в центре национального государства и локальными, периферийными оппозиционными

¹ Статья Ш. Мардина признана в турецкой политической науке доминирующим метанарративом для анализа партийной системы Турции, поэтому с ее цитирования начинаются практически все исследования. Гугл Академия находит 1343 цитаты в статьях, из которых 1300 были написаны после 1990 г., в том числе 1000 статей – после 2010 г. – Режим доступа: https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=2005&sciodt=0%2C5&cites=15855611218133350823&scipsc=&as_ylo=1990&as_yhi=2023 (дата посещения: 01.10.2023).

силами, включающими примордиальные интересы языковых, этнических и культурных групп. Расколы по функциональной оси являются вторичными, возникают после консолидации границ государства и выступают сквозными идеологическими конфликтами, которые не связаны с территорией и не представляют угрозу для государственной целостности [Липсет, Роккан, 2004]. Можно ли применить теорию критических развилок и тропозависимого развития партийных систем Липсета и Роккана к анализу политических процессов в постимперских нехристианских странах, расположенных за пределами Западной Европы? Турция не входила в список рассмотренных Липсетом и Рокканом стран, но турецкие авторы пытались адаптировать их теоретическую рамку для анализа эволюции и развития турецкой партийной системы.

Несмотря на то что процессы демократизации Турции отличались от западноевропейских, а институционализация расколов осуществлялась элитами «сверху», два доминирующих раскола (центр-периферия и церковь-государство) являются результатом национальной революции – политики нациестроительства Кемаля Ататюрка. Согласно Озбудуну, в Турции нет института, «эквивалентного католической церкви с ее автономной структурой и корпоративными привилегиями, поэтому между ярыми сторонниками секуляризации и набожными мусульманами возник функциональный раскол... Из-за поздней индустриализации Турция избежала расколов, возникающих в результате промышленной революции, вследствие чего не была сформирована аграрная партия, а раскол между владельцами капитала и рабочим классом остается второстепенным» [Özbudun, 2013, p. 6–7]

Концепция центр-периферийного раскола помогает объяснить победу Демократической партии в 1950 г., как подъем периферии, перевороты (1960, 1971, 1980, 1997) – как возвращение власти светскому центру, появление Партии справедливости и развития и харизматичного популиста Р. Эрдогана – как попытку интеграции интересов центра и периферийного контрцентра (в понимании Э. Шилза). В статье будет рассмотрена эволюция партийной системы Турции в контексте проявления соответствующих размежеваний на каждом этапе ее развития (город – деревня, центр – периферия, секуляризм – религия), определены периоды доминирования центр-периферийного (территориального) или идеологического (функционального) конфликта. Для иллюстрации центр-периферийного

раскола будут рассмотрены результаты парламентских выборов 2023 г. и выделены три географических кластера (центр, периферия, глубокая периферия по признаку социальной и географической дистанции).

Центр-периферийный раскол: случай Турции

«В каждом обществе есть центр», – начинает свое исследование Ш. Мардин с цитаты Э.Шилза и применяет концепцию центра – периферии к анализу политических расколов в Турции в османский и республиканский периоды. Он считает, что раскол между центром и периферией был заложен еще в Османской империи как «главный одномерный конфликт между устойчивым центром и периферийными силами, обладающими фактической автономией» [Mardin, 1973, p. 170]. Центр использовал персидский и арабский языки и представлял городскую культуру, тогда как периферия обладала культурой кочевников со своей чрезвычайно разнообразной контркультурой» [Mardin, 1973, p. 173].

Мардин утверждает, что после создания республики центр-периферийный раскол продолжал доминировать в политике Турции. В период с 1923 по 1946 г. в Турции сформировалась однопартийная система во главе с Народной партией (с 1924 г. Народно-Республиканской), официальная религия кемалистского центра была конституционно закреплена в виде шести основополагающих принципов: республиканизм, национализм, народность, лаицизм, этатизм и реформизм. Республиканский центр строил национальное единство с отчетливо выраженным турецким характером: турецкий язык закреплялся в качестве официального, понятие «турок» включало всех граждан республики безотносительно расы и религии, и все множественные идентичности должны были объединиться в одну турецкую. Центр был светским, городским, националистическим и прозападным, а периферия – религиозной, сельской, аграрной и традиционной. По мнению Озбудуна, в период однопартийного доминирования центр состоял из военно-бюрократической элиты на национальном уровне и земельной аристократии – на местном, не делая попыток расширить социальную базу поддержки за счет крестьян на периферии [Özbudun, 1970, p. 393–394].

Как указывал Ш. Мардин, «усилия кемалистов были направлены на создание символов национальной идентичности, а не на радикальное изменение места крестьянина в системе... тем самым сохранялись традиционные отношения Османской империи с периферией» [Mardin, 1973, p. 183]. И.В. Кудряшова и Е.Ю. Мелешкина, наоборот, считают, что «режимы имперского управления не могут быть повторены в новых национальных государствах, которые стремятся осуществить территориально-политическую консолидацию и форсируют национальную унификацию и стандартизацию, в том числе при опоре на доминирующую этнокультурную идентичность» [Кудряшова, Мелешкина, 2022, с. 42].

Дэниэл Лернер характеризовал турецкую бифуркацию как разрыв между модернистами в западной части и традиционалистами, проживающими в деревнях анатолийской степи. Модернисты составляли десятипроцентное меньшинство, городское, образованное, обеспеченное, которое руководило страной и большинством частных предприятий и «получало большую часть общественно значимых ценностей, в том числе доход, безопасность и почтение» [Lerner, 1958, p. 153]. Главным характерным признаком модернистов и свидетельством раскола был партисипаторный стиль жизни модернистов [Lerner, 1958, p. 129].

Если центр был идеологически и экономически однородным, то периферия была фрагментированной в социально-экономическом, этническом и религиозном планах. Как считал Мардин, «провинции были рассадниками непримиримого инакомыслия... секты, синкретические культы, самопровозглашенные мессии представляли собой постоянную угрозу» центру [Mardin, 1973, p. 171]. Например, политика центра, направленная на ассимиляцию курдов и непризнание отдельной курдской идентичности, привела к политизации курдов – «в период с 1924 по 1932 г. было организовано 16 антиправительственных восстаний» [Donmez, 2007, p. 60], часть которых носила сепаратистский характер.

В период с 1950 по 1960 г. в Турции функционировала двухпартийная система, в которой проигравшая кемалистская партия (далее НРП) продолжала играть роль партии центра, а победившая Демократическая партия (далее ДП) взяла на себя роль партии периферии, хотя эта партия «возникла сверху как следствие элитарного конфликта, а не материализации расколов» [Çarkoğlu, 1998, p. 546]. В результате выборов было обеспечено представительство и

сократился разрыв между культурным центром и периферией [Wuthrich, 2013, p. 769].

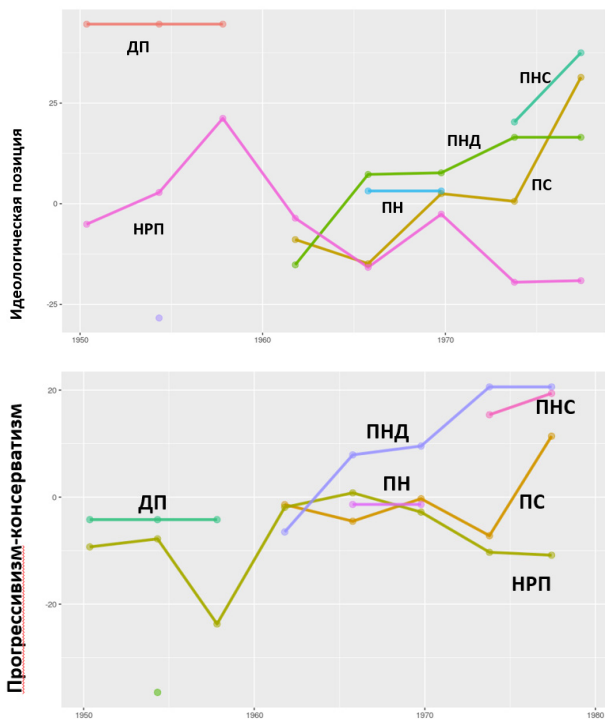

Рис. 1.

Идеологические позиции политических партий (1950–1980)¹

Несмотря на признание центр-периферийного раскола, ряд авторов указывают на его нивелирование вследствие рационального электорального выбора прагматичной периферии. В этот период на центр-периферийный (культурный) конфликт наслаивался конфликт между городом и деревней. Д. Раствоу отмечал «спор между деревней и городом, точнее между крупными и средними фермерами (которых поддерживает большинство сельского электората) и

¹ Источник: Manifesto Project Dataset (version 2023a). – Mode of access: https://visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdb-shiny/cmp_dashboard/ (accessed: 01.08.2023).

наследниками кемалистского военно-бюрократического истеблишмента; предмет спора – индустриализация или приоритетное развитие сельского хозяйства» [Растоу, 1996, с. 8]. С. Хантингтон отмечал, что Демократическая партия сохранила пять из шести принципов кемализма – кроме этатизма, так как выступала за либерализацию частного предпринимательства [Huntington. 1970, p. 22]. Экономические интересы в сочетании с апеллированием к традиционным религиозным ценностям обеспечили партии массовую поддержку на периферии, которой не было у НРП. Проект «Манифесто», анализирующий тексты избирательных платформ политических партий, размещает ДП на правой стороне идейно-политического спектра, но не фиксирует больших отличий между НРП и ДП в плане консервативных ценностей (рис. 9)¹. Можно заключить, что на первом этапе демократической конкуренции центр-периферийный раскол имел экономический характер и стал результатом рационального выбора лидеров ДП, направленного на получение голосов периферии, «социальное пробуждение народа» [Payaslioglu, 1964] и разрушение монополии городского образованного класса [Rustow, 1966, p. 133].

Д. Лернер описывает экономическое голосование и рациональную стратегию Демократической партии в деревне Балгат (которая в результате реформ стала частью Анкары), где в 1950 г. все средства массовой информации заменяла устная коммуникация. Демократы проводили персональную агитацию в деревнях и после победы осуществляли модернизационные реформы (урбанизацию, индустриализацию, развитие СМИ), в результате которых все сельские жители считали себя демократами (подробнее см.: [Lerner, 1958]). Победителем на выборах стала партия, которая смогла предложить лучшие экономические результаты для сельских и менее образованных жителей периферии.

Ш. Мардин утверждает, что главным отличием между городом и деревней был уровень религиозности, а Демократическая партия легитимизировала ислам и традиционные сельские ценности для объединения периферии и прихода к власти, сделав «ислам символом периферии, противостоящей светской и модернизированной центральной бюрократии» [Mardin, 1973, p. 187]. Этот процесс

¹ Здесь и далее данные проекта Манифесто с сайта Режим доступа: <https://manifesto-project.wzb.eu/> (дата посещения: 01.10.2023).

не являлся исламизацией, так как партия поддерживала ислам в социальной, а не в политической системе. Демократическая партия выстроила имидж партии, защищающей интересы периферии в сфере религии, в то время как НРП продолжала отождествляться избирателями с элитаризмом и секуляризмом центра, который на соревновательных выборах не смог получить поддержку «грубого, необразованного, некультурного и невежественного сельского населения» [Tachau, 2002, p. 40].

В двухпартийный период (выборы 1950, 1954, 1957 гг.) две основные партии получали более 98% парламентских мест [Хари-тонова, 2018, с. 200], хотя «партия центра» ни разу не выиграла выборы. Плюральная избирательная система с многомандатными округами способствовала формированию двухпартийности, граничащей с доминированием одной партии, ограничивая партийную фрагментацию и уменьшая электоральные шансы мелких партий. Поляризация между двумя основными партиями носила центр-периферийный характер в том смысле, что между партиями наблюдался территориальный раскол. В этот период «НРП сохраняла имидж представителя элиты, оторванной от среднестатистического сельского турка» [Tachau, 2002, p. 39].

Военный переворот 1960 г. завершил противостояние центра и периферии и ознаменовал «возвращение центра» в виде военной элиты. Ранее турецкая война за независимость, приведшая к появлению республики, превратила армию в значимого актора политики, который являлся гарантом национальной безопасности, общественного порядка, в случае серьезных политических кризисов задействуя механизм государственного переворота, апеллируя к принципам Ататюрка.

После переворота на деятельность ДП был наложен запрет, что привело к конкуренции между политическими партиями за периферийных избирателей, большая часть которых перешла к Партии справедливости (ПС), которая в 1965 и 1969 гг. получила большинство мест в парламенте и возможность сформировать правительство. Переход к пропорциональной системе трансформировал двухпартийность в «поляризованную многопартийность» по Дж. Сартори [Rubin, Нерет, 2002], при которой партиям требовалось формировать коалиционные правительства.

ПС позиционировала себя как преемница ДП, тем самым сохраняя «раскол внутри существующего баланса сил: между цен-

тральной бюрократической элитой и сельской периферией» [Rubin, Нерер, 2002, р. 85]. НРП в этот период являлась партией не только центра, но и полупериферии, так как партии удалось расширить свой электорат, в который вошли две новые группы – рабочий класс и бедняки, живущие на периферии больших городов, и мелкое крестьянство из наиболее развитых сельскохозяйственных районов; актив партии составляли профсоюзные организации из обрабатывающей промышленности (подробнее см.: [Rubin, Нерер, 2002, р. 105]). НРП сохранила приверженность основным принципам национализма, лаицизма, централизма, но идеологически в 1960-е годы сдвинулась влево, «заявляя квазисоциалистические позиции... и став партией центра и городских обездоленных [Kalaycioglu, 1994, р. 408]. В 1971 г. последовало очередное вмешательство армии, которое «отождествлялось на периферии с поворотом к жесткому старому порядку, мобилизации бюрократии и плановой экономике» [Mardin, 1973, р. 186]. В 1970-е годы, несмотря на наличие в парламенте еще пяти-шести партий, не менее 75% мест в нем контролировали две основные партии – НРП и ПС, однако ни одна из них не могла сформировать однопартийное правительство, а глубокие идеологические разногласия не позволяли им договориться. Проект «Манифесто» отмечает в этот период смещение НРП влево и постепенное усиление акцента на консервативные ценности в манифестах правых партий ПС, ПНД и ПНС (рис. 1).

Фракционализация партийной системы и, как следствие, политическая и социальная нестабильность 1970-х годов привели к очередному военному перевороту 1980 г., в результате которого был установлен десятипроцентный избирательный порог (сниженный до 7% только в 2023 г.) и десятилетний запрет на деятельность прежних партийных лидеров (снятый в 1987 г.). В 1980-е годы в партийной системе соревновались четыре новые партии, правоцентристские Партия отечества (ПО) и Партия верного пути (ПВП) и левоцентристские Народная партия и созданная военными Националистическая демократическая партия. На выборах 1983 и 1987 гг. победу одержала ПО, которая стала третьей правоцентристской партией периферии, которой удалось сформировать правительство большинства. К середине 1980-х годов в Турции сложился значительный средний класс, члены которого противостояли сильному государству и государственно-ориентированной модели развития и голосовали за партии периферии [Rubin, Нерер, 2002, р. 86].

В 1980-е годы сохранялся основной центр-периферийный раскол между армией и бюрократией, с одной стороны, и демократически настроенной элитой и буржуазией – с другой, но ни центр, ни периферия не были представлены одной партией из-за фрагментации. За избирателей республиканского центра боролись Социал-демократическая народная партия (СДНП) и Демократическая левая партия, включающие в свои платформы ключевые принципы Ататюрка [Kalaucioglu, 1994, p. 406–409], однако партии «не хотели идентифицировать себя с кемалистской культурной революцией», главным пунктом центр-периферийного раскола [Kalaucioglu, 1994, p. 407]. По мнению А. Секор, в этот период происходит усиление функционального раскола между правым и левым центром [Secor, 2001, p. 544]. В 1990-е годы основные центристские партии получали большинство голосов, но к 1999 г. политологи фиксируют уменьшение их поддержки (с 82% в 1991 г. до 56% в 1999 г.), в первую очередь вследствие их неспособности решить социально-экономические проблемы.

Как указывает Эсмер, секуляризм, который в турецком контексте понимается как сохранение религии в частной жизни, и запрещает любое вмешательство в политическую и правовую сферы, всегда был главной ценностью республиканских элит, поэтому появление периферийных исламистских партий, угрожающих светской системе, вызывало ответную реакцию центра [Esmer, 2019, p. 141].

Проект «Манифесто» демонстрирует идеологическую фракционализацию партийной системы в этот период, при которой все основные партии находились вокруг центра, и только исламистская Партия благоденствия (ПБ) имела отчетливую консервативную и религиозную направленность (Рис. 2). На выборах 1995 г. ПБ заняла первое место по числу голосов, получив поддержку сельской периферии [Rubin, Neper, 2002, p. 29], и вошла в коалиционное правительство. Отставка правительства в 1997 г., произошедшая в формате «постмодернистского» переворота без роспуска парламента и приостановки действия Конституции, и запрет на деятельность партии за нарушение принципов секуляризма явились очередным ответом центра на подъем периферии, хотя за месяц до запрета была создана новая исламистская партия – Партия добродетели (ПД).

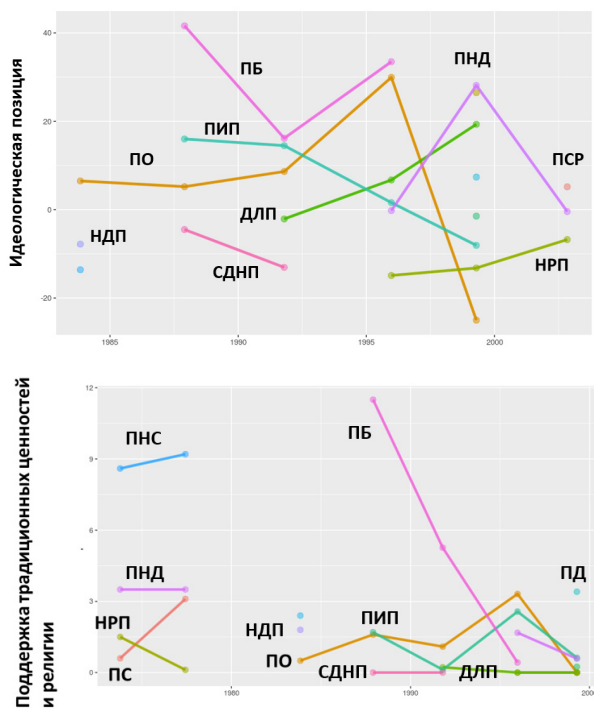

Рис. 2.
Идеологические позиции политических партий
(1980–2000)¹

Новый этап развития партийной системы Турции и новый виток центр-периферийного противостояния начался с победы новой партии периферии – Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. как партии периферии и преемницы двух ранее запрещенных исламистских партий. Кумбараджибаши и Финк изучили политические партии Турции и выделили несколько линий преемственности (lineage) между партиями, в том числе левоцентристскую, правоцентристскую, националистическую и исламистскую. К последней они отнесли ПС, ПД и ПСР [Kumbaracıbaşı, Fink, 2021, p. 8].

¹ Источник: Manifesto Project Dataset (version 2023a). – Mode of access: https://visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdb-shiny/cmp_dashboard/

В начале 2000-х годов ПСР отождествлялась с партией консервативного центра, так как ее идеология, согласно В.В.Матюхину, включала «приверженность демократическим ценностям с сохранением религиозной идентичности... что свидетельствовало о движении Турции в «постсекулярном» направлении [Матюхин, 2013, с. 127, 137]. В 2000-е годы проект «Манифесто» фиксирует полевение республиканцев и постепенное смещение влево правящей ПСР. В культурном плане отличия более отчетливы: наблюдается высокая поддержка традиционных ценностей и религии в манифестах ПСР, ПНД и максимальная – у Партии счастья (рис. 3).

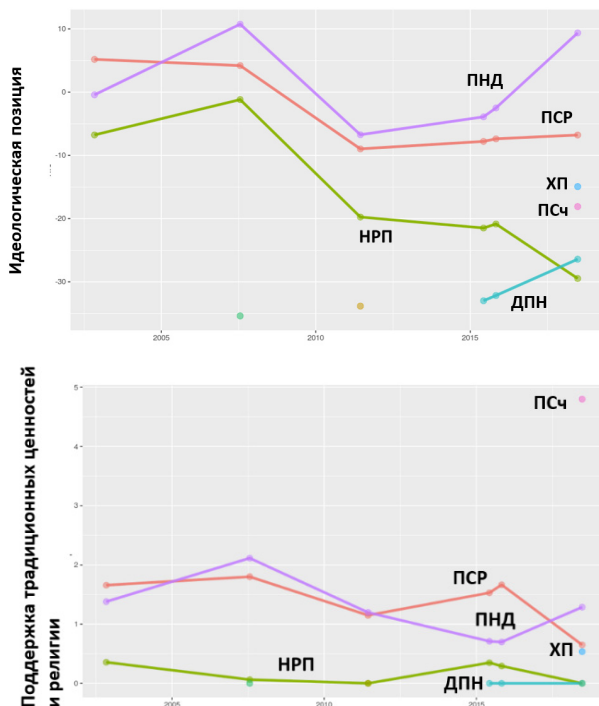

Рис. 3.
Идеологические позиции (левая-правая) политических партий (2001–2018)¹

¹ Источник: Manifesto Project Dataset (version 2023a). – Mode of access: https://visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdb-shiny/cmp_dashboard/

Э. Шилз добавил в центр-периферийную историю современного общества такие элементы общества традиционного, как традиции, харизма, духовность [Shils, 1982]. Эти элементы имеют значение для избирателей при отсутствии институционализированной партийной системы, становлению которой в Турции препятствовали военные перевороты, запреты на функционирование партий и лидеров. В этих условиях избирателям было сложно сформировать четкую и долгосрочную партийную идентификацию. По мнению Калайчиоглу, «слабая институционализация и фракционализация партийной системы, волатильность выборов и деполитизация масс сохраняют приоритет патрон-клиентских отношений, примордиальных связей, кровных уз и способствуют приходу лидеров мессианского типа» [Kalaycioglu, 1994].

В настоящее время некоторые авторы считают, что центр-периферийная рамка потеряла свой объяснительный потенциал вследствие консолидации голосов ПСР в центре [Levin, 2023]. Э. Шилз ранее указывал, что в случае, если харизма периферии перевешивает харизму центра, периферия может стать контрцентром [Shils, 1982, p. 38]. Периферийным лидером контрцентра является харизматичный и прагматичный популист Р. Эрдоган, который «ради сплочения масс вселил дух священного во все аспекты социального существования. Политика стала выражением духовной революции и миссии...» [Yabanci, 2020]. Несмотря на то что Р. Эрдоган и его партия пришли к власти и формально удерживают властные позиции центра, в плане получения поддержки со стороны сельских районов он остался лидером периферии.

Р. Эрдоган является лидером-популистом и после конституционных поправок, снявших ограничения на партийность президентов, голоса за ПСР могут рассматриваться как поддержка лично президента. Как показали Каркоглу и Йылдирим, в 126 округах в пяти крупных городах Р. Эрдоган в среднем получает на 9,8% больше голосов, чем его партия [Çarkoğlu, Yıldırım, 2018, p. 176].

Эмпирические исследования центр-периферийного раскола в электоральном поведении

Османское и кемалистское историческое наследие, а также волновое политическое развитие привели к образованию линии

раскола между исламскими и секулярными ценностями. Поэтому эмпирические исследования электорального поведения на микроуровне электоральных предпочтений в качестве значимого предиктора результатов выборов выявляют секулярно-рациональный раскол, который вслед за Э. Шилзом и Ш. Майданом называют центр-периферийным. Каркоглу и Айтач подчеркивают, что ценностный раскол не способствует формированию классового раскола [Aytaç, 2022; Çarkoğlu, 2000; 2009; 2012], так как ценности поддерживаются формальным образованием, религиозностью и идеологическими установками политических партий.

Для эмпирического подтверждения центр-периферийного раскола авторы используют данные Всемирного обзора ценностей, Европейского обзора ценностей и опросов общественного мнения в Турции.

Эсмер сделал вывод, что наиболее статистически значимым предиктором электорального поведения в Турции является идеологическая идентификация. Он отметил смещение электоральных предпочтений вправо и сделал вывод, что идеологическая позиция, религиозные и националистические ценности важнее социально-экономических показателей [Esmer, 2002, p. 110–111]. Эсмер выявил связь между идеологией и социально-экономическими показателями только у сторонников левых партий, которые имели более высокие уровни доходов, и пришел к выводу, что в Турции левые взгляды не являются идеологией необразованных низших классов [Esmer, 2002, p. 108]. Однако главной значимой независимой переменной для прогнозирования поддержки левых партий в его исследовании был индекс секуляризма. Рассматривая предпочтения избирателей центра и периферии, Эсмер выявляет следующие тенденции: более образованные представители центра меньше доверяют различным институтам, чем менее образованные жители периферии, в сельской местности респонденты скорее поддержат сильного лидера или военный режим, вера в легитимность демократической системы значительно выше среди более образованных представителей центра. Наибольшие отличия фиксируются в сфере толерантности: индекс толерантности показывает, что менее образованные представители периферии намного менее толерантны, чем образованные представители центра (подробнее см.: [Çarkoğlu, 2007]).

Каркоглу операционализировал идеологический раскол через индекс религиозности и выявлял четкое разделение избирателей на

правых и левых и идеологическую поляризацию на всех выборах в период с 1961 до 1995 г. [Çarkoğlu, 1998, p. 555]. Он обнаружил ценности периферии у избирателей правых партий, такие как религиозность, консерватизм, семейные ценности, религиозное образование, децентрализация, рыночная экономика, неприятие лаицизма и государственного контроля, и показал, что левые партии были менее популярны среди религиозных избирателей [Kalaucioglu, 1994, p. 409, 411]. Эти ценности продвигали в 1980-х годах правоцентристские Партия верного пути и Партия отечества. Калайджиоглу также пришел к выводу, что к началу 1990-х годов основным расколом оставался центр-периферийный конфликт, определяемый религиозностью, так как «кровь и вера важнее социоэкономического статуса в турецкой политике» [Kalaucioglu, 1994, p. 422]. Позже Эсмер зафиксировал более высокий уровень индивидуальной религиозности в 2000 г. по сравнению с 1990 г. и заключил, что турки по большей части являются набожными мусульманами. В 2001 г. 58% респондентов были согласны с утверждением, что политикой должны заниматься верующие в бога политики [Esmer, 2008]. Всемирный обзор ценностей¹ показывает, что в период с 1989 по 2022 г. (все волны обзора) около 90% граждан Турции считали религию очень или достаточно важной в жизни, причем в деревнях их число достигает 99%. В среднем менее 5% респондентов полностью доверяют людям, исповедующим другую религию (в столице – 5,8%, в деревнях – 0%).

Анализируя выборы 2007 и 2011 гг., Каркоглу отмечал, что электорат становится более консервативным, поэтому растет поддержка ПСР и Эрдогана [Çarkoğlu, 2012, p. 519]. Данные Всемирного обзора ценностей (ВОЦ)² показывают постепенное смещение идеологической идентификации избирателей вправо на идейно-политическом спектре. На шкале от 1 (левый) до 10 (правый), только 20% опрошенных идентифицируют себя в качестве левых (от 1 до 4), и если в первую волну обзоров (1989–1993) 44% считали себя центристами (значения 5 и 6 по шкале), то в последнюю волну опросов (2017–2022) число центристов сократилось до 27%.

¹ Здесь и далее данные с сайта Всемирного обзора ценностей. Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds). World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Data. – Mode of access: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed: 10.11.2023).

² Там же.

Сейчас 40% турков считают себя правыми (от 7 до 10), причем в столице правые составляют 66,7%, в деревнях – 59,3, в региональных центрах – 39,2, других городах – 42,3%. Это объясняет стабильную поддержку избирателями правых партий и уменьшение электората левых.

Некоторые авторы фиксируют возрастные отличия между избирателями вследствие различий в политической ситуации при социализации разных возрастных групп. По их мнению, пожилые люди, которые были социализированы в 1970-е годы, с меньшей вероятностью будут симпатизировать повестке ПСР, чем молодые люди, которые были социализированы после 1980 г., «в эпоху растущего консерватизма» [Aytaç, Çarkoğlu, Yıldırım, 2020]. Однако анализ данных Всемирного обзора ценностей, проведенный автором, не выявил значимых возрастных различий в ответах респондентов.

Всемирный обзор ценностей также выявляет снижение уровня поддержки демократии. Если в конце 1990-х годов только 35,8% граждан считали политическую систему, в которой есть «сильный политический лидер, которого не волнует парламент и выборы», очень хорошей или достаточно хорошей, то в 2020 г. таких респондентов было 49,4%. Причем в столице так считали 37,2% респондентов, в периферийных городах – 55,3%.

Центр-периферийная ценностная рамка доминирует в исследованиях электорального поведения в Турции, хотя, как признают и ее апологеты, и критики, «бинарная рамка с одним конфликтом не является адекватной для объяснения политической карты» [Levin, 2023, p. 632]. Поэтому многие авторы, признавая ключевые отличия в религиозно-секулярном плане, пытаются добавить другие оси размежеваний. Каркоглу выявил две оси размежеваний политических партий: традиционализм – универсализм, частично соответствующую, по его мнению, центр-периферийному расколу, и государственное регулирование – рыночная экономика как отражение идеологических разногласий между левыми и правыми [Çarkoğlu, 1998, p. 564]. Он продемонстрировал, что традиционные ценности сочетаются с изоляционистскими, антиимпериалистическими, патриотическими и националистическими. Каркоглу фиксирует изменение ценностных ориентаций от традиционных к универсалистским и смещение акцента от государственного регулирования к рыночной экономике, что позволило ему сделать вы-

вод об усилении в 1990-е годы идеологического раскола и ослаблении центр-периферийного [Çarkoğlu, 1998].

Иную версию двумерного спектра представили Каркоглу и Хинич, у которых первая ось отражает религиозно-секулярный раскол между центром и периферией, вторая – реформаторские позиции или сохранение статус-кво. Вторая ось пересекается с курдским и турецким национализмом: на крайних позициях оси располагаются прокурдские и националистические партии соответственно [Çarkoğlu, Hinich, 2006, p. 377–378]. Авторы выявили центростремительные тенденции политического соревнования и движение партий к центру, в сторону «турецкого национализма, смешанного с варьирующимися дозами происламизма», и сделали вывод, что успех ПСР в 2002 г. стал результатом не «происламской основы, а умеренной повестки» [Çarkoğlu, Hinich, 2006, p. 288, 389]. Авторы отметили значимые демографические характеристики, способствующие поддержке исламистских и националистических партий, в том числе исламистские ориентации восточных провинций, курдские националистические ориентации у групп с низким уровнем образования и турецкие националистические – у групп с высоким уровнем образования [Çarkoğlu, Hinich, 2006].

Тремя общественными расколами, которые определяют политическое соревнование в Турции, по мнению Анны Секор, являются идеологический, этнический и религиозный. Секор проанализировала платформы всех политических партий 1990-х годов и заключила, что одномерный идейно-политический спектр, построенный на экономических аспектах (коллективизм – плюрализм, рынок – перераспределение), должен быть дополнен измерением центр-периферийной идентичности, которая в ее исследовании операционализируется через ориентации на Запад-Восток и секуляризм-исламизм [Secor, 2001, p. 557]. Левин предлагает добавить к центр-периферийной оси турко-курдское размежевание [Levin, 2023, p. 634], которое позволит анализировать позиции прокурдских партий и их поддержку избирателями.

Центр-периферийная рамка и электоральная география

Исследователи электорального поведения в Турции стали более активно изучать географическое распределение поддержки

партий после выборов 2007 г., когда победившая ПСР стала национализированной партией¹, поддержка НРП была локализована в западных и прибрежных провинциях, а прокурдские партии консолидировались на юго-востоке страны.

Э. Шилз писал, что «представители центра обычно являются более националистическими и патриотичными по сравнению с периферией, и эти настроения усиливаются при угрозе сепессионистских настроений, исходящих из периферии» [Shils, 1982, p. 28]. Стоит отметить, что Шилз не считал центр пространственно-ориентированным явлением, указывая, что «центральное положение не имеет ничего общего с геометрией и географией» [Shils, 1982, p. 93]. Для Шилза центр-периферийные отличия проявлялись в конфликте между современными ценностями элиты (центр) и традиционными ценностями массы (периферия). Согласно такому подходу, центр голосует за либеральные или левоцентристские партии, периферия – за консервативные, исламистские или националистические партии. Однако округа центра отличают более высокий уровень образования, урбанизации и низкие уровни религиозности, поэтому географические факторы необходимо рассматривать в совокупности с другими переменными. В рамках центр-периферийной парадигмы, ценностной, по Э. Шилзу, и культурной (*kulturkampf*) в терминологии Калайджиоглу, поддержка исламистских и националистических партий рассматривается как усиление периферийных сил.

По мнению Анны Секор, в 1990-е годы Турция оказалась «на развилке идеологического и географического расколов» [Secor, 2001, p. 539]. Ее анализ выявил доминирование исламистских партий в центральных и восточных провинциях, т.е. в сельских регионах, ассоциирующихся с периферией, и поддержку избирателями из более развитых западных провинций право- и левоцентристских партий. Она обнаружила рост поддержки исламистских Партии благоденствия и Партии добродетели в Анкаре и Стамбуле, традиционно более секулярных и космополитичных городах, и заключила, что центр-периферийный раскол со временем размывается [Secor, 2001, p. 545].

¹ ПСР заняла первое место по индексу национализации (0,903). Значение ниже, чем ДП и НРП в 1950-е годы (0,951 и 0,932 соответственно), но выше значения индекса НРП в 2000-е (0,854). Прокурдские партии остаются регионализированными (значение индекса 0,572) [Demirkol, Bekaroğlu, 2021, p. 37].

Каркоглу выявил четкую пространственную картину выборов 1999 г.: в наиболее развитых западных регионах (Центр) доминировали право- и левоцентристы, а жители периферии поддерживали антисистемные, реакционные партии (исламистскую Партию добродетели), ультранационалистическую Партию националистического движения или прокурдскую Народную демократическую партию [Çarkoğlu, 2000].

Согласно Уэсту, выборы после 1999 г. начинают демонстрировать три отчетливых географических кластера: первый представляет группу провинций вдоль Средиземного, Эгейского и Мраморного морей; второй включает провинции в центре и на побережье Черного моря, в том числе Стамбул и Анкару; третий состоит из восточного и юго-восточного треугольника провинций [West, 2005]. Уэст пришел к выводу, что регионы отличаются по уровню социально-экономического развития, а главным расколом является уровень религиозности и отношение к религии. Провинции в первом кластере поддерживали секуляризм НРП, провинции в центральном регионе голосовали за исламистские партии, третий кластер демонстрировал поддержку прокурдских партий [West, 2005, p. 519]. Секор также отмечала, что в 1999 г. Партия добродетели получала поддержку мигрантов в городах, в то время как прокурдская партия получила поддержку в юго-восточных провинциях, а ультранационалистическая ПНД – в этнически смешанных провинциях Центральной Анатолии [Secor, 2001].

Партийная система Турции не является национализированной, однако НРП, ПСР и сменяющие друг друга прокурдские партии демонстрируют консолидированную на уровне отдельных провинций поддержку и низкие уровни электоральной волатильности [Moral, 2022], что позволяет изучать электоральную географию на уровне провинций и округов. Разные исследователи выделяют географические кластеры по результатам выборов и общим признакам, поэтому изменение электоральной поддержки меняет общий пространственный рисунок.

Айтач, Каркоглу и Ыылдирим выделяют географические кластеры на основе следующих характеристик: социально-экономические условия, центр-периферийный раскол, идеологические предпочтения (левые, правые, умеренный и радикальный исламизм) и тип национализма (турецкий или курдский). Многие характеристики часто совпадают: жители периферии имеют более

низкий уровень образования, более высокую степень религиозности и выраженную примордиальную идентификацию (в том числе этническую курдскую) [Aytaç, Çarkoğlu, Yıldırım, 2020]. Каркоглу и Йылдирим на основе анализа выборов 2018 г. выделили шесть географических кластеров и продемонстрировали, что только западные прибрежные, восточные и юго-восточные провинции голосуют против консервативной националистической и происламистской программ [Çarkoğlu, Yıldırım, 2018]. При этом самый высокий уровень конкуренции наблюдался в западных прибрежных провинциях, в которых отсутствовали устойчивые исламистские настроения. Так, Тосун, Унал и Тосун проанализировали результаты выборов в Турции с 1983 по 2018 г. в 12 прибрежных провинциях и выявили, что за НРП голосуют избиратели, имеющие высокий уровень образования, из средних и высших классов и делают вывод, что НРП достигла предела электоральной поддержки и «застыла» (stuck) в западных провинциях [Tosun, Ünal, Tosun, 2021].

В качестве иллюстрации проведем анализ результатов парламентских выборов 2023 г., рассмотрев в первую очередь электоральную поддержку ПСР, НРП и прокурдской Лево́й партии зеленых¹. Анализ электоральных предпочтений показывает пространственный рисунок, на котором выделяются три кластера – центр, периферия и глубокая периферия (рис. 1–3). Э. Шилз писал о неоднородности периферии, указывая, что некоторые слои общества более периферийны, менее затронуты властью центра и менее включены в систему центральных ценностей [Shils, 1982, p. 59]. Анализируя расколы в Норвегии, С. Роккан также выделял две периферии на основе двух расколов – территориального (периферию контрцентра) и культурного (поляризованную периферию) [Rokkan, 1966, p. 253]. В Турции территориальный раскол географически совпадает с культурным, но понимая периферийность как континуум, можно выделить глубокую националистическую периферию, к которой будет отнесен курдский сегмент.

¹ Представители прокурдской Демократической партии народов (ДПН) участвовали в выборах 2023 г. в списках ЛПЗ.

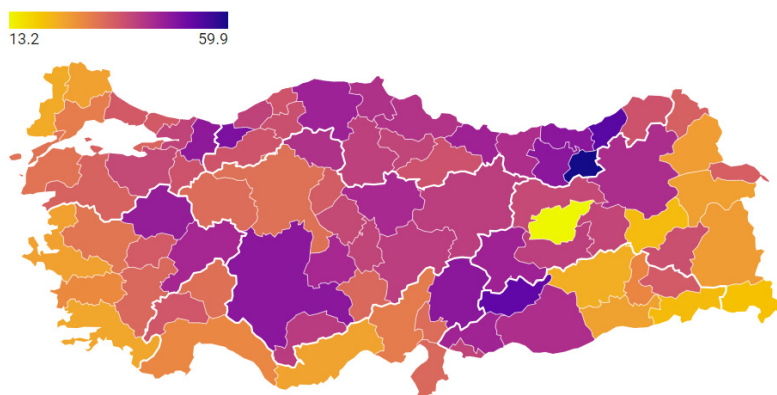

Рис. 1.
**Поддержка Партии справедливости и развития
на парламентских выборах – 2023¹**

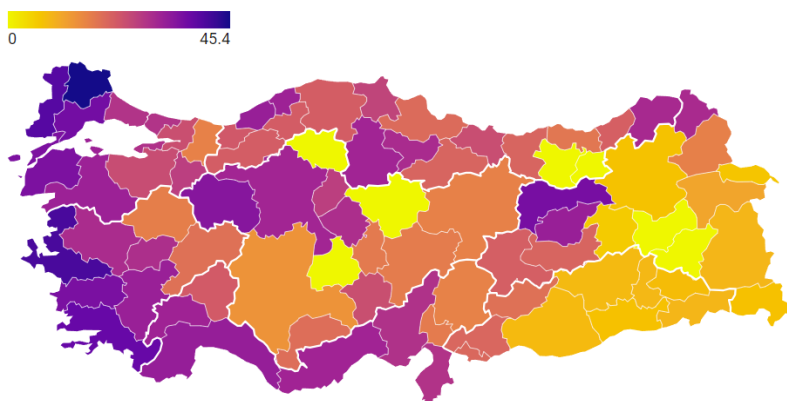

Рис. 2.
**Поддержка Республиканской народной партии
на парламентских выборах – 2023²**

¹ Составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

² Источник: составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

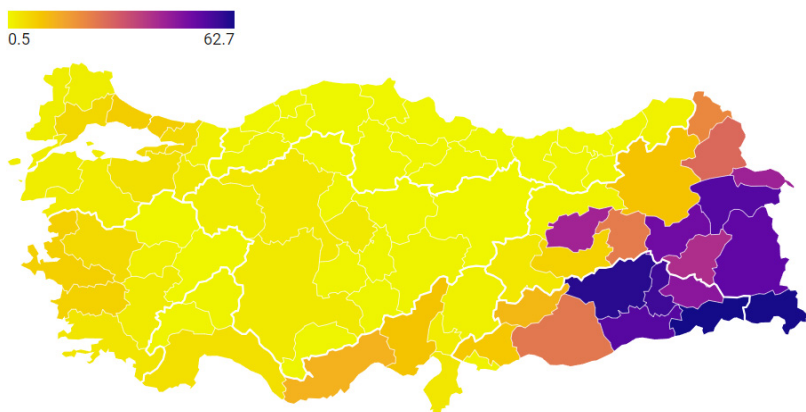

Рис. 3.
**Поддержка Левой партии зеленых
на парламентских выборах – 2023¹**

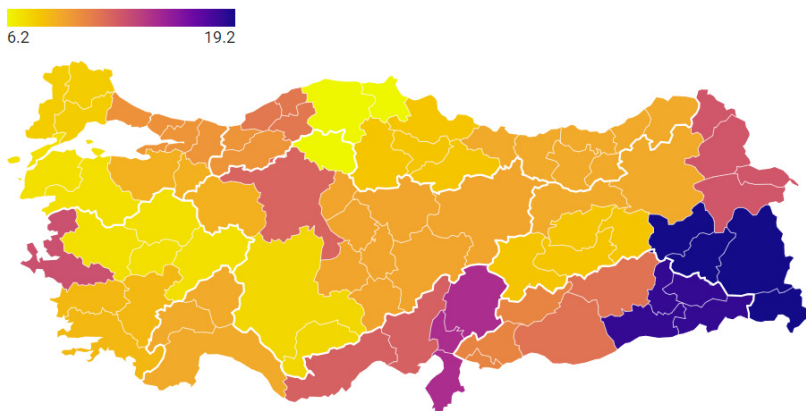

Рис. 4.
Уровень безработицы (%)²

¹ Источник: составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

² Источник: составлено автором на основе данных İşsizlik Oranı (%). – Mode of access: <https://cip.tuik.gov.tr/>

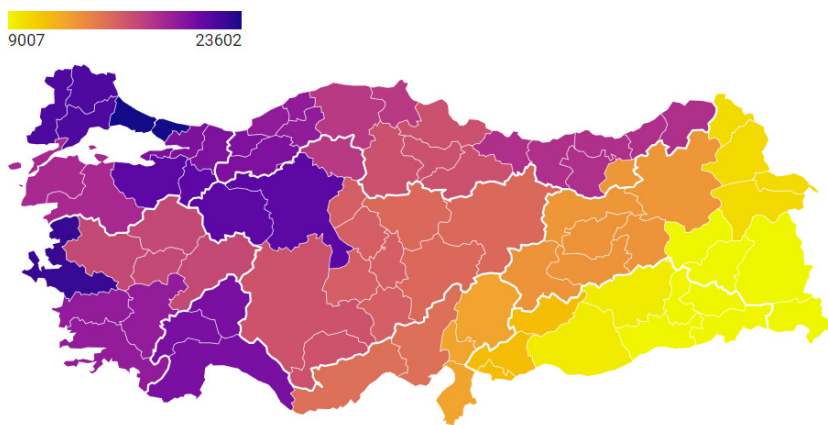

Рис. 5.
Черта бедности¹

Три выделенных кластера отличаются по социально-экономическим параметрам, третий кластер имеет самый высокий уровень безработицы (рис. 4) и самый низкий порог бедности (рис. 5). Статистические данные 2010 г. о курдском сегменте свидетельствуют о том, что средний уровень грамотности среди курдского населения составляет 82,8%, среди старшего поколения – 64,2%, и только 26% курдов имеют высшее образование [Харитоновна, 2019, с. 53].

Первый кластер – традиционный центр – включает 24 провинции, расположенные в западной и прибрежной частях страны, в том числе города Стамбул, Анкару, Анталию и Измир. В этом кластере ни у одной из двух основных партий не было абсолютного большинства голосов, но НРП получала относительное большинство голосов во всех провинциях кластера кроме Стамбула.

Во второй кластер попали 43 периферийные провинции центральной, северной и восточной части, в которых лидировала ПСР. Только в одной провинции ПСР набрала абсолютное большинство, в остальных – относительное, но в некоторых провинциях на 30 п. п. больше НРП.

¹ Источник: составлено автором на основе данных İşsizlik Oranı (%). – Mode of access: <https://cip.tuik.gov.tr/>

Восточные и юго-восточные провинции, в которых проживает курдское меньшинство, были включены в третий кластер – глубокая периферия. В третьем кластере доминировала прокурдская Левая партия зеленых, в 7 из 14 провинций получившая абсолютное большинство голосов. На втором месте в кластере была ПСР, а у НРП ни в одной из курдских провинций не было даже относительного большинства. Кумбараджибаши и Финк, выделяя географические кластеры, отмечают, что электоральные стратегии политических партий также варьируются с учетом социально-экономических и культурных отличий между кластерами [Kumbaracıbaşı, Fink, 2021, p. 18].

Турция представляет собой разделенное общество, и хотя курдский сегмент официально никогда не был признан, наличие этнических восстаний, этнического терроризма, этнической войны (1992–2002) и прокурдских партий, выступающих за смягчение политики государства в отношении курдов, свидетельствуют о политизации турко-курдского раскола. Опросы общественного мнения среди курдов демонстрируют, что этничность продолжает иметь для них значение в политической жизни, и даже возрождение ислама имеет ограниченное влияние на курдский национализм: для 41% курдов этническая идентичность стоит выше религиозной или национальной – общетурецкой (подробнее см.: [Харитоновна, 2019, с. 40]).

При этом более трети курдов живет за пределами выделенного нами кластера глубокой сельской периферии. Курдское население рассредоточено в восточных (60%), западных (26%) и южных (11%) провинциях. В сельской местности проживают 51% курдов, однако это, в первую очередь, относится к юго-восточным курдам [Eryurt, Koş, 2015]. Ранее исследователи разделяли курдские провинции на два кластера, в зависимости от электоральной поддержки (ПСР или прокурдские партии) [Çarkoğlu, 2000; Çarkoğlu, 2002; Çarkoğlu, 2009; Çarkoğlu, Avcı, 2002; Çarkoğlu, Yıldırım, 2019]. Как считают Каркоглу, Айтач и Йылдирим, глубоко религиозные курды, не идентифицирующие себя с курдским националистическим движением и Рабочей партией Курдистана, больше симпатизировали ПСР и Р. Эрдогану. [Aytaç, Çarkoğlu, Yıldırım, 2020]. Однако скромные результаты политики «курдского открытия» и антикурдская позиция Турции в сирийском конфликте изменили отношение курдов к правительству и ПСР. За три года – с 2012 по 2015 г. – уровень доверия курдов – избирателей ПСР к правительству снизился с 79 до 62%, а

электоральная поддержка курдами ПСР в период с 2010 по 2019 г. уменьшилась в два раза [Харитонов, 2019, 54].

Проведенный анализ выборов 2023 г. на основе выделения трех географических кластеров (центр, периферия, глубокая периферия по признаку социальной и географической дистанции) иллюстрирует сохранение в Турции центр-периферийного раскола. Дисперсионный анализ (анализ вариации ANOVA) голосования за основные партии демонстрирует значимость географического фактора: при голосовании за ПСР значимыми являются отличия между центром и периферией (рис. 6), при голосовании за НРП – между центром и периферией и центром и глубокой периферией (рис. 7), при голосовании за ЛПЗ – между глубокой периферией и двумя другими кластерами (рис. 8).

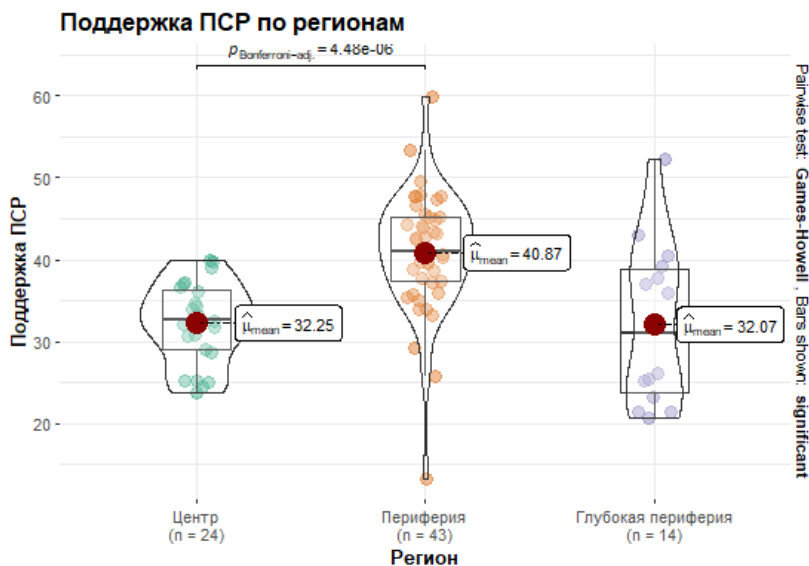

Рис. 6.
Поддержка ПСР (2023)¹

¹ Источник: составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

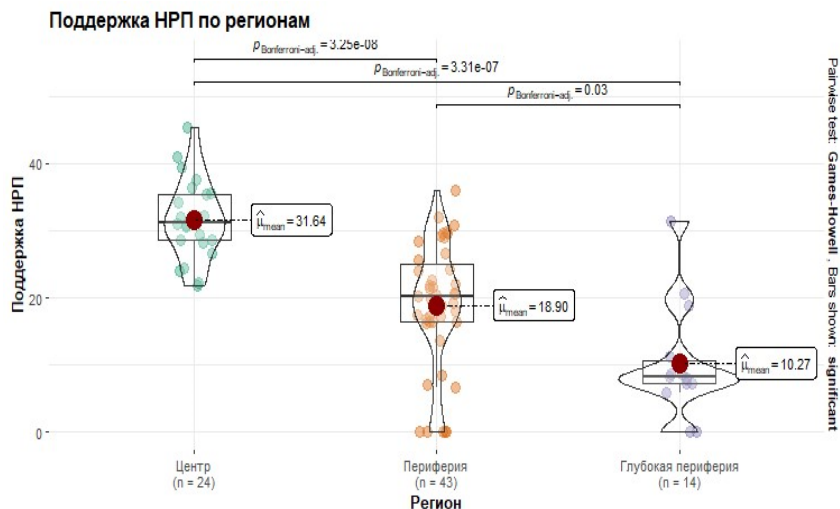

Рис. 7.
Поддержка НРП (2023)¹

Итак, за сто лет существования турецкой государственности территориальный центр-периферийный раскол не сменился функциональным, всеобщей национальной идентичности, провозглашенной Ататюрком, противостоят всеобщая исламистская и ограниченные турецкая националистическая и курдская националистическая. Правящая ПСР является традиционным представителем консервативной исламской периферии, которая с целью формирования новой версии национального единства переосмысливает понятие нации. «Новое определение нации построено на цивилизованности, мы чувствах, уверенности в себе и противостоянии врагам и Западу... и отсылках к мифическому имперскому прошлому Османской империи, характеризующейся [общественной] гармонией» [Yabancı, 2020, p. 105]. Официальная оппозиция в лице НРП представляет светский либеральный центр, ПНД – турецкий национализм; прокурдские партии (ДПН и в 2023 г. ЛПЗ) – курдский национализм. Наличие идентичностно ориентированных партий, имеющих концентрированную

¹ Источник: составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

электоральную поддержку в отдельных регионах, не способствует национализации партийной системы и сохраняет их региональный статус. Согласно Р.Ф. Туровскому, «региональными считаются партии, которые участвуют в выборах лишь на отдельных территориях и, соответственно, имеют сравнительно небольшое территориальное покрытие. Другим важным критерием принадлежности партии к категории региональных служит наличие партикуляристской идеологии, апеллирующей к интересам определенных территориальных сообществ» [Туровский, 175]. Наличие региональной прокурдской партии придает дополнительное измерение центр-периферийной рамке, тем самым подтверждая ее валидность.

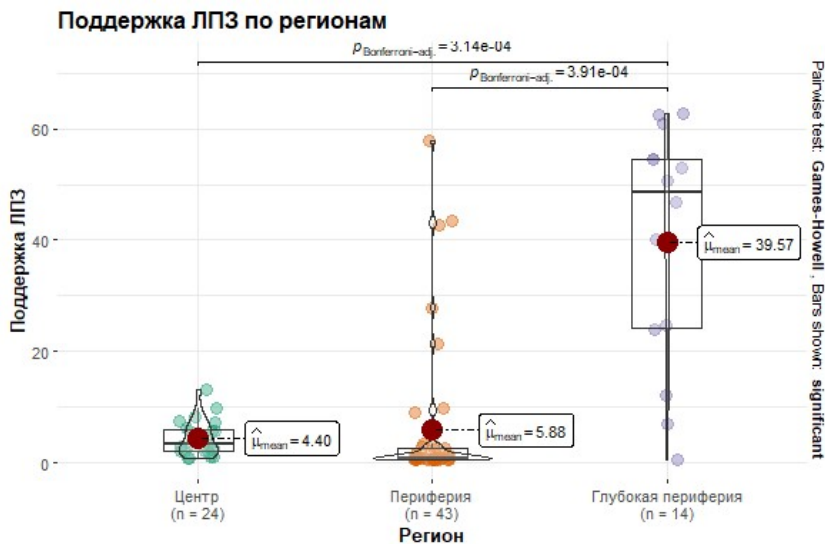

Рис. 8.
Поддержка ЛПЗ (2023)¹

Таким образом, несмотря на центростремительные ориентации правящей партии и президента, центр-периферийные размежевания продолжают определять конфигурацию партийной систе-

¹ Источник: составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

мы Турции, а концепция размежеваний сохраняет объяснительный, но не прогностический потенциал.

O.G. Kharitonova*

Center-periphery cleavage in Modern Turkey

Abstract. Turkey's political development witnessed the alternation of democratization and autocratization phases rooted in definite stable trends, the interpretation of which from different angles has been the subject of various research. The theoretical framework of center-periphery cleavages of E. Shills, S. Mardin, S.M. Lipset and S. Rokkan is applied to the analysis of the Turkish party system. The article examines the evolution of the Turkish party system in the context of the manifestation of the cleavages at each stage (urban-rural, center-periphery, secularism-religion), and identifies periods of dominance of the center-periphery (territorial) or ideological (functional) conflicts. Then the factors sustaining the center-periphery cleavage are studied, including high levels of religiosity, socio-economic disproportions between regions, territorialization (as opposed to nationalization) of the party system, and ethnic conflict. The article reveals that the successes of the Justice and Development Party and R. Erdogan are the result of the rational choice answer of the political elite of the center to the needs of the periphery, including through the instrumentalization of religion, populism and charisma.

The analysis of the 2023 elections identifies three geographic clusters (center, periphery, deep periphery based on social and geographic distance from the center) and confirms the persistence of the center-periphery cleavage in Turkey while the analysis of variance of voting for the three main parties demonstrates the significance of the geographical factor. The article comes to the conclusion that despite the centripetal orientations of the ruling party and the president, center-periphery cleavage continues to determine the configuration of the Turkish party system, and the centre-periphery framework is still valid for explaining the electoral behavior.

Keywords: Centre; periphery; cultural cleavage; Turkey; elections 2023; AKP.

For citation: Kharitonova O.G. Center-periphery cleavage in Modern Turkey. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 178–209. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.07>

References

- Aytaç S.E. Economic Voting during the AKP Era in Turkey. In: Tezcür G.M. (ed.). *The Oxford Handbook of Turkish Politics*. New York: Oxford university press, 2022, P. 319–340.

* **Kharitonova Oxana**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: o.kharitonova@inno.mgimo.ru

- Aytaç S. E., Çarkoğlu A., Yıldırım K. Taking sides: determinants of support for a presidential system in Turkey. In: Verney S., Bosco A., Aydın-Düzgit S. *The AKP Since Gezi Park*. Abingdon: Routledge, 2020, P. 175–194.
- Çarkoğlu A. The Turkish party system in transition: party performance and agenda change. *Political studies*. 1998, Vol. 46, P. 544–571. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00154>
- Çarkoğlu A. The nature of left–right ideological self - placement in the Turkish context. *Turkish studies*. 2007, Vol. 8, N 2, P. 253–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683840701312245>
- Çarkoğlu A. The Geography of Turkey's 1999 Elections. *Turkish studies*. 2000, Vol. 1, N 1, P. 96–115. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683840008721225>
- Çarkoğlu A. The rise of the new generation pro-Islamists in Turkey: the Justice and Development Party phenomenon in the November 2002 elections in Turkey. *South European society and politics*. 2002, Vol. 7, N 3, P. 123–156.
- Çarkoğlu A. The March 2009 local elections in Turkey: a signal for takers or the inevitable beginning of the end for AKP? *South European society and politics*. 2009, Vol. 14, N 3, P. 295–316. DOI: <https://doi.org/10.1080/13608740903425734>
- Çarkoğlu A. Economic evaluations vs. ideology: diagnosing the sources of electoral change in Turkey, 2002–2011. *Electoral studies*. 2012, Vol. 31, N 3, P. 513–521. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.02.005>
- Çarkoğlu A., Avcı G. An analysis of the electorate from a geographical perspective. In: Sayari S., Esmer Y. (eds). *Politics, parties, and elections in Turkey*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002, P. 115–136.
- Çarkoğlu A., Hinich M.J. A spatial analysis of Turkish party preferences. *Electoral studies*. 2006, Vol. 25, N 2, P. 369–392.
- Çarkoğlu A., Yıldırım K. Change and continuity in Turkey's June 2018 elections. *Insight Turkey*. 2018, Vol. 20, N 4, P. 153–182. DOI: <https://doi.org/10.25253/99.2018204.07>
- Demirkol Ö., Bekaroğlu E.A. Measuring party nationalization in Turkey: 1950–2018. In: Bekaroğlu E.A., Osmanbaşıoğlu G.K. (eds). *Turkey's electoral geography: trends, behaviors, and identities*. Routledge, 2021, P. 24–45.
- Donmez R.O. Nationalism in Turkey: political violence and identity. *Ethnopolitics*. 2007, Vol. 6, N 1, P. 43–65. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449050601161340>
- Eryurt M.A., Koç İ. Demography of ethnicity in Turkey. In: Sáenz R., Embrick D., Rodríguez N. (eds). *The International Handbook of the Demography of Race and Ethnicity. International Handbooks of Population*. Vol. 4. Dordrecht: Springer, 2015, P. 483–502. DOI: https://doi.org/10.1007/978-90-481-8891-8_23
- Esmer Y. Identity politics: extreme polarization and the loss of capacity to compromise in Turkey. In: van Beek U. (ed.). *Democracy under threat: a crisis of legitimacy?* Cham: Palgrave, 2019, P. 121–146.
- Esmer Y. At the ballot box: determinants of voting behavior. In: Sayari S., Esmer Y. (eds). *Politics, parties, and elections in Turkey*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002, P. 91–114.
- Esmer Y. Islam, gender, democracy and values: The case of Turkey, 1990–2001. In: Pettersson T., Esmer Y. (eds). *Changing values, persisting cultures. European Values Studies*, Vol. 12. Leiden, Boston: Brill, 2008, P. 275–301.

- Huntington S.P. Social and institutional dynamics of one-party systems. In: Huntington S.P., Moore C.H. (eds). *Authoritarian politics in modern society: the dynamics of established one-party systems*. New York, London: Basic Books, 1970, P. 3–47.
- Kalaycioglu E. Elections and party preferences in Turkey: changes and continuities in the 1990s. *Comparative political studies*. 1994, Vol. 27, N 3, P. 402–424. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414094027003004>
- Kharitonova O.G. Crisis Evolution of Turkish Political System. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics* (RU). 2018. N 3 (90), P. 181–205. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-181-205>. (In Russ.)
- Kharitonova O.G. The Effects of Presidency in ethno-culturally diverse states: The case of Turkey. *Political science* (RU). 2019, N 4, P. 38–67. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.08> (In Russ.)
- Kumaracıbaşı A.C., Fink S. Spatial diffusion and geographical patterns in the Turkish vote for pro-Islamist parties. *Southeast European and black sea studies*. 2021, Vol. 21, N 1, P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683857.2020.1868816>
- Kudryashova I.V., Meleshkina E.Yu., After empires: beating swords into ploughshares. *Political science* (RU). 2022, N 1, P. 14–51. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.0> (In Russ.)
- Lerner D. *The passing of traditional society: modernizing the Middle East*. New York: Free Press of Glencoe, 1958, 466 p.
- Levin P.T. Reflections on Şerif Mardin's center-periphery thesis. *Turkish studies*. 2023, Vol. 24, N 3–4, P. 617–639. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683849.2023.2189592>
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments. In: Anokhina N.V., Meleshkina E.Yu. (eds) *Parties and Elections. Reader*. Political Science series. Center for Social Scientific research. Political Science department. MGIMO (University) MFA of Russia. Moscow: INION RAS, 2004. P. 47–76. (In Russ.)
- Mardin S. Center-periphery relations: a key to Turkish politics? *Daedalus*. 1973, Vol. 102, N 1, P. 169–190.
- Matukhin V.V. «Post-secular» Turkey. *Political science* (RU). 2013, N 2, P. 126–141. (In Russ.)
- Moral M. Politics as (un)usual? An overview of the June 2018 presidential and parliamentary elections in Turkey. In: Çarkoğlu A., Kalaycıoğlu E. (eds). *Elections and public opinion in Turkey: through the prism of the 2018 elections*. Abingdon: Routledge, 2022, Chapter 3.
- Özbudun E. *Party politics & social cleavages in Turkey*. Boulder, CO: Lynne Rienner publishers, 2013, 155 p.
- Özbudun E. Established revolution versus unfinished Revolution: contrasting patterns of democratization in Mexico and Turkey. In: Huntington S.P., Moore C.H. (eds). *Authoritarian politics in modern society: the dynamics of established one-party systems*. New York, London: Basic books, 1970, P. 380–405.
- Payaslıoğlu A.T. Political leadership and political parties in Turkey. In: Ward R.E., Rustow D.A. (eds). *Political modernization in Japan and Turkey*. Princeton: Princeton university press, 1964, P. 411–433.

- Rokkan S. Electoral mobilization, party competition, and national integration. In: LaPalombara J., Weiner M. (eds). *Political parties and political development*. Princeton: Princeton university Press, 1966, P. 241–265.
- Rubin B., Heper M. *Political parties in Turkey*. London: Frank Cass, 2002, 160 p.
- Rustow D. The Development of Parties in Turkey. In: LaPalombara J., Weiner M. (eds). *Political parties and political development*. Princeton: Princeton university press, 1966, P. 107–133.
- Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model. *POLIS. Political Studies*. 1996, N 5, P. 5–15. (In Russ.)
- Secor A. Ideologies in crisis: political cleavages and electoral politics in Turkey in the 1990s. *Political geography*. 2001, Vol. 20, N 5, P. 539–560. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0962-6298\(01\)00011-7](https://doi.org/10.1016/S0962-6298(01)00011-7)
- Shils E.A. *The constitution of society. Essays reprinted from the author's previous works*. London: University of Chicago press, 1982, 383 p.
- Tachau F. An Overview of electoral behavior: toward protest or consolidation of democracy? In: Sayari S., Esmer Y. (eds). *Politics, parties, and elections in Turkey*. Boulder: Lynne Rienner publishers, 2002, P. 33–54.
- Tosun T., Ünal B.A., Tosun G.E. The dynamics of change and differentiation in voter preferences in the western coastal provinces of Turkey since the 1980s. In: Bekaroğlu E.A., Osmanbaşoğlu G.K. (eds). *Turkey's electoral geography: trends, behaviors, and identities*. Routledge, 2021, P. 66–84.
- Turovsky R.F. Nationalization and Regionalization of Party Systems: Approaches to Research. *Politeia. Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. 2016. N 1 (80), P. 162–180. (In Russ)
- West II J.W. Regional cleavages in Turkish politics: an electoral geography of the 1999 and 2002 national elections. *Political geography*. 2005, Vol. 24, N 4, P. 499–523. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2005.01.003>
- Wuthrich F.M. An essential center–periphery electoral cleavage and the Turkish party system. *International journal of Middle East studies*. 2013, Vol. 45, N 4, P. 751–773.
- Yabancı B. Fuzzy Borders between Populism and sacralized politics: mission, leader, community and performance in ‘New’ Turkey. *Politics, religion & ideology*. 2020, Vol. 21, N 1, P. 92–112. DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2020.1736046>

Литература на русском языке

- Кудряшова И.В., Мелешикина Е.Ю. После империй: можно ли перековать мечи на орала? // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 14–51. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.01>
- Липсет С. М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Партии и выборы: хрестоматия. Сер. «Политология» / Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; Отв. ред. и сост. Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешикина. – М.:

- Издательство: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2004. [Версия электронная]. – С. 47–76.
- Матюхин В.В. «Постсекулярная» Турция // Политическая наука. – 2013. – № 2. – С. 126–141.
- Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 5–15.
- Туровский Р.Ф. Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // Полития. – 2016. – №1 (80) – С. 162–180.
- Харитонова О.Г. Кризисная эволюция турецкой политической системы // Полития. – 2018. – №3 (90). – С. 181–205. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-181-205>.
- Харитонова О.Г. Эффекты института президентства в этнокультурно-разнородных обществах: случай Турции // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 38–67. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.04.08>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список политических партий:

- ДЛП – Демократическая левая партия (Demokratik Sol Parti)
ДП – демократическая партия (Demokrat Parti)
ДПН – Демократическая партия народов (Halkların Demokratik Partisi)
НДП – Националистическая демократическая партия (Milliyetçi Demokrasi Partisi)
НРП – Республиканская народная партия (Cumhuriyet Halk Partisi)
ПБ – Партия благоденствия (Refah Partisi)
ПД – Партия добродетели (Fazilet Partisi)
ПИП – Партия истинного пути (Doğru Yol Partisi)
ПН – Партия нации (Millet Partisi)
ПНД – Партия националистического движения (Milliyetçi Hareket Partisi)
ПНС – Партия национального спасения (Millî Selâmet Partisi)
ПО – Партия отечества (Anavatan Partisi)
ПС – Партия справедливости (Adalet Partisi)
ПСР – Партия справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi)
ПСч – Партия счастья (Saadet Partisi)
СДНП – Социал-демократическая народная партия (Sosyaldemokrat Halk Partisi)
ХП – Хорошая партия (İyi Parti)

А.В. МИТРОФАНОВА, И.А. СКОРИНА, В.В. ТАРУНТАЕВА*

ОТКАЗ ОТ ПОЛИТИКИ МОБИЛИЗОВАННОГО ЛИНГВИЦИЗМА И БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Аннотация. Мобилизованный лингвицизм представляет собой инструмент конструирования национальной идентичности посредством придания языку титульной нации характера основополагающей интегрирующей единицы. На практике реализация подобной политики подразумевает вытеснение других языков и возводит институциональные барьеры для политического участия национальных меньшинств. На территории Белоруссии политика мобилизованного лингвицизма не нашла должного признания со стороны граждан республики, в результате чего правительством президента Лукашенко был взят курс на отказ от данной практики. Выявленный М.Н. Губогло феномен мобилизованного лингвицизма имеет большое значение для выработки национального самосознания на территории постсоветских республик. В данной статье авторы обосновывают отказ правительства Белоруссии от политики мобилизованного лингвицизма и выявляют противоречия белорусского национального строительства. Подобное противоречие обеспечено существованием двух противоположных направлений белорусского национализма, различающихся по критерию культурной преемственности. Правительственный курс национального строительства настаивает на советской преемственности

* **Митрофанова Анастасия Владимировна**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: avmitrofanova@fa.ru; **Скорина Иван Андреевич**, студент Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: ivanskorinatr@mail.ru; **Тарунтаева Варвара Валерьевна**, студентка Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: t-varvara-1679@yandex.ru

© Митрофанова А.В., Скорина И.А.,

Тарунтаева В.В., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.01.08

Республики Беларусь, ее отказа от политики этнических ограничений и подавления культурного развития других наций. Дискурс, используемый белорусской оппозицией и противопоставляющий себя действующей правительственной линии, воспринимает белорусскую нацию в качестве наследника европейской традиции на основе исторической преемственности Великого княжества Литовского. В связи с этим стремление к использованию мобилизованного лингвизма часто встречается среди сторонников оппозиционного дискурса в качестве инструмента культурной гомогенизации. В статье анализируются особенности языковой политики на территории постсоветской Белоруссии и делаются выводы касательно эффективности проводимой политики в области конструирования белорусской национальной идентичности.

Ключевые слова: Республика Беларусь; мобилизованный лингвизм; языковая политика; язык; нация; национализм; национальное самосознание.

Для цитирования: Митрофанова А.В., Скорина И.А., Тарунтаева В.В. Отказ от политики мобилизованного лингвизма и белорусское национальное самосознание // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 210–232. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.XX>

Этническая и национальная идентичности представляют собой взаимодополняемые категории, зачастую синонимично воспринимаемые на бытовом уровне. Отличия национального самосознания от этнического неоднократно подчеркивались многими исследователями в области этнополитологии и в совокупности сводятся к наличию политической составляющей национального сообщества. Национальная идентичность подразумевает чувство приобщенности к крупному политическому сообществу, которое устанавливает связь гражданина и государства через абстрактное понятие нации. Например, такие исследователи как Артс и Халман замечают, что в основе национальной идентичности лежит чувство не только социального и экономического, но и политического единения [Arts, Halman, 2006, p. 69–93].

Тем не менее не представляется возможным полностью отделить понятие этноса от понятия нации. Исторический опыт свидетельствует, что нации не появляются на пустом месте и нуждаются в том или ином культурном подкреплении. Эрнест Геллнер, указывая на связь культуры и нациогенеза, утверждает, что национализм использует в качестве сырья «наследие донационалистического мира» [Геллнер, 1991]. В этом смысле этнос и нация взаимодополняют друг друга, так как во многом и национальная и этническая идентичности подразумевают наличие схожих струк-

турных элементов. Одним из базовых элементов, связывающих указанные категории, является язык.

Особую роль языку придавал Бенедикт Андерсон, описывая фундаментальное значение печатного капитализма во время зарождения европейского национализма. По его мнению, единый язык распространения информации посредством печатных изданий способствовал утверждению лингвистической общности в границах одного государства, объединяющего население, зачастую говорящее на разных диалектах [Андерсон, 2001]. Помимо положительного влияния на уровень внутригрупповой сплоченности использование единого языка значительно упрощает работу политических институтов, способствуя формальной унификации документооборота.

Язык является важным, но не единственным структурным элементом национальной идентичности. В противном случае нам не были бы известны примеры сосуществования говорящих на разных языках политических наций в рамках одного государства, будь то Бельгия, Швейцария или Канада. В упомянутых государствах язык перестает быть фактором общегосударственной сплоченности, отдавая эту функцию более серьезным институциональным конструкциям, облегчающим усвоение более широкой и универсальной для данного государства идентичности. Межгрупповые различия нивелируются посредством развитой гражданской культуры и институтов консociативной демократии.

Совсем по-другому видится ситуация на постсоветском пространстве, где формирование наций в границах того или иного национально-территориального образования зачастую носило искусственный характер. В Советском Союзе влияние этнического фактора на нациогенез было более сильным, чем в странах Западной Европы, национальная идентичность которых формировалась на основе общности, в первую очередь, гражданских интересов в процессе борьбы с привилегиями аристократии и внешними врагами. Советское правительство исходило из этнофундированного восприятия нации в качестве исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада¹. В условиях принятия этнических предпосылок возникновения нации, язык, как

¹ Сталин И.В. Сочинения. – Т. 2. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. – С. 290–367.

важнейший этноопределитель, берет на себя функцию установления групповой принадлежности индивида к национальному сообществу. Советским центром целенаправленно формировалась институциональная структура, берущая на себя роль представительства той или иной этнической группы. Таким образом, использование соответствующего этнической группе языка оказалось необходимым инструментом в деле конструирования национального самосознания и автономизации некоторых национально-территориальных образований.

Понятие мобилизованного лингвизма

В связи с насущной необходимостью анализа не только влияния языка на стихийное формирование политической нации, но и целенаправленного использования языка в качестве инструмента нациогенеза политической элитой советских республик, М.Н. Губогло ввел понятие мобилизованного лингвизма. Как отмечает исследователь, мобилизованный лингвизм представляет собой «идеологию, практику и этнополитическую деятельность, направленные на создание национальной государственности с помощью предварительного утверждения статуса государственного языка как основы национального возрождения, а также проведения кадровой политики, ведущей к установлению этномонополии во власти» [Губогло, 1998]. Реализация данной политики подразумевает повсеместное введение и использование языка государствообразующей нации в документообороте, изучение его в государственных образовательных учреждениях и всестороннее продвижение в ущерб языкам национальных меньшинств. По мнению М.Н. Губогло, начатая еще в конце существования Советского Союза политика формирования государственности национально-территориальных образований вокруг представителей титульного этноса нашла свое отражение в политике постсоветских правительств. Язык становится идеологическим инструментом и символом национального единства, а попытки нивелировать его значимость воспринимаются как покушение на национальную независимость. Обязательное владение языком титульной нации становится требованием при выдвижении кандидатуры на государственные должности, что представляет собой дополнительные институциональные ограни-

чения для представителей этнических меньшинств, не говорящих на языке титульной нации.

Мобилизованный лингвицизм является важной частью национализаторской политики, которая была определена Линцем и Степаном как «политика гомогенизации мультикультурных сообществ» [Linz, Stepan, 1996]. В связи с этим культурная обособленность этнических меньшинств, зачастую представленных на территории постсоветских республик русскоязычным населением, представляет собой причину потенциальной политической дискриминации. В условиях неразвитости демократических институтов политическая гомогенизация посредством мобилизованного лингвицизма может приобретать насильственный характер. Особо агрессивные и навязчивые формы данного феномена могут привести к усилению международной напряженности и росту ирредентистских настроений на территории «родного» для дискриминируемого этноса государства. Также применение жестких лингвистических практик и стремление государства навязать образование на языке титульной нации приводит к существенному падению качества национального образования [Митрофанова, 2016]. Обучение на языке, в котором отсутствует научная традиция и соответствующая терминология, делает выпускаемых специалистов неконкурентоспособными на мировом рынке.

Несмотря на то что мобилизованный лингвицизм характерен не только для постсоветского пространства, М.Н. Губогло вывел его в первую очередь для описания целенаправленного вытеснения русского языка из различных сфер общественных отношений. По мнению Т.М. Атнашева, стремление постсоветских республик ослабить роль русского языка связано с восприятием России в качестве «бывшей метрополии» [Ачкасов, 2011]. Процесс национальной консолидации на территории некоторых постсоветских республик происходил на основе противопоставления собственной идентичности российскому культурному наследию. Так, В.А. Ачкасов указывает на более выраженное развитие языкового национализма в странах, где подавляющее число граждан воспринимает русский язык как «второй родной или активно используемый наряду с родным» [Ачкасов, 2011]. Мобилизованный лингвицизм в той или иной форме использовался на территории всех постсоветских республик за отсутствием эффективных альтернатив в инструментарии национального строительства. Последствия использования

подобных лингвистических практик различаются от страны к стране, в результате чего простое обобщение опыта постсоветских республик представляется не вполне корректным. Например, в прибалтийских государствах и на Украине мобилизованный лингвицизм в своей радикальной форме привел к ограничению использования русского языка, в то время как в Белоруссии, наоборот, после отказа от политики мобилизованного лингвицизма русскому языку был предоставлен статус второго государственного.

Противоречия белорусского национального строительства

Белорусская национальная идентичность является спорным и неоднозначным политическим явлением. Историческое расположение Белоруссии между Польшей и Россией определило диффузную идентичность белорусов, которая выражается в противоречивом стремлении к культурно-политической близости с Европой, с одной стороны, и с Россией – с другой. Политическая элита на территории Белоруссии в разные исторические периоды принимала разную идентичность, в то время как базовые этнические признаки, такие как язык, культурные особенности и поведенческий стереотип, сохранялись только в деревенской среде. Так, исследователь межнациональных отношений на постсоветском пространстве В.В. Шимов говорит о формировании «деформированной» идентичности части населения Белоруссии и Украины в результате длительного присутствия в польско-католической геополитической зоне [Шимов, 2021]. В результате такого срединного положения на территории данных стран вступили в противоборство два проекта, которые В.В. Шимов обозначает как «сепаратистский проект» и «интеграционный проект». Сепаратистский проект основан на идее обособления белорусской и украинской этноязыковых групп и построении независимых политических наций. Порой стремление культурного обособления заставляет сторонников сепаратистского проекта даже высказывать идею о «балтийском» происхождении белорусов, тем самым подчеркивая исключительную европейскую преемственность. Интеграционный проект, наоборот, выступает за включение близких этноязыковых групп в единое пространство общерусской политической нации. По мнению ис-

следователя, интеграционный проект возник в результате стремления противников полонизации найти поддержку в лице Москвы, которая бы защитила культурно близкие территории.

Другую линию раскола белорусского общества предлагает историк И.И. Баринов, являющийся специалистом в области новейшей истории Восточной Европы и также выделивший два основополагающих направления в понимании феномена белорусской нации. В основе данной концепции лежит разграничение национального самовосприятия на основе отношения к правящему режиму. Представленные националистические дискурсы условно разделяются исследователем на «оппозиционный» и «правительственный» [Баринов, 2022].

Сторонники оппозиционного дискурса выступают за восприятие белорусской нации в качестве наследника европейской традиции на основе исторической преемственности Великого княжества Литовского. С их точки зрения, формирование белорусской национальной идентичности не может быть отделено от представления о благородном происхождении местной шляхты, которая на протяжении долго времени стремилась к пробуждению национального самосознания белорусского крестьянства. Данный подход, по мнению И.И. Баринова, отвергает крестьянскую составляющую белорусской культуры в пользу элитарной культуры шляхты, в результате чего язык остается практически единственным этническим элементом. Оппозиционный националистический дискурс противопоставляется правительственному в силу популярности европоцентричного восприятия национальной культуры в рядах внесистемной белорусской оппозиции.

Правительственный дискурс, наоборот, берет за основу культуру белорусского крестьянства, выражая национальную идентичность в тесной взаимосвязи с русской цивилизацией. Сторонники данного направления видят основу национального сознания в символах позднесоветского белорусского общества. Ключевым событием выступает получение страной независимости в 1991 г., а основу гражданской интеграции составляет историческая память о роли белорусов в Великой Отечественной войне. За сложным государственным проектом президента Лукашенко не все признают свойство национального за отсутствием этнического базиса национального строительства [Митрофанова, 2006]. По мнению исследовательницы, в основе проекта Лукашенко лежит трансформированная совет-

ская символика. Этнический субстрат заменён идеологическим субстратом, оказывающим существенное влияние на белорусскую институциональную систему. Так, советская компонента белорусской государственности лежит в основе стремления к построению прямой демократии и решению вопросов общенационального значения посредством проведения многочисленных референдумов. Белорусская экономика характеризуется доминированием государственного сектора, а усилия белорусского правительства нацелены в первую очередь на построение социального государства, способного противостоять идеологическим вызовам со стороны внесистемной оппозиции. Белорусскую нацию в подобном понимании условно можно обозначить как гражданскую.

Есть основания полагать, что иногда отдельные элементы данных дискурсов, несмотря на свою полную противоположность, складываются в единую идентичность некоторых белорусских граждан, что вносит дополнительную путаницу в трактовку результатов идентитарных исследований. Например, исследование национальной идентичности лидеров мнений и социальных активистов, проведенное белорусским исследовательским центром BEROC, работающим совместно с порядка 57 фондами по всему миру и получающим гранты от таких фондов, как «Русский мир», British Council, Alexander von Humboldt Stiftung (немецкий фонд) и другие, показывает, что респондентам не свойственно ассоциировать Белоруссию с европейской культурой [Урбан, 2020]. В то же время Россия не воспринимается в качестве «доброго соседа» и оценивается респондентами негативно. На первый план выступает представление о культурной принадлежности Белоруссии к странам Восточной Европы и общности советского прошлого, определившего нынешнее восприятие белорусской нации. Таким образом, и оппозиционный и правительственный дискурсы оказываются недостаточными сами по себе для описания представленной респондентами позиции. Тем не менее нет необходимости воспринимать данное исследование как описание доминирующего представления в белорусском обществе, так как в качестве респондентов выступали исключительно образованные социально активные представители гражданского общества, зачастую имеющие оппозиционные политические взгляды.

Белорусский язык находит свою поддержку у представителей как правительственной, так и оппозиционной группы. Однако

в отношении языковой политики данные дискурсы в очередной раз расходятся. Оппозиционный дискурс, сторонники которого стремятся изолировать Белоруссию от российского влияния, не подразумевает использование русского языка наравне с национальным. Представителям же правительственного дискурса, наоборот, свойственна недооценка роли белорусского языка в качестве ядра национальной интеграции и уклон на закрепление равенства русского и белорусского языков.

Использование белорусского языка на территории республики

Анализируя данную проблему, представляется необходимым определить реальное значение белорусского языка в системе государственного управления и гражданской коммуникации. Использование белорусского языка регулируется многими нормативно-правовыми актами Республики. Так, согласно статье 17 Конституции Республики Беларусь, на территории страны действуют два государственных языка – русский и белорусский, что само по себе отличает Белоруссию от многих стран постсоветского пространства¹. Формальное равенство языков исключает базовые институциональные барьеры, которые используются при реализации политики мобилизованного лингвизма, чтобы ограничить политическое участие представителей этноязыковых меньшинств, не владеющих языком титульной нации.

Другим нормативно-правовым актом, определяющим основные направления языковой политики, выступает Закон Республики Беларусь от 26 января 1990 г. № 3094-XI «О языках в Республике Беларусь», определяющий белорусский и русский языки как официальные языки делопроизводства и документации. Все организации должны принимать и рассматривать поданные документы, вне зависимости от выбранного гражданами языка, будь то русский или белорусский. Отказ должностного лица принять и рассмотреть письменное обращение гражданина, мотивированный незнанием

¹ Конституция Республики Беларусь [принята 15 марта 1994 года с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.]. – Минск: Амалфея, 2008.

языка, является нарушением закона и влечет за собой ответственность в соответствии с действующим законодательством. Белорусский и русский языки признаются языками образования, науки и культуры. Идентичная ситуация наблюдается с обозначением названий и языком информации и связи. Паспорт страны содержит три языка: белорусский, русский и английский. Любое притеснение человека по языковому признаку, как и предоставление привилегий – недопустимо и карается законом. 25 июля 2023 г. в закон были внесены поправки, в результате чего была изменена формулировка. Ранее судопроизводство велось на белорусском или русском языках, но в обновленной версии закона союз «или» был изменен на «и», что позволило использовать два языка в документе одновременно¹.

Таким образом, нельзя сказать, что на законодательном уровне белорусский язык имеет какие-либо преимущества по отношению к русскому. Несмотря на безусловную символическую значимость языка титульного этноса, статус белорусского языка не ущемляет права русскоязычного населения.

Что же касается фактической роли белорусского языка на уровне гражданской коммуникации, результаты переписи населения за 2019 г. показали доминирование русского языка. Из 9 413 446 человек родным языком назвали белорусский 5 094 928, а русский – 3 983 765, что составляет около 54% и 42% соответственно. Однако в качестве языка повседневного общения русский используют 6 718 557 человек, и только 2 447 764 человек – белорусский, что составляет около 71% и 26% соответственно². Во многом подобные результаты обусловлены особенностями проводимой на протяжении долгих лет образовательной политики. Несмотря на то что часть 3 статьи 22 ранее упомянутого Закона «О языках в Республике Беларусь» обязует граждан, получающих общее среднее

¹ О языках в Республике Беларусь. Закон Республики Беларусь от 26 января 1990 г. № 3094-XI (СЗ БССР, 1990 г., № 4, ст.46; Ведомости Национального собрания Республики Беларусь, 1998 г., № 28, ст.461) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19003094> (дата посещения: 26.08.2023).

² Инфографика и плакаты // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2019/infografika-i-plakaty/> (дата посещения: 26.08.2023).

образование, изучать оба государственных языка, сами школы в большинстве своем являются русскоязычными. По данным БЕЛТА, из менее 3000 учебных заведений общего среднего образования более 45% – белорусскоязычные. Тем не менее дальнейшее углубление в данный вопрос обращает наше внимание на количество детей в данных учебных учреждениях, нежели на количество самих школ. Из 1282 белорусскоязычных школ около 1207 располагаются в сельской местности, а в городах – всего 75¹. Согласно данным БЕЛСТАТ, на каждого педагога в сельских школах приходится пять детей, тогда как в городских – 11². Таким образом, расположенные, как правило, в сельской местности и количественно уступающие русскоязычным школам белорусскоязычные школы обучают на родном языке намного меньшее количество детей.

Структурные особенности белорусской экономики, ориентированной, в первую очередь, на евразийский рынок, обусловили снижение роли белорусского языка в вопросах экономической коммуникации и товарооборота. В рамках национальной экономики белорусский язык продолжает использоваться в оформлении документации, чего нельзя сказать о внешнеэкономической деятельности. Согласно Закону «О языках в Республике Беларусь», производителям предоставляется право выбора языка для маркировки товаров. В статье 30 указано, что маркировка товаров, этикетки на товарах, инструкции по пользованию товарами могут быть выполнены на белорусском или русском языке³. Также государственный стандарт Беларуси № СТБ 1100–2007 «Пищевые продукты. Информация для потребителя. Общие требования» дает право выбрать производителям язык этикетки среди государственных

¹ Школы с белорусским языком преподавания // Образовательный портал. Всё для учителей, воспитателей и учеников. – Режим доступа: <https://obrazovanie-gid.ru/uchitelyam/shkoly-s-belorusskim-yazykom-prepodavaniya.html> (дата посещения: 27.08.2023).

² Белстат: в школах Беларуси трудятся более 111 тыс. учителей, 86,5% из них составляют женщины // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/belstat-v-shkolah-belarusi-trudjatsja-bole-111-tys-uchitelej-865-iz-nih-sostavljajut-zhenschiny-462521-2021/> (дата посещения: 26.08.2023).

³ О языках в Республике Беларусь. Закон Республики Беларусь от 26 января 1990 г. № 3094-XI (СЗ БССР, 1990 г., № 4, ст.46; Ведомости Национального собрания Республики Беларусь, 1998 г., № 28, ст.461) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19003094> (дата посещения: 26.08.2023).

ных (или напечатать сразу оба), а также разрешает размещать и иные языки при необходимости¹. Однако Технический регламент Таможенного союза № ТР ТС 005/2011 «О безопасности упаковки» права выбора не дает, обязуя производителя печатать этикетку на русском языке, иные языки на усмотрение производителя: «...информация должна быть изложена на русском языке и на государственном(ых) языке(ах) государства – члена Таможенного союза при наличии соответствующих требований в законодательстве(ах) государства(в) – членов(а) Таможенного союза»². Регламент Таможенного союза является достаточно строгим, имеет определенные требования к шрифту и размеру букв, из-за чего у некоторых производителей отсутствует возможность использовать иной язык помимо русского.

Проведенный анализ показывает, что русский и белорусский языки не только равны на законодательном уровне, но порой русский язык занимает и более выигрышные позиции, нежели белорусский, что во многом определяется вопросами экономической целесообразности. Таким образом, можно обозначить отсутствие элементов институциональной и социальной дискриминации представителей русскоязычного населения, а следовательно, выраженный отказ от политики мобилизованного лингвизма.

Институциональные структуры и акторы, вовлеченные в популяризацию белорусского языка

Как уже было упомянуто, мобилизованный лингвизм рассматривается, в первую очередь, в качестве инструмента в руках политической элиты. Тем не менее было бы преждевременным приводить к единому знаменателю разрозненные цели белорусской политической элиты. Часть политических акторов может использовать неоднозначное состояние белорусского языка в качестве

¹ ГОСТ СТБ 1100-2007 «Пищевые продукты. Информация для потребителя. Общие требования: государственный стандарт Республики Беларусь: дата введения 2007-10-01 // Федеральное агентство по техническому регулированию. – Изд. официальное. – Минск: Госстандарт, 2018.

² ТР ТС 005/2011 Технический регламент Таможенного союза «О безопасности упаковки» (с изменениями на 18 октября 2016 года) Технический регламент Таможенного союза от 16 августа 2011 г. № 005/2011

антиправительственного аргумента для усиления собственного влияния. В связи с этим есть необходимость выявить основных акторов, деятельность которых связана с политической мобилизацией белорусского языка.

Международное агентство социальных и маркетинговых исследований МАСМИ провело опрос белорусских потребителей с целью изучить отношение граждан к рекламе на языке национального большинства Республики. В исследовании приняло участие 1000 человек. Данные показали, что несмотря на нейтральное отношение к рекламе на белорусском языке 52% опрошенных, 41% отметили, что обратили бы внимание на товар с обозначением: «Купляйце беларускае», «Зроблена ў Беларусі». 15% ответили, что купили бы данный товар. Большинство респондентов согласилось с высказываниями о том, что реклама на белорусском языке ассоциируется у них с чем-то родным, а компании, создающие рекламу на белорусском языке, вызывают уважение¹. Анализируя полученные данные, можно сделать вывод, что использование белорусского языка может иметь положительное влияние на выбор белорусского потребителя, что создает заинтересованность в белорусскоязычной рекламе в глазах местных производителей. Формируемая таким образом лояльность потребителя может играть важную роль в конкурентоспособности ориентированных на национальный рынок фирм. Однако, по словам Дмитрия Кашкана, управляющего партнера брендинговой компании Fabula, данная маркетинговая стратегия должна использоваться комплексно: реклама (коммуникация), логотип, выступление на пресс-конференциях должны быть на белорусском языке, иначе стратегия не возымеет достаточного действия².

Весомый вклад вносят правительственные программы, ориентированные на сохранение белорусского языка. Молодежный парламент Молодечно также выступает с инициативами по продвижению родного языка. Предложения заключаются в воспроиз-

¹ Как потребители относятся к рекламе на белорусском языке. Исследование // Рейтинг Байнета. – Режим доступа: <https://www.ratingbynet.by/kak-potrebiteli-otnosyatsya-k-reklame-na-belorusskom-yazyke-issledovanie/> (дата посещения: 28.08.2023).

² Как белорусский язык помогает продвигаться продуктам и брендам // Про Бизнес. – Режим доступа: <https://probusiness.io/strategy/425-kak-belorusskiy-yazyk-pomogaet-prodvigatsya-produktam-i-brendam.html> (дата посещения: 28.08.2023).

ведении в общественном транспорте стихов поэтов-соотечественников, материалов с различными историческими фактами о республике, а также справки о значении национальных слов¹. Министерство образования трактует белорусский язык как «символ национального самосознания, фундамент идентификации, исторической памяти»². Изучение белорусского языка в школах является обязательным, детей в детских садах также обучают родному языку, разрабатываются методики, в которых в игровой форме ребенка погружают в языковую среду. В 2021 г. была выпущена новая линейка учебников, направленная на изучение языка сквозь призму национальной культуры. Активно отмечается введенный для укрепления исторической памяти День белорусского языка: проходит множество культурных мероприятий, начиная от торжественных церемоний, лекций и концертов и заканчивая литературными вечерами, показами фильмов и многое другое³. Также в развитии и сохранении белорусского языка поучаствовала Платформа CINEVOKA, разместившая 50 мировых фильмов и сериалов в дубляже на родном языке⁴.

Белорусский язык широко используется в качестве инструмента по увеличению собственного влияния представителями внесистемной оппозиции. В связи с этим можно отметить деятельность Светланы Тихановской – общественного деятеля и оппонента действующего президента Республики Александра Лукашенко на президентских выборах 2020 г. Несмотря на призыв экс-кандидата в президенты отменить статус русского языка как государственного, уровень владения языком самой Светланы Тихановской остается

¹ Продвижение белорусского языка и буллинг. Что еще волнует молодежь Молодечно // Крупский районный исполнительный комитет. – Режим доступа: <https://krupki.gov.by/ru/strana-i-oblast/item/5785-prodvizhenie-belorusskogo-yazyka-i-bullling-chto-eshche-volnuet-molodezh-molodechno> (дата посещения: 29.08.2023).

² Родная мова роднай зямлі: пытанні развіцця і папулярызаванні // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/roundtable/view/rodnaja-mova-rodnej-zjamli-pytanni-razvitsjsja-i-papularjyzatsyi-1421/> (дата посещения: 29.08.2023).

³ Международный праздник родного языка в Беларуси в 2023 году: история и традиции // Strahovkunado.ru. – Режим доступа: <https://strahovkunado.ru/obzory/mezhdunarodnyy-prazdnik-rodnogo-yazyka-v-belarusi-v-2023-godu-istoriya-i-traditsii.html> (дата посещения: 30.08.2023).

⁴ Лето с CINEVOKA: смотрим мировое кино на белорусском языке // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/let-s-cinevoka-smotrim-mirovoe-kino-na-belorusskom-jazyke-572917-2023/> (дата посещения: 28.08.2023).

довольно низким. На встрече в Нью-Йорке Тихановская не смогла продемонстрировать свой уровень владения белорусским языком, останавливаясь и задавая вопрос присутствующим на русском языке о правильности употребления слов на белорусском¹. Тем не менее старания Тихановской в повышении уровня значимости белорусского языка не могли остаться незамеченными со стороны сторонников оппозиционного националистического дискурса. Экс-кандидат в президенты называла русский язык «инструментом пророссийской политики» и призвала отменить государственный статус русского языка². Также Тихановская выступила с предложением изменить транслитерацию Белоруссии на литовском языке. Со схожими инициативами выступали украинские власти после 2014 года. Заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Андрей Суздальцев посчитал предложение Тихановской личной PR-акцией для создания имиджа защитницы национальных интересов. Такими действиями Светлана Тихановская может рассчитывать на поддержку внесистемной оппозиции со стороны противников пророссийской ориентации³.

Также в поддержку распространения белорусского языка выступала НКО «Таварыства беларускай мовы». Деятельность организации состояла в продвижении белорусской культуры и языка не только в Республике, но и за ее пределами, безвозмездном переводе иностранной литературы на белорусский язык и оказании юридической помощи тем, кто подвергался дискриминации по языковому признаку, и многом другом. Участниками организации были дипломаты, поэты, археологи, историки, а также другие представители научной интеллигенции и граждане Республики

¹ Тихановская заговорила на белорусском языке и забыла его // LENTA.RU. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2021/08/04/mova_speaking/ (дата посещения: 29.08.2023).

² Тихановская назвала задачей оппозиции отмену государственного статуса русского языка в Беларуси // RUBALTIC.RU. – Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/amp/news/15062023-tikhanovskaya-nazvala-zadachey-oppozitsii-otmenu-gosudarstvennogo-statusa-russkogo-yazyka-v-belarusi/> (дата посещения: 29.08.2023).

³ Эксперты объяснили, зачем Тихановской переименовывать Белоруссию // Украина.ру. – Режим доступа: <https://ukraina.ru/20210115/1030245582.html> (дата посещения: 30.08.2023).

Беларусь¹. Однако ТБМ была ликвидирована решением Верховного суда Белоруссии со ссылкой на «лживые русофобские заявления» со стороны председателя организации Елены Анисим. Газета, принадлежащая организации, была замечена в «обелении пособников Гитлера и прочих террористов, боровшихся “за свободу”». На данный момент проверить ту или иную информацию не представляется возможным, так как большинство данных о ТБМ, включая сайт организации, были удалены из публичного доступа². Ликвидация «Таварыства беларускай мовы» стала одним из поводов для заявления министра культуры и национального наследия Польши Петра Глинского относительно «уничтожения белорусской культуры и насаждения русской». Идею по созданию единого плана по защите белорусского языка и культуры польский министр предложил в ходе форума ЕС, однако дальше инициативы это пока не зашло³.

Проводя исследование внешнего финансирования белорусских фондов, авторы изучили отчет государственного департамента США Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting (2022 г., за 2021-й). В отчете можно найти информацию о затратах США, направленных на осуществление публичной дипломатии, в том числе и на деятельность на территории Беларуси: с 2020 по 2021 г. финансирование увеличилось примерно на 19% (с 1 226 799\$ до 1 506 300\$). Деятельность осуществляется посредством Бюро по делам Европы и Евразии. Евро-союз также делает свой вклад в поддержку белорусских инициатив и публичной дипломатии на территории Республики. На дипломатические и консульские программы было затрачено порядка 776 300\$, на “supplemental” (дополнительные расходы) 780 000\$. Также одним из акторов, спонсирующих в том числе и белорусскую оппозицию, является USAGM. Агентство США по глобаль-

¹ Культурная дипломатия через образование: Общество белорусского языка им. Франциска Скорины // Первая исламская онлайн-академия Медина – Режим доступа: <https://medinaschool.org/world/kulturnaya-diplomatiya-cherez-obrazovanie-obshestvo-belorusskogo-yazyka-im-franciska-skoriny> (дата посещения: 30.08.2023).

² В Белоруссии ликвидировали старейшую русофобскую организацию «ТБМ» // Красная весна. – Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/news/d9af3972> (дата посещения: 30.08.2023).

³ В ЕС могут разработать единый план по защите белорусского языка и культуры // Еўрапейская. – URL: <https://europeanbelarus.org/2023/05/17/311474.html> (дата посещения: 28.08.2023).

ным медиа поддерживает оппозиционные радиостанции, в частности Радио «Свободу» (признано МВД Беларуси «экстремистским формированием»). «Свобода» имеет белорусскоязычный сайт, публикует посты русофобского содержания и поддерживает Светлану Тихановскую¹.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о неоднозначности состава акторов, претендующих на более широкое распространение белорусского языка. Этот вопрос не ограничивается рамками политического противостояния правительственного и оппозиционного националистических дискурсов, имея под собой также экономическую заинтересованность части белорусских производителей, ориентированных на национальный рынок. Более крупные коммерческие организации могут видеть преимущества в использовании более распространенных языков (английский или русский), открывающих выход на международный рынок. Результаты языковой политики на территории Белоруссии, равно как и стремления популяризаторов к более широкому употреблению национального языка, вызывают сомнения, так как ни одна языковая инициатива не показала должной эффективности. Белорусский язык продолжает находиться в составленном ЮНЕСКО списке исчезающих языков². Как показывает практика постсоветских республик, при наличии длительных периодов доминирования определенного языка (в данном случае русского), социальные и культурные стереотипы могут препятствовать активному продвижению национального языка, так как многие предпочитают использовать общеупотребимые языковые конструкции, считая их более удобными для бытового общения. Так формируется социокультурная инерция, являющая собой серьезную проблему для усвоения новых поведенческих стереотипов.

¹ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting // US DEPARTMENT of STATE. – Режим доступа: <https://www.state.gov/2022-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting-2/> (дата посещения: 23.09.2023).

² World Atlas of Languages // UNESCO WAL. – Режим доступа: <https://en.wal.unesco.org/> (дата посещения: 30.08.2023).

Причины отказа от политики мобилизованного лингвизма

Доминирование правительственного дискурса в постсоветской Белоруссии определило политику отказа от использования мобилизованного лингвизма в качестве средства национального строительства, несмотря на явное тяготение к нему в первое время. Политика мобилизованного лингвизма, подразумевающая вытеснение русского языка, тесно связана с выраженной антироссийской риторикой, в результате чего помимо вытесняющей языковой политики производился возврат к символике белорусского сепаратизма. Так, Е.А. Бикетова не без основания считает, что вплоть до 1994 г. национальная консолидация Белоруссии выстраивалась по принципу противопоставления российской государственности [Бикетова, 2015].

Еще 26 января 1990 г. был принят закон «О языках в Белорусской ССР», статья 2 которого определяла белорусский язык в качестве единственного государственного языка¹. После получения страной независимости в 1991 г. внутренняя политика властей под руководством Станислава Шушкевича была направлена на восстановление мифо-символического комплекса Великого княжества Литовского, с одной стороны, и Белорусской Народной Республики – существовавшего на протяжении непродолжительного времени государства, провозглашенного в 1918 году, – с другой. Посредством учреждения новых государственных символов была сделана попытка укрепить историческую преемственность, основанную на противопоставлении независимого национального государства периоду советской союзной республики. 19 сентября 1991 г. Верховный совет Республики Беларусь принял постановление № 1090-XII «О Государственном флаге Республики Беларусь», в результате чего государственным флагом стал Бело-красно-белый флаг². Немногим позже было принято постановление

¹ Гражданские движения в Белоруссии. Документы и материалы. 1986–1991. (Общеакадемическая программа «Человек. Наука. Общество»). Серия: «Национальные движения в СССР». Ответственный редактор серии М.Н. Губогло. – М.: ЦИМО, 1991. – 325 с.

² Закон Республики Беларусь от 19.09.1991 №1090-XII «О Государственном флаге Республики Беларусь» // Белзакон.net. – Режим доступа: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/1994/2103 (дата посещения: 29.08.2023).

№ 1086-XII от 19.09.1991. «О Государственном гербе Республики Беларусь», согласно которому в качестве герба учреждался древний герб «Погоня»¹. Справедливости ради стоит сказать, что данные постановления были приняты Верховным советом без учета мнения населения и не имели под особой широкой народной поддержки. По итогам референдума, инициированного президентом Лукашенко в 1995 г., 83,2% проголосовавших высказались за придание русскому языку равного статуса с белорусским, а 75,1% высказались за предложение об установлении новых флага и герба². Таким образом, политика мобилизованного лингвизма и культурного обособления от периода советской республики была оставлена.

Относительная непопулярность белорусского языка и проводимый курс на евразийскую интеграцию определили сдержанность Белоруссии в вопросах языковой политики, которая была отодвинута на второй план по прагматическим соображениям. Рассуждая о причинах восточной ориентации Белоруссии, А. Шурубович говорит о ряде факторов, включающих сильную зависимость белорусской экономики от России и враждебное отношение Европы, выражающееся во введении антибелорусских санкций [Шурубович, 2014]. Также нельзя не упомянуть в качестве значимого фактора личную симпатию президента Лукашенко к Российской Федерации. В условиях высокой централизации и неразвитости демократических институтов фактор личностной предрасположенности национального лидера играет значительную роль в определении основных направлений внешней политики. Курс на евразийскую интеграцию закреплён во многих документах Республики, включая Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития и Конвенцию национальной безопасности [Шурубович, 2014]. Таким

¹ Закон Республики Беларусь от 19 сентября 1991 г. №1086-XII «О Государственном гербе Республики Беларусь» // Белзакон.net. – Режим доступа: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/1994/2104 (дата посещения: 29.08.2023).

² Протокол Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов Об итогах голосования на республиканском референдуме, который проводился 14 мая 1995 года в соответствии с постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 13 апреля 1995 года №3728-XII // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/archive-referenda-1995-post.pdf> (дата посещения: 29.08.2023).

образом, сохранение статуса русского языка на территории Белоруссии является не только вопросом межэтнического согласия, но и залогом экономической безопасности государства.

Изначальная слабость белорусского национализма связана с несущественностью базовых этнических категорий, которые бы разделяли белорусов и русских. Культурная близость с Россией определила фактическое отсутствие реакции со стороны широких слоев населения на националистические призывы белорусской интеллигенции, несмотря на существенные предпосылки этнической мобилизации в 1990-е годы. Возрастание этнического фактора в самоопределении человека может также являться следствием тяжелой экономической ситуации. Обращение индивида к этнической идентичности обеспечивает ощущение безопасности и определенности на основе неизменных культурных категорий. Подобное стремление индивида стать частью группы в кризисные периоды неоднократно описывалась Эрихом Фроммом. Тем не менее Белоруссия смогла избежать выраженной этнической мобилизации и, как уже говорилось, во многом благодаря выбранному курсу экономической интеграции.

Результаты отказа от мобилизованного лингвицизма

По прошествии определенного времени после обретения страной независимости можно сделать вывод, что национальное самоопределение граждан республики остается не просто противоречивой, но остросоциальной темой. Беспорядки, прошедшие в Белоруссии в 2020 г., показали выраженную конкуренцию проектов национального строительства. Часть населения Белоруссии выступает за сохранение пророссийской ориентации страны в вопросах культурного и экономического развития, в то время как другие граждане стремятся выстраивать национальную идентичность на основе европоцентричного мифо-символического комплекса. Политический кризис в Белоруссии выходит далеко за пределы вопроса о власти, активизируя глубинные противоречия белорусского общества и возбуждая полемику вокруг традиционных для данной местности вопросов «кто мы?» и «с кем мы?».

Белорусский язык не является государствообразующей единицей, несмотря на важную роль в поддержании культурного

своеобразия белорусского этноса. Также стоит отметить низкую ценность белорусского языка в деле обеспечения гражданской коммуникации. Абсолютное большинство населения использует русский язык в качестве средства повседневного общения, а незнание белорусского языка не подразумевает каких-либо ограничений на представителей этноязыковых меньшинств.

Политика мобилизованного лингвизма не прижилась на территории Белоруссии, несмотря на выраженное стремление Шушкевича к национальной консолидации вокруг символов независимости, к коим традиционно относится государственный язык. Выраженная пророссийская ориентация президента Лукашенко при одновременном игнорировании вопросов развития белорусского языка используется внесистемной оппозицией в качестве аргумента против правительственного дискурса. Сторонников равенства русского и белорусского языков незаслуженно обвиняют в отсутствии патриотизма, пытаясь придать антироссийский контур белорусской идентичности. Представленные противоречия национального строительства могут привести к разным результатам. В связи с этим было бы опрометчиво заявлять об окончательном уходе мобилизованного лингвизма из белорусской политики, так как он может в любой момент возродиться в качестве политического инструмента в руках радикальных националистов.

A.V. Mitrofanova, I.A. Skorina, V.V. Taruntaeva*
Rejection of the mobilized linguicism policy
and the Belarusian national identity

Abstract. Mobilized linguicism is a tool for constructing national identity by giving the language of the titular nation the character of a fundamental integrating unit. In practice, the implementation of such a policy implies the exclusion of other languages and erects institutional barriers to the political participation of national minorities. On the territory of Belarus, the policy of mobilized linguicism was not recognized by the citizens of the republic, so the government of President Lukashenko

* **Mitrofanova Anastasia**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: avmitrofanova@fa.ru; **Skorina Ivan**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: ivanskorinatr@mail.ru; **Taruntaeva Varvara**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: t-varvara-1679@yandex.ru

took a course to abandon this practice. The phenomenon of mobilized linguicism revealed by M.N. Guboglo has a great importance for the development of national self-consciousness on the territory of the post-Soviet republics. In this article, the authors substantiate the refusal of the government of Belarus from the policy of mobilized linguistics and the contradictions of the Belarusian nation-building. Such a contradiction is ensured by the existence of two opposite directions of Belarusian nationalism, differing in terms of cultural continuity. The governmental discourse of nation-building insists on the Soviet continuity of the Republic of Belarus, its rejection of the policy of ethnic restrictions and suppression of the cultural development of other nations. The discourse used by the Belarusian opposition perceives the Belarusian nation as the heir to the European tradition based on the historical continuity of the Grand Duchy of Lithuania. In this regard, the desire to use mobilized linguistics is often found among supporters of oppositional discourse as an instrument of cultural homogenization. The article analyzes the features of the language policy in the territory of post-Soviet Belarus and draws conclusions regarding the effectiveness of the policy pursued in the field of constructing the Belarusian national identity.

Keywords: Republic of Belarus; mobilized linguistics; language policy; language; nation; nationalism; national identity.

For citation: Mitrofanova A.V., Skorina I.A., Taruntaeva V.V. Rejection of the mobilized linguicism policy and the Belarusian national identity. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 210–232. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.08>

References

- Achkasov V.A. Language as an instrument of “Nation Building”: the post-Soviet context. *Political science (RU)*. 2011, N 1, P. 204–218. (In Russ.)
- Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow: «KANON-press-C», «Kochkovo pole», 2001, 288 p. (In Russ.)
- Arts W. Halman L. National identity in Europe today: what the people feel and think. *International journal of sociology*. 2006, N 35(4), P. 69–93.
- Barinov I.I. Belarusian national culture and the debate around it in modern Belarus. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2022, N 5, P. 151–162. (In Russ.)
- Beketova E.A. The adoption of new state symbols by the Republic of Belarus and the formation of the Belarusian identity (1991–1995). *Izvestiya Altai State University*. 2015, N 2, P. 221–225. (In Russ.)
- Gellner E. *Nations and Nationalism*. Moscow: Progress, 1991, 319 p. (In Russ.)
- Guboglo M.N. *Languages of ethnic mobilization*. Moscow: School “Languages of Russian culture”, 1998, 816 p. (In Russ.)
- Linz J.J. Stepan A. *Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe*. Baltimore and London: JHU Press, 1996, 479 p.
- Mitrofanova A.V. The Crystal vessel of ideology or the Belarusian project. *An inviolable reserve*. 2006, N 3, P. 133–144. (In Russ.)

- Mitrofanova A.V. The language policy of the post-Soviet states against the background of global processes. In: Ganina E.V., Chumakov A.N. (eds). *Language problems in the global world*. Moscow: Prospekt, 2016, P. 175–185. (In Russ.)
- Shimov V.V. The All-Russian idea against Belarusian nationalism: options for national self-determination of Belarusians. *Orthodoxy*. 2021, N 2, P. 179–204. (In Russ.)
- Shurubovich A.V. *Eurasian integration in the perception of Belarusians. Russia and the new States of Eurasia*. 2014, N 1 (22), P. 9–25. (In Russ.)
- Urban D. The Belarusian Dream. A study of the national identity of opinion leaders and social activists in Belarus. *BEROC Working Paper Series N 68*. 2020, 15 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
- Ачкасов В.А. Язык как инструмент «Строительства нации»: постсоветский контекст // Политическая наука. – 2011. – № 1. – С. 204–218.
- Баринов И.И. Белорусская национальная культура и дебаты вокруг нее в современной Беларуси // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 5. – С. 151–162.
- Бикетова Е.А. Принятие новой государственной символики Республикой Беларусь и формирование белорусской идентичности (1991–1995 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 221–225.
- Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.
- Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – 1-е изд. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 816 с.
- Митрофанова А.В. Хрустальный сосуд идеологии, или Белорусский проект // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 3. – С. 133–144.
- Митрофанова А.В. Языковая политика постсоветских государств на фоне глобальных процессов // Проблемы языка в глобальном мире / под ред. Е.В. Ганиной, А.Н. Чумакова. – М.: Проспект, 2016. – С. 175–185.
- Урбан Д. Белорусская мечта. Исследование национальной идентичности лидеров мнений и социальных активистов Беларуси. – BEROС WP N 68, 2020. – 15 с.
- Шимов В.В. Общерусская идея против белорусского национализма: варианты национального самоопределения белорусов // Ортодоксия. – 2021. – № 2. – С. 179–204.
- Шурубович А.В. Евразийская интеграция в восприятии белорусов // Россия и новые государства Евразии. – 2014. – № 1(22). – С. 9–25.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

С.К. КАЛАШНИКОВА, М.Я. ПОГОДИНА*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:

ГОРОД, АГЛОМЕРАЦИЯ, РЕГИОН¹

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы формирования территориальной идентичности. Проанализированы работы последних лет, исследующие экономические и политические факторы, этнический и ревизионный компоненты формирования идентичности, роль политики идентичности в электро-ральных процессах. В контексте развития территорий отдельная часть работы посвящена, во-первых, понятийным вопросам, то есть оценке существующих терминов, обозначающих различные территориальные образования (город / регион / агломерация / метрополия). Во-вторых, подняты проблемы экономической и социальной интеграции, консолидации жителей, политического доверия к новым возникающим политико-управленческим структурам. Выявлен корпус релевантных методик, используемых в данной области. Одним из наиболее распространенных методов изучения идентичности остаются массовые опросы жителей, позволяющие определить пространственные границы идентичности в агломе-

* **Калашникова Софья Константиновна**, аспирант факультета политологии, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: sofyakalashnikova15@gmail.com; **Погодина Мария Ярославовна**, стажер-исследователь факультета политологии, СПбГУ; аналитик, ООО «Яндекс Крауд» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: mariiapogodina@gmail.com

¹ Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта N 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта».

© Калашникова С.К.,
Погодина М.Я., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.01.09

циях. Метод кейс-стади используется в контексте изучения связи организаций гражданского общества и политики идентичности. Для изучения различных уровней идентичности (общенациональная, агломерационная, региональная, локальная) и степени их выраженности используется регрессионный анализ на основе данных массовых опросов. Кроме того, приводятся примеры исследований, ориентированных на выявление муниципальной и межмуниципальной территориальной идентичности. Также с помощью анализа текстов СМИ и социальных сетей выявляются различные дискурсивные практики, используемые для актуализации определенных компонентов идентичности. Кросс-национальные сравнительные исследования остаются одним из значимых современных методов изучения территориальной идентичности жителей городов. Исследователи анализируют факторы интеграции жителей агломераций, их идеологические установки, знания о городском управлении, осведомленность о реформах. Приведены некоторые примеры влияния международных отношений и конфликтных состояний на изменение национального дискурса политики идентичности.

Ключевые слова: политика идентичности; региональная идентичность; территориальная идентичность; исследования идентичности; политика идентичности в агломерациях.

Для цитирования: Калашникова С.К., Погодина М.Я. Методологические проблемы современных исследований территориальной идентичности: город, агломерация, регион // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 233–258. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.09>

Постановка исследовательского вопроса

Согласно представлениям З. Баумана, «текучая» современность формирует новые вызовы для концепции идентичности как таковой. Неустойчивость сообществ, высокая мобильность населения, быстрая трансформация жизни, доступное разнообразие как результат глобализации диктуют новые условия, в которых «идентичность открывается нам только как нечто, что нужно изобрести, а не обнаружить»¹. «Изобретение» идентичности во многом синонимично понятию «политика идентичности». В данной работе под «политикой идентичности» мы понимаем «деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, формированию общих ценностей, развитию групповых солидарностей» [Современная политическая наука..., 2019, с. 454].

¹ Bauman Z. Interview: Identity // Psychology Press. – 2005. – Mode of access: <https://adrian-wong.com/Bauman-Identity> (accessed: 15.07.2023.)

Продолжая традиции конструктивизма, в современной академической интерпретации идентичность может рассматриваться как «продукт воображения, конструируемый при помощи различного рода дискурсивных практик». Ведущая функция идентичности – упорядочивание содержания социальной реальности, в основе которого лежат механизмы разграничения и отождествления [Мартьянов, 2011].

Целью данной статьи является выявление наиболее актуальных современных подходов к изучению процессов формирования территориальной идентичности для таких пространственных образований, как город, агломерация и регион. Акцент делается на эмпирический опыт современных исследований и основные проблемы в рамках изучения территорий разного типа. Данная тематика крайне актуальна как для зарубежных, и для отечественных исследователей. Более 20 лет назад к ней обратился Р.Ф. Туровский, один из первых российских политологов, поставивших исследовательский вопрос о поиске адекватной методологии анализа территориальной (региональной) идентичности в рамках политологических исследований. В области изучения региональной идентичности и политики идентичности в субъектах страны следует отметить работы таких исследователей, как В.Д. Бедерсон, Е.В. Головнева, А.А. Гончарик, Д.С. Докучаев, М.П. Крылов, Е.В. Морозова, М.В. Назукина, О.В. Попова, Л.В. Сагитова, И.С. Семененко, Л.В. Смирнягин, Е.Ю. Цумарова.

Направления исследований территориальной субгосударственной политики идентичности

В фокусе внимания исследователей в последние годы находятся не только акторы политики идентичности и их цели, но и динамика процессов трансформации идентичности. Неразрешенной остается проблема деструктивного влияния политики идентичности, особенно в случае укрепления этнического компонента. В ряде зарубежных исследований последних лет преобладание религиозного и этнического компонента в матрице идентичности рассматривается в качестве потенциально конфликтогенного явления, препятствующего консолидации населения [Hansen et al., 2020; Kabir, 2020].

В своей работе М. Лилла рассматривает современный либерализм и его проблемы в контексте идентичности [Lilla, 2018]. Автор утверждает, что фокус на идентичности и групповых правах стал проблемой для многих либералов, поскольку это приводит к обострению расовых, этнических и культурных различий, а не к их преодолению. М. Лилла считает, что либерализм должен ориентироваться на универсальные принципы и права, а не на групповую принадлежность. Он предлагает пересмотреть либеральный подход и перейти к единству и равенству, которые позволят обществу достигнуть более справедливого и равного будущего. Ключевой аргумент автора заключается в том, что американские либералы с 1970-х годов по настоящее время все больше склоняются к тому, чтобы делать акцент на политике идентичности, что, в свою очередь, приводит их к негативным последствиям. В отличие от них, либералы периода 1930–1950-х годов делали упор на «гражданский либерализм», основанный на концепции общей гражданственности и связанной с ней приверженности экономической социальной справедливости.

Для автора несомненными остаются достижения более ранней формы политики идентичности, например, движения за гражданские права, цель которого заключалась в признании борющейся группы полноправными американскими гражданами. Однако, по мнению исследователя, в 1970-х и 1980-х годах акцент политики идентичности сместился с «идентификации с гражданами демократической страны США» на «идентификацию с различными социальными группами внутри страны».

По мнению ряда ученых, концепция политики идентичности, трансформируясь, становится инструментом популистской риторики [Lefaan, 2021; Anderson, 2019]. Политики, стремясь установить прямую связь с «народом», формируют определенный дискурсивный призыв к конкретной социальной / этнической / религиозной группе, который исключает значительную часть населения в целом. Раздробленный «либерализм идентичности» (the fractious «identity liberalism») оценивается как вызов современной либеральной идеологии и концепции общегражданской идентичности [Fukuyama, 2018].

В зарубежных работах большое внимание уделяется экономическим факторам, которые оказывают существенное влияние на формирование региональной идентичности. Группа авторов,

анализируя кейс Эфиопии, демонстрирует, как крупные проекты (например, ГЭС «Плотина великого возрождения Эфиопии») могут помочь выработать общее мировоззрение для регулирования противоположных политических траекторий развития страны и консолидировать полиэтническое население [Assefa, Gedifew, 2021]. Возможности выстраивания баланса между региональным и национальным компонентами идентичности детально описываются в одном из последних исследований латиноамериканских авторов, которое базируется на анализе 136 научных публикаций по данной теме [Montoya, 2021].

Основной проблемой территориальной региональной идентичности является ее двойственный характер. Конструирование идентичности, с одной стороны, призвано способствовать объединению различных групп или встраиванию региональной идентичности в национальную, но с другой стороны, может стать катализатором сепаратистских настроений. Г.Я. Миненков отмечает, что в центре политики идентичности всегда находится нарратив различия [Миненков, 2005]. Данная идея относится к философским истокам интереса к проблемам идентичности. Знаменитый российский философ М.М. Бахтин одним из первых в мире, опираясь на собственную экзистенциальную модель, утверждал, что для целостного познания всегда необходим Другой: само бытие человека есть постоянный, непрерывный диалог с Другим [Бахтин, 2017].

По мнению Г.И. Макаровой, в современной академической трактовке региональных идентичностей можно зафиксировать наличие двух базовых подходов: объективистского и субъективистского [Макарова, 2017]. Первый связан с фокусировкой на объективно сложившейся социально-территориальной структуре и соответствующей общности жителей конкретного региона, которая формируется стихийно. Субъективистский взгляд ориентируется на целеполагание этих процессов: региональная идентичность намеренно конструируется в ходе социального взаимодействия при особой роли элит. Важно отметить, что данные модели не следует противопоставлять друг другу, так как даже при ведущей роли политических акторов в формировании региональной идентичности исключить значимость социокультурных факторов не представляется возможным.

Некоторые авторы рассматривают преимущества формирования региональной идентичности в рамках инструментального

подхода: устойчивая территориальная идентичность становится базовым условием для развития региона; необходимым ресурсом, обеспечивающим «конкурентоспособность» субъекта [Назукина, 2018].

Часто основным интересантом актуализации повестки, связанной с этнической и религиозной идентичностью, становятся политические институты, которые стремятся использовать ресурс идентичности отдельных групп для политической борьбы. Так, отдельный блок зарубежных исследований посвящен роли политики идентичности в электоральных процессах в разных странах [Schlegel, 2021; Fiorina, 2021; Lefaan, 2021; Hijino, Vogt, 2021]. В этой области авторы используют методы моделирования политических процессов для выявления механизмов разрешения межгрупповых конфликтов в ходе электоральной борьбы [Grossman, Helpman, 2021; Karakas, Mitra, 2021; Besley, Persson, 2021].

Для отечественной политологии актуально рассмотрение деятельности политических институтов в контексте политики идентичности как определенного политического курса («identity policy») на общероссийском и региональных уровнях. Политическая элита наделяется субъектностью в формировании определенной модели идентичности населения в противовес классической западной концепции identity politics, где акторами процесса являются социальные группы, осуществляющие политическую борьбу за признание. Концепция identity policy позволяет расширить поле для исследования вопросов эффективности государственной политики идентичности на разных уровнях. Таким образом, выбор той или иной позиции определяет дальнейшую методологию исследования в том числе и территориальной идентичности [Попова, 2020].

В контексте территориальной идентичности и развития агломераций на первый план выходят вопросы экономической и социальной интеграции, консолидации жителей ядра агломерации и прилегающих территорий, а также политического доверия к новым возникающим политико-управленческим структурам [Montoya, 2021]. В зарубежной научной литературе существует как минимум три близких по смыслу термина, обозначающих агломерации разного структурного типа, размера и плотности: city-region, agglomeration и metropolitan. Все эти понятия связаны с городскими территориальными образованиями, но имеют различные значения и контексты использования.

City-region – это территория вокруг города, которая имеет глубокую экономическую и социальную интеграцию с ним. В город-регион входят не только города и пригороды, но и близлежащие сельские районы, которые тесно связаны с городом через транспортные, экономические и социальные связи.

Metropolitan – это огромный город, который включает в себя несколько городов и пригородов. Он является центром крупной агломерации, обладая мощной экономикой, инфраструктурой и культурой. Территория мегаполиса может быть распределена на несколько регионов, каждый из которых имеет свои характерные особенности.

Agglomeration – это более урбанизированная территория, которая включает в себя консолидированные городские области с плотным заселением, транспортными магистралями и инфраструктурой. Термин *agglomeration* часто описывают как группу городов и муниципалитетов, расположенных на относительно небольшой компактной территории, которые тесно связаны между собой экономически и социально. Это понятие обычно используется для описания урбанистических образований с высокой плотностью населения и экономической активностью.

Метод кейс-стади, который основывается на детальном анализе конкретного случая, представляющего интерес для исследования, также активно применяется в изучении политики идентичности и территориальной идентичности. Стоит отметить, что метод кейс-стади часто используется в контексте изучения связи организаций гражданского общества и политики идентичности [Bösch, 2020]. Коллектив немецких ученых эффективно применил данный метод для оценки «объединительного» потенциала территориальной идентичности [Hamann, Türkmen, 2020]. Локальная идентичность (*place-based identity*) жителей одного из районов Берлина сформировалась в ходе борьбы за доступное жилье (инициативная группа Kotti & Co). Авторы отмечают, что такой тип «сообществ борьбы» (*communities of struggle*) предлагает принципиально иной тип идентичности в противовес традиционным формам этнической, религиозной, гендерной идентичности, стирая границы сообществ для достижения общей цели. Подчеркивание групповых отличий отходит на второй план, уступая место культурному разнообразию и солидарности как основной ценности такого типа сообществ. Открытым остается вопрос устойчивости

идентичности такого типа, а также пределов мобилизации «сообществ борьбы».

Исследование дискурса является отдельным направлением в рамках изучения символической политики в целом и политики идентичности в частности. Использование различных дискурсивных практик для разделения общества с помощью актуализации определенных компонентов идентичности подробно описано коллективом авторов из Индии и Саудовской Аравии [Alam, 2021]. Также в качестве метода активно используется анализ текстов новостей в СМИ и в социальных сетях для изучения феномена постправды в контексте политики идентичности: фокус авторов направлен на изучение преднамеренных искажений представлений об идентичности в СМИ [Yaya Sawitri, Nyoman Wiratmaja, 2021]. Изучаются также стратегии изменения дискурса идентичности во время и после кризисных событий. Например, Катарский дипломатический кризис (2017–2021) стал значимым событием для публичного переосмысления персидской (khalījī) идентичности катарцев. На примере новой экспозиции в Национальном музее Катара, посвященной политической истории страны, Дж. С. Митчелл изучает использование опыта прошлого для интерпретации происходящих сегодня событий, а именно проведение лингвистических и символических параллелей между конфликтами второй половины XIX века (признание независимости Катара) и недавним кризисом [Mitchell, 2021]. В процессе проведения этнографических интервью с кураторами, представителями академического сообщества и посетителями выставки, автор фокусируется на изучении эмоционального отклика, который вызывает у посетителей увиденное. Несмотря на по-прежнему сильные ориентации катарцев на транснациональную интеграцию, Дж. С. Митчелл приходит к выводу, что беспрецедентный конфликт негативно повлиял на уровень общественного доверия и ослабил концепцию «братских народов» в регионе.

В рамках исследуемой темы существует еще несколько более узких исследовательских фокусов: анализируются роль многонациональных корпораций как акторов политики идентичности [Vaara, Tienari, Kovesnikov, 2021], вопросы колониального наследия и его влияния на строительство и перестройки идентичности [Purdeková, Mwambari, 2022], политический консьюмеризм как форма политики идентичности [Wong, Kwong, Chan, 2021], поли-

тика идентичности и ее особенности при разных политических режимах [Wajner, Roniger, 2019].

Агломерация: между региональной и локальной идентичностью

Говоря о степени устойчивости территориальных форм идентичности, авторы обращают внимание не только на темпоральные характеристики, но и на пространственные границы идентичности. Это особенно актуально в рамках изучения политики идентичности в агломерациях. Именно эти территориальные системы в большей степени отражают урбанизационные и глобализационные тренды. Территориальная идентичность в агломерациях формируется на стыке региональной и локальной идентичности. В разных частях агломерации для жителей будет характерен свой баланс этих компонентов в зависимости от ряда факторов. Однако необходимость интеграции и консолидации населения в агломерациях, снижения социальной напряженности, формирования доверия к местным и региональным органам власти делают политику идентичности важной частью управленческой повестки в целом. В связи с этим интересным представляется исследование, посвященное политике идентичности и демократизации в четырех агломерациях Швейцарии [Kübler, 2016]. Автор ставит перед собой ряд исследовательских вопросов. Каковы границы территориальной идентичности жителей городов-регионов (выбор между региональной и локальной идентичностью)? Есть ли у граждан чувство принадлежности к определенному сообществу на уровне города-региона? Как жители этих территорий относятся к органам власти разного уровня? В поиске ответов на эти вопросы автор использовал микс-методику, совмещаая анализ результатов массового опроса жителей швейцарских агломераций и анализ социально-демографических статистических данных по тем же территориям. На основании полученных данных автором были построены регрессионные модели. Один из выводов автора заключается в том, что в случае сильной ориентации жителей пригородов на центр агломерации и доминирование региональной идентичности над локальной, деятельность органов местного управления оценивается респондентами как малозначительная и неудовлетворительная. Таким

образом, возникновение ориентаций на центр агломерации угрожает легитимности органов власти муниципального уровня.

Изучая вопросы интенсификации региональной идентичности и факторов, влияющих на эти процессы, коллектив британских авторов комбинирует экспертный опрос и методику кейс-стади для изучения формально определенных и «представляемых» границ городской агломерации Шеффилд (входит в Йоркшир и Хамбер, восточный регион Англии) [Gherhes, Hoole, Vorley, 2023]. Проблема актуализируется в связи с происходящими в стране и в регионе процессами деволюции: передачи полномочий из компетенции центральных властей в ведение региональным органам государственной власти (в данном случае, на уровень городской агломерации) [Hoole, Hincks, 2020]. Методологически авторы опираются на предложенную в статье *New localities* [Jones, Woods, 2013] концепцию разделения «материального» (административного) измерения региона («социальные, экономические и политические структуры и практики, которые целенаправленно сформированы вокруг места») и «воображаемой» целостностью региона («чувство идентичности с местом и принадлежности к сообществу, которое способствует осуществлению коллективных действий»). Данные эмпирического исследования показывают, что формирование агломерации не находит поддержки у местных сообществ. Более того, представители некоторых небольших городов чувствуют себя «скованными» нарративом города-региона, к которому, по их мнению, они не принадлежат. В то же время в некоторых районах административной агломерации сохраняется региональная йоркширская идентичность, отражающая устойчивость регионального сознания. Авторы также говорят о рисках асимметричности «материального» и «воображаемого» региона, среди которых замедление темпов регионального развития, рост социальной напряженности и возможная легитимизация политических претензий на территориальную автономию.

Локальная идентичность может быть оценена как более открытая и доступная по сравнению с национальной¹. А. Лидсторм, изучая локальную «гражданственность» жителей городов-регионов Швеции, разрабатывает типологию, включающую три варианта ориентации: столичная, межмуниципальная и муниципальная

¹ Identity and Belonging // In *Somalis in European Cities*. – 2015. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/resrep27092.5> (accessed: 17.07.2023.)

(metropolitan, intermunicipal, municipal) [Lidström, 2015]. Интерес представляет особый тип межмуниципальной ориентации, выделенный автором. В этом случае человек может считать одновременно значимыми несколько муниципальных образований: например, в одном городе он живет, а в соседнем работает или часто проводит свободное время. «Гражданственность» в контексте изучения городов-регионов понимается автором как совокупность трех компонентов: принадлежность к сообществу, наличие определенных прав и обязанностей, возможность участвовать в общественных делах этого сообщества [Lidström, Schaap, 2018]. Во многом предложенный термин созвучен концепции политической идентичности. Автор отмечает, что не стоит забывать и о четвертом варианте локальной ориентации – ее отсутствии. По итогам проведенного массового опроса жителей двух шведских городов-регионов, А. Лидстром выделяет несколько факторов, которые влияют на формирование ориентации определенного типа: уровень гражданских инициатив и добровольческих движений, территориальная идентичность и степень интеграции в общей системе агломерации.

Говоря о небольших территориальных образованиях, актуальным представляется взгляд Р. Ф. Туровского на категорию «поселение» в политической науке [Туровский, 2019]. Автор говорит о трех подходах к рассмотрению: поселение как локальная административно-территориальная единица, обладающая классическим набором признаков формального региона; поселение как локальное политическое сообщество, где процессы формирования на территории определенных политических интересов могут быть не связаны с административными границами; поселение как локальный политический режим. В последнем случае исследовательский фокус направлен на выявление локальных политических акторов, их стратегий и интересов.

Процессы интеграции внутри агломерации длительное время рассматривались сквозь призму материальных интересов жителей территорий (1980–1990-е годы), оставляя за скобками социопсихологические факторы [Strebel, 2020]. Современные исследования во многом фокусируются на анализе таких когнитивно-эмоциональных факторов интеграции как территориальная идентичность жителей города-региона, их идеологические установки, знания о городском управлении и осведомленность о реформах, направленных на интеграцию. В этой области наиболее масштабным представляется

исследование швейцарского политолога М.А. Стребеля, который обобщил данные онлайн-опроса 5000 респондентов из восьми мегаполисов Франции, Германии, Швейцарии и Великобритании.

Общие выводы автора заключаются в том, что сильная локальная (муниципальная) идентичность и поддержка националистических партий формируют отрицательное отношение к агломерационной интеграции, а такие когнитивные факторы как знание о политике в городе-регионе и доверие к местным органам власти, наоборот, связаны с позитивным восприятием интеграционных процессов. Для повышения уровня одобрения реформ по управлению агломерацией следует учитывать социальную идентичность граждан, предоставлять достаточную информацию об управленческих изменениях и вовлекать граждан в процесс реформирования политических институтов. Кроме этого, Стребель исследует влияние уровня будничной мобильности граждан на их отношение к интеграционным процессам. Однако автор приходит к выводу, что этот фактор не является значимым, равно как и фактор материальной заинтересованности респондентов. Технократический политический дискурс и излишнее фокусирование на экономических показателях эффективности при управлении агломерацией не позволяют в полной мере учитывать вышеперечисленные факторы при принятии политических решений. Кроме того, сильная корреляция между доверием к местным органам власти и поддержкой агломерационной интеграции указывает на важную роль демократических процессов для реализации легитимных реформ управления метрополиями.

В поисках обобщенной теоретической модели для понимания территориальной и гражданской идентичности жителей городов-регионов А. Лидстром анализирует итоги 11 эмпирических исследований, посвященных этой проблеме (агломерации Грузии, Германии, Норвегии, Польши, Испании, Швеции и Швейцарии с 2001 по 2013 г.) [Lidström, Schaap, 2018]. Автор приходит к выводу, что ориентация жителей на агломерацию сильнее выражена в больших и более «раздробленных» (фрагментированных) городах-регионах. Жители пригородов, как правило, имеют более сильные межмуниципальные ориентации, а те, кто живет в центральном городе агломерации, позитивнее относятся к интеграционным реформам. Автор также считает, что факторы вовлеченности и участия жителей в управлении агломерацией способствуют процессам интеграции. Однако для проведения полноценного сравнительного

исследования необходима разработка единой стандартизированной анкеты для сбора данных.

На данный момент наличие определенных управленческих структур на уровне агломерации является скорее исключением, чем общепринятой практикой. В связи с этим интерес представляет кейс Барселонской агломерации Metropolitan Area of Barcelona (MAB) [Vallbé, Magre, Tomàs, 2015]. Одной из ключевых задач исследования являлось изучение и сопоставление агломерационной и муниципальных (локальных) идентичностей жителей MAB. В ходе опроса респондентам предлагалось оценить уровень своей принадлежности к Барселонской агломерации по 10-балльной шкале. Один из выводов авторов заключается в том, что жители больших городов и центрального города демонстрируют более высокий уровень идентификации с агломерацией, чем жители городов с населением менее 20 000 человек. Уровень осведомленности о происходящем в MAB также позитивно влияет на степень агломерационной идентичности.

Значимость критерия осведомленности также отражена в исследовании М. Волтер-Рогг, посвященном агломерационной идентичности жителей Штутгарта и его окрестностей (Greater Stuttgart Region (GSR)) [Walter-Rog, 2018]. Методологически исследование опирается на концепцию политической культуры, где политические установки могут включать когнитивный, оценочный и аффективный компоненты. Автор опирается на заключение Д. Истона о том, что знание о политическом сообществе в сочетании с положительной оценкой и поддержкой политического курса приводит к развитию устойчивой поддержки политического сообщества и, следовательно, к созданию общей политической культуры. М. Волтер-Рогг выделяет четыре возможных сценария развития агломерационной принадлежности: формирование местной идентичности, формирование региональной идентичности, сосуществование двух вышеперечисленных типов идентичности и их тесная связанность между собой, отсутствие какой-либо территориальной идентичности на уровне агломерации.

Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса и статистические данные по изучаемой территории. В результате ученый приходит к выводу, что агломерационная идентичность сильно уступает общенациональной, региональной и локальной идентичности: жители города-региона Штутгарт считают себя, прежде всего, гражданами Германии (88%), жителями региона

(земли) Баден-Вюртемберг (84%) и жителями своего города (82%); в то время как принадлежность к GSR демонстрируют 19% респондентов. Также автор применяет метод логистической регрессии, подтверждая, что жители центрального города демонстрируют более высокую аффективную привязанность к GSR, чем жители прилегающих районов. Тот же вывод был получен испанскими исследователями в Барселоне [Vallbé, Magre, Tomàs, 2016]. Однако М. Волтер-Рогг обращает внимание, что в аналогичных исследованиях в Польше [Lackowska, Mikula, 2015] и Швейцарии [Kübler, 2016] был получен другой результат: в этих случаях принадлежность к городу-региону ниже в центральных городах.

И. Калзада исследует связь между укреплением метрополий и процессами деволюции в регионах, подверженных сепаратизму и этническому национализму (Страна Басков, Каталония, Шотландия) [Calzada, 2018]. Автор связывает требования деволюции и усиление роли агломераций с гражданским национализмом. И. Калзада утверждает, что в выбранных регионах общегородские ценности агломерации сливаются с националистическим дискурсом сообщества, идентичности и политической автономии. Значимой характеристикой агломерации, содержащей риски «метрополизированного национализма», является наличие международных связей на межрегиональном уровне. Автор считает, что некой точкой бифуркации является дискурсивный переход от требования «право на город» к требованию нового уровня «право решать». Сравнивая все три кейса (Бильбао, Барселона, Глазго), автор видит в усилении такого типа агломераций риски роста популярности «прогрессивных» политических партий, возникновение сепаратистских общественных движений и гражданских инициатив.

В контексте исследований региональной идентичности нерешенным остается вопрос понимания самого термина «регион» и его фактических и символических границ [Horobets, 2022]. Для определения этих категорий предлагается соотнести ответы на три принципиальных вопроса: что? административные границы; как? представление о границах; зачем или для чего? территория как политический проект [Davoudi, 2019]. При таком подходе агломерация может быть определена как специфический тип регионального образования.

Британские исследователи предлагают использовать обновленный концепт «мягких пространственных представлений» (soft

space imaginaries) для динамической оценки развития регионов и возможностей стратегического планирования [Hincks, Deas, Naughto, 2017]. При аналитическом удобстве данная модель предполагает перераспределение полномочий и ресурсов на расширяющейся / уменьшающейся территории, что может создать напряженность в отношениях с другими существующими субъектами (особенно с местными органами власти). Поэтому ключевым фактором устойчивого развития территории является корректное формирование политических институтов и управленческих структур на месте. Иллюстрируя данную концепцию, авторы рассматривают пример агломерации Манчестера, где благодаря созданию новых институтов (Ассоциация властей Большого Манчестера) местные власти при поддержке представителей частного сектора смогли разработать стратегии экономического и инфраструктурного развития. Результаты серии экспертных интервью определяют ключевое значение экологического проекта «Бассейн Мерси» в формировании устойчивой системы управления агломерацией: эта кампания способствовала массовой поддержке региональных политических элит в такой степени, которая не соответствовала ее скромным ресурсам и отсутствию официальных полномочий на тот момент. В 2011 г. Объединенное управление Большого Манчестера (GMCA) стало первым городским-региональным органом власти, получившим официальный статус и полномочия в области экономического развития, предоставления государственных услуг, развития транспортной системы. Также на территории реализуется государственный проект по расширению фискальной автономии.

Проблема оптимальной модели управления агломерациями пока остается нерешенной в России. Н.В. Гришин, анализируя зарубежный опыт, говорит о существовании четырех моделей управления городскими агломерациями: объединение муниципалитетов в единое муниципальное образование; двухуровневая модель, при которой на уровне агломерации создается новый надмуниципальный орган управления; модель межмуниципальной кооперации, при которой муниципалитеты создают координационные советы; модель управления агломерацией со стороны регионального уровня власти. Российский подход определяет административная логика: чаще всего управлением агломерацией занимаются региональные органы власти [Гришин, 2023]. Однако сложности возникают, когда агломерация включает в себя населенные пункты других регионов,

например, Московская, Петербургская, Казанская, Краснодарская и др. В некоторых случаях кооперация развивается более позитивно (пример: «Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 года и с перспективой до 2050 года»); в других – менее успешно. Так, в 2018 г. губернатор Краснодарского края Вениамин Кондратьев и глава Адыгеи Мурат Кумпилов заявили о планах создания агломерации. Но уже на старте обсуждения проекта проявились политические риски. Некоторые адыгские активисты вспомнили о прошлых инициативах по включению Адыгеи в состав Краснодарского края и увидели в агломерационном проекте угрозу независимости республики.

В то же время ведутся дебаты о необходимом уровне демократизации для осуществления практик деволюции в агломерационных образованиях. Опыт изучения агломераций Латинской Америки показывает ряд сложностей, с которыми сталкиваются метрополии в переходных демократиях: неспособность управленческих структур на уровне города-региона справляться с административными и экономическими функциями подрывает легитимность этих институтов и способствует хаотизации урбанизационных процессов [Scholvin, 2022].

Методика оценки эффективности политики идентичности в агломерациях

Основываясь на опыте оценки различных аспектов политики идентичности в агломерациях, мы предлагаем использовать интегративный (или комплексный) подход (см табл.). Алгоритм оценки основывался на системе следующих индикаторов: наличие стратегической деятельности политико-административной элиты по формированию определенного типа территориальной идентичности; разработка и реализация различных направлений политики идентичности; информирование и вовлечение жителей агломерации в актуальную для территории политическую повестку; тождественность образа территории и горожан в представлениях властей и жителей города; наличие не только политических, но и социально-культурных практик, их согласованность и непротиворечивость; уровень удовлетворенности жителей агломерации деятельностью властей различного уровня; степень значимости территориальной

(региональной или локальной) составляющей идентичности среди иных компонентов различных видов идентичности (русская, европейская и др.).

Таблица

**Методика оценки эффективности политики
идентичности в агломерациях**

Индикатор	Шкала оценки	Признаки	Метод оценки
1	2	3	4
Наличие стратегической деятельности политико-административной элиты по формированию определенного типа территориальной идентичности	Сильная, средняя, слабая степень	Наличие релевантных государственных программ и других программных документов; характер сети политических институтов, ответственных за реализацию направлений политики идентичности; наличие образа будущего агломерации, предлагаемого властью	Институциональный анализ; качественный контент-анализ текстов документов; глубинные нестандартизированные интервью с экспертами (представители власти, научного сообщества, НКО, гражданские активисты)
Разработка и реализация различных направлений политики идентичности	Сильная, средняя, слабая степень	Массовые городские мероприятия (памятные, исторические даты); конструирование символического пространства агломерации средствами топонимической политики; брендинг территории	Анализ информации сайтов профильных исполнительных органов государственной власти, программных документов и материалов региональных / местных СМИ
Информирование и вовлечение жителей агломерации в актуальную для территории политическую повестку		Осведомленность населения о направлениях деятельности властей по формированию территориальной идентичности; уровень фактического участия и готовности участвовать в различных практиках по сохранению или трансформации окружающей среды	Анализ данных массового онлайн-опроса жителей агломерации; критический дискурс-анализ публичных выступлений политических лидеров
Тождественность образа территории и горожан в представлениях властей и жителей города	Сильная, средняя, слабая степень	Наличие «мы»-образа горожан и образа конкретной территории у разных групп населения и представителей власти; степень схожести этих образов	

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Непротиворечивость политических и социально-культурных практик	Сильная, средняя, слабая степень	Количество и длительность конфликтов между представителями гражданского общества и власти, связанных с различными аспектами территориальной идентичности; наличие механизмов разрешения этих конфликтов	Кейс-стади; глубинные нестандартизированные интервью с экспертами (представители власти, научного сообщества, НКО, гражданские активисты); анализ материалов региональных/местных СМИ
Уровень удовлетворенности жителей агломерации деятельностью властей различного уровня	Сильная, средняя, слабая степень	Политическое доверие разных социальных групп; оценка деятельности региональных политических институтов, районных административных органов и структур муниципально-го уровня жителями территории	Проведение и анализ данных массового онлайн-опроса жителей агломерации; глубинные нестандартизированные интервью с экспертами (представители власти, научного сообщества, НКО, гражданские активисты)
Степень значимости территориального компонента в общей матрице идентичности	Сильная, средняя, слабая степень	Отношение к малой родине; определение себя как жителя конкретной территории, члена территориального сообщества	Проведение и анализ данных массового онлайн-опроса жителей агломерации

Для проверки корректности этого инструментария была проанализирована политика идентичности в 16 российских агломерациях с мегаполисами в качестве основы этих образований. Описанный ниже пример Петербургской агломерации демонстрирует, как сочетание различных эмпирических методов позволяет получать более глубокое понимание вопроса об оценке эффективности территориальной политики идентичности на уровне агломерации.

Первый индикатор оценивается посредством анализа институционального аспекта: наличие релевантных государственных программ и других программных документов (стратегии развития города, агломерации, региона), а также ответственных исполнителей. Кроме формального наличия этих документов, было необходимо учесть мнения экспертов, что было сделано в ходе серии глубинных нестандартизированных интервью. Позиция региональной политической элиты Санкт-Петербурга нашла отражение в государственной программе «Создание условий для обеспечения обще-

ственного согласия в Санкт-Петербурге» и «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года». Единственным документом, который полностью посвящен развитию Петербургской агломерации, является Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 года и с перспективой до 2050 года. Качественные характеристики деятельности политических институтов в этом направлении оцениваются экспертами неоднозначно: *«Должно быть глобальное видение: какой город мы хотим видеть через 15–20 лет? У нас есть стратегия развития города. Она красивая, там правильные слова звучат, но этот документ мало исполняется... Должна быть единая картинка... Каждое направление формирует определенные сроки, механизм контроля»* (м., региональный активист, лидер градозащитного движения).

На территории Петербургской агломерации реализуется несколько направлений политики идентичности (второй индикатор): массовые городские мероприятия (памятные, исторические даты), конструирование символического пространства агломерации средствами топонимической политики, брендинг территории. Широкий спектр государственных инициатив свидетельствует о заинтересованности власти в реализации мер по формированию территориальной идентичности, но стоит отметить интуитивно-стихийный подход административно-политической элиты к этому вопросу. Для сбора данных по второму индикатору может быть собрана информация с сайтов профильных исполнительных органов государственной власти и региональных СМИ.

Для изучения следующих индикаторов (информирование и вовлечение жителей агломерации в актуальную для территории политическую повестку; тождественность образа территории и горожан в представлениях властей и жителей города) авторы применяли несколько методов: проведение и анализ данных массового онлайн-опроса жителей территории [Калашникова, 2022], а также критический дискурс-анализ публичных выступлений губернаторов. Говоря о тождественности образа территории в представлениях властей и горожан, авторы столкнулись со сложностями в выявлении символических оснований для реконструкции того образа, который предлагается политическими лидерами. Жителям демонстрируют инновационный образ будущего города, который осно-

ывається на західних прикладах («високе якість життя», «комфорт»). Однак єдиною активно використовуваною дискурсивною символічною базою для об'єднання жителів залишається риторика Дня Перемоги та блокадного міста.

Наявність не тільки політичних, але й єдиного напрямку соціально-культурних практик – ще один значимий індикатор. Тут джерелами інформації є матеріали ЗМІ та серії експертних інтерв'ю, застосовується метод кейс-стаді. Для Петербургської агломерації найбільш значимі приклади з області градоохоронного руху, що підтверджують наявність конфліктів між владою та інститутами громадянського суспільства (наприклад, питання про ліквідацію графіті-портрета Даниїла Хармса, рух за збереження непризнаного пам'ятника архітектури Дому Басевича та ін.). Часто створення неформальних інститутів громадянського суспільства та суспільних рухів пов'язано з бажанням суспільства вирішити конкретну міську проблему: *«Громадянське учасництво – одна з можливостей при існуючому застиглому політичному режимі, без кольорових революцій щось змінити. Люди поступово цим займаються: ТСЖ, відновлення деяких елементів архітектури, клуби за інтересами. Це найкраще, що відбувається в нашому місті за останній час»* (м., канд. іст. наук, краєвед). Тригерними питаннями для Петербургської агломерації стають проблеми збереження архітектурної спадщини міста та пригородів, питання благоустрою територій, рідко екологічна та культурна повестка.

Опитувальні методики застосовуються для оцінки ступеня значимості визначеної складової ідентичності в узагальненій матриці. Згідно з проведеним масовим опитуванням, жителів Петербурга відрізняє високий рівень регіонального патріотизму, але низький рівень оцінки діяльності влади різного рівня [Калашнікова, 2022]. Рівень регіональної ідентичності петербуржців може бути оцінений як достатньо високий, але питання значимості саме політики ідентичності як діяльності політико-адміністративної еліти для її зміцнення, залишається відкритим. Найбільш гостро стоїть питання впровадження системи рівноправного взаємодіяння та відкритого публічного діалогу між рядовими жителями, представниками громадянського суспільства та владою в умовах низького рівня політичного довіри. Цитує одного з експертів дослідження, *«...міська влада*

обязана выстраивать образ будущего Петербурга ...это должно определяться и представлениями самих граждан о будущем города» (м., региональный политик).

Мы считаем, что эффективная политика идентичности в агломерации не может носить односторонний характер. Формирование устойчивых партнерских отношений между представителями городского сообщества и властью становится базовым условием для успешной реализации политики идентичности, в то время как директивные методы формирования территориальной идентичности потеряли актуальность в условиях современной коммуникационной среды.

Заключение

В рамках конструктивистского подхода в центре внимания исследователей остается вопрос об акторах политики идентичности: в фокусе внимания находится политическая элита, отдельные политические институты, гражданское общество, международные организации. Говоря о разнице в изучении территориальных образований, стоит отметить, что сегодня локальная идентичность в большей степени связана с первоначальным пониманием политики идентичности (identity politics) как борьбы за признание, поскольку именно небольшие локальные сообщества способны в течение продолжительного времени аккумулировать ресурсы и агрегировать интересы группы. Инициативы гражданского общества, связанные с территориальной идентичностью, часто возникают на локальном уровне и связаны с защитой территории проживания от каких-либо проектов власти или бизнеса, которые могут деструктивно, по мнению жителей, влиять на окружающую их среду. Концепция гражданского действия NIMBY (not in my back yard) является ярким примером такой борьбы. Региональная идентичность нередко рассматривается как источник возможных противоречий. Эксклюзивный и инклюзивный характер региональной идентичности определяет спектрально противоположные темы дискуссий. Особенно актуальны вопросы сепаратизма и роли этнического компонента идентичности в этих процессах. Остается нерешенным вопрос определения самого термина «регион». В общемировой практике нередко регионами называют крупные территории, в том

числе объединяющие несколько стран. Наиболее верным представляется определение региона как совокупности территорий, которые приобрели политический смысл [Логинов, 2013].

В рамках исследования агломераций изучаются вопросы интеграции и миграционной политики в высокоурбанизированной среде. Значимой проблемой для территориальной идентичности в агломерациях является размывание и уменьшение значимости локальных идентичностей небольших поселений и превалирование идентичности центра агломерации. Фокус только на экономических показателях также препятствует более глубокому исследованию процессов интеграции агломерационных образований, оставляя за скобками вопросы доверия жителей к разным уровням управления территориальным образованием.

S.K. Kalashnikova, M.Y. Pogodina*

**Methodological problems of territorial identity studies:
city, agglomeration, region¹**

Abstract. The article considers the main problems of territorial identity formation. The authors analyze the works of recent years that explore economic and political factors, ethnic and revisionary components of identity formation, the role of identity politics in electoral processes. In the context of territorial development, a separate part of the work is devoted, firstly, to conceptual issues, i.e. the assessment of existing terms denoting various territorial entities (city / region / agglomeration / metropolis). Secondly, the problems of economic and social integration, consolidation of residents, and political trust in the new emerging political and governance structures are highlighted. The corpus of relevant methodologies that are used in this field is identified. One of the most widespread methods of studying identity remains mass surveys of residents, which allow us to determine the spatial boundaries of identity in agglomerations. The case study method is applied in the context of studying the relationship between civil society organizations and identity politics. Regression analysis based on mass survey data is utilized to examine different levels of identity (national, agglomeration, regional, local) and the level of their expression. In addition, examples of studies focused on identifying municipal and inter-municipal territorial

* **Kalashnikova Sofia**, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia), e-mail: sofyalashnikova15@gmail.com; **Pogodina Mariia**, St. Petersburg State University; Yandex Crowd (St. Petersburg, Russia), e-mail: mariiapogodina@gmail.com

¹ The research was conducted at St. Petersburg State University with the financial support of the Russian Science Foundation under research project N 23-28-00933 «Identity politics in Russian agglomerations in the context of international experience».

identity are given. The analysis of media texts and social networks is also used to identify various discursive practices used to actualize certain components of identity. Cross-national comparative studies remain one of the significant modern methods of studying the territorial identity of city residents. Researchers analyze the factors of integration of agglomerations' residents, their ideological attitudes, awareness of urban governance and reforms. Some examples of international relations and conflict situations' influence on changes in the national discourse of identity politics are given.

Keywords: identity politics; regional identity; territorial identity; identity research; identity politics in agglomerations.

For citation: Kalashnikova S.K., Pogodina M.Y. Methodological problems of territorial identity studies: city, agglomeration, region. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 233–258. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.09>

References

- Alam S., Khalid S., Ahmad F., Keezhatta M. S. Mocking and making: subjugation and suppression of marginalized and the politics of identity. *Journal of education culture and society*. 2021, N 12 (1), P. 375–389.
- Anderson A. Book review: identity: the demand for dignity and the politics of resentment, by Francis Fukuyama. New York: Farrar, Straus and Giroux. 2018, 218 pp. *Journal on ethnopoltics and minority issues in Europe*. 2019, Vol. 18, N 1, P. 47–52.
- Assefa A.H., Gedifew B.T. Symbolic values and implications of the Grand Ethiopian Renaissance Dam project in Ethiopian identity politics. *Skhid*. 2021, N 1 (2), P. 5–14.
- Bakhtin M.M. *Favorites. Volume I: The author and the hero in an aesthetic event*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 544 p. (In Russ.)
- Besley T., Persson T. The rise of identity politics: Policy, political organization, and nationalist dynamics. *Munich Lectures and 2020 ASSA Congress, London, ERC and Swedish Research Council*. 2021, P. 1–63.
- Böschen S., Legris M., Pfersdorf S., Stahl B.C. Identity politics: participatory research and its challenges related to social and epistemic control. *Social epistemology*. 2020, N 34 (4), P. 382–394.
- Calzada I. Metropolitanising small European stateless city-regionalised nations. *Space and polity*. 2018, N 22 (3), P. 342–361.
- Davoudi S. Imaginaries of a 'Europe of the regions'. *Transactions of the Association of European schools of Planning*. 2019, N 3 (2), P. 85–92.
- Fiorina M.P. The majority-minority myth: identity politics, which supposedly boost the Democrats' electoral chances, aren't the sure bet they might appear. Why? Because Americans' identities are steadily blending into each other. *Hoover digest*. 2021, N 2, P. 88–96.
- Fukuyama F. Against identity politics: The new tribalism and the crisis of democracy. *Foreign Aff*. 2018, 90 p.
- Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds.) *Contemporary political science*. Moscow: Aspect Press, 2019, 776 p. (In Russ.)

- Gherhes C., Hoole C., Vorley T. The 'imaginary' challenge of remaking subnational governance: regional identity and contested city-region-building in the UK. *Regional studies*. 2023, N 57 (1), P. 153–167.
- Grishin N.V. Political elites and identity politics of urban agglomerations // *Elitology issues*. 2023, N 4 (2), P. 61–74. (In Russ.)
- Grossman G.M., Helpman E. Identity politics and trade policy. *The review of economic studies*. 2021, N 88 (3), P. 1101–1126.
- Hamann U., Türkmen C. Communities of struggle: the making of a protest movement around housing, migration and racism beyond identity politics in Berlin. *Territory, politics, governance*. 2020, N 8 (4), P. 515–531.
- Hansen H.E., Nemeth S.C., Mauslein J.A. Ethnic political exclusion and terrorism: Analyzing the local conditions for violence. *Conflict management and peace science*. 2020, N 37 (3), P. 280–300.
- Hijino K.V.L., Vogt G. Identity politics in Okinawan elections: the emergence of regional populism. *Japan forum. Routledge*. 2021, N 33 (1), P. 50–76.
- Hincks S., Deas I., Haughton G. Real geographies, real economies and soft spatial imaginaries: Creating a 'more than Manchester' region. *International journal of urban and regional research*. 2017, N 41 (4), P. 642–657.
- Hoole C., Hincks S. Performing the city-region: Imagineering, devolution and the search for legitimacy. *Environment and planning a: economy and space*. 2020, N 52 (8), P. 1583–1601.
- Horobets I.V., Martyinov A.Yu., Braychevskaya E.A., Krupenya I.M., Sliusarenko I.Yu. Political culture and identity politics in the Ukrainian society. *Journal of community positive practices*. 2022, N SI, P. 65–81.
- Jones M., Woods M. New localities. *Regional studies*. 2013, N 47 (1), P. 29–42.
- Kabir N.A. Identity politics in India: Gujarat and Delhi riots. *Journal of Muslim minority affairs*. 2020, N 40 (3), P. 395–409.
- Kalashnikova S.K. Effectiveness of regional identity policy in public opinion: the experience of St. Petersburg. *Socio-political studies*. 2022, N 3(16), P. 65–79. (In Russ.)
- Karakas L.D., Mitra D. Electoral competition in the presence of identity politics. *Journal of theoretical politics*. 2021, N 33 (2), P. 169–197.
- Kübler D. Citizenship in the fragmented metropolis: An individual – level analysis from Switzerland. *Journal of URBAN AFFAIRS*. 2016, N 40 (1), P. 63–81.
- Lackowska M., Mikula Ł. How metropolitan can you go? Citizenship in Polish city – regions. *Journal of urban affairs*. 2015, N 44 (5), P. 876–893.
- Lefaan A. Identity Politics and the Future of Democracy in Papua. *J. Legal ethical & Regul. Issues*. 2021, N 24, P. 1.
- Lidström A. Territorial political orientations in Swedish city – regions. *Journal of urban affairs*. 2015, N 40 (1), P. 31–46.
- Lidström A., Schaap L. The citizen in city-regions: Patterns and variations. *Journal of urban affairs*. 2018, N 40 (1), P. 1–12.
- Lilla M. *The once and future liberal: after identity politics*. Oxford: Oxford university press, 2018, 143 p.
- Loginov V.K. Concept "region" and "territory" in the structure of territorial identity. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. 2013, N 3, P. 112–120. (In Russ.)

- Makarova G.I. View on regional identity: to the program of sociological research // *Bulletin of KIGI RAS*. 2017, N 1/29, P. 84–94. (In Russ.)
- Martyanov V.S. Conflict of identities in the political project of modernity: multiculturalism or assimilation? In: *Identity as a subject of political analysis. Collection of articles based on the results of the All-Russian scientific-theoretical conference*. Moscow: IMEMO RAN, 2011, P. 36–42. (In Russ.)
- Minenkov G.Ya. Identity politics: a view of modern social theory. *Political Science*. 2005, N 6, P. 21–38. (In Russ.)
- Mitchell J.S. Transnational identity and the Gulf crisis: changing narratives of belonging in Qatar. *International affairs*. 2021, N 97 (4), P. 929–944.
- Montoya M., Lanucara L. The politics of identity and regional integration updating global perspectives. *Journal of nationalism, memory & language politics*. 2021, N 15 (2), P. 230–256.
- Nazukina M.V. Naming as a tool for constructing territorial identity (on the example of choosing a name for the new terminal of the Perm airport. *Bulletin of the Perm Federal Research Center*. 2018, N 4, P. 54–61. (In Russ.)
- Popova O.V. On the unresolved problems of the theory of state identity politics in Russian political science. *Political Science*. 2020, N 4, P. 86–113. (In Russ.)
- Purdeková A., Mwambari D. Post-genocide identity politics and colonial durabilities in Rwanda. *Critical African studies*. 2022, N 14 (1), P. 19–37.
- Schlegel S. Identity Politics as pretext and prediction: vote-buying and group boundaries in Ukraine. *Demokratizatsiya: the journal of post-soviet democratization*. 2021, N 29 (2), P. 113–133.
- Scholvin S. Book review: metropolitan governance in Latin America. *Urban studies*. 2022, N 59 (13), P. 2829–2831.
- Strebel M.A. Who supports metropolitan integration? Citizens' perceptions of city-regional governance in Western Europe. *West European politics*. 2022, N 45 (5), P. 1081–1106.
- Turovsky R.F. Settlement as a subject of local politics: Theoretical foundations of research. *Political Science*. 2019, N 2, P. 13–30. (In Russ.)
- Vaara E., Tienari J., Koveshnikov A. From cultural differences to identity politics: A critical discursive approach to national identity in multinational corporations. *Journal of management studies*. 2021, N 58 (8), P. 2052–2081.
- Vallbé, J.-J., Magre J., Tomàs M. Being metropolitan: The effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity. *Journal of urban affairs*. 2015, N 40 (1), P. 13–30.
- Wajner D.F., Roniger L. Transnational identity politics in the Americas: Reshaping “Nuestramérica” as Chavismo’s regional legitimization strategy. *Latin American research review*. 2019, N 54 (2), P. 458–475.
- Walter-Rogg M. What about metropolitan citizenship? Attitudinal attachment of residents to their city-region. *Journal of urban affairs*. 2018, N 40 (1), P. 130–148.
- Wong M.Y.H., Kwong Y., Chan E.K.F. Political consumerism in Hong Kong: China’s economic intervention, identity politics, or political participation? *China Perspectives*. 2021, N 3, P. 61–71.

Yaya Sawitri M., Nyoman Wiratmaja I. On the brink of post-democracy: Indonesia's identity politics in the post-truth era. *Politička misao: časopis za politologiju*. 2021, N 58 (2), P. 141–159.

Литература на русском языке

- Бахтин М.М. Избранное / сост. Н.К. Бонеецкая. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – Том I: Автор и герой в эстетическом событии. – 544 с.
- Гришин Н.В. Политические элиты и политика идентичности городских агломераций // Вопросы элитологии. – 2023. – № 4 (2). – С. 61–74.
- Калашиникова С.К. Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга // Социально-политические исследования. – 2022. – № 3 (16). – С. 65–79.
- Логинов В.К. Концепт «регион» и «территория» в структуре территориальной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2013. – № 3. – С. 112–120.
- Макарова Г.И. Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования // Вестник КИГИ РАН. – 2017. – № 1/29. – С. 84–94.
- Мартыанов В.С. Конфликт идентичностей в политическом проекте модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 36–42.
- Миненков Г.Я. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политическая наука. – 2005. – № 6. – С. 21–38.
- Назукина М.В. Наименование как инструмент конструирования территориальной идентичности (на примере выбора названия для нового терминала пермского аэропорта) // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2018. – № 4. – С. 54–61.
- Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 86–113.
- Современная политическая наука. Методология / Т.А. Алексеева [и др.]; под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 776 с.
- Туровский Р.Ф. Поселение как субъект локальной политики: Теоретические основы исследований // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 13–30.

А.В. КОШКИН, М.Ю. ЩЕГЛОВ*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА, КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ И ИМИДЖЕЙ ГУБЕРНАТОРОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (НА ПРИМЕРЕ Г.С. ПОЛТАВЧЕНКО И А.Д. БЕГЛОВА)

Аннотация. Статья посвящена сравнению публичных дискурсов и моделей имиджей губернаторов Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко и А.Д. Беглова. Исследование основывается на парадигме конструкционистского подхода М. Спектора и Дж. Китсьюза, а также теории и методике лингвистического анализа политического текста А.П. Чудинова и М.В. Гавриловой. Эмпирической базой исследования являются предвыборные выступления губернаторов, их инаугурационные речи и отчеты перед Законодательным собранием Санкт-Петербурга. В качестве методов анализа авторы используют когнитивный дискурс-анализ текстов, а также элементы биографического метода. Авторы сравнили следующие компоненты имиджей губернаторов: модель имиджа, показатель открытости, профессиональный бэкграунд, политический франчайзинг, дискурс городского патриотизма, ключевые темы выступлений и отношение к выборам. В качестве результатов представлена матрица жанрового анализа выступлений: отмечено увеличение количества новых жанров на фоне рутинизации старых; общим паттерном в выступлениях выступает концепт «город-лидер». Предвыборный дискурс характеризуется сокращением мобилизационного компонента и партийного политического франчайзинга. Инаугурационные речи отходят от программной составляющей и тяготеют к формату обращения с благодарностями, концептуальному упрощению текста (сокращение риторических языковых средств и тем), акцентированию преемственности власти. Для отчета перед Законо-

* **Кошкин Андрей Вячеславович**, аспирант экономического факультета, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: a.koshkin@spbu.ru; **Щеглов Максим Юрьевич**, магистрант экономического факультета, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: st069668@student.spbu.ru

© Кошкин А.В., Щеглов М.Ю., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.01.10

дательным собранием изменение формата с послания на отчет отразилось на доминирующей временной проекции – сообщение об уже проделанной работе вместо программного элемента. На основании дискурс-анализа и биографического анализа авторы определили модель имиджа Г.С. Полтавченко как «аппаратчик-охранитель» (или «управленец-охранитель»), а А.Д. Беглова как «управленец-хозяйственник». В статье подчеркивается значимость личностных черт, политической карьеры и биографии, «рамочных» политических условий в стране как важных факторов, влияющих на публичный дискурс губернаторов Санкт-Петербурга и их модель имиджа.

Ключевые слова: имидж; политический образ; модель политического имиджа; речевой имидж; губернатор; дискурс-анализ.

Для цитирования: Кошкин А.В., Щеглов М.Ю. Сравнительный анализ экономического дискурса, коммуникационных стратегий и имиджей губернаторов Санкт-Петербурга (на примере Г.С. Полтавченко и А.Д. Беглова) // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 259–283. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.10>

Введение

Сформировавшуюся в Санкт-Петербурге в 2000-е годы управленческую модель можно охарактеризовать как «исполнительную вертикаль», замкнутую на одном руководителе [Чертков, 2005]. В этом смысле губернатора города можно назвать доминирующим региональным политическим актором, обладающим огромными ресурсами. Однако, чтобы система функционировала эффективно, подобная модель управления требует от главы региона наличие харизмы (а значит, привлекательного имиджа), профессиональных и организационных компетенций. Вследствие вышеописанных факторов и системных нужд губернаторы Санкт-Петербурга не просто обладают определенными образами в глазах населения, но стремятся сформировать собственный привлекательный имидж. В целом обеспечение эффективной коммуникации между ключевыми политическими акторами способствует снижению рисков роста недоверия к власти, увеличения потенциала протестной активности, ослабления позиций региональной власти на публичной политической арене и в глазах населения.

Целью исследования является определение моделей политического имиджа губернаторов Санкт-Петербурга на основе их публичного дискурса (выступлений). Для достижения поставленной цели авторы решают следующие задачи: (1) дают определение особенностей трактовки имиджей политиков в современных политологических теориях; (2) раскрывают на основе биографического

и дискурс-анализа материалов и публичных выступлений особенно-сти жанров выступлений, употребление языковых средств и коммуникативных стратегий в политических имиджах губернаторов Санкт-Петербурга на период 2003–2021 гг.; (3) определяют модели политических имиджей губернаторов Санкт-Петербурга на основе сравнительного анализа и компаративных матриц характерных языковых черт и политической биографии. Ключевой гипотезой исследования является соответствие политического имиджа Г.С. Полтавченко модели консервативного, закрытого управленца, а А.Д. Беглова – «управленца-хозяйственника» с преобладанием биографического компонента карьеры в строительной отрасли.

Методология исследования

В современной науке существует два концептуальных подхода к определению категории «имидж»: объединение и разделение категорий «имидж» и «образ». В данной статье авторы будут разграничивать эти понятия. Под «образом» понимается «впечатление, складывающееся на чисто информационной основе, в отличие от репутации, которая формируется на основе практического взаимодействия с товаром, фирмой или человеком» [Леонтьев, 2000, с. 20]. Результатом же целенаправленного конструирования образа будет имидж. Имидж власти позволяет организовать связь между самой властью и гражданами и является «отражением как интересов аудитории, так и интересов субъекта власти и пытается совместить эти интересы» [Зуева, 2013, с. 18]. Созданием и продвижением имиджа можно назвать коррекцию образа в соответствии с тем, что ждет от него аудитория.

Следует также отметить, что в рамках общего развития исследований вокруг имиджей было сформулировано множество классификаций. Так, можно отметить классификацию Ж.Р. Сладкевич, которая выделила персональный (личностный / индивидуальный), групповой (корпоративный, этнический, территориальный, гендерный), территориальный (в том числе государственный), предметный (продвижение товара) и социальный (продвижение идей) имиджи [Сладкевич, 2019, с. 69]. Наиболее полной и систематичной представляется классификация Т.А. Голиковой, которая перечисляет различные основания: «по объекту (персональный и

кооперативный), по соотношению с другими объектами (единичный и множественный), по содержанию (простой и сложный), по оригинальности характеристик (оригинальный и типичный), по контексту имиджирования (личный, профессиональный, политический), по полу (мужской и женский), по возрасту (молодежный и зрелый), по социальной категории (имидж политика, спортсмена, бизнесмена, поп-звезды и др.), по длительности существования (общий и ситуативный), по параметрам проявления (средовой, габаритный, овеществленный, вербальный, кинетический)» [Голикова, 2018, с. 10]. Также были сформулированы и специальные классификации имиджей, например политического имиджа. Р.Ф. Фурс предлагает разделять политические имиджи по субъекту (политика, партии, движения), категории (реальный, идеальный), модальности (позитивный, негативный), сопоставительному признаку (имидж кандидата, имидж конкурента) [Фурс, 1996, с. 153]. Как справедливо отмечает И.А. Стерин, имидж включает в себя три важные составляющие: внешний имидж, поведенческий имидж и коммуникативный имидж [Стернин, 2001, с. 94]. Во многом перечисленные ниже теоретические подходы к изучению имиджей будут определяться акцентами на одном или нескольких описанных нами составляющих имиджа.

Современные исследования имиджей политиков так или иначе предполагают эклектичность подходов и междисциплинарность. Так, можно выделить следующие общие теоретические подходы к исследованию имиджа (образа): психологический [Загайнов, 2007; Бондарева, 2007; Петровский, 1992], социологический [Горчакова, 2010; Брянцева, 2008; с. 144], политико-психологический [Шестопал, 2009; Медведева, 2002] политико-лингвистический [Чудинов, 2012; Будаев, Чудинов, 2012; Гаврилова, 2004].

Методология когнитивной лингвистики и лингвопраграмтики определяет фокус исследования на изучение языковых особенностей выступлений губернаторов и их роли в конструировании речевого имиджа. Так, когнитивно-лингвистический подход позволит определить доминанты ценностной иерархии языковых личностей губернаторов, реконструировать их языковую картину мира. В качестве теоретико-методологической литературной базы авторы опираются на исследования М.В. Гавриловой «Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования» и «Когнитивные и риторические основы

президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина)», А.П. Чудинова «Теория и методика лингвистического анализа политического текста» [Теория и методика..., 2016] и «Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры», а также О.С. Иссерс [Иссерс, 2008] «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» и др. В исследовании авторы опираются на определение политического имиджа С.М. Тучкова как «цель и результат согласия между участниками политического процесса – гражданами, партиями, инициативными группами, лидерами общественного мнения и государством» [Тучков, 2001]. На макротеоретическом уровне авторы работы ориентировались на конструкционистский подход Спектора и Дж. Китсьюза [Spector, Kitsuse, 1987] и теорию *agenda-setting* [McCombs, Eyal, Graber, Weaver, 1981]. Для сравнительного анализа имиджей губернаторов использовались наработки Л.В. Сморгунова в области изучения и концептуализации сравнительной политологии [Ильин, Сморгунов, 2001, с. 110].

Анализ речей региональных политиков представляет весьма перспективное направление, поскольку уникальность языковых личностей может не зависеть от их положения в иерархии государственной власти. Среди работ, посвященных изучению языка региональных политиков, можно отметить научные статьи Е.А. Нахимовой и Г.А. Ахатовой «Российская лингвополитическая персонология: коммуникативный портрет регионального лидера» [Нахимова, Ахатова, 2020], Е.Г. Малышевой и О.С. Рогалевой «Трансформация медиаобраза “Губернатор” в массово-информационном региональном дискурсе Омской области (2003–2019 гг.)» [Малышева, Рогалева, 2019], О.И. Асташовой «Речевой портрет Н.Ю. Белых: динамический аспект» [Асташова, 2011] и др.

Также говоря об имидже кандидата, следует отметить его визуальные и языковые составляющие, а также управление впечатлениями и отношениями. Для этого в исследовании используется несколько методов анализа данных. Так, использование биографического метода продиктовано важностью бэкграунда кандидата при формировании имиджа: карьеры, связей, публичных событий, узнаваемости и т.д. В качестве материала для биографического анализа используются публичные биографические источники (статьи и монографии) о личности и карьере губернаторов. Важной переменной анализа биографий является связь губернатора с субъ-

ектом, укорененность. Для этого автор использует классификацию О.Б. Подвинцева и А.В. Кынева, в которой выделены такие категории губернаторов, как: «чистый варяг», «варяг-возвращенец», «адаптированный варяг», «натурализовавшийся варяг», «федерализованный местный», «местный» [Кынев, 2019, с. 113; Подвинцев, 2009].

Авторский подход к изучению поставленной проблемы реализуется в совмещении методологий *когнитивной лингвистики* и *лингвопрагматики*. Необходимость анализа ценностных и концептуальных элементов выступлений и обращений губернаторов определена методом *когнитивного дискурс-анализа*. В рамках анализа выделяются такие параметры, как: темы выступлений, жанр и формат, адресат, ключевые термины, ценности, основные языковые средства (см. табл. 2), а также элементы биографического метода. Эмпирической базой исследования являются тексты публичных выступлений губернаторов по направлениям деятельности: предвыборные выступления, инаугурационные речи, отчеты перед Законодательным собранием.

Результаты и обсуждение

Политическая биография. Г.С. Полтавченко не родился в Санкт-Петербурге (Ленинграде), однако жил здесь в детстве и построил в этом городе карьеру. Высшее образование Полтавченко получил в Ленинградском институте авиационного приборостроения, а после два года отработал на оборонном НПО «Ленинец». С 1978 г. Полтавченко начинает карьеру в советской номенклатуре. Не последнюю роль в карьерном продвижении сыграли семейные связи: при содействии отца он перешел на работу в Невский районный комитет Коммунистического союза молодежи, а уже через год был приглашен на службу в КГБ. В начале 1990-х во время службы в КГБ произошло его знакомство с будущим президентом В.В. Путиным, тогда сотрудником ленинградского УКГБ. В 1993 г. Полтавченко возглавил управление Федеральной службы налоговой полиции (ФСНП) по Санкт-Петербургу, где дослужился до звания генерал-полковника.

С 1998–1999 гг. Полтавченко уходит в карьеру гражданского чиновника. В 1999–2000 гг. короткое время занимал пост полно-

мочного представителя президента в Ленинградской области. После избрания В.В. Путина президентом в 2000 г. Г.С. Полтавченко был назначен полномочным представителем президента в Центральном федеральном округе (ЦФО), закрепив карьеру федерального чиновника. Занимая эту должность на протяжении 11 лет, Г.С. Полтавченко не отличался широкой публичной известностью. Так, по данным опроса «Фонда общественного мнения» от 27 мая 2004 г., хоть узнаваемость Г.С. Полтавченко и возросла, она по-прежнему занимала последние позиции: лишь 12% респондентов смогли правильно назвать полномочного представителя президента в своем федеральном округе¹.

Особенный личностный компонент биографии – открытая приверженность традиционным ценностям и религиозность – подчеркивался как заявлениями в публичных выступлениях, так и действиями на посту губернатора: подписание Закона «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге», который предусматривал наказание за пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних, а также попытка передачи Казанского собора во владение Русской православной церкви и пр.

Полтавченко использовал и политический франчайзинг – на рабочей встрече с президентом В.В. Путиным 5 июня 2014 г. Г.С. Полтавченко напрямую обратился с просьбой *«поддержать в желании пойти на досрочные выборы в губернаторы Санкт-Петербурга»*, на что получил положительный ответ. Особенностью предвыборной кампании Полтавченко 2014 г. является сознательное игнорирование участия в публичных политических дебатах с оппонентами. Несмотря на неоднозначные рейтинги одобрения деятельности Г.С. Полтавченко (одобряли 28% петербуржцев и не одобряли 7%) и низкий рейтинг партии (составлял 31%), он одержал победу на выборах губернатора, набрав 79,3 % голосов избирателей при явке в 39,36 % [Кынев, 2020].

Речевой имидж губернатора Г.С. Полтавченко. Языковая личность Г.С. Полтавченко определяется его *закрытостью* и *неконтактностью*. Так, предвыборная и инаугурационная речи отличаются когнитивной и коммуникативной примитивностью. Для публичных официальных выступлений характерен канцеля-

¹ База данных ФОМ // М.: Фонд «Общественное мнение». – 2003. – Режим доступа : <https://bd.fom.ru/report/map/dd042124> (дата посещения: 20.05.2021).

ризм, влияние *управленческо-юридического (бюрократического) и экономического дискурсов*. Во многом сконструировать речевой имидж губернатора позволяют ключевые темы и ценности, характерные для большинства выступлений. Когнитивные элементы и коммуникативные особенности конструируют имидж *охранителя культуры города*.

Предвыборное интервью. Ввиду неучастия Г.С. Полтавченко в теледебатах на выборах губернатора в 2014 г. авторы использовали предвыборное интервью на телеканале «Санкт-Петербург» в качестве агитационного предвыборного выступления. Предполагаемым адресатом интервью являются петербуржцы, избиратели.

В интервью подняты несколько тем. Ключевой предвыборной темой для Г.С. Полтавченко является «Стратегия-2030», которая включает в себя три цели: развитие человеческого капитала, улучшение городской среды и обеспечение экономического роста. Также в программную часть тем входит и совершенствование государственного управления.

Предвыборное интервью Г.С. Полтавченко *не носит мобилизационный характер* – наоборот, подчеркивается важность не выборов и предвыборной кампании, а работы текущего врио губернатора. Вместе с тем для популяризации фигуры кандидата используется тактика моделирования имиджа «слуги народа», который думает о будущем города, что подчеркивается как прямыми заявлениями, так и темой предвыборной программы «Стратегия-2030».

Инаугурационные речи. В тексте инаугурационной речи 2011 г. можно выделить следующие прямые адресаты: депутаты Законодательного собрания, судьи Уставного суда, почетные граждане, петербуржцы. Традиционно структура выступления начинается со слов благодарности – президенту Д.А. Медведеву, партии «Единая Россия» и ее лидеру В.В. Путину, депутатам Законодательного собрания и всем петербуржцам. Формат выступления, скорее, более близок к обращению, чем к отчету.

В выступлении можно четко выделить ключевые ценности, которые подчеркивает Полтавченко: «патриотизм», «социальная солидарность», «укрепление семьи», «порядок» и «порядочность», – которые в целом относятся к набору традиционных, консервативных. Важно отметить, что именно исходя из духовно-нравственных принципов власти и потенциала города – честности, ответственности, порядка и порядочности – губернатор выводит производные

экономического, социального и культурного развития города. Так, центральным фактором успеха развития города становится именно духовная, нравственная составляющая власти и ее служащих.

В целом инаугурационные выступления Г.С. Полтавченко имеют ориентацию на *граждан города*, что подчеркивается прямым указанием («пользу...ощутил каждый житель нашего города, каждая петербургская семья», «поддержка ветеранов и инвалидов»), так и косвенной абстрактной критикой чиновников и служащих, которые «думают исключительно о себе». Отличительной же чертой является *духовно-нравственная* ориентация выступления с доминирующей проекцией времени на *будущее*. Преобладает влияние официального управленческого и торжественного дискурса. Подчеркивается преемственность власти.

Отчеты перед Законодательным собранием. В выступлении освещены следующие темы: экономические достижения прошлого, социальная преемственность и обязательства, госфинансирование, социально-экономическое развитие, градостроительная политика и ЖКХ. Также губернатор выделил 10 новых рисков и угроз для будущего города, которые можно сгруппировать в экономическое развитие, социальные обязательства, ЖКХ и инфраструктура, градостроительная политика, благоустройство и транспорт. Содержательно важной является тема распоряжения бюджетными средствами: перераспределение средств, несоответствие выделенных средств проделанной работе. Приоритет этим темам подчеркивается семантической важностью таких ключевых слов, как «бюджет», «градостроительство», «жилье», «инвестиции», «инновации», «инфраструктура», «исторический центр», «социально-экономическое развитие».

Г.С. Полтавченко отводит важное место роли федеральных субсидий и поддержки в экономике и развитии Санкт-Петербурга. Подчеркивается значимость и важность достижений в федеральных национальных программах, а также победы В.В. Путина на президентских выборах, которая обеспечит «прорывное развитие всей страны». Также губернатор отмечает безоговорочную поддержку президента абсолютным большинством граждан и депутатов и называет его «нашим, петербургским Президентом».

В целом при исследовании политического имиджа Г.С. Полтавченко определяющим элементом стал непубличный, закрытый характер личности. Материал политической биографии

Г.С. Полтавченко не обладает ярко выраженной и узнаваемой нарративной структурой. Тем не менее особенности биографии губернатора позволяют выделить карьеру в силовых ведомствах и влияние традиционных, православных ценностей.

Для языковой личности Г.С. Полтавченко характерны влияние *управленческо-юридического (бюрократического) и экономического дискурсов*. Когнитивные и тематические элементы *охраны исторического центра города*, а также ценности «патриотизма», «порядочности», «служения», «сохранения», «единства» и «стабильности» конструируют имидж *охранителя культуры города*.

Так, сочетание биографического материала и языковой личности Полтавченко позволяет определить модель его имиджа как «*аппаратчик-охранитель*» с присущей *непубличностью*, преобладанием в дискурсе традиционалистских ценностей.

Политическая биография. В биографии А.Д. Беглова можно выделить несколько значимых позиций. Во-первых, при рассмотрении траектории карьеры А.Д. Беглова можно отследить следующий вектор: госслужба – бизнес – госслужба региональная – госслужба федеральная. На государственную службу А.Д. Беглов вернулся в 1999 г., возглавив администрацию Курортного района Санкт-Петербурга, а в 2002 г. став вице-губернатором Санкт-Петербурга (руководителем канцелярии городской администрации). С октября 2003 г. ушел на федеральный уровень – первый заместитель полномочного представителя президента в СЗФО. А.Д. Беглов является выходцем из *федеральной номенклатуры*. Вектор карьеры со «строительного» на «административный» произошел именно в 2000-е годы.

Во-вторых, знакомство с будущим президентом В.В. Путиным произошло, предположительно, в 1990-е годы, когда А.Д. Беглов был главным инженером и совладельцем предприятия «Мелазель», которое имело партнерские связи с городским комитетом по внешнеэкономическим связям, возглавляемым В.В. Путиным.

В-третьих, элемент *партийного ресурса* в карьере А.Д. Беглова имеет важную составляющую, особенно в начале административной карьеры федерального государственного служащего: в июне 2003 г. был избран председателем Санкт-Петербургского отделения партии «Единая Россия» (повторно переизбран в 2004 г.), а в 2004 г. на всероссийском съезде был избран членом высшего совета партии.

С момента назначения А.Д. Беглова врио губернатора Санкт-Петербурга можно наблюдать существенные изменения в репрезентации губернатора в городе. Увеличилась частота появления губернатора в традиционных СМИ. Так, уже к апрелю 2019 года, согласно «Медиалогии» в медиарейтинге губернаторов Беглов занял первое место и уверенно удерживал лидирующие позиции на протяжении всей избирательной кампании и даже некоторое время после¹.

Как и у других губернаторов, в имидже А.Д. Беглова (особенно в период избирательной кампании) важной составляющей был политический франчайзинг: будучи врио губернатора, Беглов как минимум три раза встречался с В.В. Путиным, причем один раз даже в Санкт-Петербурге, где А.Д. Беглов показывал строящиеся объекты президенту.

Речевой имидж губернатора А.Д. Беглова. Для речевого имиджа губернатора также характерно уделение особого внимания теме *благоустройства города*, что подчеркивает элемент «хозяйственника» в имидже. Примечательно, что на публике среди бизнес-строителей губернатор чувствует себя увереннее: коммуникация выстроена более неформально и свободно. Важной темой в выступлениях А.Д. Беглова является и *социальная* – особое внимание социальным выплатам, социальной инфраструктуре и здравоохранению.

Общим для дискурса почти всех выступлений является уделение внимания *взаимоотношениям с федеральным центром* – самопрезентация губернатора строится во многом за счет этого компонента как «единственного, кто выстраивает коммуникацию с федеральным центром». А.Д. Беглов прямо заявляет, что федеральные субсидии – это важный и ключевой элемент в развитии города: решение проблем, финансирование, привлечение инвестиций и пр.

Предвыборные дебаты. Для анализа предвыборного дискурса А.Д. Беглова были подобраны выступления на теледебатах на канале «Россия-1» 20 августа 2019 г. и канале «Санкт-Петербург» 30 августа 2019 г. Стилистически и тематически данные теледебаты связаны и имеют общую дискурсивную композицию: схожие правила дебатов, пересекающиеся темы и риторические приемы. Вследствие этого анализ стенограмм будет комплексным.

¹ Губернаторы: апрель 2019 // Медиалогия. – Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/6649/> (дата посещения: 22.11.2020).

В ходе дебатов Бегловым были освещены следующие темы: благоустройство города, транспортная система, городская хозяйственная инфраструктура и экология, социальная политика, федеральное финансирование.

Тема федерального финансирования также является центральной темой и используется в стратегии самопрезентации как *единственного кандидата, способного договориться с федеральным центром* для выделения средств на развитие города и реализацию проектов. *Федеральные субсидии* являются ключевым источником финансирования в речах А.Д. Беглова.

Тема политики в дискурсе А.Д. Беглова часто сопровождается ее пренебрежением (особенно в период предвыборной кампании). На дебатах 20.08.2019 на телеканале «Россия-1» Беглов косвенно призывал не участвовать в митингах, поскольку не видел в них смысла. Также синтагматически выстраивалась дихотомия: участие в митингах противопоставлялось реальному решению проблем и работе. Фраза «мы не митингуем, а работаем» также указывает на негативное отношение губернатора к подобным акциям. В своих выступлениях А.Д. Беглов старался минимизировать тему политики, деполитизировать выборы – использование речевой стратегии обесценивания политических высказываний, программ и события выборов.

Из анализа предвыборных выступлений были выделены следующие ключевые ценности для губернатора. Во-первых, ценности «коллективизма», которые выражаются в доминирующей групповой агентивной позиции и преобладании местоимения «мы» [Донай, Щеглов, 2021, с. 98]. Во-вторых, ценности «комфорта», которые связаны с благоустройством и комфортной средой.

Более обширный анализ предвыборных речей губернатора в социальных сетях, на радио и телевидении показал, что преимущественными коммуникативными намерениями в выступлениях губернатора были информирование (40%), решение проблемы горожан (27%) и выстраивание коммуникации с гражданами (21%). Это указывает, что основную ставку в своем дискурсивном образе губернатор и его команда сделали на *освещение деятельности губернатора*, решение проблем граждан, что помогло завоевать медийное пространство, особенно в период выборов [Донай, Щеглов, 2021, с. 97].

Инаугурационная речь. Текст инаугурационной речи не представляет какой-либо концептуальной сложности: в выступле-

нии отсутствуют развернутые метафоры. Основными адресатами выступления являются: депутаты, судьи Уставного суда, почетные граждане, ленинградцы-петербуржцы и гости.

Основными темами инаугурационного выступления являются: слова благодарности и открытость властей города. Благодарность губернатор выражает доверенным лицам, волонтерам, политическим партиям и общественным организациям, ветеранам и блокадникам, а также президенту. Благодарность прошлому губернатору Г.С. Полтавченко за сохранение «узнаваемого образа Санкт-Петербурга» подчеркивает элемент преемственности губернаторской власти.

В целом для инаугурационной речи А.Д. Беглова, как и для Г.С. Полтавченко, характерен больше формат *благодарственного обращения*, а не программы развития. Ключевой идеей выступления, помимо выражения слов благодарности, становится указание на необходимость *диалога с горожанами, открытость власти*, а также тесную *связь губернатора с Санкт-Петербургом*.

Отчеты перед Законодательным собранием. В выступлении губернатора перед Законодательным собранием города от 15 мая 2019 г. выделены через прямое обращение следующие адресаты – председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга, депутаты и петербуржцы, ленинградцы.

Наиболее значимыми ценностями в отчете являются ценности «*коллективизма*» и «*консолидации*» (напр. «объединить усилия властей, бизнеса и жителей», «совместная... работа») для выполнения Майских указов президента, а также стратегических приоритетов города. Еще одной ценностью является «*комфорт*»: комфорт для жителей связан с чистотой и сбережением исторического наследия города. Не менее важной признается и ценность «*открытости*» власти, которая позволяет обеспечить диалог с жителями (напр. «власть на всех уровнях должна слушать и слышать людей», «нужно встречаться лично», «мы обязаны сделать власть открытой, а ее решения – прозрачными»).

По-прежнему в речи губернатора большое внимание уделяется *взаимоотношению города с федеральным центром*: А.Д. Беглов неоднократно ссылается на необходимость выполнения федеральных национальных проектов, финансирование из федерального центра, а также поддержку от президента.

Подводя итог, следует отметить, что несмотря на более частое появление в публичном медийном пространстве, имидж А.Д. Беглова не до конца можно охарактеризовать как открытый, поскольку личностные характеристики (преимущественно чтение заранее подготовленного текста, проблемы со спонтанной коммуникацией в медиапространстве), элементы биографии (работа не в публичной сфере строителем и чиновником), а также неудачный PR (публичная уборка снега в лакированных туфлях, оговорки и пр.) говорят лишь о *«функциональной открытости»*, но по факту *личностной закрытости* имиджа губернатора [Апухтин, 2021, с. 18].

Языковая личность А.Д. Беглова не содержит глубокие когнитивные языковые средства, которые позволяют идентифицировать узнаваемый речевой имидж и стиль губернатора. Среди особенностей риторики А.Д. Беглова можно выделить активное использование односоставных назывных и обобщенно-личных предложений, что придает выступлениям формат отчета.

Выводы

При анализе имиджей губернаторов Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко и А.Д. Беглова авторы придерживались политико-лингвистического подхода и использовали методологию уральской школы политической лингвистики в рамках лингвополитической персонологии. Особое внимание в данном подходе отводится языковой личности политика, речевому имиджу: исследование особенностей дискурса губернаторов – основных тем выступлений, ключевых слов и ценностей, использования метафор и других средств языковой выразительности, а также изучение представления образа города.

В дискурсивной практике губернаторов Санкт-Петербурга наблюдаются тенденция к увеличению количества новых жанров, призванных соответствовать особенностям информационного общества, потребностям в диалоговом открытом общении с акторами (прежде всего горожанами), открытости для прессы и массовой аудитории. Так, появляются жанры интернет-обращения через социальные сети, губернаторского прямого эфира, жанр рабочей встречи с президентом. Мы склонны полагать, что подобная тенденция продиктована возрастающей ролью интернет-медиа, соци-

альных сетей в повседневной жизни общества и ростом потребности в оперативном реагировании на запросы стейкхолдеров.

Также среди общих дискурсивных элементов выступлений губернаторов характерен дискурс городского патриотизма – особое внимание уделяется петербургской идентичности, культуре и истории. Однако содержательно данный дискурс у губернаторов отличается. В дискурсе городского патриотизма Г.С. Полтавченко отсутствует ориентация на Европу, акцент сделан на истории и культуре города – исторический центр города, культурный центр, город «намоленный русской историей», цитирование представителей русского консерватизма. На этом фоне по-иному начинают играть присутствовавшее ранее уважение к ветеранам и блокадникам, подчеркивание их героизма – это придает дискурсу городского патриотизма больше государственный и национальный оттенок. Для А.Д. Беглова характерно употребление образа города в тесной связи с программными стратегическими проектами – комфортный, умный, открытый. Тематике охраны исторического центра и культуры города уделено меньше внимания в выступлениях, однако это компенсируется особым отношением к ветеранам, блокадникам и событиям Великой Отечественной войны – обращение «ленинградцы-петербуржцы», подчеркивание личной связи и семейной истории с событиями блокады Ленинграда, встречи с ветеранами. Смена семантического поля образа Петербурга в дискурсах губернаторов может быть обусловлена внешнеполитическим контекстом, а также значимостью дискурса о Великой Отечественной войне в федеральной повестке.

Общим концептуальным элементом петербургской идентичности в выступлениях является *концепт «город-лидер»*, который выражается в первенстве и превосходстве над другими субъектами во всех сферах жизни, высокие амбиции города [Даугавет, 2014, с. 159]. Исследование трех жанров выступлений губернаторов позволило определить особенности и тенденции этих жанров (см. табл. 2).

Так, для предвыборного дискурса характерно сокращение мобилизационного компонента в выступлениях и тенденция к использованию речевой стратегии обесценивания политических высказываний, программ и события выборов. Авторы предполагают, что сокращение мобилизационного компонента – предвыборная тактика, нацеленная на снижение интереса граждан к регио-

нальным выборам. Потенциально это позволяет одержать победу на выборах, поскольку «ядерный» электорат губернатора и без публичных призывов из СМИ придет на избирательные участки, а потенциально протестный электорат предпочтет проигнорировать выборы.

Жанр инаугурационной речи все больше тяготеет лишь к формату обращения с благодарностями. Также отмечена тенденция к концептуальному упрощению текста инаугурационных речей – сокращение риторических языковых средств и тем. Одна из ключевых причин такого изменения – переориентация программной составляющей с выступлений в стратегические документы (уход программ из публичного дискурса в бюрократический).

В жанре отчета перед Законодательным собранием города акцент сделан на уже проделанной работе, а не на программе и политическом курсе города в будущем. Это также сходится с ранее отмеченным тезисом об уходе программ из публичного дискурса в бюрократический. Помимо этого, введенный при В.И. Матвиенко формат отчета, при котором одновременно даются ответы на заранее присланные депутатами вопросы, не прижился: уже при Г.С. Полтавченко от него постепенно отказались. Отмечено изменение состава прямого обращения к аудитории: при Г.С. Полтавченко стабильно появилось обращение к председателю Законодательного собрания (по имени и отчеству), но исчезли представители МСУ. Преобладать стали темы, связанные со взаимоотношением с федеральным центром.

Анализ политической биографии губернаторов позволил выделить следующие особенности (см. табл. 3). Во-первых, Г.С. Полтавченко и А.Д. Беглов являются выходцами из федеральной номенклатуры – до поста губернатора Санкт-Петербурга все губернаторы были федеральными чиновниками – полномочными представителями президента в федеральных округах. Во-вторых, анализ биографии позволил определить укорененность губернаторов в субъекте как «федерализованный местный». В-третьих, значительная роль семейных связей прямо присутствует у Г.С. Полтавченко на начальном этапе карьеры. В-пятых, для обоих губернаторов характерно использование бренда В.В. Путина в их имиджах, однако только у Г.С. Полтавченко политический фран-

чайзинг представлен и партийными ресурсами – он выдвигался на выборы от партии «Единая Россия».

Для Г.С. Полтавченко характерна модель политического имиджа *«аппаратчик-охранитель»* (или *«управленец-охранитель»*), в которой можно выделить следующие элементы: чиновник-силовик, охранитель культуры, традиционалист, слуга города / народа. Для личности Г.С. Полтавченко характерна *закрытость* в медиапространстве. В речевом имидже выступлений губернатора выделяются темы: охрана исторического центра города, градостроительство, социальная политика, экономический рост, культурная политика. Преобладающими ценностями являются духовность, нравственность, патриотизм, стабильность, служение (см. табл. 1). Подобный имидж политика в большей степени обусловлен его политическим профессиональным бэкграундом – работа в исполнительных малопубличных органах власти.

Изучение публичных выступлений А.Д. Беглова указывает на принадлежность его имиджа к модели *«управленец-хозяйственник»* с такими компонентами, как: гражданский чиновник, строитель, переговорщик с федеральным центром, традиционалист. Коммуникация губернатора в медиапространстве характеризуется неоднозначностью: с одной стороны, губернатор часто появляется на публике и в медиапространстве, с другой – А.Д. Беглов не обладает навыками спонтанной коммуникации в медиапространстве, а его PR-акции имеют неоднозначную оценку и реакцию у аудитории. Вследствие этого личность губернатора была охарактеризована в терминах *функциональной открытости*. Причины этого так же, как и у Г.С. Полтавченко, заключаются в предшествующей малопубличной политической карьере губернатора, которая не предполагала частого выступления перед широкой общественностью и СМИ. Основные темы в выступлениях губернатора были посвящены благоустройству, социальной политике, градостроительству, транспорту. Из отобранных выступлений были отмечены следующие ценности: коллективизм и консолидация, комфорт, открытость власти, коммуникация с федеральным центром. Как и для прошлых губернаторов Санкт-Петербурга, для А.Д. Беглова важным элементом в карьере была долгая работа в федеральной номенклатуре (см. табл. 1), которая стала «золотой фишкой» на в предвыборном дискурсе – позиционирование себя в качестве эффективного переговорщика с федеральным центром.

Таким образом, сравнительный анализ моделей позиционирования и имиджей Г.С. Полтавченко и А.Д. Беглова как губернаторов Санкт-Петербурга дал следующие результаты. Оба губернатора имеют в качестве своего профессионального бэкграунда статус федеральной номенклатуры, опираются на политический франчайзинг с В.В. Путиным, в поисках драйверов экономического развития города опираются на собственные возможности привлечения федеральной поддержки и используют деполитизирующую стратегию по отношению к предвыборной дискуссии. Однако между губернаторами наблюдается серьезное различие в отношении медийной открытости, ключевых тем выступлений и модели формулирования дискурса городского патриотизма (образа города). При пристальном рассмотрении модели позиционирования и имиджи исследуемых чиновников, позиционирующих себя как традиционалистов, предстают весьма отличающимися друг от друга. Г.В. Полтавченко как чиновник-силовик и охранитель культуры больше был сосредоточен на духовности, нравственности и охране исторического наследия города. А.Д. Беглов как гражданский чиновник и переговорщик с федеральным центром куда больше сконцентрирован на обеспечении формальной открытости власти, благоустройстве и увеличению качества жизни горожан.

A.V. Koshkin, M.Y. Shcheglov*

**Comparative analysis of economic discourse, communication strategies
and positioning models of the Governors of Saint Petersburg
(for example G. Poltavchenko and A. Beglov)**

Abstract. The article is devoted to the comparison of public discourses and image models of the governors of St. Petersburg G.S. Poltavchenko and A.D. Beglov. The study is based on the paradigm of the constructionist approach of M. Spector and J. Kitsuse, as well as the theory and methodology of the linguistic analysis of the political text by A.P. Chudinov and M.V. Gavrilova. The election speeches of governors, their inaugural speeches and reports to the Legislative Assembly of St. Petersburg constitute the empirical basis of the research. Cognitive discourse

* **Koshkin Andrey**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), e-mail: a.koshkin@spbu.ru; **Shcheglov Maxim**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), e-mail: st069668@student.spbu.ru

analysis of texts and the biographical method elements are used as basic methods of the study. The authors compared the following components of governors' images: image model, openness indicator, professional background, political franchising, discourse of urban patriotism, key topics of speeches and attitude towards elections. The matrix of genre-by-genre analysis of performances is presented: an increase in the number of new genres against the background of the routinization of old ones is noted; the general pattern in the speeches is the concept of «leader city». The election discourse is characterized by reduction in the mobilization component and the political party franchising. The inaugural speeches move away from the program component and gravitate towards the format of gratitude, conceptual simplification of the text (reduction of rhetorical linguistic means and topics), and emphasis on the continuity of power. The report to the Legislative Assembly is characterized in the change of the dominant time projection – reporting on work already done instead of a program element as a result of changing the format from a message to a report. Based on discourse and biographical analyzes, the authors determined the image model of G.S. Poltavchenko as a «aParatchik» (or «guardian manager»), and A.D. Beglov as a «economic executive». The article emphasizes the significance of personality traits, political career and biography, «framework» political conditions in the country as important factors influencing the public discourse of the governors of St. Petersburg and their model.

Keywords: image; political image; political image model; discourse image; governor; discourse analysis.

For citation: Koshkin A.V., Shcheglov M.Y. Comparative analysis of economic discourse, communication strategies and positioning models of the Governors of Saint Petersburg (for example G. Poltavchenko and A. Beglov). *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 259–283. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.10>

References

- Apukhtin I.N. The influence of alternative convergent media on the construction of stereotypes of perception of the image of officials of the administration of St. Petersburg. *Nauchnie trudi of northwestern institute of management RANEPA*. 2021, N 5 (52), P. 18–26. (In Russ.)
- Astashova O.I. Speech portrait of N.Yu. Belykh: dynamic aspect. *Political linguistics*. 2011, N 3 (37), P. 64–68. (In Russ.)
- Bondareva L.V. *Dynamics of the political image of Russia in the quality press of the USA*. Abstract of Ph. D. thesis, Moscow, 2007, 18 p. (In Russ.)
- Bryantseva E.A. Sociology of image: towards the formulation of the problem. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*. 2008, N 1, P. 105–117. (In Russ.)
- Budaev E.V., A.P. Chudinov. *Foreign political linguistics: textbook*. Moscow: FLINTA, 2012, 352 p. (In Russ.)
- Chertkov I.V. *Regional political regimes of the Russian Federation: (On the example of St. Petersburg, the Republic of Karelia and the Novgorod region)*. Abstract of Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 2005, 166 p. (In Russ.)

- Chudinov A.P. *Political linguistics: textbook*. 4th ed. Moscow: Flinta, Nauka, 2012, 256 p. (In Russ.)
- Chudinov A.P., Budaev E.V., Dzyuba E.V. *Theory and methodology of linguistic analysis of political text*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2016, 308 p. (In Russ.)
- Daugavet A.B. "Leading city" in the vertical dimension: the Russian model of federalism in the mirror of the discourse of power. In: *The paths of Russia. New languages of social description*. Saint Petersburg: New literary review, 2014, P. 144–160. (In Russ.)
- Donaj L., Shcheglov M.Y. Discursive image of the modern governor's authority of Saint Petersburg. *PolitBook*. 2021, N 1, P. 81–104. (In Russ.)
- Furs R.F. *Image of a political leader: psychological structure*. Moscow: Golos, 1996, 217 p. (In Russ.)
- Gavrilova M.V. *Cognitive and rhetorical foundations of presidential speech (based on the speeches of V.V. Putin and B.N. Yeltsin)*. Saint Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2004, 296 p. (In Russ.)
- Golikova T.A. Speech portrait as the main component of a leader's image in political discourse. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the modern world*. 2018, N 3, P. 9–16. (In Russ.)
- Gorchakova V.G. *Applied imageology*. Rostov-on-Don: Phoenix, 2010, 478 p. (In Russ.)
- Ilyin M.V., Smorgunov L.V. Comparative politics. *Political science (RU)*. 2001, N 2, P. 109–145. (In Russ.)
- Isseris O.S. *Communication strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: URSS, 2008, 288 p. (In Russ.)
- Kynev A.V. *Governors in Russia: between elections and appointments*. Moscow: Liberal Mission Foundation, 2020, 1030 p. (In Russ.)
- Kynev A.V. The phenomenon of "Varangian governors" as an indicator of recentralization (experience 1991-2018). *Journal of political philosophy and sociology of politics "Polity. Analysis. Chronicle. Forecast"*, 2019, N 2 (93), P. 125–150. (In Russ.)
- Leontyev D.A. From image to image: psychosemantic branding. *Advertising and life*. 2000, N 1, P. 19–22. (In Russ.)
- Malysheva E.G., Rogaleva O.S. Transformation of the media image "Governor" in the mass information regional discourse of the Omsk region (2003-2019). *Political linguistics*. 2019, N 4, P. 45–53. (In Russ.)
- McCombs M., Eyal Ch., Graber D., Weaver D. *Media agenda-setting in the presidential election*. N.Y.: Praeger Scientific, 1981, 227 p.
- Medvedeva S.M. *Political stereotypes and their impact on the electoral behavior of Russians in the 1990s. Psychology of perception of power*. Moscow: Publishing house "Social and Political Thought", 2002, P. 71–76. (In Russ.)
- Nakhimova E.A., Akhatova G.A. Russian linguistic and political personology: a communicative portrait of a regional leader. *Political linguistics*. 2020, N 1 (79), P. 52–57. (In Russ.)
- Petrovsky V.A. *Psychology of maladaptive activity*. Moscow: LLP "Gorbunok", 1992, 223 p. (In Russ.)
- Podvintsev O.B. "Varangian" governors and regional political elites in modern Russia: conditions and trends of interaction. *POLITEX*. 2009, N 2, P. 56–71.

- Shestopal E.B. *Images of Russian power: from Yeltsin to Putin*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2009, 240 p.
- Sladkevich Z.R. Personal image: on the issue of defining the concept. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*. 2019, N 4 (36), P. 68–80.
- Spector M., Kitsuse J.I. *Constructing social problems*. New York: Aldine de Gruyter, 1987, 196 p.
- Sternin I.A. *Introduction to speech influence*. Moscow: Russian State Library, 2001, 252 p. (In Russ.)
- Tuchkov S.M. *Public Relations in the political process of modern Russia*. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2001, 24 p. (In Russ.)
- Zagainov A.V. The concept of the image of a political leader: essence and approaches to definition. *Academic. zap. Kazan. un-ta. Ser. Humanitarian sciences*. 2007, N 3, P. 227–240. (In Russ.)
- Zueva T.M. Mechanisms for the formation of images of power. *Theory and practice of social development*. 2013, N 3, P. 15–20. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Анухтин И.Н. Влияние альтернативных конвергентных медиа на конструирование стереотипов восприятия образа чиновников администрации Санкт-Петербурга // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2021. – Т. 12, Вып. 5 (52). – С. 18–26.
- Асташова О.И. Речевой портрет Н.Ю. Белых: динамический аспект // Политическая лингвистика. – 2011. – Вып. 3 (37). – С. 64–68.
- Бондарева Л.В. Динамика политического имиджа России в качественной прессе США : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Бондарева Лилия Владимировна. – Москва, 2007. – 18 с.
- Брянцева Е.А. Социология имиджа: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2008. – № 1. – С. 105–117.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 352 с.
- Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 296 с.
- Голикова Т.А. Речевой портрет как основная составляющая имиджа лидера в политическом дискурсе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2018. – № 3. – С. 9–16.
- Горчакова В.Г. Прикладная имиджология. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 478 с.
- Даугавет А.Б. «Город-лидер» в вертикальном измерении: российская модель федерализма в зеркале дискурса власти // Пути России. Новые языки социального описания: сборник статей. Москва, 23–24 марта 2012 года. Том XIX. – Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2014. – С. 144–161.

- Донай Л., Щеглов М.Ю. Дискурсивный имидж современной губернаторской власти Санкт-Петербурга // PolitBook. – 2021. – № 1. – С. 81–104.
- Загайнов А.В. Понятие имиджа политического лидера: сущность и подходы к определению // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2007. – № 3. – С. 227–240.
- Зуева Т.М. Механизмы формирования образов власти // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3. – С. 15–20.
- Ильин М.В., Сморгунов Л.В. Сравнительная политология // Политическая наука. – 2001. – № 2. – С. 109–145.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. – 288 с.
- Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. – 1030 с.
- Кынев А.В. Феномен «губернаторов-варягов» как индикатор рецентрализации (опыт 1991–2018 гг.) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2019. – № 2 (93). – С. 125–150.
- Леонтьев Д.А. От образа к имиджу: психосемантический брендинг // Реклама и жизнь. – 2000. – № 1. – С. 19–22.
- Малышева Е.Г., Роголева О.С. Трансформация медиаобраза «Губернатор» в массово-информационном региональном дискурсе Омской области (2003–2019 гг.) // Политическая лингвистика. – 2019. – № 4. – С. 45–53.
- Медведева С.М. Политические стереотипы и их воздействие на электоральное поведение россиян в 1990-е годы. Психология восприятия власти / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2002. – С. 71–76.
- Нахимова Е.А., Ахатова Г.А. Российская лингвополитическая персонология: коммуникативный портрет регионального лидера // Политическая лингвистика. – 2020. – №1 (79). – С. 52–57.
- Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: ТОО «Горбунок», 1992. – 223 с.
- Подвинцев О.Б. Губернаторы-«Варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия // ПОЛИТЭКС. – 2009. – № 2. – С. 56–71.
- Сладкевич Ж.Р. Персональный имидж: к вопросу об определении понятия // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – № 4 (36). – С. 68–80.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Москва: Российская государственная библиотека, 2001. – 252 с.
- Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, Е.В. Дзюба [и др.]. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. – 308 с.
- Тучков С.М. Паблик Рилейшнз в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2001. – 24 с.
- Фурс Р.Ф. Имидж политического лидера: психологическая структура. – М.: Голос, 1996. – 217 с.

- Чертков И.В. Региональные политические режимы Российской Федерации (На примере Санкт-Петербурга, Республики Карелия и Новгородской области): автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / И.В. Чертков ; СПбГУ. – СПб., 2005. – 166 с.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.
- Шестопал Е.Б. Образы российской власти: от Ельцина до Путина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 240 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Результаты переменных имиджей губернаторов Санкт-Петербурга

	Г.С. Полтавченко	А.Д. Беглов
<i>Модель имиджа</i>	«Аппаратчик-охранитель» (или «управленец-охранитель»)	«Управленец-хозяйственник»
<i>Открытость / закрытость</i>	Закрытость	Функциональная открытость (личностная закрытость)
<i>Дополнительные характеристики имиджа</i>	Чиновник-силовик, охранитель культуры, традиционалист, слуга города / народа	Гражданский чиновник, строитель, переговорщик с федеральным центром, традиционалист
<i>Профессиональный бэкграунд</i>	Федеральная номенклатура	Федеральная номенклатура
<i>Ценности и концепт-идеи</i>	Духовность, нравственность, патриотизм, стабильность, служение	Коллективизм и консолидация, комфорт, открытость власти
<i>Ключевые темы</i>	Охрана исторического центра города, градостроительство, социальная политика, экономический рост, культурная политика	Благоустройство, социальная политика, экология, градостроительство
<i>Политический франчайзинг</i>	Поддержка от президента В.В. Путина (партийный элемент ЕР)	Поддержка от президента В.В. Путина (без партийного элемента)
<i>Отношение к выборам</i>	Деполитизированы (важны результаты работы, а не лозунги)	Деполитизированы (важны результаты работы, а не лозунги)
<i>Развитие города через федеральные / местные ресурсы</i>	Потенциал и федеральная поддержка и ресурсы	Федеральная поддержка и ресурсы
<i>Дискурс городского патриотизма (образ города)</i>	Исторический центр города, «комфортный и безопасный», «мировой культурный центр», «намоленный русской историей» «вторая столица России», «промышленный центр», «Умный город»	Научный и образовательный центр, один из лучших в мире и лучший в России по темпам развития и качеству жизни

Таблица 2

Результаты пожанрового анализа выступлений
губернаторов Санкт-Петербурга

Жанр выступления	Переменные	Г.С. Полтавченко	А.Д. Беглов
Предвыборный	Отношение к выборам	Деполитизированы (важны результаты работы, а не лозунги)	Деполитизированы (важны результаты работы, а не лозунги), друзья, коллеги
	Ценности	Единение (коллективизм), реальная работа	коллективизм, комфорт, реальная работа
	Критика оппонентов	Отсутствует	Присутствует
	Ключевая тема	Благоустройство (охрана исторического центра), социальная сфера	Благоустройство, социальная сфера
Инаугурация	Формат (идея)	Благодарности	благодарности
	Концептуальная сложность	Низкая	Низкая
	Ценность	Патриотизм и нравственные качества, служение	Открытость власти
	Ключевая тема (идея)	Использование духовно-нравственного потенциала для развития города	Сделать Петербург комфортным, социальным, умным и открытым городом
	Подчеркивание преимуществ	Прямое	Прямое
Отчеты перед Законодательным Собранием	Адресат	Вячеслав Серафимович (председатель ЗакС), почетные граждане, депутаты, петербуржцы	Вячеслав Серафимович (председатель ЗакС), депутаты, петербуржцы
	Темы	Экономические достижения, социальная ответственность и обязательства, госфинансирование, социально-экономическое развитие, градостроительная политика и ЖКХ, «Умный город»	Благоустройство, экономика (бюджет города), взаимоотношения с федеральным центром, социальная политика, цифровизация, открытость власти
	Ценности	«Наименьшая неправедность», служение, сохранение, единство, ответственность, честность, подлинные петербургские ценности, ценности великой русской культуры	Коллективизм, консолидация, комфорт, открытость

Таблица 3

Переменные и результаты биографического метода

Переменные биографического метода				
	<i>Предыдущая работа (две)</i>	<i>Роль семьи в карьере</i>	<i>Категория губернатора</i>	<i>Кол-во сроков и их тип (в – выборы, н – назначение)</i>
Г.С. Полтавченко	Полпред ЛО, Полпред ЦФО	Имеется	«Федерализованный местный»	1+1 (н+в)
А.Д. Беглов	Полпред ЦФО, Полпред СЗФО, ВРИО губернатора	Отсутствует	«Федерализованный местный» (или «варяг-возвращенец»)	1 (в)

П.Е. ЗУЕВА*

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ ВО ВНУТРИГОРОДСКИХ РАЙОНАХ ЛОНДОНА¹

Аннотация. В статье рассмотрен феномен возникновения локальных партийных систем в районных советах на примере европейского мегаполиса с внутренним муниципальным делением. Предпринимается попытка поиска причин формирования локальной партийной специфики в малых административно-территориальных единицах, выдвигается предположение о том, что этносоциальные характеристики меняющегося городского населения становятся источником новых электоральных расколов, отражающихся на локальном уровне. Проведен обзор концепций, подходов и теорий, объясняющих возможные причины формирования электоральных предпочтений и партийных размежеваний внутри мегаполиса. Кроме того, перечислены эффекты, ранее подтвержденные эмпирическими исследованиями, связанные с размером и иными характеристиками территориальных единиц, формирующих представительные органы власти. Выявлена недостаточная изученность характеристик населения внутригородских муниципалитетов, этносоциального, религиозного состава. С применением кластерного и электорального анализа удалось отследить ряд формирующих локальную партийную систему эффектов, среди которых специфика выборов второго порядка, голосование «за друзей и соседей», эффект присоединения к большинству. Голосование во внутригородских районах не повторяло динамические изменения общенациональных выборов, могло характеризоваться специфическими предпочтениями, не

* Зуева Полина Евгеньевна, стажёр-исследователь Лаборатории региональных политических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: pezueva@edu.hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социальная поляризация и региональная дифференциация в государстве: есть ли вызов для стабильности?» Лаборатории региональных политических исследований Факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

являлось однородным на территории города. С обращением к экологическому подходу был обнаружен ряд социально-экономических и этнорелигиозных характеристик населения, формирующих специфические электоральные предпочтения. Так, районы с иммигрантским и небелым населением сдвигаются в сторону левых партий, а социально-экономическое благополучие районов может становиться основой для голосования за локальных акторов, концентрирующих внимание на местной повестке. Обнаружено зарождение локальной партийной системы в Лондоне, в первую очередь связанное с разочарованием избирателей в основных партиях, их неспособностью адаптироваться к новым расколам, возникающим в больших городах с высоким уровнем поляризации населения.

Ключевые слова: локальные партийные системы; местное самоуправление; муниципальные выборы; внутригородские районы Лондона, кластерный анализ; экологический подход.

Для цитирования: Зуева П. Е. Формирование локальных партийных систем во внутригородских районах Лондона // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 284–308. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.11>

Особенности организации местного самоуправления в крупнейших агломерациях мира представляют собой поле для изучения представительной власти на локальном уровне. Определение территориальных единиц, способных к демократическому самоуправлению и, как следствие, ответ на вопрос об административно-территориальном делении города, лежит в компромиссе двух процессов. Первый из них – формирование системы сверху, для удобства централизованного управления. Второй – формирование снизу, благодаря структуре расселения и стремлению общностей, проживающих в территориальной единице, к самоуправлению [Dahl, 1967, p. 953–954].

Возникает необходимость распределения власти между национальными и субнациональными единицами, которое может принимать формы разной степени симметрии, может являться кооперативным или координационным [Aroney, 2016, p. 8–10]. Возникновение и функционирование партийных систем в субнациональных единицах также становится вопросом о власти на территории: о возможности ее обретения локальными акторами или о дублировании общенациональной системы, инерционности муниципальных конфигураций партий и электоральных предпочтений относительно общенациональных и региональных. Специфика внутригородского муниципалитета может способствовать как первому, так и второму: власть низового уровня при этом в меньшей степени

интересует и избирателей, и избираемых, что проявляется в низкой (относительно общенациональных и региональных выборов) явке. Абсентеизм может упрощать как встраивание муниципалитета в вертикаль, так и мобилизацию электората небольших партий.

Вопрос о размере муниципалитета как о предикторе эффективности или самостоятельности партийной системы проверяется исследователями на различных эмпирических материалах, существует широкий набор представлений. Например, чем меньше муниципалитет, тем сложнее на его территории организовать эффективное решение общегородских вопросов [Newton, 1982, p. 205]. При этом чем больше число жителей в муниципалитете, тем вероятнее сходство локальной и национальной партийных систем [Kjaer, Elklit, 2010, p. 440], а также выше национализация локальных партийных систем, т.е. их территориальное однообразие [Dodeigne et al., 2021, p. 117]. Тем не менее эмпирические исследования в данном подходе (несмотря на то что их преимущество – наглядность результатов) страдают от недооценки характеристик муниципалитета как самоуправляемой единицы, которые не исчерпываются исключительно размером и требуют уточнения в силу растущей поляризации населения крупнейших городов по основным этносоциальным характеристикам.

Способы и причины формирования самостоятельной партийной системы в территориальных единицах разделенного города, если существование таковой возможно, могут быть различными. В этой статье предпринимается попытка поиска этих причин через обращение к социологическим данным о составе населения, а также к результатам выборов. Гипотезу можно сформулировать так: локальная специфика голосования на выборах в представительные органы местного самоуправления во внутригородских муниципалитетах западных демократий обусловлена совокупностью этносоциальных характеристик населения, влияние которых вновь растет в связи с миграционными процессами.

Используются методы кластерного и электорального анализа, а также экологический подход, позволяющий связать голосование групп избирателей с характеристиками территорий. Эмпирическим материалом служат результаты выборов в Палату общин Великобритании 2019 г. и муниципальных выборов в советы боро (районов, на которые город делится для осуществления местного самоуправления) Лондона 2022 г., а также данные социологических

опросов, публикуемые администрацией Лондона, результаты которых характеризуют этносоциальный состав отдельных районов города.

Теоретическая рамка

Классическое представление об источниках своеобразия национальных партийных систем возникло благодаря Липсету и Роккану, сформулировавшим четыре линии размежеваний. По мнению авторов, это конфликт культур центра и периферии, государства-нации и церкви, земельных собственников и промышленных предпринимателей, а также конфликт собственников и работодателей с рабочими и служащими. Расколы обрели форму в ходе национальных и индустриальных революций, обозначив в том числе возможный спектр электоральных предпочтений [Lipset, Rokkan, 1967, p. 13–14].

Жизнеспособность этой теории на текущем этапе существования политической науки подвергается сомнениям. С одной стороны, Липсет и Роккан предусматривали в связи с рядом тенденций некоторую динамику в значимости расколов. В контексте, например, роста городов авторы отмечают слияние интересов сельского хозяйства и промышленности в пользу перехода к классовой поляризации, которая в свою очередь могла смягчаться для граждан обретением иммигрантами положения низшего рабочего класса [Lipset, Rokkan, 1967, p. 22–23, 41–43]. Однако изменения в электоральных законодательствах, предусматривающие право голосования для резидентов без гражданства в части стран Европы [Rashkova, 2022, p. 217], ставят под сомнение тезис о смягчении классовых противоречий в партийной системе. Представление о разнообразии электоральных предпочтений как о результате все тех же старых размежеваний, сохраняется и по сей день: существует мнение, что современную партийную систему определяют две линии – религия или культура и социально-экономическое положение, принадлежность к классу [Kriesi et al., 2006, p. 924].

С другой стороны, консенсус относительно интерпретации теории расколов еще не достигнут. Изменение политического ландшафта, в том числе в контексте западноевропейских стран, проявилось в перераспределении голосов от классических партий к новым игрокам (среди которых партии не только новые левые и

радикально-правые, но и находящиеся вне классического представления об идеологии), а также в структурных изменениях современной экономики. Эта трансформация создает необходимость поиска новых причин размежеваний, а также приводит к вопросу о том, становится ли политика более индивидуализированной [Bornschiefer et al., 2021, p. 4]. В поисках причин исследователи обращаются к тенденциям глобализации, распространения высшего образования, иммиграции, растущей продолжительности жизни, урбанизации [Ford, Jennings, 2020, p. 297–300].

Европейская интеграция может формировать специфику новых размежеваний партийных систем. Пример современного раскола – раскол «транснациональный», возникший в связи с отношением партий и избирателей к вмешательству в социальную жизнь внешних акторов (иммигрантов, наднациональных органов власти) по причине перехода привычной формы национального государства к конфедеративному управлению [Hooghe, Marks, 2018, p. 110, 127]. Данный аспект социальной жизни имеет потенциал быть отраженным в локальной политике крупнейших мегаполисов. Эксплуатация острой, особенно для жителей городов, темы используется местными политиками как в популистских целях (в качестве идеологической ориентации), так и в рамках формирования политик социальной поддержки, определения бюджета (например: [Ayşe, Schiller, 2018, p. 47–49]). Исследователи наблюдали особенно характерное для США «расово поляризованное» голосование, когда основой различия кандидатов становилась их расовая принадлежность в силу значимых корреляций с позициями кандидата относительно проблемных вопросов. Расовая принадлежность тем самым становится значимым предиктором голосования [Abrajano et al., 2005, p. 204, 208].

Возникновение выборов надгосударственного уровня в странах Европейского союза меняет отношения внутри электоральных процессов национальной системы. Выборы в конфедеративные органы управления становятся т.н. выборами второго порядка относительно общенациональных – сродни региональным и местным выборам. Специфика выборов второго порядка состоит в более низком уровне участия, лучших возможностях для небольших и новых партий, большей доле недействительных бюллетеней, частом проигрыше партий национального правительства. Усилия партий по проведению кампаний более значимы на выборах второго

порядка, так как определяют фокус внимания избирателей в отсутствие широты освещения выборов в СМИ. Тем не менее динамика, характеризующая выборы второго порядка относительно общенациональных, может возникать и по причине культурных, структурных изменений в предпочтениях электората. Партии, базируясь на социально-экономических и культурных основаниях, адаптируются к меняющимся обстоятельствам политических процессов между избирательными кампаниями [Reif, Schmitt, 1980, p. 8–9, 14–15, 30]. Усилия партий также могут являться причиной различий в голосовании территорий и снижать показатель национализации, отражающий степень территориальной гомогенности результатов выборов. Выбор регионов или даже избирательных округов присутствия, совершаемый крупнейшими партиями при участии в субнациональных кампаниях, становится и основой выбора избирателей [Caramani, 2004, p. 154–192].

В свою очередь способность партий пользоваться выгодами присутствия на локальном уровне, сетью штабов и наличием представителей полезна для выборов в национальные органы власти. Одна из причин – влияние персональных контактов на выбор индивида: локальные представители крупнейших партий, будучи заметными для голосующих на территории, обладают способностью направлять выбор граждан. Еще сильнее эта способность проявляется, когда отношения персонифицированы. Граждане, озвучивая свои электоральные предпочтения, формируют выбор тех друзей и знакомых, которые не совершили его самостоятельно, или же тех, чьи политические симпатии были менее устойчивы. Возникает эффект присоединения к большинству [Lazarsfeld, Berelson, Gaudet, 1948, p. 15–18].

В случае меньшего (по сравнению с общенациональным уровнем) присутствия СМИ как эффект от персонального контакта избирателей и представителей партии, так и передача информации в малых социальных группах могут оказываться еще более значимым источником формирования электоральных предпочтений на выборах в местные органы власти. Голосование «как друзья и соседи» может обретать форму «за друзей и соседей» в силу территориальной и социальной близости жителей одного муниципального образования [Johnston, 1974, p. 418–419]. Создается потенциал для появления локальных акторов и формирования специфики голосования в отдельном муниципалитете.

Таким образом, подходы к определению основ возникновения и причин сохранения партийных систем вместе со спецификой электоральных предпочтений избирателей применимы к исследованиям локальных уровней. Внутригородская политика в современной Европе может обнаруживать свои начала в попытке сформировать отношения к интервенциям внешних акторов, таких как мигранты, меняющих динамичную социальную структуру города. Именно эта специфика внутригородской политики, особым образом отражающая изменения в современных партийных системах, может формировать новые расколы, становящиеся ключевыми для возникновения локальных партийных систем, не тяготеющих к заимствованию конфигураций национальных систем. Это исследование становится попыткой обнаружить причины и механизмы существования различий результатов выборов в представительные органы муниципалитетов внутри города через определение места социальных и этно-религиозных характеристик населения в политическом делении города на районы разных электоральных предпочтений.

Особенности организации местной власти во внутригородских муниципалитетах Лондона

Система управления на локальном уровне в Великобритании во многом сформировала парадигму современных подходов к определению места и роли местного самоуправления в системе публичной власти. Так, англосаксонская система, противопоставляемая континентальной, согласно одной из широко цитируемых теорий, дает большую автономию муниципалитетам и характеризуется высокой степенью гражданских свобод. Выборность представителей локальных органов власти – одна из основ функционирования англосаксонской системы [Либоракина, 2003, р. 225–227]. Исключением не является и случай внутригородских муниципалитетов. Локальные выборы проходят в Лондоне каждые четыре года, в единый для всех районов день голосования¹.

¹ How the elections work? // London Councils. – Mode of access: <https://www.londoncouncils.gov.uk/who-runs-london/london-elections/how-elections-work> (accessed: 27.11.2023).

Лондон, являющийся с 1994 г. административно-территориальным образованием со статусом региона, имеет свою структуру, в которой местное самоуправление осуществляется на уровне внутренних районов, наследуя ее от городов-графств (англ.: metropolitan county)¹. На локальном уровне Лондон управляется 32 районами, или же боро (*borough*), а также церемониальным графством Лондон-сити, обладающим особым политическим статусом и собственными органами управления².

Представительная власть в боро Лондона может быть организована двумя способами. Во-первых, муниципальный совет может возглавить напрямую избранный жителями мэр. Мэр, в данном случае, из всех избранных гражданами советников, формирует кабинет министров в составе 10 человек. Боро, функционирующих согласно этой системе, на данный момент пять. В 2022 г. к числу этих боро присоединился Кройдон, избрав в качестве мэра члена Консервативной партии Джейсона Пэрри. Для перехода к прямым выборам мэра района необходимо проведение референдума среди жителей, в Кройдоне он состоялся в октябре 2021 г. Во-вторых, кабинет министров может возглавить лидер, избранный советниками. Такой лидер также выбирает своего заместителя и кабинет министров, однако совет обладает правом отстранить лидера в течение действия срока его полномочий посредством резолюции. Лидер, в отличие от мэра, обладает скорее церемониальной функцией³. Готовность боро к проведению референдума и последующих выборов мэра может сигнализировать о росте интереса к локальной партийной системе. Еще одним преобразованием в представительной структуре муниципалитетов стало увеличение числа мест в части местных парламентов в результате учета изменений в численности населения.

Решение проблемы неэффективности части политик на уровне внутригородских муниципалитетов осуществляется в Лон-

¹ England. Detailed information on the administrative structure within England. // Office for national Statistics. – Mode of access: <https://www.ons.gov.uk/methodology/geography/ukgeographies/administrativegeography/england> (accessed: 27.11.2023).

² Local Government Act 1972 // [legislation.gov.uk](https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1972/70/contents). – Mode of access: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1972/70/contents> (accessed: 27.11.2023).

³ The essential guide to London local government // London Councils. – Mode of access: <https://www.londoncouncils.gov.uk/who-runs-london/essential-guide-london-local-government> (accessed: 27.11.2023).

доне не только посредством введения права на создание совместных соглашений по оказанию услуг, но и с помощью коллегиального органа – совета Лондона, образование которого является результатом низовой инициативы муниципалитетов, благодаря чему самостоятельность местной власти сохраняется, несмотря на распределение части полномочий в пользу городского совета¹. Кооперативная модель распределения власти подразумевает не только горизонтальное взаимодействие муниципалитетов для более эффективного решения вопросов, но и наличие системы отношений муниципальных и региональных властных институтов². Лондон оказывается городом с системой советов, способных влиять как на общегородскую, так и на районную политику.

Эволюция локальной партийной системы в Лондоне по итогам муниципальных выборов 2022 г.

Широта эмпирических подтверждений теорий о характере зависимости локальных избирательных кампаний от кампаний национальных для осмысления партийной системы Лондона требует сначала обратиться к результатам выборов в палату общин – избираемую палату парламента Великобритании – на примере результатов в Лондоне.

По итогам выборов в палату общин 2019 г. изменения в распределении голосов между партиями в Лондоне были небольшими. Динамике послужила упавшая на 2,6 п.п. явка, а также перераспределение голосов от кандидатов крупнейших партий (лейбористов, чья доля голосов сократилась на 6,4 п. п., составив 48,1%, и консерваторов с 32% голосов, утративших 1,1 п. п.) к более слабым партиям либеральных демократов (14,9%, +6,1 п. п.) и зеленых (3,1%, +1,3 п. п.).³ Итоги выборов также демонстрируют изменения в географии поддержки партий. В контексте сравнения

¹ Who we are // London Councils. – Mode of access: <https://www.londoncouncils.gov.uk/about-us/who-we-are> (accessed: 27.11.2023).

² London Government Act 1963 // [legislation.gov.uk](https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1963/33). – Mode of access: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1963/33> (accessed: 27.11.2023).

³ General Election 2019: full results and analysis // UK Parliament. – Mode of access: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8749/> (accessed: 27.11.2023).

с результатами локальных выборов Лондона возникает вопрос о соответствии территориальных единиц: избирательные округа не идентичны районам города, но сопоставимы с ними¹.

Основные динамические изменения на общенациональных выборах были связаны с районами на юго-западе Лондона. Избирательные округа Твикнем, Кингстон и Сербитон, Ричмонд-парк, составляющие районы Ричмонд и Кингстон, образовали в 2019 г. территориальный кластер голосования за кандидатов от Партии либеральных демократов благодаря присоединению к нему округа Ричмонд-парк². Тем временем округ Патни (часть района Уондсуэрт) перешел к Лейбористской партии от консерваторов. В результате выборов 2017 г. аналогичное перераспределение электората уже произошло в избирательном округе Баттерси, создав для лейбористов еще одну зону поддержки в районе Уондсуэрт³. Таким образом, динамика общенациональных выборов может быть связана с ростом стремления избирателей к однородности голосования в границах одного боро, демонстрируя возможность влияния районной структуры города на территориальные особенности голосования.

Единственным случаем изменения в партийной принадлежности избранного в округе кандидата, который нельзя охарактеризовать с точки зрения стремления к гомогенности голосования внутри границ одного района, стал округ Кенсингтон. Он перешел от лейбористов к консерваторам. Однако в боро Кенсингтон и Челси входит, помимо Кенсингтона, часть другого избирательного округа – Челси и Фулхэм. Специфика нарезки избирательных округов в случае данного боро не позволяет дать однозначную характеристику произошедшим изменениям.

¹ Constituencies and boroughs // London Councils. – Mode of access: <https://www.londoncouncils.gov.uk/who-runs-london/general-election/constituencies-and-boroughs> (accessed: 27.11.2023).

² 2017 General Election // London Councils. – Mode of access: <https://www.londoncouncils.gov.uk/who-runs-london/general-election/2017> (accessed: 27.11.2023).

³ 2015 General Election // London Councils. – Mode of access: <https://www.londoncouncils.gov.uk/who-runs-london/general-election> (accessed: 27.11.2023).

Рис. 1.
**Результаты выборов 2019 г.
в палату общин Великобритании¹**

Локальные выборы в Великобритании, на которых были разыграны места во всех советах Уэльса, Шотландии, и частично Англии (помимо лондонских советов было избрано семь мэров) в некоторой степени являются эмпирическим подтверждением теории о выборах второго порядка в силу низкой явки (явка на обще-

¹ 2019 General Election // London Councils. – Mode of access: <https://www.londoncouncils.gov.uk/who-runs-london/general-election/2019> (accessed: 27.11.2023).

национальные выборы составила 67,3%, на локальные – 34,4%) и проигрыша партии национального правительства (Консервативной партии)¹. Однако результаты локальных выборов в Лондоне с точки зрения партийной поддержки объясняются вышеупомянутой теорией не исчерпывающе. Специфика политических предпочтений лондонских избирателей оказывает заметное влияние на итоги общенациональных выборов, характеризующиеся отличными от остальных регионов Англии тенденциями. Вопрос же о самостоятельности локальной партийной системы касается, в первую очередь, конфигураций местных парламентов, а также их отличий от составов избранных в районах членов палаты общин – это будет рассмотрено ниже.

На местных выборах произошел ряд значимых по сравнению с 2018 г. изменений в составах местных парламентов: в 6 из 32 боро сменилась партия большинства. Среди них Уондсуэрт, Барнет и Вестминстер, где Лейбористская партия впервые обрела абсолютное большинство, ранее принадлежавшее Консервативной партии. Напротив, в боро Кройдон они лишились контроля за принятием решений в результате потери семи мест. Формально ни одна из партий в Кройдоне не обладает абсолютным большинством, однако принадлежность избранного мэра к Консервативной партии позволяет ассоциации Лондонских советов классифицировать боро как консервативное. В боро Харроу контроль также перешел к консерваторам от лейбористов, которые утратили 3 места из 11 в силу сокращения мест в совете. Наконец, лейбористы потеряли 23 места в боро Тауэр-Хамлетс, уступив большинство локальной партии «*Aspire*».

¹ Local Elections Handbook 2022 // The Elections Centre. – Mode of access: <https://www.electionscentre.co.uk/wp-content/uploads/2022/04/LEH2021-complete.pdf> (accessed: 27.11.2023).

Рис. 2.
**Результаты выборов 2022 г.
в локальные советы районов Лондона¹**

Тауэр-Хамлетс – один из главных примеров зарождения локальной партийной системы в Лондоне. Электоральный успех партии Aspire во многом связан с лидером, Лютфуrom Рахманом.

¹ 2022 Results // London Councils. – Mode of access: <https://www.londoncouncils.gov.uk/who-runs-london/london-local-elections/2022-london-election-results> (accessed: 27.11.2023).

Его близость к избирателям, обусловленная проживанием Рахмана на территории боро Тауэр-Хамлетс, где он вырос несмотря на пакистанское происхождение, становится преимуществом. Впервые *Aspire* приняла участие в выборах 2014 г. под названием *Tower Hamlets First*, получив 18 мест из 45 и оставив за Рахманом место мэра, принадлежавшее ему с 2010 г.¹ Смена названия связана с обвинениями в адрес Рахмана в манипуляции голосами избирателей². По решению суда он был лишен права баллотироваться на выборные должности на пять лет, а партия *Tower Hamlets First* была распущена, вернувшись к выборам 2022 г. под новым названием *Aspire*³. В 2022 г. ему удалось вновь занять пост мэра района, вслед за переизбранием в 2021 г. Садика Хана, мэра Лондона, также являющегося этническим пакистанцем. Партия *Aspire* получила в своем районе большинство (24 места из 45).

Но создание локальных партий – не самая типичная для Лондона форма политического участия. В ряде подобных случаев получение мандатов локальными акторами произошло в составе ассоциаций жителей. В районах Бромли, Мертон и Кингстон представители ассоциаций выиграли три, два и одно место соответственно, не составив, однако, большой конкуренции основным партиям. Иная ситуация в боро Хаверинг, где успех ассоциаций жителей еще в 2010 г. привел к отсутствию партийного контроля, которое сохранилось и в результате последних выборов. Из 55 мест 23 занимают представители пяти движений, объединенных в ассоциацию жителей Хаверинга, не являющуюся партией. Основные различия между ними заключаются в принадлежности к разным избирательным округам внутри боро.

¹ 2014 Results // London Councils. – Mode of access: <https://www.londoncouncils.gov.uk/who-runs-london/london-local-elections/2014-london-election-results> (accessed: 27.11.2023).

² Lutfur Rahman: Aspire party takes control of Tower Hamlets // BBC. – 2022. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/uk-england-london-61364987> (accessed: 27.11.2023).

³ Who are the Aspire party? Tower Hamlets new council and why leader Lutfur Rahman was banned from office // MyLondon. – 2022. – Mode of access: <https://www.mylondon.news/news/east-london-news/aspire-tower-hamlets-lutfur-rahman-23894533> (accessed: 27.11.2023).

Рис. 3.
**Результаты выборов 2018 г.
в локальные советы районов Лондона¹**

По итогам анализа динамики локальных выборов Лондона было выделено две группы боро. Классификационным признаком служила инерционность партийных систем. На оценку инерционности влияло число мест, перераспределенных между партиями и иными акторами (ассоциациями, независимыми кандидатами) без

¹ 2018 Results // London Councils. – Mode of access: <https://www.londoncouncils.gov.uk/who-runs-london/london-local-elections/2018-london-election-results> (accessed: 27.11.2023).

учета изменений в общем числе мест для боро, а также характер перераспределения.

В первую группу вошли боро с отсутствующей или минимальной динамикой, число перераспределенных мест в которых входит в первый или второй дециль ряда данных из числа перераспределенных мест по всем боро, то есть ≤ 1 . Это восемь боро: Баркинг и Дагенем, Бексли, Хаммерсмит и Фулем, Хаунслоу, Ислингтон, Кенсингтон и Челси, Луишем, Уолтем-Форест. Из них в четырех боро динамика полностью отсутствовала, а еще в четырех была связана с потерями консерваторами одного места (три раза в пользу лейбористов, один раз в пользу либеральных демократов). Таким образом, голосование в данных боро инерционно не только относительно предыдущего созыва, но и относительно общегородских трендов, повторяя основной из них – снижение поддержки Консервативной партии.

Во вторую группу были включены боро с наибольшим числом перераспределенных мест, входящим в девятый и десятый децили. В этих боро было перераспределено между акторами ≥ 12 мест. Это пять боро: Вестминстер, Тауэр-Хамлетс, Мертон, Бромли и Барнет. Динамика в этих районах связана с несколькими тенденциями. Первая, характеризующая Вестминстер и Барнет, – переход голосов от консерваторов к лейбористам. В Бромли потери консерваторов привели к росту представительства не только Лейбористской партии, но и Партии либеральных демократов. В боро Мертон десяти мест лишилась Консервативная партия, трех – Лейбористская. Благодаря этому Партии либеральных демократов удалось получить на 11 мандатов больше, чем в предыдущем созыве. Сокращение представительства Лейбористской партии оказалось характерно еще для одного случая – Тауэр-Хамлетс.

Несмотря на высокий уровень динамики внутри данной группы, в большинстве случаев изменения связаны с потерями Консервативной партии. Однако три из пяти наиболее динамичных боро – Бромли, Мертон и Тауэр-Хамлетс – являются примерами участия в советах локальных акторов. Оставшиеся два примера такого участия (Хаверинг и Кингстон) также можно назвать скорее динамичными, в обоих случаях было перераспределено шесть мест.

Таким образом, локальные движения свойственны для боро с выраженной электоральной динамикой. Однако почвой для изменения электоральных предпочтений в их пользу становится спад

популярности Консервативной партии, что может сигнализировать не о стабильно сохраняющей специфику локальной партийной системе, отвечающей запросам групп населения на репрезентацию, а о ее зарождении в ситуации разочарования избирателей в крупнейших партиях.

Локальные выборы продемонстрировали отличный от общенациональных характер динамики предпочтений лондонских избирателей. Заметное для Лондона как для преимущественно «лейбористского» региона сокращение поддержки Лейбористской партии на выборах в Палату общин не повторилось далее на локальных выборах. Напротив, разочарование в правлении Консервативной партии привело многие районы города по результатам выборов 2022 г. к лейбористскому большинству в советах и росту представительства партии в лондонских муниципалитетах в целом.

Значимое сокращение мест (на 108 из 511, полученных в 2018 г.) для партии, правящей на общенациональном уровне, стало эмпирическим подтверждением теории выборов второго порядка, наряду с сильно сниженной, относительно выборов в парламент Великобритании, явкой. Наряду с этим и тоже в соответствии с теорией выборов второго порядка отмечался рост поддержки на локальных выборах небольших оппозиционных партий в лице Партии либеральных демократов.

Одной из основных конфигураций советов Лондона является двухпартийная система, но она редко воспроизводит общенациональную. Только в десяти случаях совет делят две ведущие общенациональные партии – консервативная и лейбористская, еще в двух – лейбористская и Партия либеральных демократов, еще в двух – Лейбористская партия и Партия зеленых. Есть также два случая бора с советами, состоящими исключительно из лейбористов. Это Луишем, а также Баркинг и Дагенем.

Помимо положения лейбористов как наиболее сильной партии Лондона последний эмпирический факт позволяет говорить и о влиянии электоральной политики самих партий на географию голосования. Налицо стремление партий сосредоточить свои усилия на более перспективных боро, что приводит к невниманию к остальным районам. Одним из эффектов становятся однопартийные местные советы, которые в случае Лондона заполнены лейбористами. Тем самым советы в ограниченной степени сохраняют функцию репрезентации групп населения, а локальные партийные

системы оказываются упрощенными и местами даже неконкурентными, опять-таки отличаясь от общенациональной партийной системы.

С целью поиска расколов, определяющих неоднородность голосования на территории Лондона, был проведен кластерный анализ районов города, в результате которого 32 боро были разделены на три кластера, исходя из этносоциальных характеристик населения районов. Были использованы данные репрезентативных социологических опросов, проведенных администрацией Большого Лондона, отражающие количество белого, черного населения, а также азиатов; число жителей, родившихся за пределами Соединенного Королевства¹; процент населения, оценивший свой уровень удовлетворенности жизнью как очень высокий; доходы в неделю²; число мусульман, христиан, а также лиц без принадлежности к религии³.

Данные были приведены к долям, где это возможно, а затем масштабированы с помощью функции *scale*, которая определяет значение переменной после применения следующей формулы:

$$\frac{x - \bar{x}}{s}$$

(из переменной вычитается среднее значение по выборке, результат вычитания делится на стандартное отклонение).

Для кластеризации в *R-studio* был применен метод *k*-средних из библиотеки *cluster* пакета *rlang*, определяющий принадлежность вектора (в данном случае боро) к одной из групп исходя из близости к центру кластера – случайно выбранной точке. Количество точек (центров) равно 3 было выбрано исходя из разнообразия статистических данных, а также по результатам наблюдения за итогами кластеризации при выборе данного показателя от 2 до 6. Для подбора центральных точек с минимальным разнообразием

¹ Population by nationality // London Datastore. – Mode of access: <https://data.london.gov.uk/dataset/nationality> (accessed: 27.11.2023).

² Equalities, Diversity and Inclusion Measures // London Datastore. – Mode of access: <https://data.london.gov.uk/dataset/equalities-diversity-and-inclusion-measures> (accessed: 27.11.2023).

³ Population by Religion, Borough // London Datastore. – Mode of access: <https://data.london.gov.uk/dataset/percentage-population-religion-borough> (accessed: 27.11.2023).

векторов внутри кластеров значение *nstart*, отражающее количество начальных конфигураций, из которых производится выбор оптимальной классификации по кластерам, было выбрано равное 25. По итогу были сформированы и в дальнейшем проанализированы три кластера.

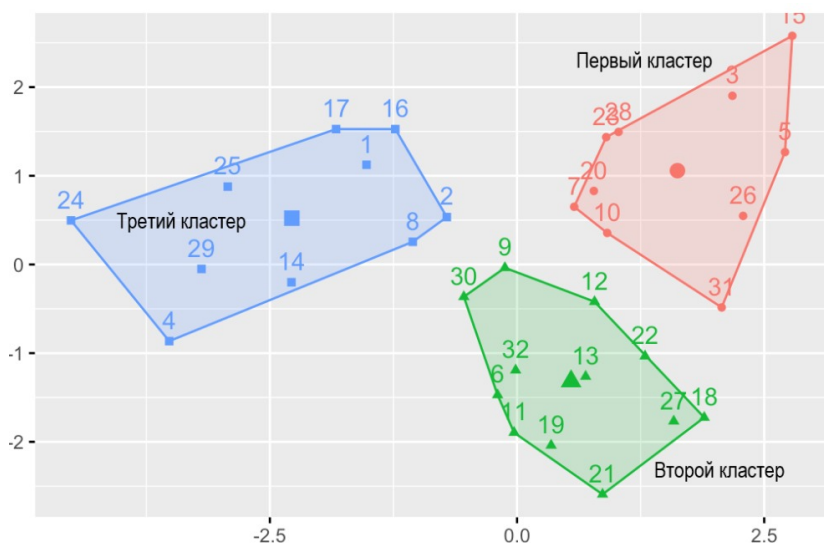

Рис. 4.

Результаты кластеризации в *R-Studio*, где красный – первый кластер, зеленый – второй кластер, синий – третий кластер, а числа обозначают порядковые номера боро в списке в алфавитном порядке

Для каждого из боро первого кластера процент иммигрантов строго ниже среднего (от 10,5 до 35%), а процент жителей с очень высокой удовлетворенностью жизнью от 24,65 до 34,24% (при среднем в 26,44%) достигает максимума именно в этих боро. Процент азиатского населения колеблется от 4,5 до 18,1% при среднем в 17,8%, показатель достигает минимума по Лондону. Доля черного населения также достигает своего минимума в 1,5% в данных боро. Мусульман в боро, относимых к первому кластеру, меньше, чем в остальных, и строго меньше среднего процента (от 2,2 до 11%). Христиан и атеистов в районах кластера 1 больше, чем в других –

от 41,8 до 59,7% и от 31,9 до 38,8% соответственно. Доход при этом в боро кластера строго выше среднего.

Во втором кластере находятся боро с наибольшим количеством черного населения, от 7 до 23,4%, однако азиатов там максимум 15,9%, что строго ниже среднего. Процент иммигрантов значительно выше, чем в случае предыдущего кластера, от 32 до 49,3%, а удовлетворенность жизнью при этом может оказываться невысокой относительно боро в других кластерах (от 18,5 до 28,21% при среднем в 26,44%). Вероисповедание оказывается менее важным фактором для выделения этого кластера, так как все три категории (христиане, мусульмане, неверующие) занимают наиболее близкую к средней по Лондону часть населения. Разброс по заработку также велик.

В третьем кластере достигает максимума процент азиатского населения (от 14,6 до 47,2%). Строго выше среднего процент иммигрантов (от 35,9 до 52,1%). Процент мусульман значительнее, чем для остальных кластеров, от 11,8 до 42,3%. Атеистов же строго ниже среднего, от 11,1 до 26,9%.

Таким образом, боро первого кластера характеризуются общим благополучием жителей, в том числе экономическим. Основное население – белое, коренное, тяготеющее к атеизму или исповедующее христианство. Второй кластер состоит из боро с повышенной долей черного населения, но является более неоднородным относительно показателей благополучия. Боро третьего кластера представляют собой районы концентрации азиатского населения, которая им оказывается свойственна больше, чем иным этническим группам. Этот факт и определяет религиозные предпочтения, в том числе высокую долю мусульман.

Сопоставляя динамику голосования в боро и их кластерную принадлежность, следует отметить две тенденции, характерные исключительно для определенных кластеров.

Первая тенденция – потери консерваторов в пользу либеральных демократов, отмеченные в четырех боро, принадлежащих к первому кластеру. Разочарование в Консервативной партии приводит наиболее благополучные боро к голосованию за Либерально-демократическую партию. Кроме того, все советы, в которых большинством обладает Либерально-демократическая партия, относятся к данному кластеру.

Вторая тенденция, в свою очередь, связана с переходом избирателей от либеральных демократов к лейбористам. Два таких случая зафиксированы во втором кластере. Вероятно, боро с черным населением и высокой долей иммигрантов обращаются к лейбористам как к условно более «левой», чем либеральные демократы, партии, поддерживающей меньшинства. Партия лейбористов в целом оказывается наиболее популярной в боро второго кластера: во всех, кроме одного (Кенсингтон и Челси) парламентское большинство принадлежит именно ей.

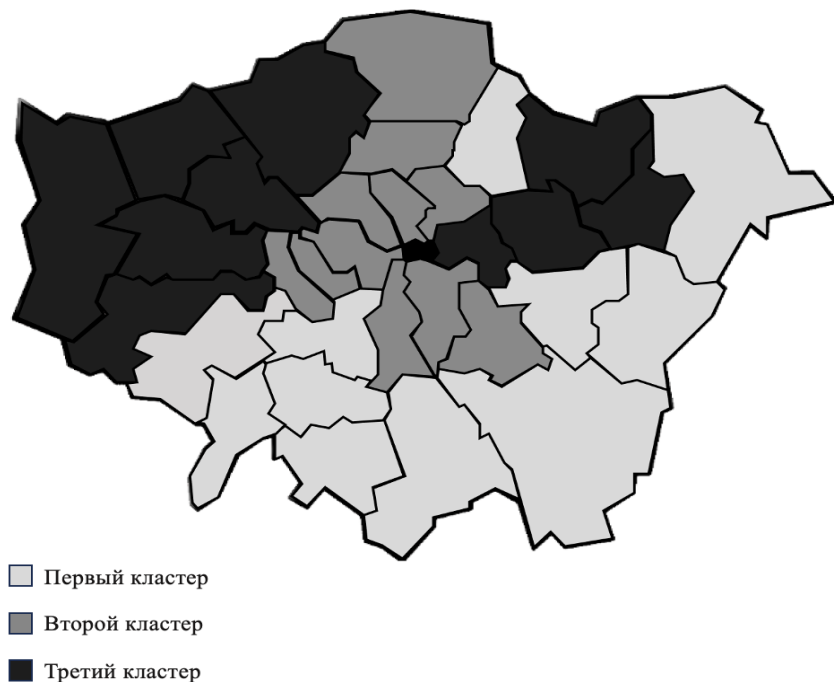

Рис. 5.

Распределение кластеров по территории Лондона

Боро внутри первого кластера характеризуются схожестью не только этнорелигиозных и социально-экономических характеристик населения, но и электоральных предпочтений. Аналогичный вывод со своими характеристиками релевантен и для второго кластера, что

позволяет говорить о возникновении внутригородского раскола, характеризующего размежевание между различными группами населения, в том числе возникшими в результате миграций.

Менее однозначной электоральной характеристикой оказывается голосование за локальных акторов. Четыре из пяти случаев участия локальных акторов в совете связаны с наиболее благополучным первым кластером, то есть интерес к локальной повестке у граждан возникает в случаях, когда обеспечение базового благополучия перестает быть основной проблемой, что заметно и по более высокой относительно остальных явке для первого кластера. Пятый и уникальный случай – это Тауэр-Хамлетс, оказавшийся в третьем кластере. Как средняя заработная плата, так и уровень удовлетворенности жизнью здесь выше среднего, но голосование за локальную партию обусловлено этнорелигиозными особенностями боро, включающего крупную мусульманскую общину, интересы которой и представляет локальная партия *Aspire*.

В итоге выявлены два сценария, при которых возможно возникновение и сохранение локальных акторов как основы формы локальной партийной системы. Первый, в большей степени способствующий возникновению местной политики, связанной с повесткой локального уровня, – это случай высокого уровня благополучия населения. Второй, скорее потенциальный пример возвращения акторов на локальном уровне, – это формирование партий и иных форм местных движений для выдвижения на выборы на основе этнорелигиозных общин.

Заключение

Работа является попыткой проанализировать причины формирования локальных партийных систем на территории большого европейского города, разделенного на муниципалитеты. Был использован ряд подходов для поиска предпосылок формирования партийных систем на локальном уровне: голосование за «друзей и соседей», классическая и современная теории расколов, эффекты «выборов второго порядка», расово поляризованное голосование. В целях поиска условий возникновения локальной специфики на выборах основным подходом стал экологический с применением методов кластерного и электорального анализа.

Результаты исследования свидетельствуют о зарождении локальной партийной системы Лондона вследствие изменения электоральных предпочтений и неспособности крупнейших партий выразить интересы изменившихся в результате миграционных процессов групп избирателей. Гипотеза подтверждена частично. Были обнаружены особенности электоральных предпочтений, свойственные населению трех выявленных внутригородских кластеров, что сигнализирует о влиянии этносоциальных факторов на формирование локальной партийной системы, но не все электоральные предпочтения имели такую основу.

Выводы исследования ограничены и могут быть повторно проверены при преодолении ряда проблем, связанных с использованной методологией. Экологический подход не состоятелен при попытке экстраполяции данных о группах на данные об индивидах. Кластерный анализ по методу k -средних может привести к более убедительным выводам при использовании не только иных методов кластерного анализа и методов классификации, но и при уточнении результатов регрессионным анализом.

Однако выработанный подход к обнаружению локальной партийной системы и причин ее возникновения может быть применен и к ряду других крупных городов с подобными Лондону способами организации местной власти для формирования представления о локальных партийных системах.

P.E. Zueva*

The formation of local party systems in London boroughs

Abstract. In this paper, the author reviews a concept of local party systems. More specifically, the author studies party systems of boroughs as inner-city councils. Here the author focuses on the role of ethnosocial factors in formation of party-system, more specifically, on characteristics of boroughs residents. The hypothesis predicts that ethnosocial factors play the main role in local party system transformation. There is a growing body of researches which demonstrates quantitative characteristics of counties mainly influence a local party system. However, there is little research on effect of social characteristics of electorate on local party system formation and shaping. Based on data analysis of national and local elections results, the transformation of local government was examined. Local elections results were characterized as different from national elections results due to specifics of dynamics and changing geography. In order

* **Zueva Polina**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: pezueva@edu.hse.ru

to classify municipalities based on ethnosocial characteristics, the cluster analysis was used. To investigate the effect of ethnosocial factors on voting the author used ecological approach. Results show local party systems can be based on social-economic, ethnoreligious characteristics of the borough population. Boroughs characterized as a mostly white and economically stable tend to pay attention to local issues more than others. Immigrant boroughs tend to the left. An uprise of local political systems was investigated in London basing on change in voter preferences with the shift from main national parties to smaller ones.

Keywords: local party systems; local government; municipal elections; London boroughs; cluster analyses; ecological approach.

For citation: Zueva P.E. The formation of local party systems in London boroughs. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 284–308. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.11>

References

- Abrajano M.A., Nagler J., Alvarez R.M. A natural experiment of race-based and issue voting: the 2001 city of Los Angeles elections. *Political research quarterly*. 2005, Vol. 58, N 2, P. 203–218.
- Aroney N. *Types of federalism*. In: Max Planck Encyclopedia of Comparative Constitutional Law. 2016. Mode of access: <https://oxcon.ouplaw.com/display/10.1093/law-mpeccol/law-mpeccol-e294?prd=MPECCOL> (accessed: 17.12.2023).
- Ayşe Ç., Schiller N.G. *Migrants and city-making: Multiscalar perspectives on dispossession*. Durham: Duke university press, 2018, 296 p.
- Bornschier S., Häusermann S., Zollinger D., Colombo C. Identity formation between structure and agency—how ‘us’ and ‘them’ relates to voting behavior in contexts of electoral realignment. *Comparative political studies*. 2021, Vol. 54, N 12. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414021997504>
- Caramani D. *The nationalization of politics: the formation of national electorates and party systems in Western Europe*. Cambridge: Cambridge university press, 2004, 347 p.
- Dahl R.A. The city in the future of democracy. *The American political science review*. 1967, Vol. 61, N 4, P. 953–970.
- Dodeigne J., Close C., Teuber F. Nationalisation of local party systems in Belgium (1976–2018): the combined effects of municipality size and parliamentary parties’ dominance. *Local government studies*. 2021, N 47 (1), P. 100–125.
- Ford R., Jennings W. The changing cleavage politics of Western Europe. *Annual review of political science*. 2020, N 23 (1), P. 295–314.
- Hooghe L., Marks G. Cleavage theory meets Europe’s crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage. *Journal of European public policy*. 2018, N 25 (1), P. 109–135.
- Johnston R.J. Local effects in voting at a local election. *Annals of the association of American geographers*. 1974, N 3, Vol. 64, P. 418–429.
- Kjaer U., Elklit J. Local party system nationalisation: does municipal size matter? *Local government studies*. 2010, N 36 (3), P. 425–444.

- Kriesi H., Grande, E., Lachat R., Dolezal M., Bornschieer S., Frey T. Globalization and the transformation of the national political space: six European countries compared. *European journal of political research*. 2006, N 45, P. 921–956.
- Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. *The People's choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign*. New York: Columbia University press, 1948, 178 p.
- Liborakina M. Local self-government: foreign experience. *Politeia*. 2003, N 4, P. 225–237. (In Russ.)
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments. an introduction. In: *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York: Free press, 1967, P. 1–64.
- Newton K. Is small really so beautiful? Is big really so ugly? Size, effectiveness, and democracy in local government. *Political studies*. 1982, N 30 (2), P. 190–206.
- Rashkova E. Changing representation: the vote of non-citizen immigrant residents in their new homeland. *Politics of the low countries*. 2022, N 4 (2), P. 213–225.
- Reif K., Schmitt H. Nine second-order national elections. A conceptual framework for the analysis of European election results. *European journal of political research*. 1980, N 8, P. 3–44.

Литература на русском языке

- Либоракина М.И. Зарубежный опыт организации местного самоуправления // Полития: анализ, хроника, прогноз. – 2003. – № 4. – С. 225–237.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А.Е. ЛЮБАРЕВ*

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ В ШИРОКОМ И УЗКОМ ПОНИМАНИИ

Рец. на кн.: Окунев И.Ю. Электоральная география. –
М.: Аспект Пресс, 2023. – 312 с.

Для цитирования: Любарев А.Е. Электоральная география в широком и узком понимании (Рецензия) // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 309–315. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.12>

Понятие «электоральная география» давно стало привычным в нашей стране. Большое число регионов, их географическое, этническое и историческое разнообразие отражается и в специфике электорального поведения их жителей. Достаточно заметны и внутрирегиональные различия в итогах голосований [Любарев, 2019; Туровский, 2012].

Немаловажное значение имеет и тот факт, что именно географы стали первыми исследователями выборов, которые можно было назвать выборами: по итогам голосования на выборах народных депутатов СССР 1989 г. сотрудники Института географии АН СССР

* Любарев Аркадий Ефимович, кандидат юридических наук, независимый исследователь (Москва, Россия), e-mail: lyubarev@yandex.ru

© Любарев А.Е., 2024

DOI: [10.31249/poln/2024.01.12](http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.12)

выпустили книгу «Весна-89» [Весна-89..., 1990], которая стала первым опытом анализа российских (и постсоветских) выборов. Политология в тот момент в стране еще не сформировалась.

В учебном пособии Р.Ф. Туrowsкого «Политическая география» [Туrowsкий, 1999] об электоральной географии говорится: «В ее основе лежит *исследование политико-географической дифференциации территории через анализ различий в политических ориентациях населения*. Определить эти различия можно с помощью *сравнительного анализа результатов голосований в территориальном разрезе*, который и является *основным методом* электоральной географии».

И далее: «Вслед за новозеландским географом *А. Макфэйлом* в рамках электоральной географии можно выделить три основных направления: а) *география голосований*; б) *исследование географических факторов, влияющих на голосования*; в) *география представительства*».

Однако, несмотря на большое число работ в этой области, до сих пор на русском языке не появлялось монографий и учебников, посвященных собственно электоральной географии. И вот первая книга такого рода – монография, написанная скорее как учебник [Окунев, 2023].

Сразу следует сказать, что автор книги рассматривает электоральную географию в более широком контексте, чем это принято считать и отражено в цитированном выше определении. В его понимании «*электоральная география – это наука о пространственном измерении электорального процесса*». Пространство же в книге рассматривается трех типов – физическое (абсолютное), формальное (относительное) и перцептивное (когнитивное).

Такая трактовка позволяет относить к электоральной географии направления, которые обычно считаются чисто политологическими. Например, глава 4 обсуждаемой книги посвящена пространственным моделям голосования. В ней обсуждаются модели Хотеллинга – Даунса, Энелоу – Хинича, Гранберга – Брауна, Рабиновича – Макдональда. Во всех этих случаях речь идет о перцептивном пространстве, то есть о степени близости политических взглядов кандидатов и избирателей.

В большей степени к географическому направлению можно отнести эффекты соседства (предпочтительное голосование за кан-

дидатов, живущих близко), обсуждаемые в разделах 5.1 и 5.2 книги. Здесь речь идет об относительном пространстве.

В целом книга уделяет достаточно большое внимание политологическим вопросам. Автор стремился дать студентам и исследователям, изучающим электоральную географию, представления об общих закономерностях общественного (коллективного) выбора. Поэтому в главе 2 он обсуждает теорию общественного выбора (включая парадоксы Кондорсе и Эрроу), достаточно подробно описывает различные избирательные системы, в том числе методы распределения мандатов. В главе 3 дается представление о политических партиях, в том числе об их идеологическом спектре, о теории размежеваний Липсета – Роккана.

С точки зрения описания избирательных систем книга содержит богатую информацию. Конечно, она уступает в подробности соответствующей книге автора рецензии [Любарев, 2016], однако содержит таблицы и карты, информирующие о распространенности в мире различных избирательных систем. Кроме того, в ней есть информация о некоторых экзотических системах, таких как система смешанного большинства (когда избранным считается кандидат, получивший не 50, а 40–45%), система очков (система Борда), система условного вотума, система фиксированной пропорции, дается классификация смешанных избирательных систем.

В разделе 2.10 автор пытается оценить *географический фаворитизм избирательных систем*. Ранее этот материал был опубликован им в статье [Окунев, 2022]. Речь идет о том, что мажоритарные и полупропорциональные системы искажают представительство, приводят к тому, что часть голосов оказываются потерянными или избыточными. Это делает результаты выборов зависимыми от нарезки территории на избирательные округа.

Далее автор дает нам таблицу, где основные избирательные системы ранжированы по уровню географического фаворитизма от очень низкого до очень высокого. В следующей таблице показано, какие элементы и свойства избирательных систем усиливают или ослабляют географический фаворитизм. Далее приводятся восемь индексов диспропорциональности, и на основе двух из них (Лейпхарта и Галлахера) автор предлагает индексы географического фаворитизма (отмечая, что для специфических задач исследования можно использовать и другие индексы). По его мнению, индекс

географического фаворитизма необходим для сравнительного электорально-географического исследования.

Этот раздел вызывает много вопросов. Казалось бы, следует сначала определить количественные показатели, а затем на их основе ранжировать избирательные системы. Автор не поясняет, на основе каких данных он составил обе таблицы; скорее всего, он использовал интуитивные представления. Не вызывает сомнений, что мажоритарные системы характеризуются высоким уровнем географического фаворитизма, а пропорциональные системы с единым округом – низким. Однако уже ответ на вопрос о том, у какой системы выше данный уровень – у системы относительного или абсолютного большинства – не столь очевиден. Или, скажем, вызывает сомнение отнесение к одному уровню блоковой системы (сильно ограничивающей возможности меньшинств) и системы единого непередаваемого голоса (призванной защищать права меньшинств).

Еще больше сомнений в данных таблицы, характеризующей влияние элементов и свойств избирательных систем. Почему ограниченность вотума, низкий электоральный барьер и открытые списки усиливают географический фаворитизм, а неограниченность вотума, высокий электоральный барьер и закрытые списки – ослабляют?

Есть вопросы и по поводу предлагаемых индексов. Каждый из них представляет сумму соответствующего индекса диспропорциональности по округам, деленную на число округов, то есть индексы диспропорциональности в отдельных округах просто усредняются. Можно усомниться, что такое усреднение даст адекватную оценку в целом по стране, которая покажет, насколько общая доля мандатов у партии соответствует доле полученных ею голосов.

Тем не менее сама постановка проблемы оценки географического фаворитизма выглядит перспективной, и в этом направлении стоит продолжить исследования.

Интересным и полезным является раздел 1.2, где автор прослеживает этапы развития электоральной географии. После достаточно подробного экскурса в историю развития зарубежной науки идет перечисление работ российских исследователей. Приводится более 50 фамилий российских авторов (со ссылками на их работы), среди которых как известные политические географы (В.А. Колосов, Л.В. Смирнягин и др.), а также политические географы, эволюционировавшие в сторону политологии (Р.Ф. Туровский и др.), так и ученые,

считающиеся «классическими» политологами (А.С. Ахременко, В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Н.В. Гришин, Ю.Г. Коргунюк, А.В. Кынев, Б.И. Макаренко, Е.Ю. Мелешкина, П.В. Панов и др.) и даже известные политтехнологи (И.Е. Минтусов, Е.Н. Минченко).

Тем не менее в тексте книги почти ничего нет о России, большая часть примеров берется из работ, посвященных зарубежным выборам. Впрочем, ссылки на работы российских исследователей встречаются в «теоретических» главах 2–4, например, на публикации Г.В. Голосова о типологии партийных систем и эффективном числе партий, А.Ю. Зимоха и Р.Ф. Туровского о национализации и регионализации партийных систем, А.С. Ахременко о моделях голосования. Исключением можно считать карту голосований за В.В. Путина на президентских выборах 2000 г., помещенную в конце главы 5. Но, скажем, в главе 6, посвященной пространственному анализу в электоральной географии, все примеры касаются США.

Это может быть связано, с одной стороны, со специализацией автора книги как международного (он сотрудник МГИМО). С другой стороны, вероятно, среди российских исследований не так много таких, в которых используется современный математический аппарат, описанный в главе 6. Возможно, играет роль и то обстоятельство, что анализ российских выборов неизбежно влечет политические оценки, которых автор книги хотел бы избежать. Нелишне будет отметить, что среди упомянутых им российских исследователей двое в последнее время оказались в реестре иностранных агентов.

Главы 5 и 6 в наибольшей степени относятся к традиционной сфере электоральной географии и, на мой взгляд, наиболее интересны. Разделы 5.1 и 5.2 посвящены скалярным и векторным эффектам соседства. В разделах 5.3–5.6 речь идет о географии представительства. Сначала (раздел 5.3) обсуждаются общие вопросы искажения территориального представительства и вводится «индекс плохого представительства». В следующем разделе (5.4) говорится о джерримендеринге – сознательном манипулировании границами избирательных округов. Раздел 5.5 посвящен индексу «разрыва эффективности» – одному из самых простых индикаторов степени манипуляции, предложенном в 2014 г. Наконец, в разделе 5.6 обсуждаются методы оценки компактности избирательного округа.

Шестая глава посвящена современным методам пространственного анализа электоральных данных. Это составление электорально-географических карт (раздел 6.1), разведочный анализ данных (оценка распределения электоральных данных, обнаружение отклонений и аномалий, проверка зависимости между отдельными переменными; раздел 6.2), общие представления о разведочном пространственном анализе данных (раздел 6.3) и его конкретизация – центрография (раздел 6.4), построение матриц пространственных весов соседства (раздел 6.5), вычисление пространственного лага (раздел 6.6), методы пространственной автокорреляции – глобальной (раздел 6.7), локальной (раздел 6.8), пространственно-временной (раздел 6.9), пространственной регрессии (раздел 6.10).

В целом книга И.Ю. Окунева представляет несомненный интерес для политических географов и политологов, изучающих электоральные процессы в России и других странах.

A.E. Lyubarev*

Electoral geography in a broad and narrow sense (Review)

For citation: Lyubarev A.E. Electoral geography in a broad and narrow sense (Review). *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 309–315. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.12>

References

- Kolossov V.A., Petrov N.V., Smirnyagin L.V. (eds). *Spring-89: Geography and anatomy of parliamentary elections*. Moscow: Progress, 1990, 382 p. (In Russ.)
- Lyubarev A.E. *Electoral systems: Russian and world experience*. Moscow: New Literary Review, 2016, 632 p. (In Russ.)
- Lyubarev A.E. Intraregional differences of electoral indices during the Elections in Russia in 1995–2018. *Electoral politics*, 2019, N 1, P. 3. (In Russ.)
- Okunev I.Yu. Geographical favouritism of parties and electoral systems. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 90–106. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.04> (In Russ.)
- Okunev I.Yu. *Electoral Geography*. Moscow: Aspect Press, 2023, 312 p. (In Russ.)

* **Lyubarev Arkady**, independent researcher (Moscow, Russia), e-mail: lyubarev@yandex.ru

- Turovsky R.F. *Political Geography. Study guide*. Smolensk: SSU, 1999, 381 p. (In Russ.)
- Turovsky R.F. Russia's Electoral Space: from Imposed Nationalization to New Regionalization? *Politeia*, 2012, N 3 (66), P. 100–120. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Весна-89: география и анатомия парламентских выборов / под ред. В.А. Колосова, Н.В. Петрова и Л.В. Смирнягина. – М.: Прогресс, 1990. – 382 с.
- Любарев А.Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 632 с.
- Любарев А.Е. Внутрирегиональные различия электоральных показателей на российских выборах 1995–2018 гг. // Электоральная политика. – 2019. – № 1. – Режим доступа: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/vnutriiregionalnye-razlichia-elektoralnykh-pokazatelei-na-rossiiskikh-vyborakh-1995-2018-gg/> (дата посещения: 09.11.2023).
- Окунев И.Ю. Географический фаворитизм партий и избирательных систем // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 90–106. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.04>
- Окунев И.Ю. Электоральная география. – М.: Аспект Пресс, 2023. – 312 с.
- Туровский Р.Ф. Политическая география. Учебное пособие. – Смоленск: СГУ, 1999. – 381 с.
- Туровский Р.Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // Полития. – 2012. – № 3 (66). – С. 100–120.

В.Н. ЕФРЕМОВА*

**КОГДА ЭТНИЧНОСТЬ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ:
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИКИ
ИДЕНТИЧНОСТИ РЕСПУБЛИК РФ**

Рец. на кн.: Назукина М.В. Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации. – М.: Новый Хронограф, 2021. – 176 с.

Для цитирования: Ефремова В.Н. Когда этничность имеет значение: исследование политики идентичности республик РФ (Рецензия) // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 316–325. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.13>

Политические аспекты идентичности – одна из тем, на которую пришелся бум исследовательского интереса в российской политической науке во втором десятилетии текущего столетия. С тех пор было проведено немало изысканий в области публичной политики, по большей части в конструктивистском ключе, касающихся различных проявлений идентичности. Ученые из смежных дисциплин (историки, политологи, филологи, археологи, социологи) весьма плодотворно задавались вопросами: «Кто мы?», «Что отличает нас от других?». На этой волне в 2009 г. на Конгрессе Российской ассоциации политической науки было создано специализированное исследовательского сообщество – Экспертная сеть по

* **Ефремова Валентина Николаевна**, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: efremova-valentina@mail.ru

исследованию идентичности¹. М.В. Назукина – координатор этой экспертной сети.

Монография «Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации» вышла в свет в конце 2021 г. [Назукина, 2021], незадолго до событий февраля 2022 г. Однако во многом ее положения сегодня позволяют зафиксировать важные изменения в политике идентичности субъектов, которые проходят непростой этап «проверки на прочность». Текущий кризис, связанный с противостоянием России «коллективному Западу», с точки зрения социально-экономических аспектов является внутривнутриполитическим, а значит, оказывает влияние на самочувствие регионов. О том, что этнические различия имеют значение при обострении конфликтности в условиях нестабильности и в то же время составляют условие стабильности и развития страны, неоднократно подчеркивал академик В.А. Тишков (см.: [Тишков, 2008]).

Монография М.В. Назукиной представляет собой результаты многолетнего труда, в основу которого легли не только теоретические изыскания автора, но и серия глубинных интервью, где информантами выступали более ста представителей региональных политических элит. Этот аспект заслуживает особого уважения. Искусно владея исследовательским инструментарием, автор показывает особенности проявления этничности в региональной политике республик Российской Федерации. Это помогает ей решить главную задачу – определить содержание и специфику институционализации этничности, выделяя ее структуру и уровни на конкретных примерах, что делает исследование богатым и интересным.

Опираясь на широкий массив существующих зарубежных и отечественных исследований, М.В. Назукина интерпретирует политику идентичности через призму доминирования и рассматривает ее как «политический курс, направленный на конструирование границ сообщества, символизацию групповой идентичности и образа “мы-они”» (с. 16). Не включаясь в полемику относительно природы этничности, М.В. Назукина напоминает о существовании символических границ, разграничивающих этнические сообщества. Этническая идентичность, как подчеркивает автор, не является

¹ Сеть по исследованию идентичности // Экспертная сеть по исследованию идентичности. – Режим доступа: <http://identityworld.ru> (дата посещения: 01.07.2023).

жестким понятием, а рассматривается как «воображаемая общность» и связана с процессами личной самоидентификации. Она, как и любая другая идентичность, поддается конструированию через различные практики, социализацию, принятие существующих различий в обществе. Маркеры этничности позволяют говорить о включении / невключении группы в политику идентичности. Под такими маркерами в монографии понимаются «общие идентифицирующие основания межличностной коммуникации, которые иногда называют “материализованными” проекциями этничности, создающими образ “мы-сообщества”» (с. 17). Автор напоминает, что к ним принято относить территорию, язык, конфессию, социальные институты, бытовую культуру и общую историческую память. Обращаясь к Ф. Барту, М.В. Назукина говорит о существовании «двух уровней содержания этнических дихотомий» – визуальные отличия и фундаментальные ценностные ориентации. Автор в дальнейшем развивает эту мысль и предлагает собственную модель маркеров институционализации этничности (с. 23).

Рассуждая об институционализации идентичности, М.В. Назукина подчеркивает, что групповые этнические различия закрепляются не только через формальные институты (например, представительство этнических групп в государственных учреждениях для обеспечения и демонстрации этнической принадлежности), как это принято рассматривать большинством исследователей, но и «тогда, когда в отношении этнических групп вводятся определенные преференции» (с. 19). Это утверждение справедливо в отношении групп индивидов. В этом случае закрепление идентичности может происходить через фиксацию различий в определенных институтах. Здесь примером может служить модель power-sharing А. Лейпхарта, которая «означает участие представителей всех значимых групп в принятии политических решений, особенно на правительственном уровне» [Lijphart, 2002, p. 39]. Другим примером М.В. Назукина называет этнические региональные автономии (ЭРА) как «политический институт, который позволяет координировать многообразные интересы и поддерживать баланс в межнациональных отношениях» (с. 19).

Обращаясь к теории социального конструктивизма, М.В. Назукина поднимает вопрос о том, как этничность приобретает значение для определенной группы. Следуя конструктивистской логике, процесс институционализации предполагает регулярные и повто-

ряющиеся социальные взаимодействия между членами группы. Для выработки высокой степени устойчивости идентичности подчеркивается необходимость существования некой «производящей» группы индивидов, которая «обладала общими представлениями, когнитивными схемами, неким “фоновым знанием”, благодаря которому у членов группы возникают взаимные ожидания относительно поведения друг друга» (с. 20). Определяющее значение в процессе институционализации этничности играет «политика государства, которое транслирует дискурсы, создавая устойчивые во времени смыслы, становящиеся основой конструирования региональной и даже национальной идентичности» (с. 21). Институционализация идентичности фактически означает ее формализацию, структуризацию, упорядочивание оснований. В конечном счете данный процесс помогает решить возникающие противоречия. М.В. Назукина делает важное, но не всегда очевидное замечание: сама по себе этническая идентичность может определяться разными агентами и принимать разные формы. Она подчеркивает, что важную роль оказывает политика государства, однако значение этничности может определяться такими агентами, как общественные организации, экспертные сообщества, общественные объединения (с. 21). В этой связи значение приобретают маркеры идентичности, с помощью которых можно фиксировать включение / невключение этнического в политику идентичности.

Автор выделяет три уровня политики идентичности, на которых происходит институционализация маркеров: нормативно-институциональный, нарративно-мифологический и символический. Нормативная институционализация, как отмечает М.В. Назукина, связана «с фиксированием укоренения этничности в системе формальных и неформальных институтов республики, в том числе и на нормативном уровне» (с. 24). К ее проявлению можно отнести существование квот в региональные легислатуры, закрепление языковых предпочтений (статуса языка «титulyной группы»). К символическому измерению институционализации этничности в политике идентичности автор относит «инкорпорирование этнических маркеров в символические атрибуты сообщества, топонимику и онимы (наименования), культурный ландшафт, монументы, памятники, разнообразные ритуальные практики (например, празднование значимых дат) и др.» (с. 27). Нормативно-мифологическая институционализация хоть и связана с символическими проявле-

ниями, но прежде всего направлена «на передачу исторической памяти сообщества» (с. 28). Она касается памяти сообщества, репрезентации прошлого. Нормативно-мифологическая репрезентация, по мысли М.В. Назукиной, нередко приобретает вид мифологии и идеологем, которые раскрывают суть «мы-сообщества». История и роль сообщества осмысливаются через мифы об общей исторической судьбе членов этой общности, мифы об автохтонности. Здесь автор приводит в пример миф о единстве адыгов-черкесов, представление о единой черкесской нации. В российских республиках этот уровень очень часто включает религию как маркер этничности: «Конфессиональные особенности и местные верования создают основу для ценностных норм, визуализируются в общественно-политических практиках через маркирование религиозной специфики (символику и нарративы)» (с. 29). Особое символическое значение приобретают места памяти, а также региональные праздники.

Выстраивая исследовательскую модель, М.В. Назукина переходит к эмпирической части и подробно затрагивает нормативные аспекты институционализации этничности в политике идентичности республик РФ. Автор монографии демонстрирует, что нормативно этничность проявляется в разной степени. Объединяющим фактом является закрепление титульного языка в региональном законодательстве (исключением является только карельский язык), присутствие этнического компонента в системе административно-территориального устройства республик. Каждая национальная республика РФ закрепляет в своем законодательстве статус этнических групп, в большей части в контексте сохранения культуры, традиций и самобытности народа. Как показал автор, среди других республик в вопросе нормативной институционализации этничности выделяется Татарстан. Здесь не только глава республики именуется (на момент проведения исследования) «Президент» (сохранение наименования в таком ключе вопреки требованию законодательства на федеральном уровне называли «компромиссом»), но и самопозиционирование по маркеру этничности используется политическими элитами в стратегиях мобилизации (с. 50). В качестве примера автор приводит призывы первого президента Татарстана М. Шаймиева к участию во Всероссийской переписи населения, прошедшей в 2021 г., а также спикера Государственного

совета республики Ф. Мухаметшина – с указанием национальной принадлежности «татарин».

Этничность является одним из маркеров распределения ключевых административно-управленческих позиций в республиках. Высшие должности занимают представители «титulyной нации». Как отмечает М.В. Назукина, во многих республиках действует принцип этнического «квотирования» при распределении властных полномочий. Так, практика негласных договоренностей внутри элитных групп существует в Кабардино-Балкарии. Подобная практика сложилась в Карачаево-Черкесии, где предполагается, «что главой республики должен быть именно карачаевец, русский занимает пост председателя парламента, а должность главы правительства “резервируется” за представителем черкесов» (с. 55). Напротив, в Республике Алтай позиция высшего должностного лица устойчиво отведена русскому, а «второстепенную» позицию (председатель парламента) обычно занимает представитель «титulyной» национальности. В Бурятии, где русские составляют большинство населения и долгое время занимали высшие должностные позиции, с 2017 г. произошла рокировка: А. Цыденов (губернатор-«варяг», но с бурятскими корнями) назначен на должность главы республики, А. Павлов стал председателем Народного Хурала. В то же время, по замечанию автора монографии, существуют примеры республик, где не сложилось устойчивых практик распределения полномочий согласно этнической принадлежности, как, например, в Мордовии. Однако здесь национальность оказывает влияние на формирование депутатского корпуса.

Вторая часть монографии позволяет погрузиться в разнообразие символических практик, используемых в республиках в институционализации этничности. М.В. Назукина сравнивает на предмет выражения идентичности не только визуальные символы (гербы, флаги), но и нейминг. В ряде случаев именно притязания на монопольное право на использование этнонимов в названии регионов порождает символическую борьбу между элитами. Автор приводит пример Северной Осетии, где после утверждения проекта новой конституции 1994 г. был добавлен к официальному названию этноним «Алания», позволяющий претендовать на традиции и обширные территории средневекового государства. Соседние субъекты: Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, а также Южная Осетия – тем не менее также предъявляют претензии на имя «Алания».

Отдельная часть четвертой главы посвящена анализу инструментов и стратегий политики идентичности, с помощью которых создаются символические маркеры и конструируются культурные границы. Речь идет о выборе символов и брендов регионов, имен значимых культурных героев, подбор кандидатур для переименования административных зданий и общественных мест (например, аэропортов Горно-Алтайска, Уфы, Крыма) или изображений на значимой визитной карточке (например, новой денежной банкноте). К слову, упоминая о роли денежных банкнот, М.В. Назукина, однако, не иллюстрирует это примерами из республиканских практик. Хотя известно, какой резонанс произвела новая денежная банкнота номиналом 100 рублей, выпущенная в 2015 г. и посвященная Республике Крым. На ней изображены Памятник затопленным кораблям в Севастополе, сюжет картины Ивана Айвазовского «Русская эскадра на севастопольском рейде», Ханская мечеть, дворец-резиденция крымских ханов в Бахчисарае и портрета императрицы Екатерины II.

Брендинг в работе рассматривается как некая философия и идея, «сплачивающие сообщество и определяющих его идентичность. Таким образом, в брендинге укореняется региональная идентичность» (с. 86). Поиски собственных брендов, как отмечает М.В. Назукина, осуществляются во всех республиках. В большинстве случаев они связаны с продвижением на рынке местных продуктов питания, однако известны случаи «культурных» брендов (например, туристский бренд-логотип TERRA BASHKIRIA и слоган «Душа Урала. Сердце Евразии»).

Анализируя праздничные календари республик, М.В. Назукина отмечает их тесную связь с этноконфессиональной спецификой. Даже беглый взгляд на региональные праздники обнаруживает существенные различия в основаниях для их учреждения и статусе (государственные, народные, светские, дни памяти). Подавляющее большинство праздников является отражением культурных традиций. Автор достаточно емко описывает то, как региональные праздники становятся инструментами символической борьбы в процессе институционализации этничности. Особого внимания заслуживает пример Чеченской Республики, где были задействованы разные символические стратегии: от переименования Дня независимости Чеченской Республики в День Чеченской Республики (4 сентября) до появления Дня мира (16 апреля), Дня восстановления чеченского

народа (9 января), Дня памяти и скорби в Чеченской Республике (23 февраля).

Дискурсивный анализ поздравительных текстов главных дней субъектов (День республики) позволяет сделать автору «вывод о присутствии мотива межэтнического мира, согласия и единства народов, проживающих на территории республики» (с. 105).

Особый интерес представляет шестая глава, посвященная нарративно-мифологическому уровню институционализации этнокомпонента. М.В. Назукина анализирует наиболее распространенные мифы республик, в которых находит проявление этничность. Первый – это *миф об особом «народе» региона*. «В смысловом ядре данного мифа лежит представление об особом национальном характере / менталитете жителей территории. Подобный тип мифов встречается не только в этнических регионах, хотя в республиках он приобретает особый аспект, в котором наполнение ценностного ядра и объяснение типического поведения увязывается с особенностями титульного населения региона» (с. 107), – отмечает автор. Далее она на примерах красочно демонстрирует то, как оживают региональные мифы (отметим мифы об особом характере тувинцев, якутов, чеченцев, удмуртов). Второй миф – это *миф об «особом» региональном государстве* или опыте государственности республик (Тыва, Алтай, Якутия). Отдельное место в региональной мифологии занимают *мифы «единения» с Россией*: «Выражается она через празднование юбилеев “вхождения” в Россию, актуализирующих дискурсы опыта собственной автономности, единения народов, единения с государством» (с. 118).

Вместе с тем представляется, что каждое из намеченных направлений в эмпирической части можно развить до полноценного сравнительного исследования. Автор нередко вскользь упоминает о значимых региональных датах, символах или брендах, не раскрывая их суть, или же отдает предпочтение отдельным кейсам. Конечно, использование маркеров этничности от субъекта к субъекту происходит в разной степени и связаны с традициями, обычаями и культурно-психологическими особенностями этносов. Хотелось бы в будущем увидеть более детальный анализ символических аспектов использования этничности разными политическими акторами. Кроме того, на наш взгляд, не до конца раскрыты социально-экономические эффекты брендинга территорий с учетом

этнического компонента. Все это, однако, не умаляет общей значимости работы.

Подводя итог, следует отметить, что монография М.В. Назукиной представляет собой интересный, красочный и доступный материал. Несомненно, ее сильная сторона – это предложенная аналитическая модель. Авторский подход фокусируется на дискурсивном измерении и позволяет систематизировать то, как проявляются маркеры этничности, как происходит их использование. Следует, безусловно, отметить колоссальную эмпирическую насыщенность текста, изобилующего примерами институционализации этничности в разрезе каждой из республик РФ. Надо согласиться, что во всех республиках РФ титульный этнос и связанные с ним феномены становятся важнейшими атрибутами региональной идентичности.

V.N. Efremova*

**When ethnicity matters: A study of the identity politics
of the Russians republics (Review)**

For citation: Efremova V.N. When ethnicity matters: A study of the identity politics of the Russians republics (Review). *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 316–325. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.13>

References

- Lijphart A. The wave of power-sharing democracy. In: Reynolds A. (ed.). *The architecture of democracy: constitutional design, conflict management, and democracy*. Oxford: Oxford univ. press, 2002, P. 37–54.
- Nazukina M.V. *Ethnicity in the identity policy of the Russian republics: facets of institutionalization*. Moscow: Novy Cronograf, 2021, 176 p. (In Russ.)
- Tishkov V.A. *Ethnic and religious diversity as the basis for the stability and development of russian society: articles and interviews*. Moscow: Moscow Bureau for Human Rights, «Academia», 2008, 84 p. (In Russ.)

* **Efremova Valentina**, Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (INION) (Moscow, Russia), e-mail: efremova-valentina@mail.ru

Литература на русском языке

Назукина М.В. Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации. – М.: Новый Хронограф, 2021. – 176 с.

Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: статьи и интервью. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – 84 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

2024 № 1

В журнале представлены результаты научных исследований, в том числе дискуссионного характера, поэтому их содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

**Адрес редколлегии:
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka1997@gmail.com**

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

Подписано к печати 27 / II – 2024 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,8 Уч.-изд. л. 17,8
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 238

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418**

**Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7(925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У